За своё в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.

А. Твардовский.

Г.Л. ВЫГОДСКАЯ Т.М. ЛИФАНОВА

ЛЕВ СЕМЕНОВИЧ ВЫГОТСКИЙ

ЖИЗНЬ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ШТРИХИ

К ПОРТРЕТУ

Москва- 1996

ББК 88
В 92

УДК 159.9

Книга издана при содействии
профессора Бернара Шневли (Женева)

Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М.
В 92 **Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету.** — М.: Смысл, 1996. — 424 с, 57 ил.

ISBN 5-85494-031-0 («Смысл»)
ISBN 5-7695-0003-4 («Академия»)

ББК 88

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Я с огромным интересом и вниманием практически в один присест прочел книгу Г.Л. Выгодской и Т.М. Лифановой о Л.С. Выготском. И хотя мне самому и вместе с В.В. Давыдовым не раз приходилось писать о его научном наследии, эта книга навела меня на некоторые размышления, которыми хотелось бы поделиться, прежде чем представлять читателям авторов этой книги и мои впечатления о ней самой.

Мы, как обычно, опаздываем. Во многих странах выходят книги и статьи о Л.С. Выготском, проводятся международные и национальные конференции, посвященные его учению и памяти, его называют Моцартом в психологии, гением, а мы все медлим или стесняемся. Между тем культурно-историческая теория сознания, развитая Л.С. Выготским, нужна нам как воздух. Обращу внимание на ключевые понятия теории Л.С. Выготского: «культура», «история», «сознание». Если бы мы не обращались варварски со скрывающейся за этими понятиями реальностью, то не имели бы тех проблем, перед которыми в растерянности стоим сегодня. Это, разумеется, не означает, что проблемы исчезли бы вовсе. Но тогда бы они стояли перед нами, а не мы перед ними.

После катастрофы, произошедшей с русской культурой в 1917 г., на фоне событий в стране в 20-30 гг., создание теории Л.С. Выготского было чудом, как и создание теории диалогизма сознания М.М. Бахтиным, теории построения движений Н.А. Бернштейном. Создание культурно-исторической теории сознания, несомненно, произошло по инерции серебряного века русской культуры. Хотя на ней, конечно же, лежит печать искреннего, на первых порах даже восторженного, принятия революции. В этом Л.С. Выготский был, видимо, одним из последних психологов, кто не хотел получить марксистскую психологию «на дармовщинку», скроив пару удобных цитат. Теория Л.С. Выготского не потеряла своего значения и после обвала коммунистической идеологии в 1991 г. Он был и остается явлением в мировой психологии, а не только в так называемой советской. Правда, в оценках многих направлений в психологии он был суров и не всегда справедлив, что вызывалось не столько идеологическими мотивами, сколько его естественной страстностью и пристрастностью в науке. Не случайно, Л.С. Выготский был практически единственным

оппонентом великого женевского психолога Жана Пиаже, который удостоился развернутого ответа на критику. В ответах остальным критикам Ж.Пиаже был краток: «согласен».

Л.С. Выготский до конца своих дней оставался внутренне свободным ученым, обладавшим подлинно научным темпераментом, щедро разбрасывавшим свои идеи, а порой и оценки, в том числе и личностные. Л.С. Выготскому было присуще, если можно так выразиться, сознание ответственности, чувство хозяина в науке, а не хозяйчика-администратора от науки, каких было довольно много в советской психологии и какие не исчезают и в наши дни. По своему темпераменту он был лидером, хотя и без кресла, без ходуль, без пьедестала, лидером, никогда не занимавшим сколько-нибудь заметного административного поста в науке. Он говорил своим ученикам: «Кто идет за кем-то, тот всегда остается позади».

Л.С. Выготский — это целая эпоха отечественной психологии, эпоха не потому, что его учение «всесильно, потому что оно верно», а потому, что оно интеллигентно, культурно, исторично, а следовательно, всегда современно и интересно. Сейчас многие современники Л.С. Выготского забыты (часто незаслуженно), а его имя многие десятилетия не сходит со страниц научной печати. И это несмотря на длительный запрет на издание его трудов и даже на упоминание его имени в печати. Объяснить это можно тем, что Л.С. Выготскому удалось создать научную школу, и его ученики и последователи долгие годы передавали его идеи изустно. И хотя ориентация у некоторых даже еще до его кончины изменилась, всецело освободиться от влияния его теории кто-то из них не сумел, а большинство не захотело. В своих публикациях и те и другие вынуждены были излагать его идеи без необходимых ссылок. Слова становились «народными». Но так или иначе происходила конкретизация, операционализация, а проще — развитие многих фундаментальных положений теории. Это делали на разном материале В.В. Давыдов, А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Д.Б. Эльконин, многие дефектологи. Происходила и трансформация, а порой и деформация его теории.

Если пользоваться уже выходящим из моды термином «парадигма», то некоторые последователи Л.С. Выготского сменили парадигму сознания и деятельности (может быть, точнее ее обозначить как парадигму сознания и действия) на парадигму деятельности. Сейчас трудно сказать, произошло это сознательно или бессознательно, но в любом случае это было вызвано внешними обстоятельствами, если к числу таковых может быть отнесена жизнь при тоталитарном режиме. Для

последнего категорически противопоказано изучение сознания как такового. Оно вытесняется идеологией, даже сам термин «сознание» заменяется терминами «сознательность», «мировоззрение», «идея», «идеал» и т. п. Если же термин «сознание» сохраняется, то ему обязательно предшествуют эпитеты: «коммунистическое», «диалектико-материалистическое», «мелкобуржуазное», «обывательское», а то и простодушные — «наше» или «чуждое», «хорошее» или «плохое». Что же касается термина «деятельность», то тоталитарные режимы легко мирятся с ним и даже не препятствуют созданию психологических теорий деятельности, лишь бы они не вторгались в сферу феноменального, в сферу сознания как такового.

Последователи Л.С. Выготского надолго забыли (или сознательно вытеснили), что он различал сознание для бытия и сознание для сознания. Последнее ведь неизбежно поднимается над деятельностью, оно может ее оценить, преодолеть, отказаться от нее, начать строить новую. Оно не только может, но и должно оценить все бытие, всю жизнедеятельность, в которой деятельность осуществляется. Без такой оценки деятельность неминуемо вырождается в полудеятельность, просвещение — в полупросвещение, наука — в полунауку, а жизнь — в существование, в прозябание, что мы и имели на протяжении десятилетий. Лишь сознание, идентифицируемое с идеологией, ставилось над деятельностью, задавало ей желоб, по которому она скатывалась к полудеятельности, к пустому активизму. Интересно, что термин «самодеятельность» использовался преимущественно в коллективистском смысле. Когда же он употреблялся применительно к индивиду, то всегда с оттенком осуждения. Излишне говорить, что столь же свирепым было отношение тоталитарных институтов к исследованиям индивидуальности, личности, к попыткам целостно представить феномен человека, что пытался сделать Л.С. Выготский в контексте своих педологических, отчасти психотехнических исследований.

Длительное бытие теории и трудов Л.С. Выготского не в последнюю очередь объясняется как его несомненной литературной одаренностью, так и свободой, раскованностью его языка. Его искусствоведческая молодость помогала ему «освобождать дух из мрачного, траурного куколя психологии». Эти слова Осипа Мандельштама относятся не только к эпохе, современником которой был Л.С. Выготский. На психологических трудах, созданных после кончины Л.С. Выготского, лежит печать вынужденного цитирования классиков марксизма-ленинизма, «трудов» Лысенко,

учения о высшей нервной деятельности и об условных рефлексах действительно великого И.П. Павлова, даром что это учение имеет весьма отдаленное отношение к психологии. Цитировали и мелких партийных чиновников. Издание двухтомника Л.С. Выготского (1956, 1960) положило начало отрезвлению и освобождению психологии. Мы увидели, как писал Мастер.

Я не собираюсь в кратком вступительном слове анализировать теорию Л.С. Выготского, тем более достаточно бурную, хотя и краткую, эволюцию его взглядов, которой могло бы хватить на несколько научных биографий. Конечно, не все и не всем нравится в научном наследии Л.С. Выготского. Не все сохранило свою былую актуальность, что естественно. Оставлю это на суд историков психологии. Но об одном все же хочется сказать.

Л.С. Выготский в то время, когда рушилась великая культура, взялся за разработку культурно-исторической теории развития психики и сознания. Что это? Наивность? Искренняя вера? Слепота? Тайный замысел? Или, может быть, все проще? Возможно, это нормальная для большого ученого увлеченность наукой, ощущение близкой кончины и лихорадочная (в двух смыслах этого слова, как заметил Ст. Тулмин) работа, чтобы успеть как можно больше. Об этом можно только гадать. Но не следует забывать при этом, что он был проницательным, мудрым человеком. Я не раз слышал от А.В. Запорожца и А.Н. Леонтьева об его способе оценки ситуации: «Плохое положение от хорошего отличается не тем, что из него нет выхода, а тем, что из него нет хорошего выхода». Не в такой ли ситуации мы находимся до сих пор?

Он понимал жизненную ситуацию. Цитируя в конце книги «Мышление и речь» строки Н. Гумилева и О. Мандельштама, он не упоминал авторов, рассчитывая на малограмотность цензуры. Кстати, в последнем издании этой книги О. Мандельштам искажен до неузнаваемости: «но и мысль, не воплотившаяся в слове, остается стигийской тенью» (у поэта — нежностью), «туманом, звоном и сиянием» (у поэта — зиянием). Последняя ошибка — издательская (см.: Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1982. — Т. 2. - С. 360).

Как бы то ни было, но теория случилась, стала фактом в науке. Здесь уместно сказать, что в любой науке в разное время ее развития доминирует либо культурная, либо цивилизационная ее составляющая. Чтобы не ходить далеко за примерами, скажу, что в теории Л.С. Выготского доминировала культурная составляющая, в теории Ж.Пиаже — цивилизаци-

онная. Это вовсе не значит, что одна из них хуже, а другая лучше. Они обе смогли «И в просвещении стать с веком наравне». Мне даже кажется, что обе перейдут в XXI век.

Ж.Пиаже и его последователи достигали высоких уровней операционализации на ряде этапов развития своей теории. Я счел нужным обратить на это внимание, поскольку и теория развития Л.С. Выготского подвергалась разным формам операционализации, правда, не все из них можно отнести к вполне цивилизованным. Имеется разница между тотальным формированием умственных действий с заранее заданными свойствами и формированием теоретического обобщения, а в пределе — теоретического мышления. При этом оба типа операционализации исходят из одного концептуального корня. Разумеется, Л.С. Выготский не несет ответственности за то, как используется его научное наследие. Не буду умножать примеров. Приведу лишь одно принципиальное соображение относительно культурно-исторической теории развития психики и сознания.

Выше шла речь о том, что трудно переоценить значение этой теории. Но все же пора еще раз вернуться к месту и роли культуры в развитии человека. У Л.С. Выготского культура, среда, обстановка выступают в качестве главного, доминирующего источника развития. Собственные, внутренние источники, человеческая самость, обеспечивающая саморазвитие, самосоздание, самодвижение, самоопределение, самостояние человека, остаются в тени. Сейчас мы понимаем, насколько пагубным может быть развитие, идущее по «пути сверху», например от Министерства культуры или Министерства образования. Культура становится агрессивной. Она или впечатывается в головы людей по типу импринтинга, или отвергается индивидом, кстати, за счет действия его самости.

Конечно, Л.С. Выготский, создавая культурно-историческую теорию развития, имел в виду другую культуру и историю. Но еще при его жизни не только «оскудела рука дающего», но и культура становилась другой. Эти замечания — не упрек Л.С. Выготскому, и даже не упрек тем, кто отождествлял строение внешней и внутренней деятельности, хотя и весьма смутно представлял себе строение той и другой. Это и не приглашение совместить «движение снизу» — созревание, с «движением сверху» — обучением. Человеческая сущность, человеческая самость — это не низ, равно как и не всякая культура, не всякое обучение — это верх. Нам еще предстоит понять развитие человека как синхронистический акт, в котором объединяются прямая и обратная перспектива. Иное дело, что в человеческой жизни, как в драме или трагедии, возможна смена таких ак-

тов (или эпох развития) и каждый из них длится годы. Например, Л.С. Выготский выделял период, когда «в драму развития вступает новое действующее лицо, новый качественно своеобразный фактор — личность самого подростка» (см.: Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 4. - С. 238).

Приведенные замечания — это приглашение к размышлениям о природе порождающих, творческих и творящих, возрождающих силах и способностях человека. Важно, чтобы в этих размышлениях мы не замыкались в границах той или иной научной школы, пусть даже вскормившей нас. Нам, как никогда, нужны жизненные силы и не нужно бояться почерпнуть их даже... в представлениях о витализме, энтелехии. Л.С. Выготский ведь и сам обратился к «страстям души», к эмоционально-аффективной сфере человека, с изучения которой он начинал свою научную деятельность (см. «Психологию искусства»). Он писал, что за мыслью стоит аффективная и волевая тенденция. Только она может дать ответ на последнее «почему» в анализе мышления. Знаменательно, что ученик и последователь Л.С. Выготского А.В. Запорожец писал, что ядро личности — это эмоции (а, скажем осторожно, не только общественные отношения).

Л.С. Выготский, конечно, не смог обойти проблему спонтанности развития, проблему природы свободных действий человека, его жизненных сил, энергии. Эмоциям он, вслед за Ч. Шеррингтоном, придавал значение повелительного стимула к сильному движению. Трудно удержаться и не привести небольшой отрывок из его «Учения об эмоциях»: «... в период сильного возбуждения нередко ощущается колоссальная мощь. Это чувство появляется внезапно и поднимает индивида на более высокий уровень деятельности. При сильных эмоциях возбуждение и ощущение силы сливаются, освобождая тем самым запасенную, неведомую до того времени энергию и доводя до сознания незабываемые ощущения возможной победы» (см.: Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1984. — Т. 6. — С. 101). Напомню, что Л.С. Выготский разделял воззрения Спинозы, который под аффектами понимал не только состояния тела, но и идеи этих состояний. Именно эта вторая сторона эмоциональной жизни до сего времени остается загадочной для психологии. Сам Л.С. Выготский, говоря о действенной, аффективно-волевой подоплеке мысли, прибегал к литературным реминисценциям и к метафорам: «Если мы сравнили выше мысль с нависшим облаком, проливающимся дождем слов, то мотивацию мы должны были бы, если продолжать это образное сравне-

ние, уподобить ветру, приводящему в движение облака» (см.: Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1982. - Т. 2. - С. 357).

Не похоже ли это на метафорический и одновременно концептуальный аппарат (мне представляется, что такое не только возможно, но на определенном этапе развития науки и необходимо), используемый Осипом Мандельштамом для описания действенного поля поэтической материи? У Л.С. Выготского сплошь и рядом встречаются такие живые метафоры-понятия, как «безостановочная формообразующая тяга», «трансцендентальный привод», «внепространственное поле действия», «перводвигатель, переводящий силу в качество», «зарядка бытия», «виталистический поток», «виталистический порыв» и т. д. Думаю, что эвристическая роль таких «искусственных понятий» (словосочетание Л.С. Выготского) в гуманитарном знании ничуть не меньше, чем роль иррациональных выражений в знании точном.

Л.С. Выготский, описывая развитие действенного поля психологической реальности, констатировал, что величайшее своеобразие детского развития, в отличие от других типов развития, состоит в том, что в момент, когда складывается начальная форма, уже имела место высшая, идеальная, появляющаяся в конце развития. И она непосредственно взаимодействует с первыми шагами, которые делает ребенок по пути развития этой начальной или первичной формы. Мысль о наличии идеальной формы в начале развития замечательна сама по себе. Иное дело, как она конкретизируется. И хотя Л.С. Выготский отказывал в этом своеобразии эмбриональному развитию, уже при его жизни отчетливо артикулировались аналогичные идеи по отношению к формообразованию любого живого организма.

Аналогом такой идеальной формы, дополняющей и сопутствующей информации, заложенной в генах, является особая реальность, названная А.Г. Гурвичем морфогенетическим (биологическим) полем, которое и ответственно за процесс сборки клеток в целостный организм. Это поле называли также информационным, психологическим, даже телепатическим. По отношению к развитию человека подобные функции выполняет постулируемое В.В. Налимовым и Ж.В. Дрогалиной семантическое поле или даже «семантическая вселенная». В соответствии с их концепцией индивидуальная психика каждого человека естественным и органичным образом «погружена» в более общую и целостную «коллективную психику» — «континуальные (непрерывные) потоки сознания» (см. более под-

робно: Климов В.В., Любищев А. Проблемы органической формы. // Человек. - 1991. - №2. - С. 22-35).

В каком бы из полей ни материализовалась мысль о роли идеальной формы в развитии человека, она от этого не тускнеет. Это может быть поле духовности, поле сознания, поле культуры, «семантическая вселенная» и т. п. Важно, что Л.С. Выготский не только шел в ногу с мировой наукой, но и во многом опережал ее. Это касается прежде всего его идей о смысловом и системном строении сознания. И читая его, как и другие памятники Духа того трудного времени, мы можем черпать в них столь необходимые нам сегодня жизненные силы. Они нужны нам не только для усвоения готовой культуры (было бы что усваивать), но и прежде всего для «плодотворного существования». Именно это Б. Пастернак понимал под культурой. Нужно помнить, что культура — это приглашающая сила, но она, по словам Пастернака, в объятья первому желающему не падает, она ведь может и оттолкнуть недостойного. Мераб Мамардашвили както заметил, что культура — это усилие человека быть... Сегодня нам в равной степени необходимы культурная теория сознания и цивилизованная теория деятельности.

Книга о Л.С. Выготском, которую предваряет настоящее вступительное слово, является превосходным дополнением к его научному наследию, до сего времени еще полностью не изданному. Это означает, что нас ожидают новые открытия.

В заключение нужно сказать об авторах этой книги и об их усилиях в создании образа Л.С. Выготского — образа человека, отца, ученого. Авторы — профессионалы-психологи. Г.Л. Выгодская — дочь Л.С. Выготского, сохранившая живой, хотя и детский, образ отца. Таким наверняка не видели его коллеги и ученики, писавшие о нем (А.В. Запорожец, А.Р. Лурия и др.). Т.М. Лифанова — не только психолог, но и опытный науковед, знаток трудов Л.С. Выготского и трудов о нем. Кроме его труда, она знает и пасквили, писавшиеся в его адрес в недобрые 30-е годы. К счастью, большинство последних было написано после его кончины, и прочесть их ему не довелось.

Это авторское и творческое содружество определило и двоякий, но все же единый жанр книги. Книга — не научный трактат о Л.С. Выготском, она скорее его жизнеописание, характеристика творческого пути, основных этапов научного творчества. В ней описана атмосфера этого творчества, круг Л.С. Выготского, бесчисленные места его научной и педагогической деятельности, где находили приложение его творческая и организационная активность.

Сегодня становится общим местом методологии науки роль «познавательного отношения», «личностного знания», участвующих в научном производстве. Без данных о личности ученого, а тем более ученого-психолога, многое трудно понять в науке. В книге прекрасно воспроизведен жизненный и социальный контекст создания культурно-исторической теории психики и сознания.

Поразительны детские воспоминания Г.Л. Выгодской. Это не скромно названные «штрихи к портрету», а выпуклый, запоминающийся, во многом трогательный образ ученого в его отношениях с членами семьи, дома, с детьми и к детям. Лев Семенович выступает перед читателем не только как высокоталантливый работник науки, до самозабвения преданный своему делу, но и как выдающаяся личность.

Вклад Гиты Львовны Выгодской в книгу не ограничивается ее детскими воспоминаниями. Практически всю свою сознательную жизнь она сначала вместе со своей матерью Розой Ноевной Выгодской — супругой Льва Семеновича, а после ее кончины сама хранила научный архив отца, собирала новые, ранее неизвестные материалы о нем. Лишь одним примером ее огромной удачи, подробно описанной в книге, является обнаружение переписки Л.С. Выготского и В.А.Вагнера. Эта переписка приоткрывает нам еще одну драматическую страницу в истории психологии. В.А.Вагнер — выдающийся русский психолог, эволюционист, зоопсихолог. В 1914 г. он проницательно писал о необходимости более тесных связей между биологией и психологией. О том, что преждевременное обращение к физиологии может нанести ущерб как психологии, так и физиологии. К сожалению, мы к этому не прислушались.

Мне не раз приходилось писать о Л.С. Выготском, в том числе я писал о нем в «Красной книге культуры», изданной в 1989 г. издательством «Искусство», но, прочитав этот труд о его жизни и деятельности, я не только узнал больше о нем, но и понял его лучше. У меня появилось желание вновь обратиться к его сочинениям, воспринимая их новыми глазами.

Уверен, что книга будет с интересом встречена читателями. Она нужна научной молодежи. Думаю, она будет хорошо принята и на Западе многочисленными последователями Выготского.

Воспитанник и последователь школы Л.С. Выготского,
академик РАО, почетный член
Американской академии искусств и наук
В. П. Зинченко

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне кажется, я подберу слова....
Б.Пастернак

Лев Семенович Выготский... Сейчас, пожалуй, уже трудно представить себе, что среди тех, чьи интересы лежат в области гуманитарных знаний, есть кто-либо, кто не слышал это имя. Оно встречается не только на страницах научных трудов, относящихся к разным наукам — психологии, педагогике, дефектологии, психиатрии, лингвистике, литературоведению. Оно появляется и на страницах журналов и газет — и в связи с проблемами реорганизации системы образования, и в связи с театральными рецензиями[1], и литературной критикой, и даже в художественной литературе[2].

«Существуют ученые, — пишет В.П. Зинченко, — судьбы которых неразрывно связаны с историей становления науки и своей страны»[3]. К таким ученым автор относит и Льва Семеновича Выготского, «ученого с чертами гениальности, оставившего по себе неизгладимый след в целом комплексе социальных и биологических наук о человеке... в том числе и в таких, которые при его жизни еще не существовали (психолингвистика, семиотика, кибернетика)»[4].

Имя Л.С. Выготского очень широко известно теперь и на Западе. Он получил «признание как один из крупнейших психологов первой половины XX века»[5]. Об этом свидетельствует ряд высказываний как отечественных, так и крупнейших зарубежных ученых. Известный американский философ и историк науки профессор Чикагского университета Ст. Тулмин назвал Л.С. Выготского Моцартом в психологии. В своей статье с таким назва-

[1] Так, в рецензии Н.Исмаиловой на спектакль «Кроткая» по рассказу Ф.М.Достоевского в МХАТе есть следующие слова: «И возникает впечатление, которое, как говорил Л.С.Выготский, «помещается глубже глаза и уха».

[2] В пьесе Ольги Кучкиной «Движение колеса» происходит следующий разговор. Одна из героинь пьесы говорит, что читает «Исследование о Гамлете» Выготского, и далее: «Какой темперамент! Какой накал страсти!» Вторая: «Я читала, я помню. Есть два способа не любить искусство: один — не любить его вовсе, другой — любить рационалистически. Это он пишет?» Первая: «Замечательная личность. Можно представить, как его имя гремело бы сейчас... Почему молодыми погибают лучшие?» (Театр. — 1978. — № 3).

[3] Зинченко В.П. А.Н. Леонтьев и развитие современной психологии // Леонтьев А.Н. Избр. психол. произ.: В 2 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 1.

[4] Иванов В.В. // Выготский Л.С. Психология искусства. — М.: Искусство, 1986. — С. 496.

[5] Там же. - С. 497.

нием Ст. Тулмин пишет: «Можно утверждать, что успехи советской психологии объясняются прежде всего ее ориентацией на культурно-исторический подход к психологическим проблемам. В результате достигнута высокая интеграция междисциплинарных наук и их взаимное обогащение»[6]. Таким образом, он «прямо признает, что огромный вклад Л.С. Выготского в мировую психологию, особенно ощутимый в настоящее время, внутренне связан с ... принципами его учения, с его философскими основами. ... Именно благодаря этому, по мнению Ст.Тулмина, учение Выготского... по своим теоретическим разработкам на несколько десятилетий» опередило работы американских психологов[7].

В.В. Иванов пишет, что профессор Лондонского университета Бернстейн считает, что «продолжение работ Выготского, наметившего путь к объединению биологических и социальных исследований, может иметь для науки не меньшее значение, чем расшифровка генетического кода»[8].

Ст.Тулмин эту оценку считает справедливой[9].

В письме к моей матери профессор Бернстейн писал:

Дорогая госпожа Выготская!

Рад этой возможности написать Вам. На меня оказали большое влияние работы Вашего покойного мужа. Многие из идей, которые я пытался сформулировать, я обнаружил, что Ваш муж уже разъяснил. Я думаю, что читая работы Вашего мужа, я столкнулся со щедрой, творческой и тонко чувствующей личностью. Когда я открыл для себя его работу о языке и речи, которая была опубликована в «Психиатрии 1939», я не спал три ночи; возможно, это звучит как абсурдное преувеличение, но это правда.

Как Вы, возможно, знаете, многие из нас, работающих в области речи (как с точки зрения психологии, так и социологии), считают, что мы в долгу перед русской школой и особенно перед работами, основывающимися на традиции Выготского. Я полагаю, что во многих отношениях многие из нас все еще пытаются достичь того, о чем он уже сказал.

Я бы хотел выразить мою благодарность Вам за то воодушевление и чувства, которые вызвали во мне работы Вашего мужа.

[6] Статья Ст.Тулмина была опубликована в журнале «Нью-Йорк ревю» в сентябре 1978 г. Русский перевод статьи был напечатан в журнале «Вопросы философии» (1981. — № 10 — С. 135).

[7] От редакции журнала «Вопросы философии». См.: Вопросы философии. — 1981. — № 10 — С. 127.

[8] Иванов В.В. // Выготский Л.С. Психология искусства. — М.: Искусство, 1986. — С. 497.

[9] См. Тулмин Ст. Моцарт в психологии // Вопросы философии. — 1981. — № 10. — С. 137

Я очень надеюсь, что станет возможным быстро осуществить перевод работы Вашего мужа на английский язык.

С глубоким уважением —

Базил Б. Бернстейн,

Глава департамента Социологии и Образования,

Директор отдела Социологических Исследований[10].

В самом конце 1988 г. в Москве я встретилась с профессором Корнельского университета (США) Ю. Бронфенбреннером. Когда нас познакомили, он сказал мне: «Надеюсь, Вы знаете, что Ваш отец для нас Бог?!»

Интерес к Л.С. Выготскому, к его работам реализуется сейчас за рубежом в двух направлениях: с одной стороны, в широкой публикации его произведений в большинстве европейских стран, в США, в Японии, а с другой стороны, в появлении исследований, посвященных отдельным аспектам его творчества.

Возникший интерес к имени и личности Л.С. Выготского требовал своего удовлетворения. Между тем так случилось, что его труды у нас более 20 лет не издавались, имя, если и упоминалось, то лишь в критическом контексте, его биография никогда не публиковалась, воспоминаний о нем не было. А прошло уже много лет со дня его смерти. И вокруг его имени сложился некий ореол таинственности. Появилось даже выражение «феномен Выготского». Отсутствие достоверных сведений о нем, о его жизни, образовавшийся в этом плане вакуум стал заполняться различными вымыслами, иногда похожими на мифы.

Действительно, что было известно о Л.С. Выготском широкому кругу читателей? Даты его рождения и смерти. Известно было, что он прожил очень короткую жизнь. Известно было, что имя его долгие годы считалось одиозным, а труды были под запретом. Наконец, известно было, что сделано им за короткую жизнь неимоверно много — более 200 названий включает в себя список его работ. Вот, пожалуй, и все, что было известно. А остальное додумывали, проявляя при этом подчас недюжинную фантазию.

Недостаточное знание фактов из жизни Льва Семеновича с лихвой компенсировалось вымыслами, не имевшими порой ничего общего с действительностью, с правдой. Так, при встрече со мной один из исследователей творчества Л.С. Выготского (не хочу называть его имени) спросил меня, правда ли, что мой отец умер от голода, будучи уволенным с

[10] Письмо от 27/XI—1964 г. // Личный архив Л.С.Выготского.

работы? Когда после шока, вызванного этим вопросом, я обрела дар речи, то спросила своего собеседника, откуда он почерпнул эти сведения? Он ответил мне, что слышал это от нескольких человек за рубежом. Я сказала ему, что это не имеет ничего общего с правдой, что отец работал до конца своих дней, что не работал он всего лишь 31 день перед смертью, так как был прикован к постели из-за тяжелой болезни. Я видела, что мои слова не убедили собеседника, он сомневался в их правдивости и искренности. Когда через пару дней он, по моему совету, встретился с моим учителем — академиком А.В. Запорожцем, гость, немного смущаясь, вероятно, из-за моего присутствия, задал и ему этот же нелепый вопрос.

В ряде писем ко мне (из Испании, Аргентины, Голландии, Англии), при встречах со мной зарубежные ученые спрашивают меня о различных фактах биографии отца, о нем самом, просят что-то уточнить, что-то сообщить, что-то рассказать заново. И даже просят дать написанную биографию Льва Семеновича.

Различные домыслы и вымыслы об отце получили хождение не только за рубежом, но и у нас, на его родине. Иной раз они принимали характер слухов, даже россказней. Были случаи, когда их авторы даже ссылались на тех, от кого они якобы это слышали. Но либо проверить это было, увы, невозможно, так как тот, на кого ссылались, уже ушел в мир иной, либо оказывалось, что рассказывалось им совсем другое".

Как противостоять этому?

Я вижу только один выход, только одну возможность — опубликовать вполне достоверные материалы, в которых бы на основе документов и воспоминаний были воссозданы жизнь и некоторые черты личности Льва Семеновича.

Такой я представляю себе эту книгу.

Для того чтобы написать ее, надо было встречаться и беседовать с рядом людей, «поднять» архивные материалы, пересмотреть много литературы. Все факты, изложенные в книге, основаны на документах, хранящихся во многих государственных и личных архивах, и воспоминаниях о нем

[11] В недавно вышедшей из печати книге А.А. Леонтьева автор, в частности, пишет: «Личность и деятельность Выготского стали обрастать мифами... За правду о нём надо и стоит бороться. Его имя необходимо очистить от всей той квазинаучной, а то и откровенно околонаучной шелухи, которая накопилась вокруг него» (Леонтьев А.А. Л.С. Выготский. / М.: Просвещение, 1990. - С. 5).

современников — его близких, друзей, учеников, ближайших сотрудников, всех тех, кто хорошо знал его в течение ряда лет.

Мне могут возразить, что воспоминания не всегда могут быть достоверным источником — ведь многое в памяти тускнеет, стирается, смещается. Это, конечно, верно, я сама с этим сталкивалась. В 60-х г. мне случилось присутствовать на каком-то собрании в Академии педагогических наук. Народу было очень много, и собрали нас в помещении Дворца пионеров. В перерыве между заседаниями проф. А.М. Фонарев попросил меня подойти с ним к одному человеку. Мы подошли к пожилому человеку, и А.М. Фонарев сказал ему: «Вот, Николай Матвеевич, я обещал Вас познакомить, — это дочка Льва Семеновича».

Я поняла, что передо мной Н.М. Щелованов. «Как же, как же, — живо отозвался он. — Хорошо помню Вашего отца. Тогда, в Ленинграде, в 1924 году на съезде», — продолжал он. И, обращаясь то ли к А.М. Фонареву, то ли ко мне, а может быть, к нам обоим, он сказал:

— Приехал никому неизвестный человек из Перми и сделал такой доклад, что потряс всех!

— Из Гомеля, — поправила я Н.М. Щелованова.

— Из Перми, — твердо повторил Щелованов.

— Вы ошибаетесь, Николай Матвеевич, он приехал из Гомеля. А в Перми он и не бывал.

— Слушайте, — рассердился Щелованов, — кто там был — Вы или я?! И совсем сердито добавил: «Вас тогда, наверное, и на свете-то не было!»

Что верно, то верно. Меня тогда еще не было на свете. Но все-таки ошибся Николай Матвеевич, подвела его память — Лев Семенович приехал не из Перми. Но это ли главное? Это ведь деталь. Он забыл, спутал деталь, но главное-то — доклад — запомнил!

Еще эпизод.

В 1976 г. в Москве было заседание Московского общества психологов. Посвящено оно было 80-летию со дня рождения Льва Семеновича. Мы с мамой сидели в зале рядом. Среди выступавших был Д.Б. Эльконин, который делился своими воспоминаниями о Льве Семеновиче. Особенно подробно и очень эмоционально он вспоминал о том времени, когда Лев Семенович приезжал в Ленинград для чтения лекций. Даниил Борисович рассказывал, что вечерами, после целого донельзя заполненного рабочего дня, они со Львом Семеновичем шли в какое-то маленькое кафе

на Невском и там, за чашкой черного кофе, до поздней ночи вели нескончаемые разговоры о психологии, о конкретных исследованиях, одним словом, о том, что представляло для них главный, основной интерес. Сидевшая со мной мама тихо сказала: «Он ошибается — папа никогда кофе в рот не брал!».

Через несколько лет, в 1981 г., в той же самой аудитории проходила Всесоюзная научная конференция, посвященная Льву Семеновичу. Мамы уже не было в живых, и рядом со мной сидела сестра отца, Мария Семеновна. На пленарном заседании выступал с докладом и Д.Б. Эльконин. Свой доклад он дополнил воспоминаниями о Льве Семеновиче и снова, как и пять лет назад, рассказал о том, как за чашкой кофе они обсуждали все неотложные, с их точки зрения, вопросы психологии. Моя тетя, обращаясь ко мне, сказала: «Твой папа терпеть не мог кофе, и никогда его не пил!»

Опять ошибка? Вероятно. Но опять спутана деталь, а не главное. Ведь не имеет значения — за чашкой ли кофе или за стаканом чая шли те разговоры. Главное-то — это те беседы! А их-то Даниил Борисович помнил до конца своих дней!

Но в этой книге мне очень хочется быть точной не только в изложении фактов, но и в деталях. Мне представляется, что этого можно достигнуть, если опираться на воспоминания не одного человека, если отбирать лишь то, что упоминается несколькими людьми, то, что встречается в воспоминаниях по крайней мере двух человек. Так я и поступила.

Точность своих личных воспоминаний тоже была мною проверена до последнего слова.

Мне хочется рассказать о своем отце правду. Это единственная цель, которую я себе ставила — в книге должна быть правда; только правда, исключительно правда, ничего, кроме правды. Это руководило мною и во время отбора материала, и во время написания книги. Только это, и ничего больше.

Мне хочется рассказать об отце искренне, с любовью и болью. Это естественно, так как это был один из самых дорогих и близких мне людей.

Вскоре после его смерти один из его ближайших учеников — А.Н. Леонтьев — писал: «Советская психология потеряла в нем не только крупнейшего исследователя и блестящего педагога, не только человека замечательных личных качеств — в его лице мы потеряли одного из тех лю-

дей, появление которых в нашей науке имеет решающее значение в ее развитии, одного из тех людей, жизнь и смерть которых столь же неотъемлемо принадлежит истории психологических знаний, как и их личной биографии. И если эта система научных психологических идей, которая создана Л.С. Выготским, нуждается для своего полного... раскрытия также и в понимании биографии ее творца, то верно и обратное: только анализ самой этой системы дает действительный ключ к раскрытию личности покойного»[12].

Итак, понимание биографии ученого является предпосылкой, необходимым условием понимания созданной им системы идей.

Льву Семеновичу была отпущена короткая жизнь, но в своих трудах он продолжает жить.

В качестве иллюстрации мне хотелось бы добавить к сказанному еще немного. Я расскажу два небольших эпизода.

Первый.

Осенью 1985 г. товарищи с психологического факультета МГУ очень просили меня принять одного испанского профессора. Луис Гарсиа Вега впервые был в Москве и, как мне сказали, настойчиво просил повести его в семью Льва Семеновича и на его могилу. В то время я еще не оправилась после смерти своей сестры, не могла прийти в себя, и эта просьба казалась мне невыполнимой. Но коллеги настаивали, и я, конечно, сдалась. Договорились встретиться у ворот кладбища. Профессора сопровождала очень милая женщина, которая выступала в качестве переводчицы и очень помогла нам во время встречи. На мой вопрос, как я должна ее называть, она ответила: «Марта». Мы молча постояли у могилы отца, положили цветы, потом, немного побродив по кладбищу, поехали ко мне домой. Согревшись после чая, мы беседовали, я отвечала на вопросы гостя, рассказывала по его просьбе об отце, показала ему фотографии и некоторые документы отца. Марта прекрасно переводила и очень помогла нашему общению. Вдруг она сказала: «А вы знаете, в моей судьбе значительную роль сыграл Ваш отец». Я была удивлена, внимательно посмотрела не нее и нечего не поняла — она не могла знать отца, так как была слишком для этого молода. Я решила, что или она неточно выразилась, или я не расслышала чего-то и не так поняла ее. Увидев мое удивление, она сказала: «Я из Аргентины. В Аргентине была выпущена книга Вашего отца «Мышление и речь». Когда

[12] Леонтьев А.Н. Л.С.Выготский // Советская психоневрология. — 1934. — № 6.

я прочла ее, я поняла, что это именно то, чем я хотела бы заниматься, что именно этому хотела бы посвятить свою жизнь. Я приехала в Союз и стала ученицей А.Р. Лурия. Вот так Ваш отец повлиял на мою судьбу». Теперь я знаю о Марте Шуаре больше. Она успешно защитила диссертацию, сделанную под руководством А.Р. Лурия, и осталась жить у нас. Недавно она закончила книгу «Советская психология — как я ее вижу». В этой книге, сказала она мне недавно, есть глава, посвященная Льву Семеновичу.

Второй эпизод.

Весной 1986 г. я гостила в Алма-Ате. Знакомая мне еще по Москве (где она учась) завкафедрой дефектологии очень просила меня выступить перед выпускниками дефектологического факультета Казахского государственного педагогического института им. Абая. Я пришла. Собралось очень много народу: тут были студенты не только выпускного курса, сотрудники кафедр дефектологии и психологии. Я рассказала о жизненном и творческом пути отца, остановилась на некоторых эпизодах его жизни. Слушали очень хорошо. Ответив на вопросы слушателей, я полагала, что встреча закончена. Но тут неожиданно для всех попросил слово завкафедрой психологии Виталий Константинович Шабельников. Поблагодарив от имени слушателей меня за встречу и выступление, он вдруг сказал: «Я хочу рассказать именно Вам, что в том, что я стал психологом, решающая роль принадлежит Вашему отцу». По-видимому, сказанное им удивило не только меня. Аудитория притихла. И В.К. Шабельников рассказал, что всегда мечтал о сцене. Ему повезло, и он стал студентом режиссерского факультета театрального училища им. Щукина. Жена его училась в ГИТИСе (Институте театрального искусства), и они мечтали о том времени, когда смогут вместе работать в театре: он ставить спектакли, а его жена играть в них. Надо же было такому случиться, что ему в руки попала «Психология искусства». Эта книга, по его словам, перевернула всю его жизнь. Он все бросил, поступил на психологический факультет МГУ и стал учеником П.Я. Гальперина. Вот как он сам об этом пишет: «Мой выбор и поступление на факультет психологии были целиком определены прочтением «Психологии искусства». Жаль, что в те годы, когда я учился на факультете, там никто... не занимался этой проблемой. Пришлось мне заниматься чем-то другим. Но в планах жизни все же намечено написать одну книгу по режиссерскому анализу пьесы, который я уже стойко провожу во всех практических работах с Ди-

ной[13] на принципах этой книги Выготского. Работе актеров это дает нечто невероятно сильное, полезное и прекрасное»[14].

В.К. Шабельников — автор трех больших книг, подготовил и защитил очень интересную докторскую диссертацию по психологии.

Эти ученики учеников Льва Семеновича пополнили ряды психологов.

И через десятилетия после смерти Льва Семеновича его труды, его идеи продолжают не только волновать умы людей, но и порой даже влиять на их судьбы.

Алексей Николаевич Леонтьев назвал Л.С. Выготского одним из последних энциклопедистов в психологической науке. Он писал: «От идей, высказанных Выготским, нас отделяют 50 лет. Но центральные проблемы, решению которых посвятил жизнь Лев Семенович, остаются центральными и для современной психологии, опирающейся на разработанные им теоретико-методологические принципы. В этом — главный итог и лучшая оценка творчества великого психолога XX века Льва Семеновича Выготского»[15].

В вышедшую недавно «Красную книгу культуры»[16] включена статья известного психолога — В.П. Зинченко — «Культура и техника». Автор статьи пишет: «Что можно порекомендовать занести в «Красную книгу культуры», имея при этом в виду, что такой акт должен представлять собой не просто уважительную дань прошлому, а одно из средств повышения культуры настоящего и будущего. Как профессионалу психологу мне представляется, что к становлению социотехнического мира самое непосредственное отношение имеет культурно-историческая теория происхождения и развития высших психических функций и сознания, созданная Л.С. Выготским... Эта теория — одно из самых интересных в интеллектуальном отношении свершений не только в психологии, но и в культуре XX столетия»[17]. Имя Л.С. Выготского — «создателя и главы (каковым он, кстати говоря, никогда себя не чувствовал) ведущей научной школы советской

[13] Жена В.К. Шабельникова, зав.кафедрой актерского мастерства Алма-атинского театрально-художественного института.

[14] Из письма В.К. Шабельникова от 14/XI—89 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[15] Это было написано в конце 70-х гг. и опубликовано в 1-м томе Собр. соч. Л.С.Выготского (См.: Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1982. — Т. 1. — С. 41).

[16] Красная книга культуры. — М.: Искусство, 1989.

[17] Зинченко В.П. «Культура и техника // Красная книга культуры. — М.: Искусство, 1989. - С. 65.

психологии», по мнению В.П. Зинченко, заслуживает глубокого уважения, так как «он внес огромный вклад в изучение самого сложного явления природы и истории — деятельности и сознания человека»[18].

* * *

Книга состоит из трех относительно самостоятельных частей. В первой части прослеживается жизненный путь ученого, во второй — приводятся воспоминания о нем его друзей, коллег, учеников, в третьей — мои собственные.

При написании книги использованы материалы, хранящиеся как в фондах государственных архивов (ЦГА СССР[18]", ЦГА РСФСР, Научного архива АПН СССР, архива НИИ общей и педагогической психологии и НИИ дефектологии, Государственного архива Московской области, Государственного архива Москвы, Государственного архива Гомельской области, архива Гомельского краеведческого музея), так и в ряде личных архивов.

Кроме того, приводится и материал, полученный в ходе бесед с людьми, близко знавшими Л.С. Выготского на протяжении многих лет, некоторые его письма или отрывки из них.

Хочется надеяться, что все эти объективные данные помогут читателю создать подлинный облик ученого, жизнь которого отдалена от нас почти шестью десятками лет.

Часть 1 написана мною совместно с Т.М. Лифановой, которая долгие годы скрупулезно собирала материалы о Л.С. Выготском по различным архивам страны. Результатом ее поисков явилось историко-архивное исследование жизненного и творческого пути ученого. Она же составила первую полную научную библиографию его трудов, куда были включены неизвестные ранее работы. Этой библиографией пользуются не только у нас в стране — она опубликована и в ряде зарубежных изданий трудов Л.С. Выготского. И научная биография Л.С. Выготского, и библиография его работ явились составными частями диссертации Т.М. Лифановой, защищенной ею в 1986 г.

При написании первой части книги мы частично использовали материалы ее диссертации.

Поскольку библиография трудов Л.С. Выготского, составленная Т.М. Лифановой, была опубликована в 6-м томе его Собрания сочинений, изданного очень ограниченным тиражом, и этот том вышел из печати в

[ls] Зинченко В.П. «Культура и техника // Красная книга культуры. — М.: Искусство, 1989. - С. 69.

[ISa] Названия архивов даны в книге такими, какими они были в период наших изысканий.

1984 г., нам представляется целесообразным опубликовать библиографию и в приложении к настоящей книге. В библиографический список включены работы, вышедшие из печати после публикации 6-го тома Собрания сочинений. Кроме того, недавно нами было найдено большое количество ранних работ Л.С. Выготского, которые пополнили публикуемый в настоящей книге библиографический список его работ. Библиография и русских, и зарубежных изданий составлена Т.М. Лифановой.

Остальные части книги, предисловие и послесловие написаны мною.

Мы не ставили своей целью анализировать творчество Л.С. Выготского, давать свои оценки различным его аспектам. Этому посвящены многие страницы журналов, сборников, книг. Мы видели свою задачу в том, чтобы правдиво написать о его жизни, о том, в каких условиях и как он жил и работал, хоть немного раскрыть его личность.

Если нам это удалось, мы будем считать свою задачу решенной.

Запев дается тяжело,
А там, глядишь: пошло, пожалуй?
Строка к строке..."

У Андрея Вознесенского есть такие строки:

Урны ставятся в ниши.
Книги ставятся в души.

Мы можем только мечтать, чтобы эта книга запала кому-нибудь в душу... Так хочется на это надеяться...

Г.Л. Выгодская

" А.Т. Твардовский.

ЖИЗНЕННЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ

Дни сочтены, утрат не перечесть,
Живая жизнь давно уж позади...

Ф. Тютчев

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.

Жизнь прожить—не поле перейти.

Б.Пастернак «Гамлет»

В самом центре Гомеля, на пересечении улиц Советской и Жарковского, стоит небольшой двухэтажный дом[20]. Построен он, говорят, еще при Румянцеве[20-1], но так прочно сложен, что дожил до наших дней, пережив даже военное лихолетье.

Много лет назад, когда улицы эти назывались Румянцевской и Аптечной, владелец этого дома сдавал квартиры внаем. В 1897 г. одну из них (на втором этаже) сняла семья, приехавшая из Орши. Семья была небольшой — родители и двое детей: девочка лет двух с небольшим и мальчик, которому было около года.

Когда этот мальчик вырастет, его будут звать Лев Семенович Выготский. Ему будет отпущена короткая жизнь, но суждено будет сделать столько, что, даже когда пройдет более полвека после смерти Льва Семеновича, его жизнь и деятельность будут интересовать и волновать людей не только на его родине, но и во всем мире. Ему суждено будет стать крупным ученым, одним из создателей отечественной психологии и дефектологии, прославить нашу науку.

В этом доме прошли детство и школьные годы Льва Семеновича. Из этого дома он уехал учиться в Москву, сюда приезжал на каникулы в годы студенчества, сюда возвратился, окончив университеты. В этом доме он жил до

[211] Сейчас в этом доме размешается управление областной филармонией.

[20:1] В 1775—1778 гг. Екатерина II пожаловала Гомель в вечное потомственное владение фельдмаршалу Петру Румянцеву-Задунайскому. Затем город перешел к его сыну Николаю Румянцеву, который последние годы своей жизни провел в Гомеле, отстраивая и преобразуя его. После его смерти город по наследству перешел к его брату Сергею который в 1834 г. продал его Государственной казне (См.: Гомель: историко-экономический очерк. — Минск: Наука и техника, 1972).

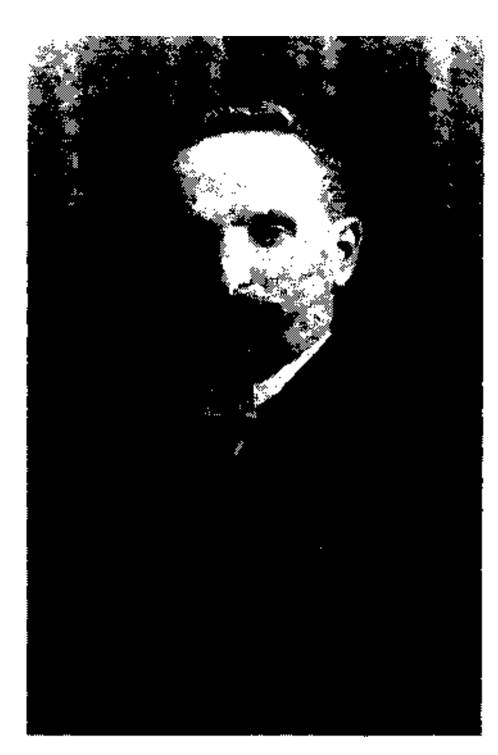

Рис. 1. С.Л.Выгодский (1869-1931)

1924 г. (а его семья — до 1925 г.). Сюда же, в этот дом, он привез свою жену весной 1925 г. Здесь, в этом доме, родился их первый ребенок.

И хотя родился Лев Семенович не в Гомеле, своей родиной он считал Гомель. В этом городе он прожил большую часть своей короткой жизни.

А родился Лев Семенович Выготский в Орше Витебской области (бывшей Могилевской губернии) в 1896 г. 5 ноября (по старому стилю).

Его отец — Семен Львович Выгодский (1869—1831) — был образованным человеком, много читал, знал несколько иностранных языков. Он окончил Коммерческий институт в Харькове и всю своею жизнь был банковским служащим[206]. По воспоминаниям гомельчан, это был один из самых уважаемых людей в городе. Глубоко порядочный, интеллигентный, он не только прекрасно зарекомендовал себя на службе, но и очень активно влиял на жизнь Гомеля.

Когда в 1903 г. в Гомеле образовалась организация самообороны, так называемый «Союз для охраны безопасности населения города», Семен Львович был в числе активных участников этого комитета[20"].

Известно, например, что он был одним из организаторов общества про-

[206] В последние годы жизни Семен Львович Выгодский был управляющим Арбатским отделением Промышленного банка в Москве // ЦГА РСФСР. — Ф. 482. — Оп. — 41. — Д. 644. — Л. 6).

"" См.: 1905 год в Гомеле и в Полесском районе. // Гомель: Гомельский рабочий. — 1925. - С. 208).

свещения, в рамках которого была создана прекрасная общественная библиотека; в гимназические годы ею пользовался и сын.

Он был, как принято говорить, трудным человеком, обладал тяжелым, жестким характером. Это, однако, не мешало ему быть прекрасным семьянином и любящим отцом. Несмотря на то, что он держал детей на некоторой дистанции, Семен Львович прекрасно знал особенности и интересы каждого из них. Так, заметив раннее пристрастие своего старшего сына к философии, он, вернувшись из деловой поездки, привез сыну «Этику» Спинозы. Эта книга стала одной из любимейших книг Льва Семеновича.

Рис. 2. Ц.М.Выгодская (1874-1935)

Отец заботился не только о собственной семье. Все заботы о семье своего покойного брата он целиком взял на себя и фактически содержал трех племянников и их мать.

Подлинной душой семьи была мать — Цецилия Моисеевна (1874—1935). По образованию она была учительницей, свободно владела немецким и французским языками. По оценке младшей дочери, «она была человеком большого ума и доброты необыкновенной». На редкость мягкий человек, она сглаживала все шероховатости, которые могли возникнуть из-за характерологических особенностей мужа. Именно благодаря ей в семье царила атмосфера любви, внимания к каждому, заботы старших о младших. Эту атмосферу добра и любви создавала, главным образом,

Рис. 3. Гомель. Дом, в котором с 1897 по 1925 г.г. жила семья Выгодских.

мать. Она была самым близким человеком для своих детей и на всю жизнь заслужила их преданную любовь, уважение и безграничную благодарность.

По своей специальности Цецилия Моисеевна не работала, так как занималась домом, семьей, воспитанием детей. Семья Выгодских была большая: 8 детей (3 сына и 5 дочерей, разница в возрасте которых была полтора-два года).

Семья играла огромную роль в жизни детей. Именно в семье они получили первоначальные навыки заботливого и внимательного отношения к людям и друг к другу, совместного домашнего труда. Старшие дети помогали матери по хозяйству, заботились о младших. В домашней работе, конечно, принимал участие и Лев Семенович. Он старался сделать все, что мог — помогал и в уборке дома, и в покупках, и в уходе за младшими. Все дети были необыкновенно дружны между собой, никогда не ссорились. Свою привязанность друг к другу, желание и готовность помочь тому, кто в этом нуждался, заботу друг о друге они сохранили на всю свою жизнь.

Очень много давало детям их постоянное общение с родителями. Родители поддерживали и развивали интересы детей. Общими в семье были интерес к языкам, истории, театральному и изобразительному искусству,

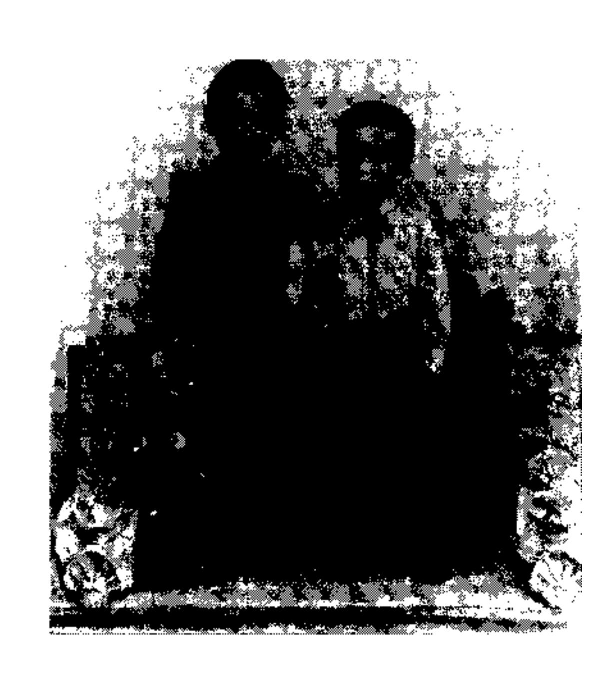

Рис. 4. Лев Семенович в трехлетнем возрасте со своей старшей сестрой Анной.

литературе. О литературе следует сказать особо. В доме буквально царил культ книги. Как ни скромно жила семья, книги, тем не менее, покупались. В доме были сочинения русских классиков, иностранная литература. Книги в семье любили и ценили превыше всего. Самым лучшим, самым дорогим подарком считалась книга. Книги дарили детям ко дню рождения, в праздники. Интерес к литературе в семье, пожалуй, превалировал над всеми другими, любовь к литературе объединяла всех в семье. Практиковались совместные чтения вслух как классических произведений, так и новых. После чтения новых произведений или посещения театра совместно обсуждали прочитанное или увиденное, когда каждый мог высказать свое мнение, впечатление о книге, спектакле.

В семье был такой обычай. Вечером, когда все дела были сделаны, и отец отдыхал после работы, а мать — от домашних дел, все собирались к столу. Дети к этому времени кончали приготовление уроков и после совместного чая начинались общие беседы. Можно было рассказать о своих новостях, о том, что заинтересовало или о том, что тревожит, обсудить прочитанное или театральную новинку, попросить совета. Обстановка была

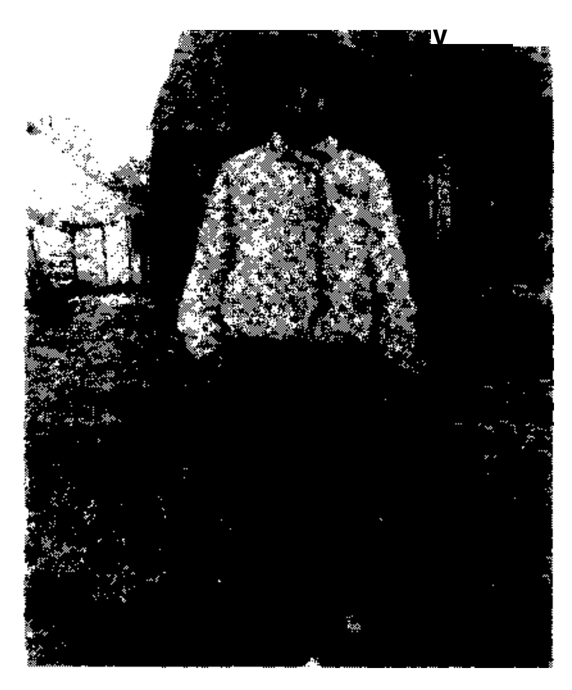

Рис. 5. Лев Семенович в шестилетнем возрасте.

такой искренней и доброжелательной, что никто не боялся поделиться сокровенным или попросить помощи. Каждый из детей был уверен в том, что будет понят, что может получить спокойный добрый совета, если нужно, то и помощь. И дети, и родители очень дорожили этими часами душевной близости.

В материальном отношении семья Выгодских жила очень скромно. У девочек кроме гимназической формы было только по одному ситцевому платью. Когда младшая из дочерей — Маша — спросила, почему другие девочки одеты лучше, мать ей спокойно объяснила: «Разве ты не понимаешь, мы ведь должны помогать Даше[20г] — там дети растут без отца».

Все дети в семье Выгодских были способными, хорошо учились, проявляли особые склонности к литературе и языкам.

Хорошо знавшая семью Выгодских Елизавета Онуфриевна Василенко (гимназическая подруга их старшей дочери Анны) в своих письмах к одному из авторов этой книги пишет, что «часто бывала в доме, знала и глубоко уважала всю семью, была уверена в незаурядном будущем каж-

Вдова брата Семена Львовича.

Рис. 6. В гимназические годы. Лев Семенович со своими двоюродными братьями Львом и Давидом Выгодскими.

дого из них». Она рассказывает об Анне, что та «очень любила русскую и зарубежную художественную литературу. Всегда снабжала меня новинками. В гимназии сочинения писала лучше всех в классе». Обычно учитель литературы зачитывал ее сочинения всему классу, а потом сам нес их через весь класс и отдавал автору. «Все в классе хорошо понимали ее превосходство в области русского языка и литературы, думали, что она будет писательницей»[20].

В семье хранились книги, которыми за успехи награждалась в гимназии Зинаида. Успешно учились и остальные дети.

Лев Семенович рос живым, общительным, подвижным, веселым ребенком, способным на шалости, склонным к шуткам, розыгрышам, отнюдь не тихоней. Он был жизнерадостным мальчиком, с богатой фантазией, ярким, живым воображением, очень любознательный. Его интересовало то, что интересует всех мальчишек его возраста, однако уже в детские годы ему были присущи доброта, расположенность к людям, ответственность за свои поступки, умение держать данное слово.

Он был очень привязан к родителям и, если случалось так, что его поступки огорчали их, это было для него самым большим наказанием. Так, вспоминают, что Лев Семенович рос страстным «лошадником». Однажды он, угнав чужую лошадь, далеко ускакал на ней. Несколько часов о маль-

[20] Из писем Е.О Василенко к Г.Л. Выгодской от 24/V 1972 г. и от 26/VI 1972 г. // Семейный архив Л.С. Выгодского.

чике не было ничего известно, все домашние очень беспокоились. Когда он, наконец, вернулся, его не наказали. Отец только очень выразительно, укоризненно посмотрел на него и ушел к себе, а мать облегченно вздохнула. Недовольство отца и молчаливое огорчение матери были для мальчика больше, чем любое наказание.

Очень короткое время, когда дети были совсем маленькими, в семье жила няня, которая больше всех любила Леву. Зная о его увлечении, она однажды купила за рубль и подарила ему жеребенка. Мальчик был счастлив, и все теплое время года проводил с ним, не отходил от него. (О дальнейшей судьбе жеребенка никто из родных не помнит.)

Боязнь и нежелание огорчить родителей уже в ранние годы руководили его поступками. В семье сохранилась фотография Льва Семеновича в возрасте лет шести, на которой он стоит в широкой соломенной шляпе. Его сестры рассказывали историю этой фотографии.

Как-то родственники предложили матери отправить мальчика погостить у них летом в сельской местности. Мать перед отъездом купила ему соломенную шляпу и просила сына носить ее в жаркие дни. Мальчику шляпа очень не нравилась, но, вздохнув, он обещал матери выполнить ее просьбу. Некоторое время спустя родители получили в письме этот снимок. По возвращении в город мать спросила сына, зачем он сфотографировался в шляпе, раз ему так не нравится в ней ходить. Мальчик ответил, что сделал это для того, чтобы мать видела: он держит слово и у нее нет причин волноваться.

У Льва Семеновича всегда было много друзей. Летом они все свое свободное время проводили на реке Сож, где купались, плавали, катались на лодке. Иногда ребята получали удовольствие от довольно рискованных поступков: они подгребали на лодке к проходящему мимо пароходу и качались на волнах. Однажды это окончилось трагически для одного из близких друзей Льва Семеновича.

Вечерами молодежь собиралась на широком крыльце дома Выгодских: читали стихи, мечтали о будущем, строили планы, делились сокровенным, просо беседовали.

Первоначальное образование Лев Семенович получил дома, самостоятельно осваивая курс первых гимназических классов. Сдав экстерном экзамены за 5 классов, он поступает в VI класс частной мужской Гомельской гимназии доктора Ратнера. Из рассказов одновременно с ним учившихся явствует, что уровень его одноклассников был довольно высок. Но Лев Семенович сразу выделился среди них. Глубина интересов, умение раз-

бираться в сложных вопросах — иначе говоря, умение мыслить — вот что привлекало к нему и соучеников и преподавателей.

Об этом же вспоминал и профессор Я.С. Темкин, учившийся в те же годы в этой же гимназии. Он говорил, что Лев Семенович был не только на голову выше своих сверстников, выделялся своими способностями, но никогда не кичился этим. Благодаря его общительности и доброжелательности одноклассники относились к нему с любовью и уважением.

Уже в гимназические годы интересы Льва Семеновича были очень разносторонними, ко всем предметам он проявлял такой интерес и обнаруживал такие способности, что каждый из преподавателей считал, что юноша должен избрать себе именно эту специальность: математик прочил ему будущее математика, латинист — «классика».

В гимназии Лев Семенович изучал немецкий, французский языки и латынь. Дома он занимался греческим, древнееврейским и английским языками. Но самыми любимыми его предметами были литература и философия.

Вспоминая о широте интересов пятнадцатилетнего Льва Семеновича, близкий ему в те годы Семен Филиппович Добкин рассказывал, что их сестры учились в одном классе гимназии и были очень дружны. В IV—V классах они решили организовать кружок по изучению истории. Руководителем выбрали Льва Семеновича. Темы, обсуждаемые на занятиях этого кружка, были самыми разнообразными: «Что такое история?», «Наука или искусство?», «Если история наука, то чем она отличается от других гуманитарных наук?», «Есть ли у истории цель?», «Какова роль личности в истории?» и т. п.

Занятия в кружке носили историко-философский характер. Несмотря на юный возраст слушателей и руководителя вопросы рассматривались основательно и серьезно. «Лев Семенович был тогда очень увлечен гегелевским пониманием истории. Схема Гегеля «тезис — антитезис — синтез» занимала его мысли в ту пору. И именно с ее помощью он анализировал исторические события»[20].

Выступая пербд студентами факультета психологии МГУ 27 ноября 1984 г., С.Ф.Добкин вспоминал о том, как Лев Семенович вел занятия этого кружка. «Занятия были семинарского типа. По каждой теме сперва Лев Семенович делал доклад... Потом все темы распределялись меж-

[20] Добкин С.Ф. Века и дни. Цит. по: Левитин К.Е. Личностью не рождаются. — М.: Наука, 1990. - С. 20.

2 Зак. 1029

УдостовЪреш'е.

*Предъявитель сего удостовгьрен/я, ученик» * класса частной мужской еврейской гимназии А. Е. Ратнера въ гор. Гомелгь, Могилевской губ.* ft Wi« <ае-чплл» . \i &Ч- CAXJULJ6O 6o_ллA-

какь видно изъ документовъ, сынъ 'г^лЧА. °<-~ x>UJ - ^'\^*еп,роиспо-втдаша /удейскаго, родившися* Э ^З'аЧ '^I^ го^й' *поступиль въ 19 W году по* ЭК^О-и^лил^

es LM«JtWU!LAA «ЛЯЛЬ

частной мужской гимназ/п А. Е. Ратнера и, пробывъ въ этой гимназт до окончан/'я курса <иэ«Л>аллл- *классовъ въ продолжение всего этого времени быль поведения* <8Лпп *JJJ^MCXAO*

Въ 1913 году, на бывшемъ окончательномь испытании, произведенном подъ наблюдением» депутатовь отъ Виленскаго Учебного округа, онъ обнаружил» слпдуюицн познан/я:*

въ Законт Божьем»

. *русском» язык/ь $ЛмкЛллА\лМ^* (O J

. *философской пропедевтика* &Ллл<лллл VLA^ (5 J

. *латинскомъ языки,* ОЛл/і олМ-УсЛи^ (^ij

въ арияметикп, (Млл IAAM. U.W} (i)

математик»,: . *алгебра,* (М^л^л*лл_кЛ^

. *геометрш* &Av\ VUA/UKVW^ (iT)

. *тригонометрш* Л^ллиилл.^ДклД, CO

математической географ/и (УЛм JJ^U\, W^W^ (6J

физика, frA^^AA-L'LVA.-W^(5j

исторіи Vvv^ALVx.VJtbS) (3"J

законовгьдгьнш S-A^iAAMV^Uy (£)

н/ьмецкомъ ***языка,*** Олло^мл/iV^4^) ($J

французском» языкп й-Длп сЛЛЛД WW< ^ 5j

РИС. 7. Удостоверение об окончании гимназии, 1913 г.

ду участниками. Перед каждым докладом Лев Семенович прорабатывал тему с докладчиком, делая вступительное слово, а после доклада было его заключительное слово... Как он проводил беседу с докладчиком, знаю на своем опыте... Доверительная беседа мне показалась замечательной, интересной и очень много мне дала. Когда я через несколько лет поступил в Московский университет и на философском отделении историко-филологического факультета занимался с такими выдающимися мыслителями и педагогами, как Густав Густавович Шпет, Франк, Ильин, Фохт, я увидел ту самую атмосферу, тот самый метод ведения занятий, который был у Льва Семеновича... Так что до многого он дошел в значительной степени сам.

Занятия в кружке проходили примерно два учебных года, после этого Лев Семенович уехал учиться, и занятия практически прекратились, кружок распался. Но за два года этот кружок очень много дал его участникам. Я думаю, что этот кружок очень много дал и Льву Семеновичу. Несмотря на то, что он был очень развитый и образованный юноша, многие вопросы ему пришлось для себя уяснить, довести до полной ясности именно в кружке»[20ж].

Летом 1913 г. Лев Семенович оканчивал гимназию, выпускники которой должны были сдавать депутатские экзамены. Депутатскими они назывались потому, что на них должен был присутствовать представитель учебного округа — депутат, оценивающий знания учащихся. Как правило, эту обязанность выполняли преподаватели казенной гимназии, которые несколько предвзято относились к знаниям учащихся частной гимназии, придираясь к недостаточной точности формулировок. Несмотря на это Лев Семенович прекрасно сдал все выпускные экзамены.

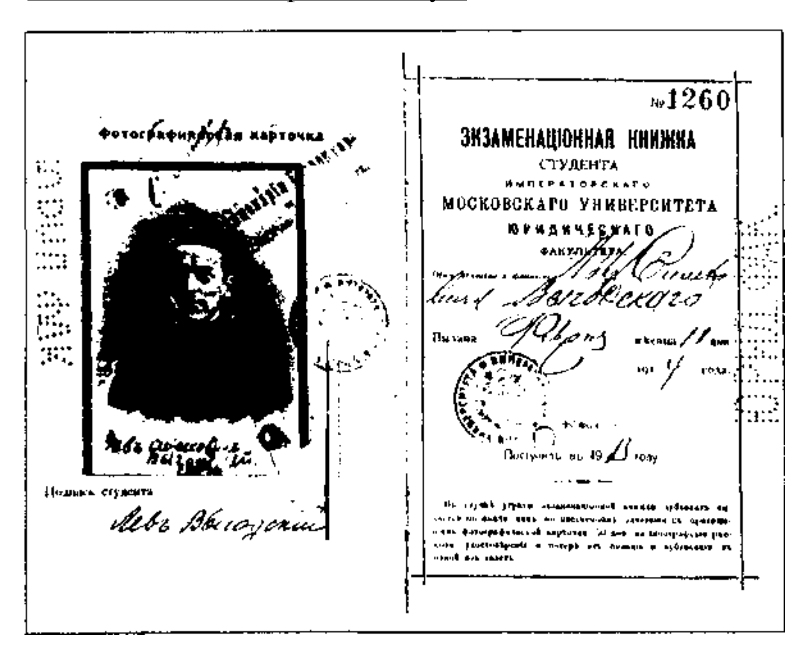
Как свидетельствует удостоверение выпускника VIII класса Л.С. Выгодского, «в 1913 году на окончательном испытании, произведенном под наблюдением депутатов от Виленского учебного округа, он обнаружил по всем предметам отличные знания»[203].

При выборе специальности юноша поддался уговорам родителей, которым казалось, что медицинское образование сможет обеспечить сыну в будущем интересную работу и средства к существованию.

Нельзя не сказать, что в силу существовавших в те годы обстоятельств,

[2|1ж] Магнитофонная запись выступления С.Ф. Добкина 27/XI 1984 г. на факультете психологии МГУ.

[2,ь] Удостоверение № 5567, выданное частной мужской гимназией А.Е. Ратнера в г. Гомеле // Семейный архив Л.С. Выготского.

Фотографическая карточка

Подпись студента

№1260

ЭКЗАМЕНАЦIОННАЯ КНИЖКА

СТУДЕНТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ЮРИДИЧЕСКАГО

ФАКУЛЬТЕТА

Поступилъ въ 19 году

Рис. 8. Экзаменационная книжка студента юридического факультета Императорского Московского университета Л.С.Выгодского, 1914 г.

заниматься на историко-филологическом факультете было бесперспективно, так как получение образования еще не давало Льву Семеновичу возможности найти работу. Выпускники этого факультета преподавали в гимназиях и училищах, т.е. находились на государственной службе, а евреев на государственную службу не принимали и жить они могли лишь в пределах «черты оседлости».

Распростившись с мечтой о философии и литературе, он по окончании гимназии с золотой медалью уезжает в Москву и поступает на медицинский факультет Московского Императорского университета.

Занятия на медицинском факультете не увлекли Льва Семеновича, они были далеки от его истинных интересов. Через очень короткий срок — что-то около месяца — Лев Семенович перевелся на юридический факультет. Почему свой выбор он остановил именно на юридическом факультете? Дело в том, что окончание этого факультета открывало возможность поступления в адвокатуру, а не на государственную службу. Это давало разрешение жить вне «черты оседлости».

Однако интерес к философии и литературе был так высок, что Лев

Рис. 9. В студенческие годы.

Семенович одновременно (в 1914 г.) поступает на академическое отделение историко-философского факультета народного университета им. Шанявского.

Что собой представлял этот университет? Это было Московское городское учебное заведение, открытое по инициативе и на средства либерального деятеля народного образования генерала А.Л. Шанявского (1837—1905). В этот университет принимались лица обоего пола, независимо от национальной принадлежности, религиозных и политических взглядов. В университете было два отделения: научно-популярное, дававшее общее среднее образование, и академическое, дававшее высшее образование по естественно-историческим и общественно-философским группам наук.

«Университет Шанявского был народным в самом лучшем смысле этого слова, и в то же время был самым настоящим университетом, самой высшей, по всем масштабам, марки. Произошло это не только потому, что во главе этого университета стояли замечательные люди, но и еще по одной

причине. В 1911 г. в Московском Императорском университете начались студенческие волнения. По настоянию министра народного просвещения в университет была введена полиция, это нарушало университетскую автономию. В качестве протеста против этого началась студенческая забастовка. По приказу министра несколько сот студентов были уволены из университета. Тогда лучшие профессора и преподаватели университета, более ста человек, тоже подали в отставку, и эта отставка, хотя считалось, что это невозможно, была принята. Московский университет сразу же потерял своих лучших преподавателей. Среди тех, кто ушел из университета в 1911 г., были такие выдающиеся ученые, как Вернадский, Чаплыгин, Кольцов, Сакулин, Чебышев[20"]. Одним словом, это был цвет московской науки. Большая часть этих ученых нашла себе приют в народном университете Шанявского. Университет Шанявского стал настоящим и лучшим по тем временам университетом»[20к].

В повести «Зубр» Даниил Гранин подробно описывает работу семинаров и спецкурсов, которыми руководил в университете Шанявского один из основателей молекулярной биологии Н.К. Кольцов.

Психологию и педагогику в этом университете преподавал П.П. Блонский.

«Сама атмосфера университета Шанявского, общение с его студентами и преподавателями значили для Льва Семеновича намного больше, чем занятия на юридическом факультете»[20л]. Тем не менее он занимался и на юридическом факультете вполне успешно. Сохранившаяся экзаменационная книжка студента Императорского Московского университета[20"] подтверждает, что Л.С. Выготский всегда с большой ответственностью относился к учению: на протяжении всех студенческих лет его аттестуют высшим баллом («весьма удовлетворительно»).

Обучение в университетах оказало значительное влияние на формирование мировоззрения и научного склада мышления будущего ученого.

юп Этот список может быть продолжен. Д.Гранин называет среди тех, кто покинул университет в 1911 г., К.А. Тимирязева, П.Н. Лебедева, Н.Д. Зелинского. // Гранин Д. Зубр. — М.: Известия, 1987.

21,к Из магнитофонной записи выступления С .Ф. Добкина на факультете психологии МГУ 27/XI 1984 г.

21,л Добкин С.Ф. Веки и дни. Цит. по: Левитин К.Е. Личностью не рождаются. — М.: Наука, 1990. - С. 23.

21Ы Экзаменационная книжка № 1260 студента Императорского Московского университета юридического факультета, выдана февраля месяца 11 дня, 1914 г. // Семейный архив Л.С. Выготского.

Льву Семеновичу посчастливилось учиться в Москве у выдающихся педагогов, крупных ученых. Так, по воспоминаниям его сестры Зинаиды Семеновны (с которой они в одно время учились в Москве и вместе жили на Пречистенке), они оба в течение нескольких лет систематически активно занимались в семинаре Густава Густавовича Шпета — «блестящего лектора, эрудита, яростного и беспощадного спорщика и полемиста»[20"].

Г.Г. Шпет (1879-1940) — «выдающаяся фигура в истории русской науки и философии. В первые три десятилетия нашего века он был одним из наиболее заметных деятелей культурной жизни России»[200]. По воспоминаниям Н.В. Тимофеева-Ресовского, в Московском университете в эти годы работал интересный философский кружок. «Логико-философским кружком руководили Густав Густавович Шпет, смущая умы неслыханными парадоксами, расшатывая самые незыблемые основы этого мира, и Николай Николаевич Лузин, который, будучи крупнейшим математиком, умел находить в ней (в математике) философскую мысль»[20"].

Сестра Льва Семеновича вспоминала, что они оба не ограничивались только тем, что им следовало изучать по программе избранной специальности, а посещали лекции прекрасных преподавателей и на других факультетах.

Изучение литературных и исторических дисциплин, работа над философским наследием пробудили интерес к психологии. Начавшееся еще в студенческие годы увлечение этой наукой определило всю последующую судьбу Л.С. Выготского. Об этом сам Лев Семенович писал так: «Еще в университете занялся специальным изучением психологии... и продолжал его в течение всех лет»[20"]. И позже подтверждал: «Научные занятия по психологии начал еще в университете. С тех пор ни на один год не прерывал работы по этой специальности»[200].

Свою учебу в университетах Лев Семенович совмещал с работой технического секретаря в журнале «Новый путь»[20т].

211,1 Поливанов М.К. О судьбе Г.Г. Шпета. // Вопросы философии. — 1990. — № 6.

2о Митюшин А.А. Г. Шпет и его место в истории отечественной психологии. // Вестник МГУ. Серия психология. — 1988. — № 2.

2,111 Гранин Д. Зубр. - М.: Известия, 1987. - С. 31.

2"" ЦГА Московской области. — Ф. 937. — Оп. 3. — Д. 49. — Л. 2.

2111 Сведения о предшествующей работе Л.С. Выготского. // Семейный архив Л.С. Выготского.

201 Личное дело // ЦГА РСФСР. - Ф. 2306. - Оп. 42. - Д. 499. - Л. 11. (Здесь и далее названия архивов сокращены такими, какими они были в период работы авторов с данными документами).

Нам удалось отыскать ряд статей, принадлежащих перу девятнадцати-двадцатилетнего Л.С. Выготского. Ряд своих статей и заметок, опубликованных в журналах «Летопись», «Новый путь», «Новая жизнь» в 1916-1922 гг., Выготский иногда подписывал «Л.С.» или «Л.В.» Из найденных работ тех лет, подписанных этими инициалами, в полную библиографию трудов Л.С. Выготского включены только те из них, авторство которых было нами установлено либо путем сравнения с последующими печатными работами ученого, либо в том случае, когда были найдены упоминания об этих статьях и заметках в личном архиве Л.С. Выготского.

Первые студенческие публикации Льва Семеновича были посвящены литературоведческим проблемам.

По-своему интересны литературно-критические статьи: о романе Андрея Белого «Петербург», о книге Вячеслава Иванова «Борозды и межи», о пьесе Д.Мережковского «Будет радость», о поэме И.С.Тургенева «Поп»[20].

Можно предположить, что положительную роль в формировании литературных вкусов Льва Семеновича Выготского сыграл основанный А.М. Горьким прогрессивный литературный и научно-политический журнал «Летопись». На страницах журнала печатались произведения В. Брюсова, М. Горького, В. Маяковского, Г. Уэллса, А. Франса, В. Шишкова и др. В библиографическом отделе журнала «Летопись» пробовал свое перо студент Московского университета Л.С. Выготский.

Его критические статьи и обзоры, хотя еще недостаточно зрелы, но в них уже угадывается почерк начинающего литературоведа и психолога. Анализируя литературные произведения, обращаясь к вопросам культуры, театра, живописи, теории искусства, Л.С. Выготский высказывает подчас довольно смелые мысли, дает меткие характеристики, особо подчеркивает те аспекты, которые несовершенны с его точки зрения в психологическом плане. Так, например, анализируя роман А.Белого «Петербург», Л.С. Выготский пишет, что в романе «нет реалистически-психологической жизненной ткани, все зыбко, неустойчиво, размыто туманом. Сознание героев как бы отделяется от их личности, и автора занимает не живая психология людей, а голая логика их отдельных сознаний...»[21].

В другой своей статье, посвященной анализу этого же романа, он

[20] См. библиографию работ Л.С. Выготского №5, 6, 10, 11.
[21] Летопись. - 1916. - № 12. - С. 328.

пишет: «Прежде всего — как ни расценивать роман, — несомненно, что по заданию это есть произведение художественное, и идеи автора получили соответственное выражение в зависимости от самой избранной автором художественной формы. Вот почему выражение это глубоко своеобразно». Но и в этой статье Лев Семенович отмечает, что в романе «все... даже самые зрительные образы — зыбко, неустойчиво, расплывчато, размывается туманом, колеблется, двоится, возникает и сейчас же вновь улетучивается». В конце статьи он отмечает, что «новый роман А. Белого дает художественное выражение (с уклоном от Достоевского к Гоголю) этому чувствованию, этому умонастроению: сквозь зыбкую ткань видимой действительности и нормального дневного сознания просвечивает иная действительность, где все становится «то, да не то» (говоря словами романа)...»[22].

Завершая учебу в университете Шанявского, для написания дипломной работы Л.С. Выготский выбрал одно из своих любимых произведений — «Гамлет». Исследование шекспировской трагедии, занимавшее двенадцать тетрадей, хранилось в архиве ученого в двух вариантах. Черновой вариант был написан им 5 августа — 12 сентября 1915 г., когда Лев Семенович приезжал на летние каникулы к родителям в Гомель. Окончательный вариант был написан им в Москве, на нем стоят даты — 14 февраля — 28 марта 1916 г.

Лев Семенович очень любил трагедию о Гамлете, и эту любовь он сохранил на всю жизнь. В его библиотеке хранилось большое количество трудов, анализирующих творчество Шекспира, и отдельных его произведений. Лев Семенович бережно собирал различные издания «Гамлета» и часто перечитывал эту бессмертную трагедию как в оригинале, так и в разных ее переводах. Многие страницы он знал на память.

Печальна участь любимых Львом Семеновичем книг, значительную часть которых растащили и использовали, по всей видимости, люди из окружающих домов для топки в страшные годы войны. Дом, в котором жила семья Выгодских, пострадал от бомбардировки и некоторое время стоял с выбитыми окнами и дверьми (а квартира находилась на первом этаже). Участь всех книг разделили и многочисленные издания «Гамлета».

Необычна судьба раннего, но вполне зрелого исследования Льва Семеновича — «Трагедия о Гамлете, принце Датском, У. Шекспира». Целиком эта работа впервые увидела свет лишь спустя 52 года после ее напи-

[22] Новый путь. - 1916. - № 47. - С. 32.

сания. Она была опубликована в качестве приложения ко второму изданию книги «Психология искусства»[23].

В своей дипломной работе Лев Семенович дал оригинальный и своеобразный анализ произведения о Гамлете, отличный от всей многочисленной литературы, посвященной разбору этой классической трагедии.

Известный шекспировед А.А. Аникст, выступая в Центральном доме работников искусств, сказал: «Последние шестьдесят лет своей жизни я занимаюсь Шекспиром. Когда я впервые взял в руки работу Л.С. Выготского о Гамлете, я понял, что написавший ее девятнадцатилетний юноша — гений»[24]. В своем выступлении А.А. Аникст подчеркивал, что работа Льва Семеновича выделяется среди многочисленных произведений тем, что она не повторяла или уточняла их, а отличалась оригинальностью и свежестью суждений, совершенно самостоятельным подходом к рассмотрению и анализу шекспировской трагедии.

Раннее исследование Льва Семеновича получило высокую оценку не только у нас в стране, но и за рубежом. Оно издавалось во многих странах в качестве приложения к «Психологии искусства» (см. библиографию произведений Л.С. Выготского, изданных за рубежом). В некоторых странах, например в Японии (1970 г.) и в Италии (1973 г.), эта монография выходила самостоятельным изданием.

Дипломная работа Льва Семеновича «Трагедия о Гамлете, принце Датском У.Шекспира» не утратила интереса читателей и сегодня. Так, в книге доктора филологических и психологических наук А.А. Леонтьева читаем такие слова: «Я еще раз перечитал книгу Выготского о Гамлете — и снова то же впечатление. Какой язык! Какой глубины художественный анализ! Какое проникновение в механизм литературного творчества!»[25]

Не правда ли, редкий случай, когда дипломная работа студента вызывала бы такие восторженные отзывы специалистов в области лингвистики и литературоведения спустя более семи десятков лет после ее написания!

В студенческие годы вместе с сестрой Зинаидой Семеновной Лев

[23] Частично материал дипломной работы был использован Львом Семёновичем при написании им монографии «Психология искусства» (1925 г.). Второе издание книги «Психология искусства», впервые включавшее «Гамлета», было осуществлено в 1968 г.

[24] Из выступления А.А. Аникста 18 февраля 1987 г. на вечере «Этюды о книгах» в ЦДРИ, посвященном выходу книги Пузырея А.А. Культурно-историческая теория Л.С.Выготского и современная психология. — М.: Изд-во МГУ, 1986.

[25] Леонтьев А.А. Л.С.Выготский. — М.: Просвещение, 1990. — С. 18.

Семенович часто посещал спектакли московских театров. О его любви к театру хочется сказать особо.

Еще в гимназические годы у Льва Семеновича возник интерес к театру, он старался на пропускать спектакли местной труппы и приезжавших на гастроли театров. В Москве любимым театром стал Художественный. Студенческая молодежь с удовольствием часто его посещала. И действительно, такие спектакли, как «Маленькие трагедии», «Братья Карамазовы», «Николай Ставрогин», были событием театральной жизни Москвы. На сцене этого театра в 1916 г., в период студенчества Льва Семеновича, Гордоном Крэгом, английским режиссером, был поставлен спектакль «Гамлет». Постановка была оригинальной, декорации отсутствовали, спектакль шел «в сукнах», как тогда говорили. Этим достигалась концентрация внимания зрителей на игре актеров. Роль Гамлета исполнял В.И. Качалов. Этот спектакль был, разумеется, особенно интересен Льву Семеновичу.

В 1914 г. в Москве открылся Камерный театр под руководством А.Я. Таирова. Спектакли этого театра строились на другой основе, так как концепция А.Я. Таирова была отлична от системы Станиславского. Там блистательно играла Алиса Георгиевна Коонен, актерский диапазон которой был необычайно широк. Ей подвластны были все роли: от трагедийных до опереточных. Полюбив этот театр в студенческие годы, Лев Семенович остался верен этой любви всю жизнь.

Лев Семенович и его сестра старались не пропустить ни одного интересного спектакля. Они довольствовались самыми дешевыми входными билетами и смотрели происходящее на сцене, сидя на ступеньках лестницы или стоя где-нибудь на галерке в течение всего спектакля.

Лев Семенович, вероятно, был бы очень удивлен, если бы ему в то время кто-нибудь предсказал, что в недалеком будущем ему придется в своем родном Гомеле заведовать театральным отделом!

Незаметно прошли студенческие годы в Москве, насыщенные лекциями, семинарами, напряженной работой в библиотеках, углубленным изучением любимых предметов, общением с прекрасными преподавателями, выдающимися учеными, работой в литературных журналах, написанием первых литературоведческих статей, посещением столичных театров.

Успешно закончив оба университета, в декабре 1917 г. Лев Семенович возвратился к семье в Гомель[26].

[26] Отпускной билет студента № 5210 был выдан Московским университетом 14 декабря 1917 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

Рис. 10. С выпускниками Гомельской школы. (Лев Семенович второй слева в среднем ряду. В центре — И.И. Данюшевский. В нижнем ряду четвертый слева — Г.Н. Воронов. 1920—1921 гг.).

12 ноября 1917 г. в Гомеле была провозглашена советская власть. Но расположенный на перекрестке многих дорог, Гомель вскоре оказался в центре военных действий. Он был оккупирован немецкими войсками и присоединен к той части Украины, где было создано марионеточное государство во главе с гетманом Скоропадским. Фактически город оказался под двойным гнетом: с одной стороны немецкие оккупанты, с другой — войска Скоропадского. Жители города вспоминали это время как очень тяжелое: в городе царили голод и разруха, оккупанты разных мастей, меняя друг друга, грабили Гомель.

Найти в такой обстановке постоянную работу Льву Семеновичу, вернувшемуся после завершения образования в Москве, не удалось. Чтобы не быть обузой семье, он зарабатывал отдельными частными уроками[27]. Семейные обстоятельства сложились так, что в это время (1918 г.) на плечи Льва Семеновича легли обязанности по уходу за двумя больными: только что поднявшейся с постели после тяжелой вспышки туберкулеза матерью

[27] Сведения почерпнуты из краткого жизнеописания, написанного Л.С.Выготским 14 октября 1925 г. в Москве.

Рис. 11. Гомель. Лев Семенович со слушателями летних курсов. 1920—1921 г.г. (Лев Семенович третий справа во втором ряду).

и самым младшим братом, которому шел тринадцатый год. Состояние мальчика врачи считали угрожающим, но у них еще теплилась надежда, что пребывание больного туберкулезом ребенка в Крыму может спасти ему жизнь. Естественно, что семья ухватилась за это предложение врачей и готова была сделать все, чтобы спасти мальчика.

Дорога в Крым лежала через Киев. Лев Семенович повез брата и мать. Но когда с огромным трудом им удалось добраться до Киева (нельзя забывать, что шла гражданская война), состояние ребенка резко ухудшилось, и о дальнейшей дороге в Крым нечего было и мечтать. Больного пришлось поместить в клинику, а Лев Семенович с матерью сняли комнату рядом, чтобы целый день иметь возможность находиться вместе с ребенком.

Через несколько месяцев мальчику стало как будто бы немного лучше, однако врачи считали, что тяжелую дорогу до Крыма он не перенесет, и рекомендовали забрать его домой. Прислушавшись к их совету, Лев Семенович вернулся с матерью и братом в Гомель. Однако и дома болезнь продолжала прогрессировать (у него была скоротечная форма туберкулеза). Мальчик тяжело болел около года, и все это время Лев Семе-

нович неотлучно находился рядом, осуществляя всю работу по уходу за ним. Младший брат умер на четырнадцатом году жизни, и от такого неутешного горя вновь заболела мать. И опять Льву Семеновичу пришлось выхаживать дорогого и близкого ему человека. Не прошло и года, как на семью обрушилось новое горе: от тифа скончался второй брат Льва Семеновича.

Поэтому первый год пребывания Льва Семеновича в Гомеле был омрачен не только тяжелой обстановкой в городе (оккупация, голод, отсутствие постоянной интересной работы), но и обстановкой в семье (болезни близких, смерть братьев, к которым он был очень привязан).

В начале января 1919 г. Гомель был освобожден от германской оккупации, и в нем была окончательно установлена советская власть. Город начал возрождаться.

Перед советской властью встали задачи политического, экономического, культурного и социального преобразования общества. Для их успешного решения необходимо было создать и новую систему обучения и воспитания.

В апреле 1919 г. образовалась Гомельская губерния, в состав которой вошла почти вся Могилевская губерния, часть Черниговской и Речицкий уезд. Гомель стал крупным губернским центром, открылся ряд административных учреждений, начала расти сеть общеобразовательных и профессионально-технических школ, техникумов, курсов, рабфаков[28].

«Восстановление советской власти после изгнания оккупантов вызвало на Гомельщине волну белогвардейских восстаний и кулацкого бандитизма... Многие старые специалисты, в том числе учителя, саботировали все новое. В этих трудных условиях шло становление советской школы»[29].

С первых дней установления советской власти в Гомеле Л.С. Выготский полностью отдает себя практической работе в области народного образования.

Свою педагогическую деятельность Выготский начинает с преподавания литературы в только что открывшейся первой трудовой школе г.Гомеля, освобожденного от оккупации. Это следует подчеркнуть особо, так как из-за саботажа старого учительства работа школ была прервана, и

[28] Гомель: Историко-экономический очерк. — Минск: Наука и техника. — 1972— С. 56, 78-79.

[29] Фейгина Л.К. Гомельский период жизни Л.С.Выготского. Доклад, прочитанный в Минске на конференции, посвященной 90-лстию со дня рождения учёного. Декабрь 1986 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

«Лев Семенович в числе лучших учителей и организаторов народного образования (Г.Г. Воронова, П.М.Кияновского, И.И. Данюшевского и других) прорвали этот саботаж, встав в ряды строителей новой социалистической школы»[30].

Увлечение психологией в студенческие годы дало толчок к более глубокому изучению любимого предмета. В это же время Лев Семенович начинает преподавать не только литературу, но и психологию. Он ведет курс общей, экспериментальной, детской и педагогической психологии в ряде гомельских учебных заведений: школах, педтехникуме, на учительских курсах[31], участвуя тем самым в обучении школьников и подготовке учителей. Заслуживает интереса его послужной список в учреждениях народного образования:

1) Первая советская трудовая школа — русский язык и литература.
2) Педагогический техникум — логика и психология (общая, детская, педагогическая, экспериментальная).
3) Профтехшкола печатников — русский язык и литература.
4) Профтехшкола металлистов — русский язык и литература.
5) Вечерние курсы Губполитпросвета — русский язык и литература.
6) Курсы Соцвоса (для дошкольниц) — логика, психология.
7) Летние курсы переподготовки учителей — логика, психология.
8) Рабфак — русский язык и литература.
9) Курсы культработников деревни — эстетика.
10) Народная консерватория — эстетика, теория искусств, введение в философию.
11) Организатор кабинета психологии, постоянный лектор и консультант по вопросам психологии[32].

Листая гомельские газеты 20-х г., мы нашли интересное объявление о конкурсе на лучшего учителя. Оно было сделано 6 апреля 1923 г. редакцией «Полесской правды» совместно с органами народного образования по примеру центральной газеты «Правда». Предлагалось всем желающим прислать в редакцию корреспонденцию об учителях, которых считают лучшими и достойными для участия в конкурсе. Списки

[30] Власова ТА. Вступительное слово на заседании Ученого совета, посвященного 70-летию Л.С.Выготского, 27/ХП-66 г. // Архив Научно-исследовательского института коррекционной педагогики РАО.

[31] Личное дело № 922-073// ГА Моск. обл. - Ф. 937. - Оп. 3. - Д. 49. - С. 2.

[32] Фейгина Л.К. Гомельский период жизни Л.С.Выготского. Доклад, прочитанный в Минске на конференции, посвященной 90-летию со дня рождения учёного. Декабрь 1986 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

Рис. 12. Гомель. 1921 г. С работниками просвещения и искусства. (Во втором ряду слева направо: Лев Семенович, Р.Кронгауз; в первом ряду: А.Я.Быховский, директор городской библиотеки Х.Д.Горфункель).

публиковались раз в неделю. Уже в следующем месяце (22 мая 1923 г.)" в списки лучших учителей Гомельской губернии был внесен преподаватель школы II ступени им. К.Либкнехта Л.С. Выготский. Итоги конкурса так и не были подведены, но сам факт выдвижения Льва Семеновича свидетельствует о высокой оценке его педагогического труда коллегами и учащимися.

Диапазон деятельности Л.С. Выготского был чрезвычайно широк. Его привлекало все, что было в то время значимым, важным в развитии культуры.

Льву Семеновичу поручают еще один важный участок работы — его

Полесская правда. — 1923 № 901. - С. 3.

Рис. 13. Гомель. Лев Семенович с директором Гос.театров И.Д.Файлсм и Р.Кронгауз.

назначают сначала заведующим театральным подотделом Гомельского отдела народного образования (1919—1921), а позднее — заведующим художественным отделом Губполитпросвета[34].

Недавно была обнаружена фотография, на которой Лев Семенович находится рядом с Р. Кронгауз — одним из первых партийных работников Гомеля, которая, по-видимому, курировала деятельность работников искусства, и И.Д. Файлем — директором гостеатров Гомеля.

Л.С. Выготский ближе знакомится с театром, участвует в выборе репертуара, следит за постановкой спектаклей. Репертуар гомельских теат-

[34] Личное дело // ЦГА РСФСР. - Ф. 2306. - Оп. 42. - Д. 499. - Л. 13.

ров был чрезвычайно разнообразен. Поскольку своей постоянной труппы в Гомеле до 1924 г. еще не было, Лев Семенович ездил в различные города для приглашения гастролеров и творческих коллективов. Нам доподлинно известно, что с этой целью он ездил в Москву, Киев, Саратов, Петроград.

Гомельский зритель мог увидеть известные театральные труппы: II студию МХТ, Московскую оперную труппу, Петроградский (бывш. Александрийский) театр, Петроградский драматический театр «Кривое зеркало», Государственный Академический Петроградский театр (бывш. Мариинский), Харьковский драматический театр «Красный Факел», Киевскую оперу, Одесский балет и др. На гомельской сцене шли пьесы классические и современные: «Пиковая дама», «Аида», «Кармен», «Русалка», «Мазепа», «Демон», «Борис Годунов», «Фауст», «Травиата», «Анна Каренина», «Живой труп», «Власть тьмы», «Ревизор», «Горе от ума», «Дети Ванюшина», «Овод», «Ученик дьявола», «Стакан воды», «Обрыв», «Дети солнца», «Отцы и дети», «Без вины виноватые», «Волки и овцы», «Монна Ванна», «Орленок» и многие другие[35].

Даже Петроградская газета «Жизнь искусства» лестно отзывалась о серьезной работе заведующего художественном отделом г. Гомеля[36].

Регулярно в местных газетах «Полесская правда» и «Наш понедельник» начинают появляться театральные рецензии, написанные Львом Семеновичем[37].

Недавно наши длительные поиски увенчались успехом — нам удалось разыскать около 70 неизвестных ранее театральных рецензий. Мы уверены, что это еще не все рецензии, написанные Львом Семеновичем в те годы.

В центральных библиотеках Москвы, Ленинграда, Минска не сохранилось полных комплектов гомельских газет двадцатых годов. Возможно, со временем удастся отыскать отсутствующие номера, которые пополнят и без того интересный перечень театральных рецензий, принадлежащих перу Льва Семеновича.

Следует подчеркнуть оперативность Л.С. Выготского при написании этих критических заметок. Они появлялись через день-два после газетных объявлений, извещающих о премьерах. Он хотел, чтобы эти рецензии помогли зрителю разобраться в увиденном.

Л.С. Выготский не ограничивался только оценкой игры актеров, но и высказывал свою точку зрения на саму пьесу — литературную основу

[35] Информацию о гастролёрах и репертуаре театров мы нашли в гомельских газетах за 1922-1923 гг.

[36] Жизнь искусства. - 1922. - № 37 (860). - Сб.

[37] Эти рецензии включены в библиографию трудов Л.С.Выготского, помещённую в конце книги.

спектакля. Так, интересна его оценка пьесы Л.Н.Толстого «Власть тьмы»: «Это одна из прекраснейших русских драм. В ней, во всяком случае, все от искусства и ничего от пошлости. По силе художественного обобщения, по яркости и смелости красок — эта крестьянская трагедия была и остается до сих пор непревзойденным образцом. В ней один герой — Правда, как говорил сам Толстой про другую свою вещь. Самая неподкрашенная, неидеализированная, черная, но великая правда о мужике, который до сих пор на сцену и в литературу вводился или эпизодически в анекдоте, или обсахаренный. По какому-то молчаливому соглашению всех как-то установилось, что трагедия больших душевных движений и страстей, что героическая драма внутреннего порядка — это принадлежность Макбетов и Годуновых, т.е. царей и героев — фигур либо отвлеченных и условных, либо стоящих на высшей ступеньке культурной сложности. Но сделать мужика во всей его реальной сути носителем героического во внутренней драме, т.е. показать общечеловеческое и великое в бунте мужицких темных страстей — это опыт, еще литературой не испытанный.

Для постановки пьеса трудна необычайно именно этим небывалым соединением вернейшей крестьянской этнографии, золотой россыпи простонародной речи, сурового реализма с большой драмой внутреннего порядка шекспировской силы»[38].

Или вот как оценивает Лев Семенович пьесу А.В. Луначарского «Слесарь и канцлер»: «... не ищите в пьесе ни психологии, ни социологии, ни быта, ни трагического конфликта — это полусерьезное, праздничное представление, легкое зрелище, полушутка — полуплакат, но шутка на злобу дня, но плакат на революционную тему»[39].

Разбирая спектакль «Ведьма» по пьесе Трахтенберга, Л.С. Выготский пишет: «Здесь... тема подана на мелкой тарелке и вплетена в обывательскую драму петербургских меблированных комнат. Сама пьеса напоминает «меблирашку» в том отношении, что кто в ней только не ночевал (кроме поэзии) и не оставил своей искаженной и опошленной цитаты»[40].

Все эти рецензии написаны необыкновенно свежим ярким языком, Лев Семенович прибегает порой к неожиданным сравнениям. Языковая палитра столь разнообразна, что ее анализ сам по себе мог бы представить интерес для специалиста. Например, в рецензии на спектакль «Ревизор» Лев Семенович говорил о Гоголе, что он «художник чрезвычай-

[38] Выготский Л.С. Власть тьмы // Полесская правда. — 1923. — № 1010. — С. 3.
[39] Выготский Л.С. Слесарь и канцлер // Полесская правда. — 1923. — № 1038. — С. 4.
[40] Выготский Л.С. Ведьма // Полесская правда. — 1923. — № 1008. С. 4.

ного, предельно смешного, эстетик безобразного. Он вовсе не изобразитель среднетипического, рядового, шаблонного. Его лгун — сверхлгун, его дура — сверхдура. Вот этого патетического комизма, потрясающего смеха не было и не могло быть в школьном, гимназическом, насквозь внешнем спектакле.

Было же: добросовестная передача авторского текста, объяснительное чтение с логическими интонациями, с разъясняющими жестами... В кожу роли, как требовал Щепкин, не влез никто — каждый с трудом уместился в своих не совсем гоголевских и совсем негоголевских платьях»[41].

Анализируя игру актеров в спектакле «Королева и женщина» по драме В.Гюго, Л.С. Выготский пишет: «Играть это надо так же громко-звучно, преувеличенно, подчеркнуто и с таким же размахом, как и написано. Злодей — так уж сам дьявол, герой — так чтоб блестело от героизма и т. д. (...)

У провинциальной героини обычно речь сбрызнута парфюмерией, припудрена и завита в кудряшки интонаций — это годится для передачи Ге. Искусство нашей эпохи ценит прежде всего сильное и мужественное»[42].

Будучи искушенным театральным зрителем, зная лучшие спектакли столичных театров, Лев Семенович старался быть требовательным и объективным в оценке игры актеров, выступавших на гомельской сцене. В газете «Полесская правда» была помещена рецензия Л.С. Выготского «Гастроли Максимова». В афише приезжающий актер рекламировался как «король экрана»[43]. Лев Семенович пишет чрезвычайно критическую, если не сказать, разгромную, рецензию на его выступление в Гомеле. «Мелодекламация Максимова соединяет слово и музыку в самом внешнем, поверхностном плане... Лиризм его чтения дешевый... Яркости и звучности в передаче звука, построенного у поэта, как узорчатый ковер, не было... Голос у артиста небогатый, без верхов, техника произнесения хорошая, но не позволяющая ему быть солистом художественного чтения»[44].

В многочисленных рецензиях Л.С. Выготского можно встретить как хвалебные, так и критические оценки одного и того же исполнителя в различных ролях.

Выготский Л.С. Ревизор // Полесская правда. — 1923. — № 1011. — С. 4.
Выготский Л.С. Королева и женщина // Полесская правда. — 1923. — № 1036. — С. 3.
Полесская правда. — 1923. — № 1067. — С. 3.
Выготский Л.С. Гастроли Максимова // Полесская правда. — 1923. — № 1072. С. 3.

Так его не удовлетворяла игра актрисы Игоревой в ряде спектаклей, где ее сценическое дарование не соответствует исполняемой роли («Стакан воды», «Благодать»). Наряду с этим, рецензируя спектакль «Ведьма», Лев Семенович пишет об этой актрисе так: «Игорева, игравшая Ведьму очень умно, отбросила философию и душевную загадочность натуры. Она взяла роль по-бытовому просто, крепко и ясно — в ее вещественном содержании, и что можно было спасти — спасла... Звучный и хороший голос, особенно передающий властные, сухие, твердые, повелительные потоки, — выдает сразу активный и волевой характер ее артистического дарования. Вероятно, ей по плечу героическое. Еще поражающее достоинство — это отсутствие того сценического кокетства и слащавой позировки, которые и сделались обязательными для амплуа провинциальной героини. Сдержанно проведены все рискованные, сомнительные любовные сцены. Это сухо и благородно»[45].

Большое количество театральных рецензий, которые еще неизвестны широкому читателю, поскольку они публиковались в основном на страницах гомельских газет свыше 70 лет назад (в 1922-1923 гг.), открывают новую грань творчества Льва Семеновича. На наш взгляд, он выступает здесь как тонкий театральный критик.

Любовь к подлинному сценическому искусству, которая ярко проявилась еще в студенческие годы, Л.С. Выготский пронес через всю жизнь.

В Гомеле Льва Семеновича помнят и как одного из создателей литературного журнала «Вереск». Здесь печатались новеллы, стихи, театральные рецензии, литературные портреты и другие произведения малых литературных жанров, редактируемые Л.С. Выготским.

Но, несмотря на то, что об этом рассказывало несколько человек, нам не удалось разыскать ни одного номера «Вереска» (ни в Москве, ни в Минске, ни в Гомеле). Более того, нигде не было обнаружено даже ссылок или описания этого уникального издания. И лишь недавно в журнале «Мастацтва Беларусь (1990, № 1) в статье В. Конана «Папярэдшюю», посвященной художественным периодическим изданиям Белоруссии, мы читаем: «Лет десять тому назад в полузакрытых фондах Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде мне встретился первый и, кажется, последний номер гомельского еженедельного журнала «Театра, литературы и искусства» с поэтическим названием «Вереск» за 1922 год. Насколько мне удалось

Выготский Л.С. Ведьма // Полесская правда. — 1923. — № 1008. — С. 3.

выяснить, этот уникальный экземпляр почему-то не описан в белорусских библиографических журнальных справочниках, его нет и в других библиотеках страны. Издавала его гомельская артель «Вереск» (была и такая!), а редактором был известный позднее советский психологии искусствовед Л.Выготский»[46].

Это была уже находка! А примерно через месяц в читальном зале библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (в Ленинграде) мы, счастливые, держали в своих руках этот номер.

Давайте же вместе бережно перелистаем страницы этого, чудом сохранившегося экземпляра. На его обложке помещен силуэт великого немецкого актера XVIII века Фридриха Шредера в роли короля Лира.

Первые страницы были отведены рекламам гомельских театров, музыкальных концертов, отдельных книг, на последних — рекламировались торговый отдел Губсоюза и рестораны.

Основное содержание журнала было посвящено вопросам искусства. Этот раздел открывался редакционной статьей, носящей программный характер. Ей предпослан эпиграф: «Вереск выживает на самой скудной почве и подготовляет последнюю для более требовательных растений» (Энциклопедический словарь).

Обосновывая выбор названия своего журнала, редактор пишет: «На обложке наших летучих листов мы написали: вереск. Сухой, скудный и суровый цвет; трава дикая, горькая и нищая; но зеленая вечно — одинаково зимой, как летом; растущая в песках и болотах; покрывающая огромные равнинные степи и зеленеющая в горах — в пределах области облаков. Скажем коротко: в искусстве сейчас так, что ему к лицу не лавр, но вереск.

Легко может показаться пустой и вздорной самая затея — издавать журнал искусства в провинции — там, где искусство бедно и неприметно крайне. Но так ли? Оно все же есть и не быть не может»[47].

Основатели журнала ставили своей целью объединить вокруг этого издания актеров, художников, музыкантов, поэтов. Статья заканчивается словами: «Объединение местных художественных сил вокруг нашего журнала, освещение местной и общей художественной жизни, обслуживание ее интересов — вот скромные наши задачи. Мы далеки от мысли руководить и учительствовать: только служить и всматриваться пристально»[48].

Конан В. Папярэдшю// Мастацтва Беларуси — 1990. — № I. — С. 28-31 (на белорусок, яз.).
Редакционная статья // Вереск. — 1922. — № 1. — С. 7.
Там же.

Рис. 14. Обложка журнала «Вереск», 1922 г.

Эта статья не имеет подписи, однако можно утверждать, что она принадлежит перу Л.С. Выготского как единственного редактора журнала[49].

Мы ознакомили доктора филологических и психологических наук А.А. Леонтьева с текстом этой статьи, и он, на основе лингвистического анализа, подтвердил наш вывод.

На страницах этого номера журнала «Вереск» помещены стихи В. Узина и Д. Выгодского, рецензия на пьесу М. Метерлинка «Монна Ванна», отрывок из произведения Анатоля Франса «Дама из Вероны», заметки о новых работах Вс. Мейерхольда, о событиях в художественной жизни и местная театральная хроника.

В.Конан предполагал, что на первом номере «окончилась короткая жизнь «Вереска». У молодых энтузиастов этого общества были добрые намерения, был энтузиазм, но не хватало ни средств, ни опыта для такого дела»[50].

Рассказы людей, живших в это время в Гомеле (Р.Н.Смеховой — будущей жены Льва Семеновича, его сестер Зинаиды Семеновны и Марии

[49] На с. 15 написано: редактор — Л.С.Выготский.На обложке указан почтовый адрес редакции журнала: г. Гомель, Советская, 46 — это домашний адрес Льва Семёновича.

[50] Конан В. Папярэдн1к1 // Мастацтва Беларусь — 1990. — № I. — С. 30.

Семеновны, а также Э.Л.Гейликман и В.С.Узина) говорят об обратном. Вероятно, был издан ряд номеров, потому что все, в частности, вспоминали, что в одном из них была помещена большая статья Льва Семеновича «Качалов-Гамлет»[51].

Напряженно работая в учреждениях Гомеля, Л.С. Выготский много выступает с докладами, посвященными вопросам науки, литературы, искусства. Широкий круг интересов Льва Семеновича, ораторский талант, эрудиция молодого ученого во многих областях науки и искусства всегда привлекали многочисленных слушателей. Темами лекций и докладов были У.Шекспир и В.Маяковский, А.П. Чехов и Л.Н.Толстой, А.С. Пушкин и С.Есенин, М.Горький и В.Короленко. Особенно хорошо запечатлелась в памяти слушателей лекция об Альберте Эйнштейне и его теории относительности. Аудитории до отказа заполнялись и в тех случаях, когда Лев Семенович читал научные доклады, такие, как «Психоанализ как научный метод исследования подсознательного»[52], «Учение о внутренних рефлексах»[53], «К психологии экзамена»[54], «Научные предпосылки школьной характеристики учащихся»[55], «Новые книги в педагогике»[56].

Доподлинно известно, что иногда Лев Семенович выступал с публичным чтением литературных произведений.

В архиве Гомельского краеведческого музея хранятся воспоминания жены Льва Семеновича — Розы Ноевны Выгодской, в которых, в частности, рассказывается о том, как «по инициативе Льва Семеновича проводились литературные «Понедельники», где давались обзоры новых поэтических и прозаических произведений. «Понедельники» привлекали большое количество участников, которые с большим интересом слушали эти обзоры и участвовали в обсуждении литературных новинок»[57].

[51] Авторы были бы счастливы узнать о том, что кто-либо из читателей располагает сведениями о других номерах этого уникального издания.

[52] В газете «Полесская правда» № 492 от 8 января 1922 г. было помещено следующее объявление: «В понедельник. 9 января, в доме Работников искусства и просвещения состоится лекция Л.С.Выготского на тему: «Психоанализ как научный метод исследования подсознательного». Начало в 6 часов вечера. Вход членов профсоюза Работников искусства и просвещения бесплатный».

[53] Сообщения о лекции Л.С.Выготского «Учение о внутренних рефлексах» публиковались в газете «Полесская правда» 15 декабря 1923 г. и 16 декабря 1923 г.

[4] Повестка Культотдела Губуправления, извещающая об этом докладе // ГА Гомельск. обл. - Ф. 2084. - Оп. 3. - Д. 6. - Л. 54.

[55] Протокольная запись данного доклада, прочитанного 12 сентября 1923 г. на Губернской методической конференции по профессионально-техническому образованию // ГА Гомельск. обл. — Ф. 2084. — Оп. 3. - Д. 9. — Л. 83.

[56] Сообщение об этой лекции было помещено в «Полесской правде» в феврале 1923 г. (№ 831).

[57] Архив Гомельского областного краеведческого музея. — инв. № 2407. — Д. 509. — С. 5.

Ученица Льва Семеновича рассказывала, что ярко помнит один из «Понедельников», посвященный творчеству гомельского художника Александра Яковлевича Быховского. В зале были развешены графические работы художника — рисунки тушью, литографии, гравюры на линолеуме. Лев Семенович выступил с небольшим докладом. Затем он давал пояснения к этим работам.

В газете «Наш понедельник» была опубликована заметка «Выставка А.Я. Быховского». Несмотря на то, что заметка без подписи, нельзя исключить, что ее автором мог быть и Лев Семенович, регулярно выступавший на страницах этой газеты. Однако наши предположения не дают основания для ее включения в библиографию трудов Л.С. Выготского. Автор заметки отмечает, что, следуя «уже установившейся традиции своих старших собратьев, Шагала и Альтмана, Быховский идет по пути острого бытового гротеска. У него есть чувство сатиры и, вместе с тем, ощущение героического... В работах Быховского борется любовь к мелочам со стремлением к широкому размаху и динамической композиции. Надо надеяться, что второе победит и тогда художник прочно встанет на ноги»[58].

Позже, в 1926 г. из печати вышел альбом графических работ А.Я. Быховского, который открывался вступительной статьей Л.С. Выготского[59].

Мало кому известна такая страница биографии Льва Семеновича, как его участие в создании и работе Музея печати в Гомеле.

Музей был создан в начале 20-х г. Фактически это была библиотека-читальня, в которой находились послереволюционные издания: книги, брошюры, журналы, плакаты. Музей получал около сотни названий центральных и местных газет. Посетители имели возможность выбрать любую книгу или газету и взять ее со стенда или полки.

Музей печати располагался на Советской улице, 18, в двух комнатах бывшего мануфактурного магазина (во время войны здание сгорело). Позднее музею предоставили несколько комнат на втором этаже здания, в котором сейчас помещается Государственный банк. В 1922 г. музей перевели в рабочий клуб (здание бывшей гостиницы «Савой»).

Самым интересным в работе музея была организация литературных вечеров. Особый успех, как вспоминают гомельчане, имели вечера, посвященные творчеству Александра Блока и Владимира Маяковского[60].

[58] Выставка А.Я. Быховского // Наш понедельник. — 1923. — № 32.

[59] Графика А.Быховского. — М.: Современная Россия, 1926. С. 5-8.

[1,11] Сведения почерпнуты из статьи Т.Кожемякина «Музей печати», опубликованной в «Гомельской правде» № 224 от 21 ноября 1981 г. (на белорусск. яз.).

Если попытаться даже коротко рассказать только о трех членах Совета Музея печати, которые обычно были докладчиками на этих вечерах, то станет ясно, почему эти литературные вечера были такими популярными у молодежи и собирали такую большую аудиторию.

Одним из них был Владимир Мартынович Василенко. Он работал секретарем Гомельской губернской газеты, но известен был больше как поэт. В 20-х гг. вышли несколько сборников его стихов[61].

Чтобы иметь представление о стихах В.М. Василенко, приведем по памяти отрывок одного из них — «Сердце».

Разум скажет: «Вот тебе палка,
Бей злодея, попавшего в сети».
Ну, а сердце захнычет: «Жалко!
У злодея малые дети!»
Разум скажет: «Юноша глупый,
Стал ты явной жертвой Амура -
Каждый видит, даже без лупы,
Что предмет твоей страсти — дура!»
Ну, а сердце найдет лазейку,
Сердце живо припомнит случай -
Дура нищей дала копейку,
Капнув на нос слезой горючей!
Сердце, сердце, других врачуя,
Ты меня не сделаешь Крезом.
Ампутировать сердце хочу я,
Заменить себе сердце протезом.

В состав Совета Музея печати, помимо В.М. Василенко, входили Лев Семенович и его двоюродный брат — Давид Исаакович Выгодский.

О Льве Семеновиче здесь мы можем сказать лишь то, что он активно участвовал во всех видах проводимой в музее работы. (Подробно характеризовать его, как других членов Совета музея, не будем, поскольку ему посвящена вся эта книга.)

Давид Выгодский был тремя годами старше Льва Семеновича. Он, выпускник Петербургского университета, был талантливейшим лингвистом и переводчиком. По воспоминаниям Мариэтты Сергеевны Шагинян, «именно переводам Давида Выгодского обязан советский читатель знакомством своим с передовыми писателями Венесуэлы, Уругвая, Мексики, Боливии, Филиппин, Эквадора, Бразилии. Ведь это он первый пере-

[61] Позднее в Москве В.М. Василенко работал заведующим отделом газеты «Известия».

вел поэтов Кубы, он переводил Бласко Ибаньеса, Ардериуса, Хосе Рисаля и многих других испанцев, переводил с испанского и португальского не только с оригиналов, но с одобрения авторов (многие его переводы авторизованы). Это он перевел с немецкого Иоганнеса Бехера, с французского Вайяна-Кутюрье и Андре Мальро, с итальянского Джерманетто («В гостях у Ленина»), с английского Р.Браунинга и Теннисона. Многие из нас с увлечением читали в его замечательных переводах такие романы, как «Сибирский экспресс» Геллера и «Голем» Мэринка, ставшие библиографической редкостью; а многочисленные статьи, рассеянные по журналам и газетам, о современные литературах Испании и стран Латинской Америки были для нас в те годы едва ли не единственными источниками по этим литературам»[62].

М.С.Шагинян писала о Давиде Выгодском как об очень скромном и милом человеке, «не любить и не уважать его было просто невозможно»[63].

Давид Исаакович Выгодский был арестован 14 февраля 1938 г. в Ленинграде — он обвинялся в подготовке к террористическим актам. Был осужден и последние годы жизни провел в карагандинском лагере, где и умер.

В 1990 г. журнал «Искусство Ленинграда» в память о поэте опубликовал «Реквием». Приведем его полностью:

ВЫГОДСКИЙ
ДАВИД ИСААКОВИЧ
(1893-1943)

Поэт, переводчик, литературовед. Переводил стихи и прозу с тридцати новых и древних западных и восточных языков. Специализировался в области испанской и латиноамериканской литературы. В 1930-е гг. был председателем Испано-американского общества в Ленинграде. Печатался в газетах и журналах Испании и стран Латинской Америки, на Филиппинских островах. В квартире его и Э.И. Выгодской — детской писательницы — бывали О.Форш, М. Шагинян, О. Мандельштам, М.Зощенко, Ю. Тынянов, М. Слонимский, Н. Тихонов, Б. Лавренев, М.Козаков, Рафаэль Альберти, Пла-и-Бельтран. Арестован в 1938 г. Погиб 27 июня 1943 г. в КарЛаге. Реабилитирован посмертно в 1956 г.»[64]

В семейном архиве Льва Семеновича сохранились две фотографии, запечатлевшие членов Совета Музея печати. 8 ноября 1981 г. на страни-

[62] Шагинян М.С. Страница прошлого // Современник. — 1964. — № 6. — С. 100.
[63] Там же. С. 98.
[64] Реквием // Искусство Ленинграда. — 1990. — № 2.

цах «Гомельской правды» был помещен фрагмент одной из этих фотографий. Автор статьи, комментируя ее, пишет: «На стене теснятся плакаты РОСТА — Российского телеграфного агентства, одно из отделений которого было в Гомеле... можно рассмотреть рисунки, надписи: «Добровольцы, на Западный фронт!», «Напрасны надежды империалистов!», «Украина будет свободной!», «Лентяи мешают работе других!». В центре фотографии на фоне будто стреляющих фраз агитационных плакатов, — первые сотрудники гомельской газеты.

Чуть тронуты усмешкой губы Владимира Мартыновича Василенко. Он в рубашке-косоворотке, в галифе. Справа от него — Лев Семенович Выготский, юноша со спокойным открытым взглядом.

Их молодость совпала со временем больших преобразований в стране, им на долю выпал удел образования новой культуры»[65].

С первых лет советской власти Л.С. Выготский включается в работу по изданию и редактированию периодической литературы. В 1922-1923 гг. он заведует издательским отделом «Гомпечать», а в 1923-1924 гг. занимает должность литературного редактора издательского отдела Управления партийно-советской печатью «Полесспечать» и издательства «Гомельский рабочий»[66].

«Свои обязанности по редактированию рукописей, выпуску журналов и других изданий, корректуре, наблюдению за версткой и прочую техническую, литературную и типографскую работу Л.С. Выготский выполнял умело и добросовестно»[67].

Помимо редактирования и подготовки к печати работ других авторов, Лев Семенович находит время для написания и собственных статей. Темы этих литературных статей разнообразны. Они посвящались разбору отдельных литературных произведений, юбилеям писателей, иногда носили обобщенный литературоведческий характер. Работы Льва Семеновича на страницах периодической печати появлялись регулярно. Так только в течение декабря 1923 г. было опубликовано 4 статьи[68]. Хочется думать, что читателю было бы интересно познакомиться с ними. Давайте пред-

[65] Тарасова В. Начало поисков // Гомельская правда. — 1981. — № 215. Эта статья (на бслорусск. яз.) сопровождается публикацией фрагмента фотографии Совета музея печати. (Полностью фотография, на которой изображены все члены Совета музея, помещена в «Гомельской правде» № 224 от 21 ноября 1981 г.)

[66] Личное дело // ЦГА РСФСР. - Ф. 2306. - Оп. 42. - д. 499. - Л. 13.

[67] Справка № 534, выданная Управлением партийно-советской печатью и государственной типолитографией Гомеля «Полесская печать», издательством «Гомельский рабочий» 9 февраля 1924 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[68] Три из них были найдены в ГА Гомельск. обл. Л.К.Фейгиной.

Рис. 15. Гомель. В музее печати. Члены Совета музея. (Справа налево: В.М. Василенко. Лев Семенович, Ф.Б. Рамсин, Д.И. Выгодский, С.Д. Шнапир, Х.Д. Горфункель).

ставим, что перед нами пожелтевшие от времени страницы газеты «Полесская правда». Полистаем их.

Мы находим статью от 9 декабря 1923 г.,, написанную к юбилею А.С. Серафимовича[69].

Прослеживая жизненный и творческий путь писателя, Лев Семенович показывает, что «Серафимович — последовательный и трезвый реалист. Он пишет так, как видит; а видит так, как есть. Поэтому его страницы всегда правдивы»; что «всегдашняя и неизменная, единственная его тема, которой он верен, как рыцарь, — это труд, его обстановка, его напряжение, его борьба с капиталом, его поражения и победы». Лев Семенович считает Серафимовича большим народным писателем, творчество которого должно проложить дорогу «в народную массу, в рабочую толщу, в гущу того

[69] Большой народный писатель // Полесская правда. — 1923. — № 1069. — С. 3.

нового читателя, который теперь только подбирается и присматривается к книге...».

Эта статья, с незначительными изменениями, вполне могла бы быть отнесена и к недавно отмеченному юбилею писателя — 125-летию со дня его рождения.

Через несколько дней, 16 декабря 1923 г., Выготский на страницах той же газеты размышляет о судьбе белорусской литературы[70]. Статья так и называется «О белорусской литературе».

Родным для Льва Семеновича был, конечно, русский язык и, соответственно, наиболее близка русская литература. Но с большим вниманием и интересом следил он и за становлением современной белорусской литературы. В своей статье он прослеживал ее истоки и предвидел ее большое будущее. Он сравнивал белорусскую литературу с народной дудкой, впитавшей в себя истинные чувства и чарующую поэзию. «Что белорусская литература в теперешнем ее виде бедна, как дудка перед венским роялем[71], в сравнении с литературой Пушкина или Мицкевича, Шиллера или Мольера — это знают всех лучше и сами белорусские поэты. Долгий гнет столетиями давил и давил Белоруссию... Но при всем том Белоруссия имеет свою литературу... Новая литература Белоруссии ведет свой счет только с конца прошлого века — это еще молодая литература. Но в ней сила, и упор, и музыка. И все это дано ей именно веками гнета. Эта литература, как и мужицкая дудка, крепка и сильна прежде всего тем, что она сделана из той же материи, что и сам мужик. Она еще не отделилась окончательно от народной поэзии и, как плод в утробе матери, она еще питается теми же соками, что и простонародная песня (...) Но в хоре человеческих голосов у нее есть свой, незаменимый голос, простонародный и сильный. Недаром один из сборников стихов так и зовется «Дудка белорусская»». Лев Семенович пишет, что это в первую очередь национальная литература. «Все поэты прежде всего и главным образом певцы своей родины, своего нищего в красоте края».

Он считает, что эту поэзию питали народное пробуждение, природа и социальный гнев народа.

В конце статьи он пишет: «Есть у одного из поэтов очень символическое стихотворение[72]. Это «Слуцкие ткачихи». Крепостные ткачихи в барс-

™ О белорусской литературе // Полесская правда. — 1923. — № 1075.

[71] Сравнение навеяно «Слепым музыкантом» В.Г.Короленко.

[72] Стихотворение Максима Богдановича «Слуцкие ткачихи». В данном номере газеты помещён перевод на русский язык этого стихотворения, сделанный Давидом Выгодским, двоюродным братом Льва Семёновича.

ком доме посажены ткать персидские узоры, но, забываясь, ткет рука взамен персидского узора родимый образ василька. Вот это же случается и со всеми почти поэтами: всякий узор они сведут в конце концов на родимый образ василька. И именно этим васильком, этой бессознательной связью с родной землей, с ее сердцем, сильна и дорога эта белорусская дудка»

Лев Семенович считал, что главная забота белорусской литературы того времени состояла в том, чтобы «не утерять аромата родимого василька и овладеть сложной музыкой современной поэзии».

Если мы откроем газету от 23 декабря 1923 г., то сможем вместе со Львом Семеновичем перенестись в те дни, которые потрясли мир[73].

Характеризуя книгу Д. Рида как «самую верную картину Октябрьской революции», он отмечает, что автора книги интересовало буквально все, даже такие, казалось бы, мелочи, как разговоры отдельных людей: «Нет такой ничтожной мелочи, которую он не подобрал бы в пыли истории, не поставил на надлежащее место, чтоб она засияла светом правды и смысла, светом героизма».

Заключают статью следующие слова: «Едва ли не самая трудная проблема в истории — это вопрос о соотношениях массы и героев в великих событиях. Книга Рида вскрывает правду этой проблемы».

Нельзя не остановиться особо на работе Льва Семеновича в педагогическом техникуме Гомеля.

Техникум был открыт на базе долгосрочных курсов в 1921 г.[74] Он размещался в небольшом здании по Почтовой улице в доме № 13. Из 11 имеющихся там комнат только 6 были пригодны для занятий.

Техникум ставил перед собой благородную цель подготовить школьных работников, в которых остро нуждалась молодая республика. Газета сообщала, что из разных уездов было подано 250 заявлений, в большинстве своем от крестьян. В первый поток было зачислено 80 человек. Стипендия студентам выдавалась в виде муки и сала. Работать и учиться в таких условиях было трудно: не хватало дров, учебных принадлежностей, педагогического оборудования. Преподавателям выплачивалась очень невысокая зарплата. И, тем не менее, открытие этого техникума было событием для города. Туда пошли работать образованные, преданные делу просвещения энтузиасты: 19 человек из 25 педагогов имели высшее образование.

Выготский Л.С. Десять дней, которые потрясли мир // Полесская правда. — 1923. — №1081.
«Полесская правда» от 27 октября 1921 г. извещала о его создании.

Н- к.:;
ГУВПРОФОБР
ГОМЕЛЬСКИЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ТЕХНИКУМ
8/нОЯбрЯ 192 3г.
л 1600
г. ГОМЕЛЬ

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Прад'яритель "" сего, ококчнвш ИИ кура
ист.фил.фак. Ун. имен. Шаняв.
и прослыш.Юр.фак.Моск.Унив. /f/)c T0/a

Выготский Лев Семенович

27 лег.состоит с 1922 года "Реп.псих,
и Зав.Псих.кабин, Гомельского Педагогического
Техникума.

Изложенное, а также собствеиоручная подпись

/ Л-.С. Выготский/ удостоверяется.

Зав. Педтехникумом
Зав. учебной частью
Секретарь

Рис. 16. Удостоверение, выданное Гомельским педагогическим техникумом.

Число студентов техникума быстро росло, в 1922 году здесь уже обучалось 190 учащихся.

Учебный план предусматривал изучение основ наук на уроках русского языка, математики, истории, географии, политэкономии, а также логики, общей, экспериментальной и детской психологии, методик и предметов эстетического цикла.

В этом педагогическом коллективе с 1922 г. был и Л.С. Выготский.[75] Первое упоминание о его работе в педагогическом техникуме мы находим в протоколе заседания педагогического совета лишь от 15 февраля 1923 г.[76] Он вел логику и все курсы психологии.

На заседании педагогического совета 3 мая 1923 года Лев Семенович предлагает организовать в педагогическом техникуме кабинет эксперименталь-

[75] Удостоверение № 1600, выданное Гомельским педагогическим техникумом // Семейный архив Л. С. Выготского.

ГА Гомельск. обл. Ф. 2084. Оп. 3. **Д. 4.** Л. 11.

ной психологии. Свои предложения он сформулировал в докладе, где определил задачи кабинета, наметил необходимые меры для его организации, составил смету расходов, определил работу на ближайшие месяцы (до каникул).

Поскольку архивный материал, связанный с работой Льва Семеновича в техникуме, никогда ранее не публиковался, приводим протокольную запись этого доклада полностью[77].

Об организации психологического школьного кабинета при педтехникуме

Задачи и характер кабинета.

1. Демонстрация психологических опытов при прохождении курса психологии (общей и педагогической). Обслуживание Педтехникума и всех учебных заведений города.

2. Лаборатория для научных исследований первичного характера и для практических занятий по экспериментальной педагогике и психологии слушателей педагогических учебных заведений.

3. Кабинет экспериментального исследования ребенка, дефективных детей по указанию детских учреждений, нуждающихся в индивидуальном психологическом исследовании, опытных детских домов. Установление научных форм и методов наблюдения за детьми и составление характеристик по научной системе при участии или консультации доктора-психолога Петельчица.

4. Руководство работой и разработка самостоятельных обследований по изучению и учету школ и учебных заведений всех типов, учебного опыта школьной методики, психология учащихся, анкеты, разработка и проведение, составление характеристик, опытная проверка по поручению школ методических приемов и других педагогических методов. Консультация устная и письменная по всем 4 пунктам. Необходимо выработать план на первый год.

Необходимые меры для организации и открытия кабинета.

1. Выделить комнату и мебель.

2. Приборы из бывшей мужской гимназии.

3. Необходимые приборы из физических кабинетов и музея.

4. Личный состав: заведующий, врач-консультант, лаборант, технический сотрудник.

5. Деньги на организационные расходы согласно прилагаемой смете.

6. Организация библиотеки по экспериментальной психологии (из других библиотек взять на временное пользование).

7. Закупка новых приборов.

8. Принять летом участие во Всероссийском съезде по психологии.

9. Создать психологический совет из преподавателей психологии при кабинете.

Смета расходов на организацию кабинета.

1. Письменные принадлежности 150 рублей.

2. Ремонт мелкий, починка, чехлы 350 рублей.

Хранится в ГА Гомельск. обл. — Ф. 2084. — Оп. 3. — Ед. 4. — Л. 28.

3 Зак. 1029

3. Приобретение и изготовление простейших нехватающих в кабинете приборов 200 рублей.

4. Покупка школьных книг 200-250 рублей.

Ближайший план работы до каникул.

Изготовить образцы работы кабинета по всем 4 пунктам, чтобы с начала учебного года кабинет мог сразу взяться за работу. Закончить организационную часть:

1. Обследование по научному методу (Россолимо или др.) двух дефективных и двух нормальных детей.

2. Провести анкетирование в школе К. Либкнехта с последующей обработкой материалов летом.

3. Разработка для разных типов школ всех отделов курса психологии.

4. Провести практические работы (лабораторного характера) с маленькой группой из Педтехникума и курсов Соцвос (17 чел.).

На педагогическом совете 24 мая 1923 г., когда повторно слушался вопрос о психологическом кабинете, было принято решение поручить завучу приобрести в Москве необходимые приборы.[78] Работа кабинета начиналась фактически на пустом месте: не было соответствующей материальной базы. Но, тем не менее, эта работа была так организована, что уже к осени (а лето — время каникул!) была проделана большая организационная и экспериментальная работа, которая была очень результативной. Это было основанием для доклада педсовету техникума 10 октября 1923 г..[78a] Отчет о проделанном строился с учетом выполнения пунктов намеченной в плане работы.

За это короткое время было проведено:

1) 21 демонстрация психологических опытов на курсах переподготовки учителей, в опытной школе, в школе II ступени, в железнодорожной школе, на педагогических курсах Соцвоса. Кроме того, демонстрация психологических опытов сопровождала учебный процесс в техникуме;

2) лабораторные занятия в кабинете экспериментальной психологии были проведены за это время не только с учащимися техникума, но также с несколькими группами учителей, повышающих свою квалификацию на педагогических курсах. На этих занятиях: а) проводилось два полных исследования по системе Россолимо; б) экспериментально-психологический урок русского языка по методике Лазурского; в) исследовалась внушаемость учащихся по возрастам по методике Нечаева; г) проводилось анкетирование школьников городских школ по двум анкетам; д) при кабинете работала группа студентов Московского педологического института, которая провела исследования по системе Россолимо; е) для группы

[78] Протокол заседания педсовета Педтехникума от 24 мая 1923 г. // ГА Гомельск. обл. — Ф. 2084. - Оп. 3. - Д. 4. - Л.34-49.

[78a] ГА Гомельск. обл. — Ф. 2084. — Оп. 3. — Д. 4. — Л. 83.

слушателей техникума были проведены занятия по краткому методу психологических профилей;

3) самими студентами техникума было проведено 22 исследования по системе психологических профилей и 38 кратких исследований учащихся, поступающих в опытную школу;

4) заканчивалась обработка данных по анкетированию, которую предполагалось вскоре опубликовать. Эти данные должны были помочь ответить на вопросы : «Проводится ли у нас совместное воспитание или совместное сидение в классах?», «об умственном или душевном настроении школьной молодежи»;

5) изготовлен ряд типических филиграмм, изучен ряд профилей ненормального ребенка, велось исследование влияния речевого ритма на дыхательную кривую, разрабатывалась новая методика исследования памяти;

6) значительно расширилась материальная база кабинета. В несколько раз увеличилось количество оборудования, книг, мебели и аппаратуры. В кабинете работали 2 сотрудника (Л.С. Выготский и доктор Петельчиц), 2 лаборантки и 2 студента[79].

После отчета Л.С. Выготский предлагает педсовету для утверждения широкий план будущей работы и разработанное им положение о психологическом кабинете.

Анализ перспективного плана показывает, что. предусматривалась многоаспектная деятельность этого психологического кабинета, намечалось широкое повседневное обслуживание лекционных, практических и лабораторных занятий, проводимых для студентов педтехникума, всех школ и курсов в городе. Предполагалось психологическое обследование воспитанников детских домов, анкетирование и обследование учащихся школ, консультации и ведение научной работы сотрудниками кабинета.

Следует особо отметить, что при обсуждении необходимых мероприятий, направленных на совершенствование работы кабинета, было предложено делегировать его заведующего на предстоящий Всероссийский съезд психологов. Этому предложению суждено было сыграть значительную роль в судьбе Льва Семеновича (но об это дальше).

Через несколько дней (13 октября 1923 г.) после утверждения перспективного плана работы кабинета Лев Семенович выступил с интересным сообщением о сельской школе. Он, в частности, сказал о том, что современные условия сельской школы неблагоприятны для ее развития и новое поколение школьных работников должно осуществить максимум исканий на пути ее совершенствования[80].

Протокол заседания педсовета // ГА Гомельск. обл. — Ф. 2084. — Оп. 3. — Д. 4. — Л. 83.
Протокол заседания педсовета // ГА Гомельск. обл. — Ф. 2084. — Оп. 3. — Д. 4. — Л. 84.

Энтузиазм и творческая работа, проводимая Львом Семеновичем в педагогическом техникуме, ценились и отмечались его коллегами. Так мы нашли в архиве упоминания о его премировании[81] и о повышении оклада Л.С. Выготскому как преподавателю высокой квалификации: «Л.С. Выготский — преподаватель психологии. В деле преподавания предмета вносит максимум энтузиазма, педагогического такта и эрудиции. Организовал психологический кабинет, в котором ведет научно-исследовательскую работу»[82].

Работа психологического кабинета при педагогическом техникуме способствовала развитию интереса у учащихся к психологии и давала возможность его руководителю накапливать научные данные. С целью проверки правильности своих теоретических положений Лев Семенович проводил многочисленные экспериментальные исследования. Полученные результаты анализировались и обобщались Львом Семеновичем, часть исследовательского материала становилась основой его научных докладов.

Мы пытались познакомить читателя с интенсивной и многогранной деятельностью Льва Семеновича в Гомеле, которая документально подтверждена удостоверением, выданным отделом Союза работников просвещения Гомеля: «В течение пяти лет Л.С. Выготский преподавал в школах I-II ступени, в техникуме, в профтехшколах печатников и металлистов, в вечерних школах для взрослых Губполитпросвета, на курсах Соцвоса по подготовке дошкольных работников, на летних курсах по переподготовке школьных работников, в Гомельском рабфаке и в школах. На рабфаке и в школах тов. Выготский вел занятия по русскому языку и литературе, в педтехникуме и на курсах по логике и психологии (общей, детской и экспериментальной), а в консерватории по эстетике и истории искусств.

По инициативе Л.С. Выготского и его силами был организован психологический кабинет, широко поставивший обследование учащихся школ и детей из детских домов.

В тоже время тов. Выготский состоял консультантом-психологом при одной из школ.

Л.С. Выготский проявил себя как один из самых активных работников Губернского дома Союза, постоянным лектором по вопросам психологии, по общим вопросам педагогики и методики преподавания литературы.

[81] Протокол заседания педсовета от 24.10.23 г. // ГА Гомельск. обл. — Ф. 2084. — Оп. 3. — Д. 4. - Л. 72.

[82] Протокол заседания педсовета от 12.12.1923г. // ГА Гомельск. обл. — Ф. 2084. — Оп. 3. — Д. 4. - Л. 96.

Рис. 17. Лев Семенович, 1923 г.

Союз считает наиболее ценным в работе тов. Выготского его курс по педагогической психологии, прочитанный в летние месяцы на курсах для сельских просвещенцев и на курсах учителей Западной железной дороги. Л.С. Выготский пробудил своими лекциями особый подъем настроения среди просвещенцев деревни Малые дороги.

Во всей педагогической работе тов. Выготский являлся проводником современной марксистской педагогики»[83].

Результаты экспериментальных исследований, проведенных в психологическом кабинете педагогического техникума, были оформлены Львом Семеновичем в качестве пяти научных работ.

Одна из этих работ легла в основу опубликованной позднее статьи «О влиянии речевого ритма на дыхание». Другая — «Экспериментальное исследование воспитания новых речевых рефлексов по способу связывания с комплексом» — так и не вышла в свет. Три из них представ-

[83] Удостоверение правления Гомельского Губернского отдела Всероссийского отдела работников просвещения от 8 февраля 1924г. Гомель // Семейный архив Л.С.Выготского.

лены на Второй Всеросийский съезд по психоневрологии, который проходил в Петрограде. Здесь в январе 1924г. им были прочитаны эти три доклада, хорошо принятые аудиторией. Это было первое выступление Л.С. Выготского на таком представительном съезде ученых. Интересные доклады делегата из Белоруссии привлекли внимание специалистов. По окончании съезда Лев Семенович получает приглашение работать научным сотрудником в Институте экспериментальной психологии в Москве.

Многие авторы, анализирующие психологические взгляды Л.С. Выготского, рассматривают его научно-практическую деятельность лишь с 1924 г. Последнее десятилетие жизни ученого было действительно чрезвычайно плодотворным и наиболее зрелым. Но нельзя недооценивать гомельский период жизни Льва Семеновича, который, как мы пытались показать, знаменателен своей активностью и многообразной практической направленностью в области народного образования, культуры и искусства. К этому времени относится и начало научной деятельности Л.С. Выготского.

Проведенные Львом Семеновичем в 1919—1924 гг. исследования в области педагогической психологии, разработка им проблем психологии искусства, экспериментальные работы в психологическом кабинете при Гомельском педагогическом техникуме дали возможность подготовить ряд статей и первые наиболее крупные произведения Л.С. Выготского «Педагогическая психология» и «Психология искусства».

Именно в этот период определились и сложились такие личностные качества ученого, как широта и разносторонность интересов, научная целеустремленность, ярко выраженный педагогический талант, лекторское мастерство, высокая работоспособность.

Таким образом, в период жизни и деятельности в Гомеле Л.С. Выготский сформировался как самостоятельный ученый, способный вести теоретическую и экспериментальную работу. Этот этап деятельности Льва Семеновича в значительной степени определил весь его дальнейший путь, путь одного из создателей основ современной психологии и дефектологии.

Начался новый период жизни и деятельности Льва Семеновича.

Обстановка в стране была очень сложной, страна была разорена в результате длительных войн — империалистической, гражданской, ин-

тервенции. Необходимо было восстанавливать промышленность, сельское хозяйство, обеспечивать нормальную работу транспорта, налаживать торговлю, улучшать условия жизни. Восстановление народного хозяйства было невозможно без серьезного подъема культуры и развития просвещения. И промышленность, и сельское хозяйство остро нуждались в квалифицированных, хорошо подготовленных специалистах. Отсюда неизбежно вытекала необходимость преобразования педагогической и психологической науки.

Вот как рассказывает о положении, которое царило в то время в психологии, один из крупнейших ученых — Алексей Николаевич Леонтьев: «Хотя в дореволюционной России существовала серьезная традиция материалистического понимания психики... официальная психология — та, которая усиленно насаждалась в университетах и преподавалась во всех гимназиях... была резко отгорожена от влияния этой традиции. Господствовавшая в официальной психологии атмосфера была откровенно идеалистической и крайне консервативной... По сравнению же с состоянием мировой психологии в целом, которая испытывала с начала века заметное оживление, психологическая наука в дореволюционной России оставалась глубоко провинциальной.

Не принесло никакого прогресса и открытие в предреволюционные годы при Московском университете Института экспериментальной психологии, возглавлявшегося известным профессором Г.И. Челпановым, автором самого популярного в те годы учебника психологии.

Такова была общая научная обстановка в официальной психологии, культивировавшаяся в царской России. Хотя среди ее представителей шла порой довольно острая полемика, она отнюдь не нарушала их консолидированное™ в главном: в борьбе с материализмом...

Характерно, что после победы Октября в глухой провинции, официально именуемой психологией, первое время ничто не изменилось. Продолжал, как и прежде, свою работу Институт психологии; как и прежде, университетскую подготовку психологов возглавлял Г.И. Челпанов, только что была переиздана его книга «Мозг и душа», посвященная критике материализма, вышло 15-е издание его учебника»[84].

В Институте психологии, директором которого был Челпанов, «все еще продолжали безраздельно господствовать субъективно-идеалистические взгляды на психику. Против них-то и выступил Корнилов... Выдвигая свои

[84] Леонтьев А.Н. Начало современной психологии // Знание-сила. — 1978. — № 5.

ВСЕРОССИЙСКИЙ С'ЕЗД

по Педологии, Экспериментальной Педагогике и Психо-Неврологии

(2-й С'езд по Психо-Неврологин)

9 ПЕТРОГРАДЕ

С 3-го по 10-е Января 1924 г.

РАСПИСАНИЕ ЗАНЯТИЙ.

ПЕТРОГРАД.
1924.

Рис. 18. Обложка Программы Второго Психоневрологического съезда.

реактологические позиции, он видел в них путь к построению марксистской психологии»[85].

1923 год для отечественной психологии был знаменателен тем, что с 10 по 15 января в Москве впервые за годы советской власти был проведен Первый Всероссийский съезд по психоневрологии. На нем ученые обсудили проведенные исследования и наметили задачи и пути новой научной работы. Центральным событием съезда был доклад К.Н. Корнилова «Современная психология и марксизм», основным выводом которого была необходимость построения психологии на основе диалектического материализма.

Эта идея не нашла поддержки в Институте психологии и «университетских кругах, что были с ним связаны. В большой аудитории института продолжались дискуссии, на которых Челпанов ... пытался «защитить психологию». Создалось положение, которое дальше продолжаться про-

[85] Леонтьев А.Н. Начало современной психологии // Знание-сила. — 1978. — № 5.

Утренние заседания 6-го января.

1) Соединенное заседание секций рефлексологии и психологии.

1. М. Я. Брейтман. Соотношение между рефлексологией и учением о внутренней секреции.
2. Т. П. Тимофеевский. О развитии комплексов рефлексов в поведении и повседневной жизни.
8. Л. Л. Васильев. Инстинктивные акты с точки зрения ученая о рефлексах.
4. Т. П. Тимофеевский, Н. В. Опарина и Е. ф. Раul евс к а я. Схематическое изучение поведения детей по об*ективнш дневникам.

» 5. Л. С. Выготский. Методика рефлексологического исследования в применении к изучению психики.

• 6. Е г о ж е. Как надо сейчас преподавать психологию.

Рис. 19. Страница (фрагмент) из Программы Второго Всероссийского съезда по психоневрологии.

сто не могло. Тогда-то и произошло событие, которое внешне выразило и закрепило наступивший в развитии советской психологии перелом: Институт психологии реорганизовали, его директором назначили К.Н. Корнилова, и перед институтом была поставлена задача — развивать марксисткую психологию»"[6].

С 3 по 10 января 1924 г. в Петрограде проходил Второй Всероссийский съезд по психоневрологии. В семейном архиве Л.С. Выготского хранится программа этого съезда, из которой видно, что в его работе приняли участие такие видные ученые, как В.М. Бехтерев, А.С. Грибоедов, К.Н. Корнилов, П.И. Люблинский, А.П. Нечаев, А.А. Ухтомский, Г.И. Челпанов, Г.Г. Шпет, Н.М. Щелованов и другие.

К этому времени число сторонников материалистической психологии увеличилось, поэтому делегаты съезда поддержали выступление К.Н. Корнилова, вновь говорившего о необходимости строить психологию на диалектике-материалистической основе.

В работе Второго съезда по психоневрологии в качестве делегата от Гомельского ГубОНО принимал участие и Лев Семенович Выготский. 6 и 10 января 1924 г. он выступил на съезде с докладами, подготовленными в психологическом кабинете Гомельского педагогического техникума: «Методика рефлексологического и психологического исследования», «Как надо сейчас преподавать психологию», «Результа-

[86] Леонтьев А.Н. Начало современной психологии // Знание-сила. — 1978. — № 5.

ты анкеты о настроениях учащихся в выпускных классах Гомельских школ в 1923 году»[87].

Как мы уже отмечали, это выступление делегата из Белоруссии было замечено специалистами.

Александр Романович Лурия вспоминал об этом так: «На трибуну вышел очень молодой человек — Выготскому не было тогда еще 28 лет. Он говорил более получаса — ясно, четко и логически безукоризненно — о том значении, которое имеет научный подход к сознанию человека, к процессу его развития, об объективных методах исследования этих процессов». Доклад, сделанный Л.С. Выготским, произвел столь большое впечатление на Александра Романовича (а он был тогда ученым секретарем Института психологии), что он «стал убеждать Корнилова — директора института — сейчас же, немедленно пригласить этого никому не известного человека на работу в Москву, в Институт экспериментальной психологии. Лев Семенович принял это приглашение»[88].

Завершив свои дела в Гомеле, он вскоре переезжает в столицу, чтобы здесь жить и работать.

Сдав экзамены на звание научного сотрудника II разряда (младшего научного сотрудника), Лев Семенович начал работать в Институте экспериментальной психологии. И поселился он в том же здании, где в подвальном этаже ему была отведена маленькая комната[89]. Вслед за Львом Семеновичем в Москву приехала его невеста — Р.Н.Смехова — и вскоре они поженились. Позже (в 1925 г. и в 1930 г.) у них родились две дочери: Гита и Ася.

Перед приходом Выготского Институт психологии подвергся коренной реорганизации. Изменился его состав — с приходом нового директора в коллектив влились новые ученые: П.П. Блонский, В.М. Боровский, Л.В. Занков, А.Р. Лурия, Л.С. Сахаров, И.М.Соловьев и другие. Однако четкой программы преобразования Института ни у кого не было.

Давайте послушаем одного из тех, кто находился тогда в гуще событий — Александра Романовича Лурия. «Предполагалось, что институт наш

[87] Личное дело № 922.073 // ГА Моск. обл. - Ф. 937. - Оп. 3. - № 49. - С. 2.

[88] Лурия А.Р. Героический вдохновенный труд ученого // Учительская газета. — 1977. — 8 сент.

[89] Здание Института экспериментальной психологии находилось на улице Моховой, 9. Сейчас это Психологический институт РАО (просп. Маркса, д. 9, корпус «В). В комнате, где жил Лев Семёнович, до недавнего времени располагалась лаборатория мышления и речи.

должен перестроить всю психологию, отойти от прежней челпановской идеалистической науки и создать новую, материалистическую, Корнилов даже говорил — марксистскую психологию. По его мнению, следовало заниматься не субъективными опытами, а объективным исследованием поведения — в частности, двигательных реакций, для чего и предназначался его динамоскоп. Пока же перестройка психологии протекала в двух формах: во-первых — переименование, во-вторых — перемещение. Восприятие мы звали, кажется, получением сигнала для реакции, память — сохранением и воспроизведением реакций, внимание — ограничением реакций, эмоции — эмоциональными реакциями, одним словом, всюду, где можно и где нельзя, мы вставляли слово «реакция», искренне веря, что делаем при этом важное и серьезное дело. Одновременно мы переносили мебель из одной лаборатории в другую, и я прекрасно помню, как я сам, таская столы по лестницам, был уверен, что именно на этом пути мы перестроим работу и создадим новую основу для советской психологии»[90].

Вскоре, однако, молодые ученые убедились, что предложенная Корниловым платформа — это не тот путь, идя по которому можно добиться существенных преобразований в психологии.

С первых месяцев работы Лев Семенович показал себя сложившимся ученым. Сотрудники института вспоминали, что в этот период Л.С. Выготского с большим правом можно было назвать самостоятельным исследователем и руководителем, чем начинающим ученым[91].

Это подтверждает и А.Р. Лурия в своей научной автобиографии, когда пишет: «Мы с А.Н. Леонтьевым высоко ценили необычайные способности Л.С. Выготского и были очень рады, когда его включили в нашу рабочую группу, которую мы назвали «тройка»»[92]. Ее «признанным лидером», по словам А.Р. Лурия, стал Л.С. Выготский. «Тройка» начала регулярно, 1-2 раза в неделю, встречаться в квартире Льва Семеновича, где ее участники разрабатывали план своих дальнейших исследований.

Из отчета за этот год[93] видно, что Лев Семенович работает много и напряженно. Вот некоторые темы его выступлений на научных конференциях Института Экспериментальной психологии в 1924 г. : «О психологической природе сознания», «Новая статья И.П. Павлова», «Иссле-

*' Цит. по: Левитин К.Е. Личностью не рождаются. — М.: Наука, 1990. — С. 131.

" Колбановский В.Н. О психологически взглядах Выготского // Вопросы психологии. — 1956. - № 5.

[92] Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. М.: Изд-во МГУ. — 1982.

[93] Проблемы современной психологии / Под ред. К.Н. Корнилова. — М., 1926. — Т. 2. С. 28.

дования доминантных реакций», «Сознание как проблема психологии поведения», «О новой Берлинской психологической школе» и ряд других.

Природный ум, эрудиция, пятилетний опыт работы в Гомеле помогли Л.С. Выготскому не только самому вести экспериментальные исследования (исследование доминантных реакций)[94], но и руководить научными работами некоторых сотрудников (например, работами И.М.Соловьева и Л.С. Сахарова).

После переезда в Москву Лев Семенович завершает прежде начатые исследования и приступает к интенсивной разработке других вопросов. Его новые исследования были связаны с развитием проблем педагогической психологии и дефектологии[95], с разработкой проблем сознания и установления взаимоотношений психологии с физиологией[96] и с критическим анализом течений в психологии того времени[97].

1924 год следует считать началом пути Выготского и в дефектологию. Весь московский период жизни и творчества Л.С. Выготского (1924-1934) связан с этой наукой.

Подтверждением того, что вопросам дефектологии Лев Семенович придавал первостепенное значение, может служить следующий факт. При заполнении личного листка сотрудника Наркомпроса надо было ответить на вопрос: «В какой отрасли считаете свое использование наиболее целесообразным?» Ответ Льва Семеновича был таким: «В области воспитания слепоглухонемых детей»[98].

По рекомендации организатора Экспериментального дефектологического института И.И. Данюшевского[99] Л.С. Выготский 15 июля 1924 г. был назначен заведующим подотделом воспитания физически дефективных и умственно отсталых детей в отделе социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН) Главсоцвоса Наркомпроса РСФСР[100]. Этим было положено начало его деятельности в области дефектологии.

[94] Итоги этого исследования отражены в статье «Проблема доминантных реакций», напечатанной в 1926 г. во втором томе сборника «Проблемы современной психологии» (с. 100-123).

[95] Они отражены в работах «Педагогическая психология», «К психологии и педагогике детской дефективности», в предисловии к сборнику «Вопросы воспитания слепых, глухонемых и умственно отсталых детей».

[96] Это работы «Сознание как проблема психологии поведения», «Методика рефлексологического и психологического исследования», «Проблема доминантных реакций».

[97] Этот анализ отражен в предисловиях Л.С. Выготского к книгам Лазурского, Шульце, Торндайка, Фрейда.

[98] ЦГА РСФСР. - Ф. 2306. - Оп. 42. - Д. 42. Д. 499. - Л. 12.

[99] ЦГА РСФСР. - Ф. 2306. - Оп. 42. - Д. 42. Д. 499. - Л. 15.

[100] ЦГА РСФСР. - Ф. 2306. - Оп. 42. - Д. 42. Д. 499. - Л. 5.

Позднее в одном из психологических очерков Лев Семенович писал: «Никакое большое дело в жизни не делается без большого чувства»[101]. Именно так, с большим чувством и полной самоотдачей, отнесся Выготский к трудному, но важному для страны делу борьбы с беспризорностью, делу изучения, обучения и воспитания детей с отклонениями в развитии. Это подтверждает сделанный на II съезде СПОН доклад Выготского «О современном состоянии и задачах в области воспитания физически-дефективных детей».

Как известно, до революции воспитание и обучение глухих, слепых и умственно отсталых детей было делом их родственников или зависело от частной благотворительности. С первых же дней советской власти обучение и воспитание аномальных детей включается в общегосударственную систему народного образования и просвещения. В декабре 1919 г. Совнарком принял подписанное В.И. Лениным постановление, в котором определялись функции различных Наркоматов в деле воспитания и охраны здоровья аномальных детей.

Сеть специальных школ не удовлетворяла потребности нуждающихся, остро ощущался недостаток в дефектологических кадрах, вузовские отделения дефектологии испытывали затруднения при необходимости набрать нужное число студентов, теория воспитания и обучения аномальных детей находилась под сильным влиянием догматических концепций.

В деле воспитания школы для аномальных детей до 1924 г. значительно отставали от общеобразовательных. Дети с отклонениями в развитии обучались и воспитывались в известном отрыве от окружающей жизни. Принципы и методы проводимой в специальных учреждениях работы исходили, главным образом, из учета дефекта ребенка. При этом не использовались положительные возможности его развития.

Широко практиковавшееся в школах сенсомоторное воспитание не обеспечивало коррекции личности ребенка в целом и его социальной адаптации к условиям окружающей среды.

К 1924 г. назрела необходимость в коренном преобразовании всей государственной системы воспитания детей с отклонениями в психическом и физическом развитии.

Актуальность этого вопроса побуждала дефектологов по-новому переоценить и осмыслить накопленный опыт работы с аномальными детьми. Это и было сделано на состоявшемся в Москве в 1924 г. II съезде Социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН).

[101] Выготский Л.С. Воображение и творчество в школьном возрасте. — М., 1930. — С. 46.

Знаменательным событием для дефектологической науки и практики явился выход в свет в преддверии съезда сборника «Вопросы воспитания слепых, глухонемых и умственно отсталых детей» под редакцией Л.С. Выготского[102]. В обстоятельном предисловии к этому сборнику его редактор отмечал, что недостаточное внимание к проблеме аномального детства в первые годы Советской власти было вызвано объективными историческими причинами, т.е. «более насущными, более важными, более спешными вопросами, которые требовали решения в первую очередь»[103]. Понимая, что страна испытывает значительные трудности экономического порядка, он предлагал «подходить к решению этого больного вопроса [обучение и воспитание аномальных детей — Авторы] с чрезвычайной осторожностью и величайшей скромностью». «Мы вынуждены, — говорил Выготский, — пока быть минималистами в этом вопросе».

Определенные достижения народного хозяйства за семь лет советской власти, успехи в деле народного образования и развития педагогической науки оттеняли общественную значимость и необходимость решения проблемы обучения и воспитания аномальных детей. Поэтому Л.С. Выготский и призывал ученых, учителей, общественность к большой творческой работе, направленной на решение этой трудной, но чрезвычайно важной проблемы. Он понимал, что на пути к цели могут быть допущены ошибки, однако важно, чтобы «первый шаг был сделан в верном направлении». В конце предисловия автор убедительно заключал: «Именно в нашей стране вопросы воспитания слепых, глухонемых и умственно недостаточных детей получат свое полное решение прежде, чем во всем остальном мире, потому что это вопросы социальные по самой своей природе — и только в России могут быть поставлены в совершенно новой социальной плоскости»[104].

Работа II съезда СПОН способствовала совершенствованию обучения и воспитания аномальных детей.

Почти целый год велась подготовительная работа к съезду. При его подготовке Наркомпрос опирался на помощь ученых, врачей, педагогов, деятелей в области борьбы с детской беспризорностью и дефективностью. Повестка дня съезда и тезисы докладов обсуждались на бюро Съезда и коллегии Государственного ученого совета (ГУС) Наркомпроса. Задача съезда заключалась «не только в том, чтобы подвести итоги проде-

[102] Издание отдела СПОН Главсоцвоса НКП РСФСР. М., 1924. Сборник напечатан в Гомельской типографии «Полесспечать».

[103] Вопросы воспитания слепых, глухонемых и умственно отсталых детей.—М.—1924.—С. 3.

[104] Вопросы воспитания слепых, глухонемых и умственно отсталых детей.—М.—1924—С. 5.

данной работы за период с последних конференций по правовой защите в детских домах, но и отчетливо наметить новые пути дальнейшей работы по социально-правовой охране несовершеннолетних, строительству и работе детских домов и других детучреждений, образованию и воспитанию физически-дефективных и умственно отсталых детей, а также социальному воспитанию значительной группы детей (беспризорных), лишенных необходимых условий и средств существования и воспитания»[105].

На коллегии ГУС и на II съезде СПОН было решено образовать секцию обучения и воспитания дефективных детей. Эта секция подразделялась на три основные подсекции: умственно отсталые[106], глухие и слепые дети.

Общий доклад для этих трех подсекций было поручено подготовить заведующему отделом детской дефективности отдела СПОН НКП Л.С. Выготскому.

Тезисы доклада Л.С. Выготского были обсуждены на заседании ГУС Наркомпроса. С рекомендациями выступила и Н.К. Крупская[107]. Надежда Константиновна предложила пересмотреть тезисы с целью более четкого выделения практически значимых положений[108]. Н.К. Крупская говорила о том, что на съезде надо особенно подчеркнуть мысль о необходимости найти эффективные пути приближения обучения дефективных детей к условиям обучения и воспитания в общеобразовательной школе. Вместе с тем она отмечала необходимость создания условий для включения таких детей в общественно-трудовую жизнь.

С учетом этих предложений Л.С. Выготский 26 ноября 1924 г. сделал доклад «О современном состоянии и задачах в области воспитания физически дефективных и умственно отсталых детей»[109].

Д.И. Азбукин так описывает это выступление: «С конференции 1924 г. дефектологи уехали не так, как уезжали с предыдущих конференций. Они уехали с этой конференции совершенно другими, обновленными.

[105] Протоколы оргбюро съезда от 19 мая 1924 г. // ЦГА РСФСР. Архив Минпроса РСФСР. - Ф. 2306. - Оп. 69. - Ед. хр. 329.

[106] На подсекции по работе с умственно отсталыми детьми Л.С.Выготский выступил с докладом на тему «Методы отбора и изучения умственно отсталых детей» //ЦГА РСФСР. — Ф. 1575. - Оп. 1. - Ед. хр. 531.

"" Протоколы оргбюро съезда от 19 мая 1924 г. // ЦГА РСФСР. Архив Минпроса РСФСР.

[108] Протоколы научно-педагогической секции ГУС от 22 ноября 1924 г.// ЦГА РСФСР. Архив Минпроса РСФСР. — Л. 144.

[109] Народное просвещение. — 1925. — № 1. — С. 112-120. В этом журнале доклад опубликован под названием «Принципы воспитания физически дефективных детей». Позднее этот доклад был опубликован с дополнениями в сборнике «Пути воспитания физически дефективного ребенка». — М., 1926. — С.7-22.

Главным здесь был доклад Л.С. Выготского, с которым тогда впервые знакомились многие дефектологи. Доклад Льва Семеновича в полном смысле был громом среди ясного неба, совершенно неожиданно и резко переворачивающим всю дефектологию. Начало доклада Л.С. Выготского было встречено с большим недоумением, очень многие оглядывались, иногда возмущено пожимали плечами — недоумевали. Можно было ждать бурного и тяжелого исхода. Однако глубокая убежденность Льва Семеновича, обаятельный голос, подлинная образованность и знание дела сказывались в каждой строчке, и все постепенно начинали понимать, что перед ними выступает не безответственная горячая голова, а большой ум, дающий право стать вождем дефектологии. Негодующие и возмущенные переглядывания и пожимания плечами становились все реже и реже. Нового и мало знакомого, но какого-то особого и обещающего человека, неожиданно пришедшего в дефектологию, все больше и больше слушали с исключительно заостренным вниманием, с глазами, еще полными недоверия, но с искрой уже закравшегося уважения. Это заседание было огненной линией, проведенной между старой и новой дефектологией»"[0].

Почему такой интерес вызвал доклад Л.С. Выготского. Что он внес существенно нового?

В докладе Выготского отразилась возросшая необходимость в обобщении опыта школ для детей с недостатками слуха, зрения, интеллекта, в устранении их обособленности от массовых школ, в установлении единых требований для осуществления учебно-воспитательных задач и определения специфических условий для их решения. Л.С. Выготский смог смело перешагнуть через старую традицию инвалидно-филантропического подхода к лицам с различными аномалиями. В своем докладе он наметил основные задачи, посредством решения которых возможно приблизить аномального ребенка к нормальному. Необходимость и возможность приобщить этих детей к трудовой общественно-полезной деятельности — вот главная мысль, которой был пронизан весь доклад Выготского. При этом Выготский поднял еще ряд значимых проблем для дефектологии в целом и для каждой ее отрасли. Сделанные им высказывания послужили теоретическим фундаментом для последующего развития дефектологии.

В резолюции по докладу Л.С. Выготского были отражены основные принципы, которые должны лежать в основе деятельности Наркомпроса в области воспитания и обучения аномальных детей. Особо обращалось вни-

[110] Азбукин Д.И. Воспоминания о Л.С.Выготском // Архив проф. Х.С.Замского. — Рукопись. — С. 2-3.

мание на «общественно-политическое воспитание, на тесное сотрудничество и связь с нормальными детьми, переход от ремесленных кустарных форм труда к высшим формам, обеспечивающим и общий фундамент политехнического знания и органическую связь с социальной жизнью»[1]".

Таким образом, в докладе Л.С. Выготского был осуществлен глубокий для того времени подход к анализу дефекта, его коррекции и компенсации, к научному обоснованию целей, задач и содержания специального обучения, в основу которых были положены единые с массовой школой принципы воспитания подрастающего поколения.

Л.С. Выготский, будучи заведующим подотделом воспитания дефективных детей отдела СПОН Главсоцвоса, проводил и большую организационно-пропагандистскую работу. Под его руководством издавались первые популярные брошюры и листовки для изб-читален: «Берегите уши детей», «Что нужно делать с глухонемыми и оглохшими детьми», «Умственная отсталость и" как с ней бороться» и др.[112] Много энергии и внимания Выготский уделял подготовке специалистов-дефектологов: работе в высших учебных заведениях, проведению дефектологических курсов.

В это время начинается преподавательская деятельность Л.С. Выготского в высших учебных заведениях. 10 октября 1924г. Лев Семенович был утвержден преподавателем Московского института педологии и дефектологии для ведения курса «Введение в психологию»"[3]. Приблизительно с этого же времени он начинает преподавание психологии в Академии Коммунистического воспитания (позже имени Н.К. Крупской)"[4]. В этом же году Л.С. Выготский начинает вести практикум по экспериментальной психологии на Высших научно-педагогических курсах"[5], готовивших кадры для школ и педагогических техникумов, «высоко квалифицированных работников народного образования как в практической, так и в теоретической области»."[6]

В 1924/25 учебном году перечень учреждений, где преподавал Лев Семенович, становится значительно шире. Это и 1-й МГУ (факультет

[111] Резолюция 2 Всероссийского съезда по социально-трудовой охране несовершеннолетних // ЦГА РСФСР. - Ф. 2306. - Оп. 69. - Д. 349. - Л. 2.

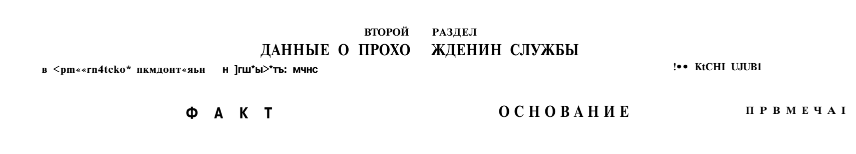
[112] Азбукин Д.И. Воспоминания о Л.С.Выготском // Архив проф. Х.С. Замского. — Рукопись. — С. 8-9.

"[3] ГА Моск. обл. — Ф. 937. — Оп. 3. — Д. 10. — Л. 21 (протоколы заседаний).

[114] ГА Моск. обл. - Ф. 937. - Оп. 3. - Д. 10. - Л. 2.

[115] ГА Моск. обл. - Ф. 924. - Ед. хр 15. - Л. 15.

[1,6] ГА Моск. обл. - Ф. 924. - Ед. хр 15. - Л. 15.

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ
ДАННЫЕ О ПРОХОЖДЕНИИ СЛУЖБЫ

ФАКТ	ОСНОВАНИЕ	ПРИМЕЧАНИЕ

(о ('few ¥i

мп^. -f***^i4 lux .&?. <ff"*

li с
И ftr-
'У- с - сил...

Щ /6~hife.Vi. tuw* ~*#. trtf.fi 2»

Zee " w w СФ+*- /<U<"}~«4--"-. <hi»* 7 no 'ic*f*^,up*u <r
)'Mil . I J. IAA -VJlSil
ft к^ёещеиы. иг/Ж <*- i 5ЧИ,

,^П^1-^vT^b- t~ *>. 'ЛИЯ ..!?<?? О \
/Г Ч1Л JM J.U. vt Щ. *sJ3t
/3 (I llfSl

общественных наук, где он ведет практикум по психологии"[7], на физико-математическом факультете читает психологию"[8]) и П-й МГУ (штатный доцент; читает методику преподавания психологии на отделениях психологии, педологии и дефектологии"[9]), и на педагогическом отделении Консерватории читает курс психологии[120].

В 1925 г. в книге «Психология и марксизм» была опубликована небольшая по объему статья Льва Семеновича «Сознание как проблема психологии поведения»[121]. К этой проблеме он обращался и раньше в докладе

[117] Сведения о предшествующей научной и преподавательской деятельности Л.С.Выготского от 14 сентября 1925 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[118] Трудовая книжка Л.С.Выготского. Запись № 14 (Основание: удостоверение № 1506)// Семейный архив Л.С.Выготского.

[119] Распоряжение по П-му МГУ № 77 // ГА Моск. обл.— Ф. 948. — Оп. 1. — Д. 168. — Л. 132.

[120] Трудовая книжка Л.С.Выготского. Запись № 13 (Основание: удостоверение 31726 от 7/04-25г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[121] Сознание как проблема психологии поведения // Психология и марксизм. — М.; Л. ГИЗ, 1925. - Т.1. - С. 175-198; То же // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1982. Т.1. - С. 78-98.

Рис. 20. Страница из трудовой книжки Льва Семеновича, заполненная его рукой.
Рис. 21. Фотография, сделанная в Берлине летом 1925 г.

на II психоневрологическом съезде («Методика рефлексологического и психологического исследования») и выступая на научных конференциях в Институте экспериментальной психологии («О психологической природе сознания», «Сознание как проблема психологии поведения»).

В этой статье Лев Семенович доказывает необходимость разработки проблемы сознания. Он считает эту проблему центральной для психологии. Л.С. Выготский пишет: «Вопрос о психологической природе сознания настойчиво и умышленно обходится в нашей научной литературе. Его стараются не замечать, как будто для новой психологии он и не существует вовсе. Вследствие этого складывающиеся на наших глазах системы научной психологии несут на себе с самого начала ряд органических пороков»[122].

В годы жизни и творчества Выготского, когда некоторые психологи утверждали, что для науки о поведении вопроса о сознательности поступков как объекте научного изучения не существует, признание им (уже в 1925 г.) первостепенной важности проблемы сознания для материалистической психологии было существенным шагом вперед.

Выготский Л.С. // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика. — 1982. — Т. 1 — С. 78.

Ученик Льва Семеновича — Даниил Борисович Эльконин, говоря об этой статье, замечает, что «в тот период он [Выготский] был единственным среди психологов, боровшихся против поглощения психологии рефлексологией и физиологией, кто с такой остротой и настойчивостью ставил эту проблему. Этой статьей он как бы намечает план своих дальнейших исследований»[123].

К этому же времени относится обобщение Львом Семеновичем педагогического опыта своей работы в Гомеле и Москве и завершение им рукописи «Педагогическая психология». Эта монография была опубликована в 1926 г. Ее по праву до сих пор специалисты считают не только первой крупной работой Льва Семеновича, но и первым обобщающим трудом по педагогической психологии.

* * *

Итак, первые годы работы в Москве били во многом определяющими для дальнейшей жизни и деятельности Льва Семеновича. Этот период начался запомнившимся многим докладом в Петрограде и интенсивной научно-исследовательской работой в Институте экспериментальной психологии, началом преподавательской деятельности в вузах Москвы и началом деятельности в новой для него области — изучения, обучения и воспитания беспризорных и детей с отклонениями в развитии.

Новаторские взгляды на преодоление дефекта, высказанные в докладе на съезде СПОН, вся деятельность Льва Семеновича в области дефектологии способствовали приобретению заслуженного им авторитета — он стал признанным специалистом в этой области.

Этим, по-видимому, можно объяснить тот факт, что когда от английского правительства «было получено приглашение СССР принять участие на предстоящей в Лондоне 20-25 июля с.г. [1925 г.] международной конференции по просвещению глухонемых»[124], выбор Наркомпроса РСФСР пал на Льва Семеновича.

Его кандидатура, судя по резолюциям, сохранившимся на этом письме, обсуждалась и была утверждена на заседании Президиума Наркомпроса РСФСР 8/05-1925г[125].

[123] Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. — М.: Педагогика, 1989. — С. 417.

[124] Письмо Управления Уполномоченного Народного Комиссариата по иностранным делам при Правительстве РСФСР за № 756/3717 о/П от 25 апреля 1925 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[125] Там же.

Перед поездкой за границу Лев Семенович получил подробную письменную инструкцию, лично подписанную Наркомом просвещения Анатолием Васильевичем Луначарским. Она предписывает, в частности, «принять активное участие в работе конференции и ее секций в целях ознакомления с опытом и техническими достижениями европейских и американских школ в деле воспитания глухонемых. Вам поручается выступить с докладом об организации и принципах социального воспитания глухонемых детей в РСФСР, остановившись как на связи нашей системы с общими принципами социального воспитания, так и на научно-технических достижениях и методических особенностях нашей системы, могущих представить интерес для других стран... Конспект доклада Вам поручается отпечатать и распространить среди членов конференции, принять участие в выставке и всеми мерами удовлетворить могущий возникнуть интерес иностранных делегатов к постановке дела воспитания глухонемых в РСФСР.

Отчет о проделанной Вами работе Вы представляете сейчас же по приезде в Наркомпрос»[126].

Итак, Лев Семенович летом 1925 г. был командирован Наркоматом просвещения в качестве делегата от РСФСР в Англию для участия в Международном конгрессе по обучению и воспитанию глухонемых детей[127], а также для посещения Германии, Голландии и Франции с целью изучения вопросов воспитания аномальных детей и знакомства с психологическими лабораториями научно-исследовательских и педагогических учреждений этих стран[128].

Важно отметить, что Лев Семенович был одним из первых ученых, кому было доверено представлять российскую дефектологическую науку за границей.

Одна из самых известных фотографий Л.С. Выготского (см. с. 83) была сделана в Берлине во время этой поездки.

В июле 1925 г. Лев Семенович выступил на Международном конгрессе с большим докладом о состоянии и методах обучения глухоне-

[126] Инструкция делегату Наркомпроса тов. Л.С.Выготскому от 7/У11-25 г. № 51424// Семейный архив Л.С.Выготского.

[127] Из трудовой книжки Л.С.Выготского. Эта запись основана на: а) Удостоверении Наркомпроса от 7 июля 1925 г. за № 51424, б) Удостоверении полпредства СССР в Германии за № 1198 от 7/У111- 25 г.

[128] Сведения о предшествующей научной и преподавательской деятельности Л.С.Выготского от 14 сентября 1925 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

Рис. 22. Во время приема делегатов конференции председателем подкомитета специальных служб совета Лондонского графства леди Лоуренс в Каунти Холле. (Лев Семенович в центре снимка). Фрагмент снимка, опубликованного в книге International Conference on the Education of the deaf. London, 1925).

мых детей в нашей стране («Принципы социального обучения глухонемых в России»). В своем выступлении Лев Семенович подчеркнул особую значимость проблемы их социального воспитания. Л.С. Выготский обратил внимание делегатов на то, что наиболее плодотворное решение этой проблемы возможно только в условиях социальной защищенности глухих детей. Доклад публиковался на английском языке в материалах съезда[129]. На русском языке впервые этот доклад был на-

[129] The principles of social education of deaf and dumb children in Russia // International conference on the education of the deaf. — London, 1925. — P. 227-237.

Рис. 23. Международная конференция по образованию глухих. Иностранные делегаты на приеме 23 июля 1925 г. (Лев Семенович крайний справа в верхнем ряду). Фрагмент снимка, опубликованного в книге International Conference on the Education of the deaf. London, 1925).

печатан лишь в 1983 г. под названием «Принципы социального воспитания глухонемых детей»[130].

В книге, опубликовавшей материалы Лондонского съезда, помещена фотография всех его делегатов, на которой, на наш взгляд, Лев Семенович выглядит одним из самых молодых участников этого представительного конгресса.

О работе съезда, его организации мы можем почерпнуть сведения из статьи доктора Франтишека Кржижа (Пльзень), опубликованной в газете «Обзор глухонемоты» № 1 за 1926 г., изданной в Праге.

Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 101 114.

Рис. 24. Титульный лист Книги почетных посетителей Лондонской школы глухих, которую в 1925 г. посетил Лев Семенович.

Статья называется «Международная конференция в Лондоне по защите глухонемых». В ней автор подчеркивает, что прошедший в 1925 г. Лондонский съезд был первым международным съездом, посвященным вопросам образования глухонемых. Он был организован по инициативе английских учителей глухих детей. На нем присутствовали ведущие специалисты с мировым именем из Франции, Швеции, Германии, Бельгии, Америки и других стран.

Автор статьи пишет, что он получил много материалов к конференции и добавляет: «Я также получил от доцента Московского университета Льва Выготского много брошюр о глухонемых».

Фр. Кржиж считает очень важными личные контакты с учеными разных стран, помогающие единству сурдопедагогов, и в связи с этим отмечает: «Если я когда-нибудь буду вспоминать Лондонский съезд, перед моими глазами всегда встанут трое коллег, с которыми наиболее часто общалась

Рис. 25. Лист из Книги почетных посетителей, на котором расписался Лев Семенович во время посещения школы.

чехословацкая делегация. Это был остроумный директор школы из Берлина Шхоршх, деликатный профессор Сангу из Иокогамы и деятельный доцент Московского университета Лев Выготский»[131].

В этой же газете помещена фотография, на которой чешская делегация снята с тремя делегатами Лондонского съезда, о которых писал Фр. Кржиж.

Помимо докладов и лекций в программу съезда входило и посещение передовых учреждений для глухих. Об этом Лев Семенович рассказывал в семье. Но документальное подтверждение этого мы получили лишь несколько лет назад, когда преподаватель из Лондона Аврил Сэддеби, глубоко почитающая имя Выготского, специально поехала в школу глухих, где по ее просьбе разыскали «Книгу почетных посетителей», в которой в 1925 г. расписался и Лев Семенович. Копии этой страницы и титульного листа «Книги почетных посетителей», зная, как мы дорожим каждым документом о Льве Семеновиче, Аврил Сэддеби любезно передала в семейный архив.

По возвращении из-за границы работа Льва Семеновича была прервана болезнью. Он готовился к защите диссертации, которая планировалась

[131] Кржиж Ф. Международная конференция в Лондоне по защите глухонемых // Obzor Hluchonemych, Cislol. V Praze, dne 1. Ledna 1926. Rocnic 8.

Рис. 26. Снимок из газеты «Обзор глухонемоты» № 1, 1926 г. (Прага). Лев Семенович в Лондоне с чешской делегацией, проф. Сангу и директором школы из Берлина Шхоршем.

Рис. 27. Договор (фрагмент) на публикацию книги «Психология искусства».

на осень. Л.С. Выготский писал: «В 1925 году квалификационной комиссией допущен к публичной защите диссертации на звание самостоятельного преподавателя ВУЗа и старшего научного сотрудника на тему «Психология искусства»[132].

Но этим планам не суждено было осуществиться из-за болезни, которая приняла затяжной характер.

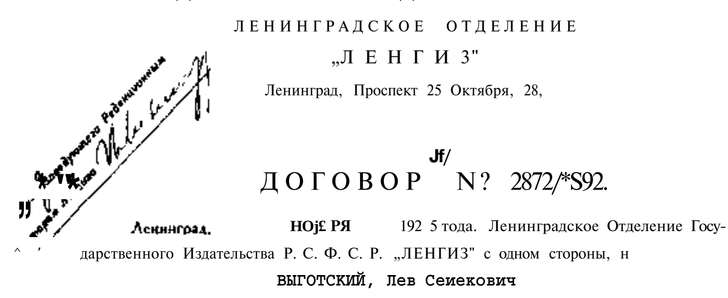
В связи с этим Квалификационная комиссия, ознакомившись с положительными отзывами на диссертацию К.Н. Корнилова и В.М. Фриче, приняла решение: «Ввиду болезни освободить от публичной защиты диссертации и признать за Л.С. Выготским право преподавания в высших учебных заведениях»[133].

Через месяц Коллегия Института экспериментальной психологии утвердила это постановление[134].

[132] Сведения о предшествующей научной и преподавательской деятельности Л.С Выготского. Написаны 14 сентября 1925 г.// Семейный архив Л.С.Выготского.

[133] Выписка из протокола Квалификационной комиссии Института экспериментальной психологии от 5/X-1925 г.// Семейный архив Л.С.Выготского.

[134] Выписка из протокола заседания Коллегии ГНИЭП от 5/XI- 1925г.// Семейный архив Л.С.Выготского.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО Р. С. Ф. С. Р.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

„Л Е Н Г И 3"

Ленинград, Проспект 25 Октября, 28,

Jf/

ДОГОВОР N? 2872/*S92.

Ленинград. НОj£ РЯ 192 5 тода. Ленинградское Отделение Государственного Издательства Р. С. Ф. С. Р. „ЛЕНГИЗ" с одном стороны, н

ВЫГОТСКИЙ, Лев Сеиекович

с другой, заключили между собою настоящий договор в **нижеследующем-**

1. Настоящим **ВЫГОТСКИЙ. Л.С.**

предостанля 'т ЛЕНГИЗУ исключительное грано на издание и переиздание "" труда иод названием: " ПСИХОЛОГИЯ **ИСКуССТВа"**

В семейном архиве сохранилась последняя (пятая) страница отзыва на диссертацию Льва Семеновича, написанная К.Н. Корниловым. Здесь он, завершая анализ «Психологии искусства», высоко ее оценивает и ходатайствует о присуждении Льву Семеновичу звания самостоятельного преподавателя ВУЗа и старшего научного сотрудника.

Несмотря на болезнь, Л.С. Выготский не оставляет своей научной деятельности. В это время он завершает многолетнюю работу по психологии искусства и оформляет ее в виде монографии. Этой книге суждено было пролежать сорок лет, прежде чем она увидела свет. Впервые «Психология искусства» была опубликована лишь в 1965 г. Ее подготовку к печати осуществил Вячеслав Всеволодович Иванов. Книгу сопровождают написанные им комментарии, которые сами по себе являются научным исследованием. Предисловие к книге принадлежит соратнику Льва Семеновича А.Н. Леонтьеву.

Через три года вышло второе издание этой книги, которое отличалось от первого тем, что включало в себя в качестве приложения раннюю работу Льва Семеновича Выготского «Трагедия о Гамлете, принце Датском, У.Шекспира» («Психология искусства», 1968 г. С. 339-499). Третье издание «Психологии искусства» увидело свет в 1986 г.[135]

[135] В качестве дополнения к собранию сочинений Л.С. Выготского издательство «Педагогика» в 1987 г. опубликовало «Психологию искусства» с послесловием М.Г. Ярошевского.

Можно предположить, что к углубленному изучению психологии Льва Семеновича привели, прежде всего, интересы в области литературы и искусства. «Переход Выготского к специальности психолога имел свою внутреннюю логику. Эта логика запечатлена в его «Психологии искусства» — книге переходной в самом полном и точном значении слова»[136], — писал А.Н. Леонтьев.

Этот труд представляет собой обобщение устных литературных докладов в Гомеле, о которых мы писали, ранних исследований о «Гамлете», Крылове, критических статей, печатавшихся в различных периодических изданиях в 1916-1922 гг.

Сам Лев Семенович об этом писал так: «Настоящая книга возникла как итог ряда мелких и более или менее крупных работ в области искусства и психологии. Три литературных исследования — о Крылове, о Гамлете и о композиции новеллы — легли в основу моих анализов, как и ряд журнальных статей и заметок»[137].

В монографии «Гамлет» (1916), а затем и в «Психологии искусства» Выготский планировал вначале раскрыть смысл художественного произведения, базируясь только на текстовом материале. В связи с этим написанию работы предшествовало тщательное исследование самих литературных текстов и многочисленных критических источников. Постепенно он перешел к детальному анализу художественного произведения.

В предисловии к книге А.Н. Леонтьев пишет: «Если сопоставить книгу Выготского с другими работами по искусству начала 20-х годов, то нельзя не увидеть, что она занимает среди них особое место. Автор обращается в ней к классическим произведениям — к басне, новелле, трагедии Шекспира. Его внимание сосредоточивается не на спорах о формализме и символизме, футуристах и о левом фронте. Главный вопрос, который он ставит перед собой, имеет гораздо более общий, более широкий смысл: что делает произведение художественным, что превращает его в творение искусства?[138].

Л.С. Выготский, по мнению А.Н. Леонтьева, подходит к анализу искусства как психолог, пользующийся объективным, аналитическим методом.

[136] Леонтьев А.Н. Предисловие. // Выготский Л.С. Психология искусства. — М.: Искусство, 1986. - С. 6.

[137] Выготский Л.С. Психология искусства. — М.: Искусство, 1986. — С. 15

[138] Леонтьев А.Н. Предисловие. // Выготский Л.С. Психология искусства. — М.: Искусство, 1986. — С. 6-7.

К решению поставленных эстетической мыслью 20-х гг. актуальных проблем Лев Семенович идет путем исследования. Он занимается изучением основ эстетического переживания. Сами же исследования проводит на материале классических произведений.

Л.С. Выготский видит свою цель в воссоздании структуры реакции, которую вызывает данное произведение. По его мнению, такой путь дает возможность познать тайны «величия» и «живучести» отдельных произведений искусства.

Всем ходом своих мыслей ученый утверждает социальную активность искусства и его значение в будущем. Лев Семенович считал, что при переустройстве общества изменится и сам человек. Завершая книгу, он писал: «Нельзя и представить себе, какую роль в этой переплавке человека призвано будет сыграть искусство, какие уже существующие, но бездействующие в нашем организме силы оно призовет к формированию нового человека. Несомненно только то, что в этом процессе искусство скажет самое веское и решающее слово. Без нового искусства не будет нового человека»[139].

В последующие годы Лев Семенович возвращался к искусствоведческим проблемам[140].

Существует мнение, что сам Лев Семенович не хотел публиковать психологию искусства. Так, А.Н. Леонтьев предполагал, что отсутствие публикации этой книги во многом объясняется «внутренними мотивами, в силу которых Л.С. Выготский почти не возвращался к теме об искусстве»[141].

М.Г. Ярошевский разделяет эту точку зрения и в книге о Льве Семеновиче[142] пишет, что в силу неудовлетворенности и других внутренних причин Лев Семенович отказывался от публикации своей монографии. В послесловии к книге «Психология искусства» М.Г. Ярошевский также утверждает, что отказ от публикации был вызван не только незавершенностью концепции, но и неудовлетворенностью автора «избранным способом анализа, в ощущении им потребности в принципиально новых отправных точках и объяснительных принципах.

[119] Выготский Л.С. Психология искусства, изд. 3-е. — М.: Искусство. — 1986. — С. 329.

[14,1] См.: «Графика Быховского» (1926), «Современная психология и искусство» (1927-1928 гг.), рецензия на книгу «Школьная драматическая работа на основе исследования детского творчества» (1929), «Воображение и творчество в школьном возрасте» (1930), «К вопросу о психологии творчества актёра» (1932).

[141] Леонтьев А.Н. Предисловие к книге Л.С.Выготского «Психология искусства». — М.: Искусство, 1986. — С. 11.

[‴] Yaroshcvsky M. Lev Vygotsky. — Moscow: Progress Publishers, 1989. — P. 159, 162 (на англ. яз.).

Это обстоятельство должно быть принято во внимание теми, кто ищет в «Психологии искусства» ответы на актуальные вопросы современной психологии творчества и эстетики. Ответы эти не удовлетворяли и самого Выготского, и вряд ли они могут удовлетворить современного исследователя»[143].

Мы не можем согласиться с высказанным объяснением, так как располагаем некоторыми документами, опровергающими данную точку зрения.

9/XI 1925 г. Лев Семенович заключил договор с Ленинградским государственным издательством на публикацию книги «Психология искусства» объемом примерно 12 авторских листов[144].

Позже в постскриптуме к письму Л.С. Сахарову он сообщал: «С психологией искусства все устроилось. Не знаю, к лучшему ли, но она, видимо, будет напечатана»[145].

Можно предположить, что поскольку «Психология искусства» была диссертационным исследованием Льва Семеновича, то для ее публикации ему потребовались официальные документы из института, где диссертация обсуждалась. Мы разыскали выписку из протокола заседания редакционной коллегии Государственного института экспериментальной психологии, из которой следует, что на этом заседании рассматривалось письменное заявление Льва Семеновича о разрешении печатать диссертацию «Психология искусства». Было принято постановление, позволяющее такую публикацию. «Все материальные расходы и ответственность, связанные с печатанием книги, возложить на т. Выготского, согласно его заявлению»[146].

Мы не знаем, по каким причинам «Психология искусства» не была издана в 20-е гг. Однако приведенные нами факты убедительно свидетельствуют о том, что попытки опубликовать рукопись Львом Семеновичем предпринимались.

Мы уже говорили о том, что напряженная работа Льва Семеновича осенью 1925 г. была прервана длительной болезнью. Заболел он уже в

[143] Ярошевский М.Г. Послесловие к книге Л.С.Выготского «Психология искусства». — М.: Педагогика, 1987. - С. 323.

[144] Договор № 2872/2992 от 9/XI 1925 г. Собственноручно подписан Л.С.Выготским 26 декабря 1925 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[145] Письмо Л.С.Выготского Л.С.Сахарову, написанное в больнице 15/2-26 г.// Семейный архив Л.С.Выготского.

[146] Выписка из протокола № 7 от 24 ноября 1926 г. заседания ред. коллегии ГИЭП// Семейный архив Л.С.Выготского.

сентябре, однако медицинские документы за сентябрь и октябрь не сохранились.

Первый из больничных листков[147], обнаруженных в архиве, датируется 4 ноября 1925 г. Там указан медицинский диагноз: «туберкулез правого легкого».

Вскоре Лев Семенович был госпитализирован в больницу санаторного типа «Захарьино» на станции Химки. Перед нами медицинская справка, из которой следует, что, несмотря на длительное лечение там (6 месяцев), положение больного оставалось тяжелым: «Выготский Л.С, лечившийся с 21/Х1 1925 г. по 22/У 1926 г. с диагнозом туберкулез легких при явлении значительных кровотечений в настоящее время вследствие наложенного правостороннего пневмоторакса, осложненного правосторонним плевритом, не может двигаться самостоятельно и подлежит постельному содержанию еще в течение по крайней мере месяца»[148].

С 8/У1 1926 года Лев Семенович признан инвалидом 2 группы[149].

Но, по имеющимся документам, состояние Льва Семеновича еще и 10 декабря 1926 г. квалифицируется специалистами как неудовлетворительное[150].

Единственным радостным событием 1926 г. был выход из печати первого большого труда Льва Семеновича «Педагогическая психология».

Б.М.Теплов назвал 1925—1929 гг. периодом «первых опытов построения материалистической психологии»[151] В то время широко развертывалась научно-исследовательская работа по психологии, расширялся круг лиц, работающих в области психологической науки, выходил ряд сборников экспериментальных работ, появился специальный журнал «Психология». В работе «Советская психологическая наука за 30 лет» Б.М.Теплов отмечал: «Во второй половине 20-х годов начинается публикация книг обобщающего характера, в которых делаются первые попытки построения системы материалистической психологии»[152]. К числу таких работ относятся: «Очерки научной психологии» П.П. Блонского (1921) и учебник психологии К.Н.

[147] Больничный листок Л.С.Выготского № 109720 от 4/Х1-25 г.// ЦГА РСФСР. - Ф. 2306. - Оп. 42. - Ед. хр. 499. - Л. 10

[148] Медицинская справка № 917 от 22/У 1926 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[149] Медицинская справка № 2983 от 22/У1 1926 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[150] В архиве имеется справка № 146016 Московского Губернского Комитета социального страхования, из которой следует, что срок инвалидности истек и Лев Семенович признается трудоспособным с 1/1 1927 г.

[151] Теплое Б.М. Советская психологическая наука за 30 лет. — М., 1947. — С. 13.

[152] Там же.

Корнилова (1926). Рядом с ними по праву можно поставить «Педагогическую психологию» Л.С. Выготского (1926).

Эта книга вышла в свет очень давно и больше не переиздавалась. Через несколько лет после ее выхода на эту работу был наложен запрет, по словам академика В.В. Давыдова, «по чисто идеологическим причинам — маловразумительным и нелепым для нашего времени»[153]. Запрет был снят только в самом конце 80-х гг. Естественно, что о книге знали, главным образом, лишь понаслышке. Даже многие из специалистов-психологов, в силу сложившихся обстоятельств, не держали ее в руках.

Сейчас «Педагогическая психология» уже переиздана издательством «Педагогика». Во вступительной статье к этой работе В.В. Давыдов пишет: «Новое издание «Педагогической психологии» несомненно имеет большой исторический смысл, поскольку позволит специалистам познакомиться с тем, как признанный классик мировой психологии представлял «новые данные» своей науки около 60 лет назад. И, конечно, очень важно при чтении книги прочувствовать ту талантливую и яркую манеру популярного изложения новых психологических данных для школьных учителей и преподавателей вузов, а она весьма своеобразна и поучительна. Но эти цели повторного издания книги имеют значение для психологов и педагогов, ведущих научные исследования и стремящихся передать свои результаты в практику образования. Однако — и это главное — ознакомление с текстом предлагаемой книги позволит нынешнему читателю, и прежде всего рядовому учителю, ощутить сходство и близость обсуждаемых в ней вопросов с острыми, больными и противоречивыми проблемами нашего современного образования, над решением которых бьются наши практики-учителя и ученые-исследователи. В этом основной смысл переиздания книги...»[154]

В «Педагогической психологии» Л.С. Выготский предпринял попытку дать анализ современного состояния мировой психологии и смежных с нею дисциплин. Книга свидетельствовала о стремлении ее автора поставить психологическую науку на службу практическим потребностям нового общества.

Уже в самом начале своей научной деятельности Лев Семенович выступил как психолог-материалист, стремящийся овладеть диалектическим методом. Так, одна из черт новой психологии, по мнению Выготского,

[153] Давыдов В.В. Л.С.Выготский и проблемы педагогической психологии // Выготский Л.С. Педагогическая психология. — М.: Педагогика, 1991. — С. 5.
[154] Там же. С. 5-6.

состоит в том, что «психические процессы развиваются в неразрывной связи со всеми остальными процессами в организме и подчинены точно таким же законам, как и все остальное в природе»[155].

Мысль об общественной природе человека является у Льва Семеновича не просто декларативной, а приобретает конкретно-психологическое содержание. В «Педагогической психологии» выявляется диалектический подход автора к вопросу о взаимодействии общественных условий воспитания с особенностями естественного развития ребенка. Рассматривая в специальной главе книги проблему одаренности в связи с индивидуальным воспитанием ребенка, Л.С. Выготский подчеркивает недопустимость недооценки «природы» ребенка, его индивидуальных отличий, проявляющихся в особенностях высшей нервной деятельности, темпераменте и др.

Автор считает, что только общественное воспитание ребенка, проводимое с учетом этих индивидуальных особенностей, дает возможность развить свойственные только ему задатки и способности. Эта мысль Льва Семеновича отличалась от теории фатальной наследственной предопределенности судьбы ребенка. Вместе с тем она ориентировала педагогов на всестороннее развитие способностей любого человека.

Уже в этой книге Лев Семенович ставит на повестку дня вопрос о взаимоотношении воспитания и развития, придерживаясь того мнения, что воспитание как процесс играет ведущую роль и определяет естественное развитие ребенка. В последующих работах ученый развивает и дополняет эти мысли.

Хотя отдельные страницы этой книги, разумеется, устарели — ведь она была написана почти семь десятков лет назад — тем не менее, многие ее положения, являясь актуальными, не реализованы в педагогической практике и сегодня. К примеру, широко обсуждаемая в педагогике «проблема сотрудничества» педагога и ученика. У Выготского мы находим: «В основу воспитательного процесса должна быть положена личная деятельность ученика, и все искусство воспитателя должно сводиться только к тому, чтобы направлять и регулировать эту деятельность. В процессе воспитания учитель должен быть рельсами, по которым свободно и самостоятельно движутся вагоны, получая от них только направление собственного движения. Научная школа есть непременно «школа действия»[156]. И далее: «Ученик до сих пор всегда стоял на плечах учителя. Он смотрел на

[135] Выготский Л.С. Педологическая психология. — М.: Педагогика, 1991. — С. 42.
[|5ь] Там же. С. 82-83.

все его глазами и судил его умом. Пора поставить ученика на собственные ноги, заставить его ходить и падать, терпеть боль от ушибов и выбирать направление. И то, что верно относительно ходьбы, — ей можно научиться только на собственных ногах и на собственных падениях, — одинаково приложимо ко всем сторонам воспитания»[157]. При этом Л.С. Выготский подчеркивает, что ведущая роль в учебно-воспитательном процессе принадлежит учителю, работа которого должна быть творческой и основываться на знании психологии ребенка и законов его воспитания и развития (с.366—367).

И в настоящее время остается злободневной проблема трудового обучения и воспитания, о которой Лев Семенович писал: «Вопреки точному смыслу слова политехнизм означает не многоремесленничество, соединение многих специальностей в одном лице, это, скорее, знакомство с общими основами человеческого труда, с той азбукой, из которой складываются все его формы...»[158]. Труд должен быть организован так, чтобы ребенок понимал его смысл, видел его результаты, чтобы труд был действительно полезным (с. 227-228).

В «Педагогической психологии» Лев Семенович рассматривает и проблему интернационального воспитания, актуальную и сегодня (С. 244).

Говоря о нравственном воспитании ребенка, Лев Семенович предупреждал, что «не следует... превращать нравственность во внутреннюю полицию духа... Не делать чего-нибудь из-за боязни дурных последствий так же безнравственно, как и делать»[159]. «...Новое, что должно быть положено в основу нравственного воспитания, ближе всего можно определить... как социальную координацию своего поведения с поведением коллектива...»[160].

По мнению Льва Семеновича, «воспитывать — значит организовать жизнь; в правильной жизни правильно растут дети»[161]. И в другом месте книги он продолжает: «Вопросы воспитания будут решены тогда, когда будут решены вопросы жизни»[162].

О книге Л.С. Выготского А.А. Леонтьев говорит, что, будучи опубликована в 1926 г., она не была понята и оценена по достоинству. Да и в наши дни, считает А.А. Леонтьев, нет подобных книг. «Это единственная

[157] Выготский Л.С. Педологическая психология. — М.: Педагогика, 1991. — С. 363.
[158] Там же. С. 221.
[159] Там же. С. 258.
[160] Там же. С. 264.
[161] Там же. С. 267.
[162] Там же. С. 370.

работа Выготского, где затронуты все основные вопросы педагогики и педагогической психологии»[163].

В.В. Давыдов назвал эту книгу интересной и поучительной. «Она, к сожалению, была незаслуженно забыта. Внешние причины для этого печального обстоятельства были — книга очень долго находилась «под арестом» в спецхране библиотек, и поэтому ссылаться на нее было запрещено (в ее тексте несколько раз цитировались или упоминались лица, ставшие после издания книги «врагами народа»). Но общественная ситуация сейчас изменилась, и теперь читатель может вновь познакомиться с нею уже с высоты нынешнего десятилетия, самостоятельно и критически оценивая ее достоинства и упущения. При этом следует иметь в виду время, в которое она была написана, и то, что ее создавал молодой человек, лишь входящий в психологическую науку. Подлинный исследовательский талант Л.Выготского развился уже после издания этой книги, но и она, по нашему мнению, была важной ступенью в подготовке и разработке той культурно-исторической теории, которая прославила его имя на весь мир»[164].

Будучи тяжело больным, находясь, по словам самого Льва Семеновича, между жизнью и смертью, преодолевая страдания, причиняемые болезнью и неблагоприятными условиями больничного быта (о чем известно из его писем[165]), он продолжает вести научную работу.

Казалось бы, эти внутренние и внешние неблагоприятные обстоятельства должны были препятствовать какой бы то ни было работе. Однако Лев Семенович, не теряя интереса к науке, находит в себе душевные и физические силы для чтения многочисленных психологических трудов и написания критических статей и предисловий к ним. Мы имеем в виду книги Торндайка, Шульце, Отто Рюле, Фрейда, Коффки и др.[166]

Как писал в свое время известный переводчик М.Л.Лозинский Анне Андреевне Ахматовой: «Больница имеет свою монастырскую прелесть»[167]. Может быть, монастырская уединенность в какой-то степени способствовала осмыслению прочитанного. Так или иначе, здесь, в этих условиях, была задумана и написала большая работа, носившая методологический харак-

[161] Леонтьев А.А. Л.С.Выготский. — М: Просвещение, 1990. — С. 65.

'"* Давыдов В.В. Л.С.Выготский и проблемы педагогической психологии // Педагогическая психология. — М: Педагогика. — 1991.

[165] Письма Л.С.Выготского Л.С.Сахарову // Семейный архив Л.С.Выготского и А.Р.Лурия // Семейный архив А.Р.Лурия.

[166] См. библиографию, № 96, 104, 105, 106, 108 и др.

[167] Цит. по: А.Найман. Рассказы о Анне Ахматовой. — М.: Худож. лит., 1989. — С. 161.

тер. Лев Семенович назвал ее «Исторический смысл психологического кризиса».

Этой работе суждено было долгое время оставаться рукописью (закончена в 1927 г.), широкому читателю она стала доступна лишь в 1982 г., когда была опубликована в 1-м томе Собрания сочинений Л.С. Выготского.

К моменту написания этой рукописи в психологии существовало множество различных направлений: бихевиоризм, гештальтпсихология, психоанализ, персонализм и др. Каждое из этих направлений претендовало на ведущее положение в науке. «Кризис разделил психологию на два лагеря. Граница между ними всегда проходит между автором такого взгляда и всем остальным миром»[168].

Многие ученые, считая, что кризис психологии выражался именно в борьбе между этими течениями, предлагали в качестве возможного выхода их эклектическое соединение. Лев Семенович на основе тщательного изучения этих психологических течений «делает единственную, для того времени, попытку, раскрывающую глубокие, исходные философские корни всех этих течений»[169]. «Непостижимо, — писал М.Г. Ярошевский, — как он смог за несколько месяцев, будучи тяжело больным, проанализировать великое множество источников»[170].

В результате анализа огромного числа произведений психологов разных школ и направлений Лев Семенович приходит к выводу, что, несмотря на кажущееся различие всех современных ему течений в психологии, на самом-то деле существуют лишь две психологии — материалистическая и идеалистическая. Это «два разных, непримиримых типа науки, две принципиально разные конструкции системы знания; все остальное есть различие в воззрениях, школах, гипотезах; частные, столь сложные, запутанные и перемешанные, слепые, хаотические соединения, в которых бывает подчас очень сложно разобраться. Но борьба действительно происходит только между двумя тенденциями, лежащими и действующими за спиной всех борющихся течений»[171].

Завершая анализ кризиса и его причин в психологии, Л.С. Выготский писал: «Причину кризиса мы понимаем как его движущую силу, а потому имеющую не только исторический интерес, но и руководящее — ме-

[168] Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1982. — Т.1. — С. 370.
[169] Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. — М.: Педагогика, 1989. — С. 419.
[170] Yaroshevsky M. Lev Vygotsky. — Moscow: Progress Publishers, 1989. — P. 174-175.
[171] Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1982. - Т.1. - С. 381.

тодологическое — значение, так как она не только привела к созданию кризиса, но и продолжает определять его дальнейшее течение и судьбу. Причина эта лежит в развитии прикладной психологии, приведшей к перестройке всей методологии науки на основе принципа практики... Этот принцип давит на психологию и толкает ее к разрыву на две науки; он обеспечивает в будущем правильное развитие материалистической психологии. Практика и философия становятся во главу угла»[172].

Вполне современно, на наш взгляд, звучат и последние слова этой монографии: «Наша наука не могла и не может развиться в старом обществе. Овладеть правдой о личности и самой личностью нельзя, пока человечество не овладело правдой об обществе и самим обществом. Напротив, в новом обществе наша наука станет в центре жизни...

В будущем обществе психология действительно будет наукой о новом человеке»[173].

Приведем несколько отзывов современных психологов на «Исторический смысл психологического кризиса».

Так, М.Г. Ярошевский считает, что в этой монографии «рассмотрен обширный круг коренных проблем структуры и динамики не только психологического, но и научного знания вообще в его соотношении со знанием философским. Страницы этой, имеющей полувековую давность, рукописи читаются так, как если бы автор размышлял над вопросами, которые волнуют современную нам психологическую философскую, науковедческую мысль»[174].

А.А. Леонтьев пишет, что «в этой книге Лев Семенович Выготский сумел не только глубоко разобраться в истории и тенденциях современной ему психологии, западной и советской. Он заложил основы марксистской психологии, наметив пути ее развития на многие десятилетия, почти на целый век вперед! Сейчас часто говорят, что в «Историческом смысле психологического кризиса» Выготский сформулировал исследовательскую программу, над выполнением которой трудится советская психология — и еще долго будет трудиться...»[175].

А по словам ближайшего ученика Льва Семеновича Александра Романовича Лурия, Выготский в «Историческом смысле психологического

[172] Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. - М: Педагогика, 1982. — Т.1. — С. 393.
[171] Там же. С. 436.
[174] Цит. по: Левитин К.Е. Личностью не рождаются. — М.: Наука, 1990. — С. 72.
[175] Леонтьев А.А. Л.С. Выготский. — М., Просвещение. — 1990. — С. 33-34.

Рис. 28. Москва, 1927. Лев Семенович (второй слева во втором ряду) с преподавателями и выпускниками II МГУ. На обороте снимка написано: «Расставаясь с Вами, дорогой Лев Семенович, хочется, быть может и очень смутно, подать надежду своему чуткому незаменимому учителю-товарищу в том, что с годами страницы педологии и психологии обогатятся мыслями, которые еще в потенциальном состоянии находятся в десятках голов студентов выпуска 27-го года ... Ваши мысли — наш спутник, факел в нашей практической и теоретической работе ...» 16 июля 1927 г.

кризиса» «намечает главные вехи того пути, по которому в дальнейшем пошли его собственные работы и работы его многочисленных учеников»[176].

Последние семь лет жизни Льва Семеновича Выготского нельзя назвать наполненными внешними событиями. Все его поездки ограничивались «треугольником»: Москва-Ленинград-Харьков. Исключение составляет длительная поездка в Ташкент в 1929 г.

Однако эти годы с полным правом можно назвать самыми продук-

[176] Лурия А.Р. Вдохновенный, героический труд ученого // Учительская газета — 1977, 8 сент. — С. 2-3.

Рис. 29. Лен Семенович (третий слева во втором ряду) с преподавателями и выпускниками одного из Московских ВУЗов.

тивными, насыщенными, поскольку именно в это время Лев Семенович необычайно много и напряженно работал в многочисленных вузах страны, вел исследовательскую и теоретическую работу, объединяя вокруг себя начинающих ученых, оказывая им неизменную консультативную помощь, и много писал.

В научном мире стало широко известно имя Л.С. Выготского как одного из создателей культурно-исторической теории. Начиная с 1927 г. почти все основные исследования ученого (речи, мышления, внимания, памяти и других психических функций) стали проводиться под углом зрения исторического развития психики.

«...Выготский сосредоточил внимание главным образом на выяснении роли социального опыта человека и человечества в развитии психики. Он считал необходимым рассматривать поведение современного взрослого человека в трех аспектах: как результат длительной биологической эво-

люции, как результат длительного и очень сложного процесса развития ребенка и как результат исторического развития. Этот последний аспект, наименее изученный и наиболее значимый, по мнению Выготского, для психологической науки, становится объектом его исследований. В ходе анализа психического развития в контексте исторического развития человечества Выготский сформулировал основные положения своей культурно-исторической теории»[177].

В культурно-исторической теории Л.С. Выготский ставил целью раскрыть социальную природу «специфически человеческих» высших психических функций. Прежде всего он стремился установить соотношения социального (культурного, «высшего») и биологического (натурального, «низшего», элементарного) в развитии человеческой психики. Этой задаче подчинялись и основные труды Льва Семеновича тех лет («Проблема культурного развития ребенка», «Инструментальный метод в психологии», «Орудие и знак в развитии ребенка», «Этюды по истории поведения», «История развития высших психических функций», «Мышление и речь»), и работы его коллег. А.Н. Леонтьев стал разрабатывать в этом русле проблемы памяти и внимания, Л.С. Сахаров занялся проблемой формирования понятий, А.Р. Лурия — изучением эмоций[178].

К этому времени А.Р. Лурия привлек к совместной работе наиболее активных студентов II МГУ из руководимого им студенческого кружка: А.В. Запорожца, Л.И. Божович, Р.Е. Левину, Н.Г. Морозову и Л.С. Славину. Это были те студенты, у которых выявился глубокий и стойкий интерес к психологии. Со слов Н.Г. Морозовой, им поручили «исследования по тематике Л.С. Выготского: «Овладение движением» (А.В. Запорожец), «Роль знаковых операций при реакции выбора»(Н.Г. Морозова), «Планирующая роль речи» (Р.Е. Левина), «Развитие подражания у детей» (Л.И. Божович и Л.С. Славина).

Лев Семенович не верил, что мы, студенты, смогли усвоить основные его идеи и был очень удивлен и обрадован, что пять молодых психологов так близко подошли к его теории культурного развития»[179]. Эти люди составили так называемую «пятерку», каждому из членов которой суждено было впоследствии стать известным ученым.

[177] Никольская А.А. Фундаментальные проблемы психологии в творчестве Л.С.Выготского и П.П. Блонского // Научное творчество Л.С.Выготского и современная психология. М. - 1981. - С. 113.

[178] Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. — М.: Изд-во МГУ. — 1982. — С. 39.

[179] Из беседы с Н.Г. Морозовой 11/XI 1988 г.

Анализу культурно-исторической теории Л.С. Выготского посвящены многие десятки страниц как в зарубежной, так и в отечественной литературе. Труды Льва Семеновича и его учеников сейчас доступны читателю, что дает нам основание не рассматривать специально эту, хорошо теперь известную, теорию Л.С. Выготского.

Однако нельзя не сказать о том, что высоко оценена она была не сразу. Более того, в 30-х гг. не нее обрушился шквал яростной и несправедливой критики со страниц психологических и дефектологических журналов, а также в стенах ряда научных учреждений.

Сейчас, когда читаешь архивные материалы, стенограммы выступлений, статьи, относящиеся к этой так называемой «открытой дискуссии» по культурно-исторической теории, становится понятно, в сколь тяжелой, драматической обстановке приходилось работать Льву Семеновичу в 30-х гг. Порой это походило на откровенную травлю ученого.

Критика, содержащаяся в выступлениях и статьях, была необъективной, предвзятой, в ней не было аргументированных доводов.

А.В. Петровский пишет об этом периоде так: «Оценивая ныне выступления тех лет, относящиеся к так называемой «культурно-исторической теории», ... мы должны... отметить не только спорность многих конкретных обвинений по адресу Выготского (например, у П.И. Размыслова..), но и общую односторонность и тенденциозность всей этой критики...»[180].

Ярким примером такой «критики» является найденная нами среди бумаг Льва Семеновича рецензия на его книгу «Этюды по истории поведения», написанную совместно с А.Р. Лурия.

Позволим себе сделать небольшое отступление, чтобы показать, какие цели ставили перед собой авторы. В предисловии к книге читаем: «Нашей задачей было вычертить три основных линии в развитии поведения — эволюционную, историческую и онтогенетическую — и показать, что поведение культурного человека является продуктом всех трех линий развития и может быть научно понято и объяснено только при помощи трех различных путей, из которых складывается история поведения человека»[181]. Книга состоит из трех глав, в которых рассматривается соответственно, поведение обезьяны, примитива и ребенка.

«Этюды по истории поведения» вышли в свет в 1930 г.

Автор рецензии на данную книгу, о котором мы упоминали выше, нам

Петровский А.В. История советской психологии. — М.: Просвещение. — 1967. — С. 245.
Выготский Л.С, Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. — М.; Л.: ГИЗ. — 1930. — С. 3.

неизвестен, так как сохранилось только 19 пожелтевших машинописных страниц. Известны лишь начальные буквы его имени и фамилии — «А.Ш.» Она называется «Против культурно-исторической точки зрения в психологии». Мы не знаем, была ли эта статья опубликована, но доподлинно известно, что Лев Семенович читал ее.

Вот несколько образцов этой так называемой критики.

«Примером некритического восприятия различных положений буржуазной психологии являются работы Л.С. Выготского и А.Р. Лурия, которые до сих пор не подвергались сколь-нибудь существенной критике».

«Во взглядах Выготского — Лурия причудливо сочетаются формалистически-идеалистические по своей сущности положения с целым рядом механистических моментов. Однако несмотря на весь эклектизм культурно-исторической теории Выготского — Лурия, идеалистические положения составляют основное ядро ее методологических принципов».

«Для культурно-исторической теории психологическая эволюция колхозников Таджикистана есть их превращение в просто культурных людей. То, что это есть процесс превращения крестьянина в активного сознательного строителя социалистического общества, культурно-историческая теория вскрыть абсолютно не сможет».

«Абстрактный историзм Выготского — Лурия, выраженный в тезисе о культурном человеке вообще, является идеалистическим по своему существу. Этот абстрактный историзм авторов культурно-исторической теории вытекает из их основного методологического подхода к проблеме развития».

«Все работы, построенные на базе культурно-исторической концепции, заключаются в игнорировании социальной активности ребенка».

«Через очки культурно-исторической теории нельзя вскрыть в эволюции психики колхозника-таджика самого главного: нельзя понять то специфическое, что обусловлено социалистическим характером реконструкции экономики и быта таджикской деревни».

Ограничимся этими цитатами'[82].

Среди дошедших до нас опубликованных работ, носящих сугубо тенденциозный характер и подвергавших критике культурно-историческую теорию при жизни Льва Семеновича, одно из ведущих мест занимает ста-

[1,2] А.Ш. Против культурно-исторической точки зрения в психологии // Семейный архив Л.С.Выготского. — 19 с. — Рукопись.

тья П.И. Размыслова[183]. Чтобы не быть голословными, приведем из нее несколько маленьких отрывков.

«Культурно-историческая теория психологии еще только создается, но она уже успела много навредить психологическому участку теоретического фронта, ловко прикрывая свои псевдонаучные и чуждые марксизму стороны цитатами из работ основоположников марксизма. Эта теория воинствующе внедряется в педагогическую практику»[184].

«Везде, где нужно было бы, с нашей точки зрения, говорить о классовом, производственном окружении ребенка, о влиянии школы, пионеротряда и комсомольского движения как проводников влияния партии и пролетариата на детей, о том, что категории мышления отражают и резюмируют общественно-производственную практику, что они являются ступеньками познания мира, Выготский везде говорит просто о влиянии коллектива, не расшифровывая, о каком коллективе идет речь, и что он понимает под коллективом»[185].

«Вместо того, чтобы вскрыть процессы изживания форм эгоцентрического мышления у ребенка в условиях диктатуры пролетариата и строительства социализма, Выготский и Лурия в своих «Этюдах» выводят этот эгоцентризм, исходя не из классового окружения ребенка, а из биологической его природы... Выготский и Лурия очень кичатся тем, что они разрабатывают проблему мышления в его развитии — в историческом аспекте»[186].

П.И. Размыслов резюмирует: «Выготского не интересует, к чьему благу клонятся реакции. Для него психологическая природа воспитательного процесса при воспитании фашиста и пролетария одинакова... Он не понимает задач классового воспитания и законов развития человеческого общества»[187].

«Каковы же наши выводы? Безусловно, Выготский и Лурия объективно являются проводниками буржуазного влияния на пролетариат. Не зная марксизма, не владея методом диалектического материализма, они постоянно были в плену то у одних, то у других «модных» буржуазных психологических течений, искажая и извращая положения марксизма»[188].

[183] Размыслов П.И. О «культурно-исторической теории психологии» Выготского и Лурии // Книга и пролетарская революция. — 1934. — № 4.
[184] Там же. С. 78.
[185] Там же. С. 81.
[186] Там же. С. 82.
[187] Там же. С. 84.
[188] Там же. С. 86.

Такая критика звучит, по меньшей мере, неубедительно, поскольку еще в 1927 г. Лев Семенович писал: «Надо знать, чего можно и должно искать в марксизме... Можно искать у учителей марксизма не решение вопроса, даже не рабочую гипотезу (потому что они создаются на почве данной науки), а метод ее построения. Я не хочу узнать на дармовщинку, скроив пару цитат, что такое психика, я хочу научиться на всем методе Маркса, как строят науку, как подойти к исследованию психики... Не случайные высказывания нужны, а метод»[189].

Будучи не согласным с рядом обвинений, высказываемых по поводу этой книги («Этюды по истории поведения»), он, по всей видимости, готовился ответить одному из рецензентов. В архиве сохранились заметки, написанные рукой Льва Семеновича, в которых он в тезисной форме опровергает ошибочные утверждения рецензента. Заметки называются «Извращения в рецензии» и построены таким образом, что вначале Лев Семенович приводит замечание рецензента, а строчкой ниже — ответ на него. Приведем некоторые пункты из этой рукописи со ссылками Л.С. Выготского на соответствующие страницы книги «Этюды по истории поведения» (1930 года издания):

2. «... Примитив — вдобавок еще не человек».

В книге наоборот: «Примитив является в полной степени человеком» (с. 70).

5. «У примитива (все слабо): и память слаба... и пр.»

В книге — наоборот: «выдающаяся натуральная память у примитива» (с. 72, 73, 74).

6. «... сколько еще ступеней перед примитивом, чтобы превратиться в настоящего человека».

В книге (с. 117) — ничего подобного нет.

7. Обвинение в «биогенетизме».

В книге (с. 124): «ребенок — качественно отличен от взрослого». Где здесь биогенетизм?! Здесь лишь указание на качественное своеобразие ребенка.

9. «... факт своеобразного мышления ребенка приводится в подтверждение мысли об аналогии ребенка и примитива».

Где это?! В тексте — указание на конкретность детского мышления (с. 146).

10. Цитата из книги «... ребенок находится на стадии глубокой умственной отсталости».

[189] Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса. // Собр. соч.: В 6 т.— М.: Педагогика. - 1982. - Т. 1. - С. 421.

Из текста (с. 160-162) ясно, что речь здесь идет о протоколе опыта с умственно отсталым ребенком (опыты Богена над олигофренами)!! Рецензент просто не понял, о чем идет речь.

11. «...когда ребенок вышел из стадии обезьяны, он переходит в стадию примитива».

Где это?! Просто выдумка рецензента. На с. 166 ничего подобного нет!!

13. Указание на стадии рецензентом совершенно перепутаны. Ходьба ребенка — не стадия, а простой пример натурального развития, не относящийся к культурному развитию (с. 201-202).

14. «... следующая фаза развития ребенка — примитивный человек».

Автор не понял. В книге (с. 203-204) говорится о примитивном характере поведения; здесь нигде нет указаний на то, что «примитивное — не человеческое». Это просто непонимание рецензента.

16. «... культурная отсталость не является биологическим недостатком, как думает автор».

В книге — как раз обратное (с. 65-71 и вся книга).

Подводя итог этим записям, готовя ответ рецензенту, Лев Семенович суммирует: «Историческое развитие отличается по своему типу от биологического» — с. 57.

«Примитивный человек» — стоящий на низшей ступени культурного развития. Это — условный термин: «примитивного человека» в собственном смысле НЕТ.

«Примитивный человек» — низшая ступень и исходная точка исторического развития» — с. 58.

«Биологически примитив не ниже (иногда — выше) культурного человека (в отношении натуральных функций)» — с. 65-71.

«Нет различий между культурным и примитивным человеком в органических функциях» — с. 67, 69, 70.

«Примитив — человек в полной степени» — с. 70.

«Человеческое развитие с самого начала — развитие общественное» — с. 71.

«В книге нет указаний на «параллелизм» исторического и биологического; есть указание на то, что оба процесса не совпадают». — с. 71.[190]

По ответам Л.С. Выготского видны уровень квалификации рецензента и степень его понимания культурно-исторической теории вообще и книги «Этюды по истории поведения», в частности.

Рукописные заметки Льва Семёновича // Семейный архив Л.С.Выготского.

Самого Льва Семеновича не все удовлетворяло в книге «Этюды по истории поведения». Корректируя главу, написанную А.Р. Лурией, он отмечает, что эта часть выполнена «сплошь по фрейдистам (не по Фрейду даже, а по В.Ф.Шмидт — ее материалы, по М.Клейн и другим звездам второй величины); далее непролазный Пиаже, абсолютизированный сверх всякой меры; еще далее орудие и знак смешаны вместе и т. д., и т. д. Это не личная вина А.Р. [Лурия], а целой «эпохи» нашей мысли. С ней надо покончить беспощадно. То, что пока с нашей точки зрения нам не ясно, как переработать, чтоб это стало органической частью нашей теории, не должно вовсе входить в систему. Подождем. Итак, строжайший, монастырский режим мысли; идейное отшельничество, если будет нужно. Того же требовать от других. Разъяснить, что заниматься культурной психологией — не шутки шутить, не между делом и не в ряду других дел, не почва для собственных домыслов каждого нового человека. А внешне отсюда тот же режим организационный. Поставить так, чтобы невозможны стали ошибки «обезьяны», статьи А.Р. Лурия, параллелизм Занкова и прочее. Я буду счастлив, если добьемся максимума ясности и четкости в этом вопросе»[191].

И, тем не менее, «Этюды» были для Льва Семеновича принципиально важным этапом в доказательстве и раскрытии сути культурно-исторической теории.

«Гипотезы Выготского о культурно-исторической обусловленности форм мышления и высших психических функций вообще, а главное, о зависимости этих функций от исторического и социального развития общества, — пишет А.А. Леонтьев, — были проверены А.Р. Лурия в организованных им двух экспедициях в отдаленные районы Узбекистана (1931 и 1932 гг.)»[192].

Сам Александр Романович в научной автобиографии, написанной в конце жизни, рассказывает, что в те годы они занимались изучением влияния культуры на развитие мышления. Имеющиеся на этот счет научные предположения нуждались в экспериментальной проверке. С этой целью было решено провести исследование интеллектуальной деятельности взрослых людей с тем, чтобы выявить те изменения в процессах мышления, которые являются следствием общественных перемен. «Мы могли бы проводить работу в отдаленных русских деревнях, однако избрали для своих исследований поселки и стоянки кочевников Узбекистана и Киргизии,

[191] Из письма Л.С.Выготского А.Н.Леонтьеву от 23/VII 1929 г. // Семейный архив А.Н. Леонтьева.

[1,2] Леонтьев А.А. Л.С.Выготский. — М.: Просвещение, 1990. — С. 94-95.

где огромные различия прошлой и современной культуры обещали дать максимальную возможность для наблюдения за изменениями основных форм и содержания мышления людей»[193].

Лев Семенович очень высоко оценивал полученные в ходе этих экспедиций материалы. Об этом можно судить по сохранившимся письмам, которые он писал Александру Романовичу в то время. Процитируем два из них.

> «Дорогой Александр Романович! Пишу тебе... в каком-то воодушевлении, какое приходится переживать не часто. Я получил отчет № 3, протоколы опытов. Светлее и радостнее дня я не запомню в последнее время. Это буквально как ключом отпертые замки ряда психологических проблем. Таково мое впечатление. Первостепенное значение опытов для меня вне сомнения, наш новый путь теперь завоеван (тобой) не по идее только, а на деле — в эксперименте... Для нас открыта новая глава в психологии — конкретная... У меня чувство благодарности, радости и гордости...»[194].
>
> «Дорогой Александр Романович... Писал уже тебе и в Самарканд и в Фергану о том огромном ни с чем не сравнимом впечатлении, какое произвели на меня твои отчеты и протоколы. В нашем исследовании это огромный, решающий, поворотный к новой точке зрения шаг. Но и в любом контексте европейских исследований — такая экспедиция была бы событием... У меня чувство восторга — в буквальном смысле слова — как перед серьезнейшим внутренним успехом. Я получил отчет № 5 — и он, как и все остальные... — знаменует событие: систематическое исследование системных отношений в исторической психологии, в живом филогенезе, чего не было до сих пор никем сделано — ни с какой точки зрения. К нашей клинике, к детским опытам это — новая, неожиданно (для меня, сознаюсь) счастливая и блестящая глава»[195].

Однако «недоброжелательный шум вокруг результатов этих экспедиций воспрепятствовал публикации их материалов, и они были напечатаны только через 40 лет»[196].

Следует сказать, что, несмотря на исключительно широкие научные интересы Л.С. Выготского, наверное, можно при внимательном анализе

[1,3] Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. — М.: Изд-во МГУ. — 1982. — С. 49.

[194] Из письма Л.С.Выготского А.Р.Лурия от 11/VII 1931 г. // Семейный архив А.Р.Лурия. Фрагменты писем опубликованы в кн. Е. Лурия «Мой отец» (М.: Гнозис, 1994).

[195] Из письма Л.С.Выготского А.Р.Лурия от 1/VIII 1931 г. // Семейный архив А.Р.Лурия.

[196] Леонтьев А.А. Л.С.Выготский. — М.: Просвещение, 1990. — С. 95.

его работ выделить центральную линию или даже точку, в которой, как в фокусе линзы, могут быть собраны все волновавшие его вопросы. Этот фокус, как отмечают многие современные исследователи творчества Л.С. Выготского, образует проблема развития в психологии. В контексте этой проблемы становится ясным действительное значение всех составных частей культурно-исторической концепции:

и учения о высших психических функциях, где идея опосредствования выступает как ключ к пониманию механизмов психического развития;

и каузально-динамического анализа, направленного на выделение такой способной к саморазвитию единицы, которая несет в себе все существенные характеристики сложного целого;

и экспериментально-генетического метода, являющегося методом моделирования процессов развития.

В контексте проблемы развития Л.С. Выготским рассматривались и отдельные психические функции и процессы, и целые области научного знания. Так, его работа «Мышление и речь» от начала и до конца подчинена идее развития, а основной вывод этого исследования связан с фактом развития значений слов. В этом же аспекте изучались Л.С. Выготским память и воображение, воля и внимание, эмоции и интеллект. Созданная ученым теория психического развития доказала свою работоспособность во многих областях и особенно в детской и возрастной психологии. Заявленный в работе «Проблема возраста» оригинальный научный подход получил конкретизацию в статьях, посвященных анализу различных возрастных периодов развития — младенчества, раннего и дошкольного возраста, основных ступеней школьного детства и, наиболее обстоятельно, подростничества в книге «Педология подростка». Многие введенные Л.С. Выготским в детскую психологию понятия составляют методологическую и теоретическую основу современных исследований в этой области науки. К ним относятся, в первую очередь, понятия о психологическом возрасте, критических и стабильных периодах, социальной ситуации развития, ведущей деятельности, зоне ближайшего развития и др. Точно так же, по оценкам ряда авторов, оказываются не вчерашним, а. скорее, завтрашним днем психологической науки многие идеи Л.С. Выготского, например, динамическое единство интеллекта и аффекта, ведущая роль обучения в широком смысле — в его соотношении с развитием, системное и смысловое строение сознания и др.

Совершенствованием и разработкой отдельных положений культурно-исторической теории Лев Семенович продолжал заниматься и в ос-

тавшиеся годы жизни. Несмотря на то, что разработку этой теории он не успел завершить, она высоко оценивается как отечественными, так и зарубежными учеными.

«Идеи культурно-исторической теории, деятельность Выготского и его группы, особенно в 30-е годы, оказывала заметное влияние на формирование и развитие молодой советской психологической науки. Однако настоящая жизнь идей Л.С. Выготского началась лишь после смерти их создателя...

Культурно-историческая теория Выготского сегодня прочно занимает место одной из наиболее сильных и перспективных глобальных программ развития психологии. Больше того, — нет, по-видимому, вообще ни одного, хоть сколько-нибудь значительного направления современной отечественной, а в последние годы — и мировой психологии, которое не испытало бы в той или иной форме решающего влияния идей культурно-исторической концепции. Культурно-историческая теория глубоко и необратимо вошла в самый фундамент современной психологической мысли»[197].

В вечерней лекции, прочитанной на XVIII Международном психологическом конгрессе (Москва, 1966), А.А. Смирнов сказал: «Наиболее крупным, выдающимся явлением в советской психологии того времени была система взглядов, созданная талантливейшим молодым ученым — Выготским, известная как культурно-историческая теория развития психики»[198].

Одна из ближайших учениц Л.С. Выготского Лидия Ильинична Божович свой последний доклад начинает словами: «В концепции культурно-исторического развития психики Л.С. Выготского заложен целый ряд идей, которые стали в советской психологии исходными для развития новых исследований и построения оригинальных теоретических положений».[199]

В книге «История психологии» М.Г. Ярошевский, оценивая эту теорию, пишет: «... его культурно-историческая концепция оказала непреходящее влияние на судьбы советской психологии. В отношении ее восприятия на Западе имеется свидетельство скупого в оценках крупного американского психолога Брунера, писавшего в 70-х годах: «Каждый психолог, который занимался в минувшую четверть века познавательными процессами и их

"[7] Пузырей А.А. Культурно-историческая теория Л.С.Выготского и современная психология. - М.: МГУ, 1986. - С. 4-5.

"[8] Смирнов А.А. Пути развития советской психологии. — М., 1966. — С. 7.

"" Божович Л.И. Значение культурно-исторической концепции Л.С.Выготского для современных исследований психологии личности // Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология. — М., 1981. — С. 24.

развитием, должен признать то большое влияние, которое оказали на него труды Льва Семеновича Выготского»[200].

Видный американский философ и науковед, профессор Чикагского университета Ст.Тулмин в статье, посвященной Льва Семеновичу, оценивая его как гения, как Моцарта в психологии, считает его центральной фигурой в советской психологической науке 20—30-х гг. Ст.Тулмин убежден, что «успехи советской психологии объясняются прежде всего ее ориентацией на культурно-исторический подход к психологическим проблемам. В результате достигнута высокая интеграция междисциплинарных наук и их взаимное обогащение». И далее Ст. Тулмин пишет: «Я уверен, что многие из нас, кто прочел блестящие работы Выготского и его соратников, не могли не воспринять представления о единстве Природы и Культуры и не использовать этот подход в своих работах. Это стало базисной теоретической ориентацией для многих из нас, где бы мы ни работали: по вопросам внутренней речи или афазии, функции мозга или аффективных компонентов работы мозга, развития эстетического восприятия и т. д.»[201]

* * *

Из теоретических и методологических установок Л.С. Выготского органически вытекал характер его деятельности в области дефектологии. По всей видимости, углубленные занятия психологией привели ученого к мысли о необходимости осуществлять их в тесной связи с дефектологией. Исследования в области обеих этих наук проводились в тесном единстве и взаимно обогащали друг друга.

Весь московский период жизни, все десять лет Лев Семенович параллельно с психологическими исследованиями вел теоретическую и экспериментальную работу в области дефектологии.

«Изучая процессы психического развития при различных дефектах, Л.С. Выготский пришел к выводу, что данные аномального развития, изучаемые дефектологией, могут быть ключом к решению общих психологических проблем. Природой поставленный эксперимент изменения хода развития в зависимости от нарушения тех или иных психических процессов у аномальных детей проливает свет, как считал Л.С. Выготский, и на общие закономерности развития познавательной деятельности личности ребенка в норме»[202].

''' Ярошевский М.Г. История психологии. — М.: Мысль, 1985. — С. 514.

[11] Тулмин Ст. Моцарт в психологии // Вопросы философии. — 1981. — № 10. — С. 137.

[12] Л.С.Выготский и современная дефектология // Дефектология. — 1982. — № 3. — С. 6.

В деятельности и в творчестве Льва Семеновича проблемы дефектологии занимали значительное место. Удельный вес исследований, выполненных по этой проблематике, весьма велик, что дает нам основание специально остановиться на этих вопросах.

Как уже говорилось, Лев Семенович начал свою научную и практическую деятельность в области дефектологии еще в 1924 г., когда он был назначен заведующим подотделом аномального детства при Наркомпросе. О его ярком и поворотном для развития дефектологии докладе на II съезде СПОН мы уже писали. Хотелось бы отметить, что интерес к этой области знаний оказался стойким, он возрастал и в последующие годы. Л.С. Выготский вел не только интенсивную научную, но и проделал большую практическую и организационную работу в этой области.

В 1926 г. им была организована лаборатория по психологии аномального детства при Медико-педагогической станции (в Москве, на Погодинской ул., дом 8). За три года своего существования сотрудники этой лаборатории накопили интересный исследовательский материал и проделали важную педагогическую работу. Около года Лев Семенович был директором всей станции[203], а затем стал ее научным консультантом.

В 1929 г. на базе названной выше лаборатории создается Экспериментальный дефектологический институт Наркомпроса (ЭДИ)[204]. Директором института был назначен И.И. Данюшевский. С момента создания ЭДИ и до последних дней своей жизни Л.С. Выготский был его научным руководителем и консультантом[205].

Постепенно увеличивался штат научных работников, расширялась база для исследований. В институте осуществлялось обследование аномально-

[2113] В семейном архиве Л.С.Выготского сохранились связанные с этим документы. Первый из них — Распоряжение по Главсоцвосу № 63 от 19 декабря 1927 г. Согласно этому Распоряжению, «проф. В.П.Кащенко сего 19 декабря освобождается от должности заведующего Медико-педагогической станцией НКП», а «проф. Л.С.Выготский с сего 19 декабря назначается на должность заведующего Медико-педагогической Станцией НКП». Проф. Кащенко предлагается немедленно приступить к сдаче учреждения проф. Выготскому.

Второй документ — Распоряжение по Главсоцвосу № 109. В нём записано, что по личной просьбе Л.С.Выготского он с 1 октября 1928 г. освобождается от занимаемой должности.

И, наконец, третий документ — это Приемо-сдаточный акт за подписью Л.С.Выготского, в котором зафиксировано, что 10 октября 1928 г. он «передал заведование, дела и имущество Медико-педагогической станции вновь назначенному заведующему — Юрию Фёдоровичу Эллинскому».

[204] Экспериментальный дефектологический институт (ЭДИ) был реорганизован в Научно-практический институт спецшкол дефектологии АПН. Ныне это Научно-исследовательский институт коррекционной педагогики РАО.

205 Ид стен этого института проводили его и в последний путь в июне 1934 г.

Рис. 30. ЭДИ. Обсуждение результатов обследования аномальных детей. На снимке, кроме Льва Семеновича, Р.М. Боскис, Л.К. Колосова, М.С. Певзнср, С.Я. Рабинович, Н.П. Сакулина, В.М. Шмидт и др.

го ребенка, диагностирование и планирование дальнейшей коррекционной работы с глухими и умственно отсталыми детьми.

До сих пор многие дефектологи вспоминают, как научные и практические работники стекались из разных районов Москвы, чтобы наблюдать за тем, как Л.С. Выготский обследовал детей, а затем подробно анализировал каждый отдельный случай, вскрывая структуру дефекта и давая практические рекомендации родителям и педагогам. «Его разборы были исключительно важны и интересны не только в плане анализа конкретных случаев, но и по глубине и широте теоретических обобщений»[206].

В ЭДИ существовала школа-коммуна для детей с отклонениями в поведении, вспомогательная школа (для умственно отсталых детей), школа глухих и клинико-диагностическое отделение. В 1933 г. Л.С. Выготский совместно с директором института И.И. Данюшевским решили заняться изучением детей с нарушениями речи.

[206] Из беседы с Н.Г. Морозовой 11/XI 1988 г.// Семейный архив Л.С.Выготского.

Рис. 31. Во дворе ЭДИ. Лев Семенович среди сотрудников Экспериментального дефектологического института. На снимке: Р.М. Боскис, К.И. Вересотская, И И. Данюшевский, Л.К. Колосова, М.С. Певзнер, 3 Я. Руденко, В.Ф. Шмидт и др.

Проведенные Л.С. Выготским в этом институте исследования до сих пор являются основополагающими для продуктивной разработки проблем дефектологии. Созданная Л.С. Выготским научная система в этой области знаний имеет не только историографическое значение, но и существенно влияет на развитие теории и практики современной дефектологии.

Трудно назвать работу последних лет в области психологии и педагогики аномального ребенка, которая не испытала бы на себе влияния идей Льва Семеновича и прямо или косвенно не обращалась бы к его научному наследию. Его учение до сих пор не теряет своей актуальности и значимости.

В сфере научных интересов Л.С. Выготского был большой круг вопросов, относящихся к изучению, развитию, обучению и воспитанию аномальных детей. На наш взгляд, наиболее значимыми являются проблемы, помогающие понять сущность и природу дефекта, возможности и

Рис. 32. Лев Семенович среди коллег. (Во втором ряду И.М. Соловьев, А Р Лурия, Л В знаков и др.).

особенности его компенсации и правильной организации изучения, обучения и воспитания аномального ребенка. Коротко охарактеризуем некоторые из их.

Понимание Львом Семеновичем природы и сущности аномального развития отличалось от широко распространенного биологизаторского подхода к дефекту. Л.С. Выготский рассматривал дефект как «социальный вывих», вызванный изменением отношений ребенка со средой, что приводит к нарушению социальных сторон поведения. Он приходит к заключению, что в понимании сущности аномального развития необходимо выделять и учитывать первичный дефект, вторичный, третичный и последующие наслоения над ним. Различение первичных и последующих симптомов Л.С. Выготский считал чрезвычайно важным при изучении детей с различной патологией. Он писал, что элементарные функции, являясь первичным недостатком, вытекающим из самого ядра дефекта, и будучи с ним непосредственно связанными, являются менее поддающимися коррекции.

Проблема компенсации дефекта нашла отражение в большинстве ра-

Рис. 33. Лев Семенович среди известных дефектологов и студентов. (На снимке во втором ряду — Н.М. Лаговский, Ф.А. Рау, НА. Рау, Д.И. Азбукин, В.П. Кащенко, С.Я. Рабинович, Лев Семенович; в третьем ряду — Л.В. Занков; в первом ряду — Т.А. Власова, Т.Н. Юдковская, М.М. Нудельман и др.

бот Л.С. Выготского[207], посвященных проблемам дефектологии.

Разрабатываемая теория компенсации органично входила в исследуемую им проблему развития и распада высших психических функций. Уже в 20-х г.г. Л.С. Выготский выдвинул и обосновал необходимость социальной компенсации дефекта как задачи первостепенной важности: «Вероятно, человечество победит раньше или позже и слепоту, и глухоту, и слабоумие, но гораздо раньше оно победит их социально и педагогически, чем медицински и биологически»[208].

[2117] «К психологии и педагогике детской дефективности» (1924), «Принципы воспитания физически дефективных детей» (1924), «Дефект и сверхкомпенсация» (1927), «К вопросу о динамике детского характера» (1928), «Основные проблемы современной дефектологии» (1929), «Коллектив как фактор развития аномального ребёнка» (1931) и др.

[208] Выготский Л.С. К психологии и педагогике детской дефективности // Вопросы воспитания слепых, глухонемых и умственно отсталых детей. М., 1924. С. 16.

В последующие годы Лев Семенович углубил и конкретизировал теорию компенсации. Необычайно важным для совершенствования теории компенсации и проблемы обучения аномальных детей было выдвинутое Л.С. Выготским положение о создании обходных путей развития патологически развивающегося ребенка. В своих более поздних работах Л.С. Выготский не раз возвращался к вопросу об обходных путях развития, отмечая их большую значимость для процесса компенсации. «В процессе культурного развития, — пишет он, — у ребенка происходит замещение одних функций другими, прокладывание обходных путей, и это открывает нам совершенно новые возможности в развитии ненормального ребенка. Если этот ребенок не может достигнуть что-нибудь прямым путем, то развитие обходных путей становится основой его компенсации»[209].

Л.С. Выготский в свете разработанной им проблемы компенсации указывал, что вся дефектологическая педагогическая практика состоит из создания обходных путей развития аномального ребенка. Это, по выражению Л.С. Выготского, «альфа и омега» специальной педагогики.

Итак, в работах 20-х гг. Л.С. Выготский лишь в наиболее общем виде выдвигал идею замены биологической компенсации социальной. В его последующих трудах эта идея обретает конкретную форму: путь компенсации дефекта — в формировании обходных путей развития аномального ребенка.

Лев Семенович утверждал, что нормальный и аномальный ребенок развиваются по одним и тем же законам. Но наряду с общими закономерностями он отмечал и своеобразие развития аномального ребенка. И как главную особенность аномальной психики выделял расхождение биологического и культурного процессов развития.

Известно, что у каждой из категорий аномальных детей по разным причинам и в разной степени задержано накопление жизненного опыта, поэтому роль обучения в их развитии приобретает особую значимость. Умственно отсталому, глухому и слепому ребенку рано начатое, правильно организованное обучение и воспитание необходимы в большей степени, чем нормально развивающемуся, способному самостоятельно черпать знания из окружающего мира.

Характеризуя дефективность как «социальный вывих», Лев Семенович вовсе не отрицает, что органические дефекты (при глухоте, слепоте, слабоумии) — факты биологические. Но поскольку воспитателю прихо-

[209] Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. — М.: Изд-во АПН РСФСР. 1960. - С. 201.

дится на практике иметь дело не столько с самими биологическими фактами, сколько с их социальными последствиями, с конфликтами, возникающими при «вхождении аномального ребенка в жизнь», Л.С. Выготский имел достаточное основание утверждать, что воспитание ребенка с дефектом носит в своей основе социальный характер. Неправильное или поздно начатое воспитание аномального ребенка приводит к тому, что усугубляются отклонения в развитии его личности, появляются нарушения поведения.

Вырвать аномального ребенка из состояния изолированности, открьпь перед ним широкие возможности для подлинно человеческой жизни, приобщить его к общественно полезному труду, воспитать из него активного сознательного члена общества — вот задачи, которые, по мнению Л.С. Выготского, должна в первую очередь решать специальная школа.

Опровергнув ложное мнение о пониженных «общественных импульсах» у аномального ребенка, Лев Семенович ставит вопрос о необходимости его воспитания не в качестве инвалида-иждивенца или социально-нейтрального существа, а в качестве активной сознательной личности.

В процессе педагогической работы с детьми, имеющими сенсорные или интеллектуальные отклонения, Л.С. Выготский считает необходимым ориентироваться не на «золотники болезни» ребенка, а на имеющиеся у него «пуды здоровья».

В то время суть коррекционной работы специальных школ, сводившаяся к тренировке процессов памяти, внимания, наблюдательности, органов чувств, представляла собой систему формальных изолированных упражнений. Л.С. Выготский одним из первых обратил внимание на тягостный характер этих тренировок. Он не считал правильным выделение системы подобных упражнений в обособленные занятия, в превращение их в самоцель, а ратовал за такой принцип коррекционно-воспитательной работы, при котором исправление недостатков познавательной деятельности аномальных детей являлось бы частью общей воспитательной работы, растворялось бы во всем процессе обучения и воспитания, осуществлялось в ходе игровой, учебной и трудовой деятельности.

Разрабатывая в детской психологии проблему соотношения обучения и развития, Л.С. Выготский пришел к выводу о том, что обучение должно предшествовать, забегать вперед и подтягивать, вести за собой развитие ребенка.

Такое понимание соотношения этих процессов привело его к необходимости учитывать как наличный («актуальный») уровень развития ребенка,

так и его потенциальные возможности («зону ближайшего развития»). Под «зоной ближайшего развития» Л.С. Выготский понимал функции, «находящиеся в процессе созревания, функции, которые созреют завтра, которые сейчас находятся еще в зачаточном состоянии, функции, которые можно назвать не плодами развития, а почками развития, цветами развития, т.е. тем, что только-только созревает»[210].

Таким образом, в процессе разработки понятия «зоны ближайшего развития» Львом Семеновичем был выдвинут важный тезис о том, что при определении умственного развития ребенка нельзя ориентироваться только на то, что им достигнуто, т.е. на пройденные и завершенные этапы, а необходимо учитывать «динамическое состояние его развития», «те процессы, которые сейчас находятся в состоянии становления».

По мнению Выготского, «зона ближайшего развития» определяется в процессе решения ребенком трудных для его возраста задач при наличии помощи со стороны взрослого. Таким образом, оценка умственного развития ребенка должна основываться на двух показателях: восприимчивости к оказываемой помощи и к способности решать в дальнейшем аналогичные задачи самостоятельно.

В своей повседневной работе сталкиваясь не только с нормально развивающимися детьми, но и проводя обследование детей с отклонениями в развитии (об этих разборах мы уже писали), Лев Семенович убедился в том, что идеи о зонах развития весьма продуктивны в приложении ко всем категориям аномальных детей.

Ведущим методом обследования детей педологами было использование психометрических тестов. В ряде случаев интересные сами по себе они, тем не менее, не давали представления о структуре дефекта, о реальных возможностях ребенка. Педологи считали, что способности можно и нужно количественно измерять с целью последующего распределения детей по разным школам в зависимости от результатов этого измерения. Формальная оценка детских способностей, проводимая тестовыми испытаниями, приводила к ошибкам, в результате которых нормальные дети направлялись во вспомогательные школы.

В своих трудах Л.С. Выготский подверг критике методологическую несостоятельность количественного подхода к изучению психики с помощью тестовых испытаний. По образному выражению ученого, при таких обследованиях «километры суммировались с килограммами».

[2111] Выготский Л.С. Динамика умственного развития школьника в связи с обучением // Умственное развитие детей в процессе обучения. — М., 1935. — С. 42.

После одного из сделанных Выготским докладов (23 декабря 1933 г.)[211] его попросили высказать свое мнение о тестах. Выготский ответил на это так: «У нас на съездах умнейшие ученые спорили — какой лучше метод : лабораторный или экспериментальный. Это все равно, что спорить, что лучше: нож или молоток. Метод — это всегда средство, метод — это всегда путь. Можно ли сказать, что самый лучший путь — это из Москвы в Ленинград? Если вы хотите ехать в Ленинград, то, конечно, это так, а если в Псков — то это плохой путь.

Нельзя сказать, что тесты — всегда плохое или хорошее средство, но можно сказать одно общее правило, что тесты сами по себе не являются объективным показателем умственного развития. Тесты всегда выявляют признаки, а признаки не указывают на процесс развития прямо, а всегда нуждаются в дополнении другими признаками»[212].

Отвечая на вопрос о том, могут ли тесты служить критерием актуального развития, Л.С. Выготский сказал: «Мне кажется, вопрос заключается в том, какие тесты и как ими пользоваться. На этот вопрос можно ответить так же, как если бы у меня спросили — может ли нож быть хорошим средством для хирургической операции. Смотря какой? Нож из нарпитовской столовой, конечно, будет плохим средством, а хирургический — будет хорошим»[213].

«Изучение трудновоспитуемого ребенка, — писал Л.С. Выготский, — более, чем какого-либо другого детского типа, должно основываться на длительном наблюдении его в процессе воспитания, на педагогическом эксперименте, на изучении продуктов творчества, игры и всех сторон поведения ребенка».

«Тесты для исследования воли, эмоциональной стороны, фантазии, характера и т. д. могут быть использованы в качестве вспомогательного и ориентировочного средства»[214].

Из приведенных высказываний Л.С. Выготского видно: он считал, что тесты сами по себе не могут быть объективным показателем умственного развития. Однако он не отрицал допустимости их ограниченного использования наряду с другими методами изучения ребенка. По сути дела, взгляд Выготского на тесты сходен с тем, которого придерживаются в данное время психологи и дефектологи.

-м Выготский Л.С. *К* вопросу о динамике умственного развития нормального и ненормального ребёнка// Семейный архив Л.С.Выготского.

[212] Там же. С. 41.

[2,1] Там же. С. 40-41.

-м Выготский Л.С. Развитие трудного ребенка и его изучение // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика. 1983. - Т. 5. - С. 179.

Много внимания в своих работах Л.С. Выготский уделял проблеме изучения аномальных детей и их правильному отбору в специальные учреждения. Современные принципы отбора (всестороннее, целостное, динамичное, системное и комплексное изучение) детей ухолят своими корнями в концепцию Л.С. Выготского.

Идеи Л.С. Выготского об особенностях психического развития ребенка, о зонах актуального и ближайшего развития, ведущей роли обучения и воспитания, необходимости динамического и системного подхода к осуществлению коррекционного воздействия с учетом целостности развития личности и ряд других нашли отражение и развитие в теоретических и экспериментальных исследованиях отечественных ученых, а также в практике разных типов школ для аномальных детей.

В начале 30-х гг. Л.С. Выготский плодотворно работал в области патопсихологии. Одним из ведущих положений этой науки, способствующих правильному пониманию аномального развития психической деятельности, по мнению известных специалистов, является положение о единстве интеллекта и аффекта. Л.С. Выготский называет его краеугольным камнем в развитии ребенка с сохранным интеллектом и умственно отсталого. Значение этой идеи выходит далеко за рамки тех проблем, в связи с которыми она была высказана. Лев Семенович считал, что «единство интеллекта и аффекта обеспечивает процесс регуляции и опосредствованность нашего поведения (в терминологии Выготского — «изменяет наши действия»)»[215].

Л.С. Выготский по-новому подошел к экспериментальному исследованию основных процессов мышления и к изучению того, как формируются и как распадаются высшие психические функции при патологических состояниях мозга. Благодаря работам, проведенным Выготским и его сотрудниками, процессы распада получили свое новое научное объяснение.

Известно, что в 30-е гг. Лев Семенович придавал принципиальное значение исследованию развития и патологии речи и мышления. Он применил методику экспериментально-психологического исследования развития понятий (методику Выготского — Сахарова) к исследованию изменения мышления при шизофрении и «впервые показал, какую структуру приобретает мышление при этом заболевании... Основные положения, полученные при психологическом исследовании шизофрении, неоднок-

-[15] Зейгарник Б.В. Перспективы патопсихологических исследований в свете учения Л.С.Выготского // Научное творчество Л.С.Выготского и современная психология. — М., 1981. — С. 63.

ратно сообщались Выготским на психиатрических съездах и в психиатрической печати и получили широкий отклик среди специалистов-психоневрологов.

Внеся своими исследованиями существенный вклад в теорию шизофрении и показав возможность экспериментально-психологического подхода к основным проблемам патологического изменения сознания, Выготский заложил основы ряда исследований, имеющих существенное значение для неврологической клиники»[216].

Проблемы патологии речи, интересовавшие Льва Семеновича, стали изучаться под его руководством в школе-клинике речи ЭДИ. В частности, с 1933—1934 гг. вопросами изучения детей-алаликов занималась одна из учениц Льва Семеновича — Роза Евгеньевна Левина.

Льву Семеновичу принадлежат попытки тщательного психологического анализа изменений речи и мышления, которые наступают при афазии. (Эти идеи были в последующем развиты и детально разработаны А.Р. Лурия.)

Большой интерес представляют собой исследования Льва Семеновича, посвященные особенностям поведения людей при болезни Паркинсона. Результаты исследований приводились им неоднократно в его лекциях и докладах.

«Работы Выготского по этим проблемам, — как считал А.Р. Лурия,— вызвали к жизни разветвленную сеть исследований, в которых психология была использована для решения актуальных задач неврологической и психиатрической клиники. Отличительная черта этих исследований заключалась в том, что все они выходили далеко за пределы отдельных изолированных работ, изучавших тот или иной частный процесс»[217].

Теоретико-методологическая концепция, разработанная Л.С. Выготским, обеспечила переход дефектологии с эмпирических, описательных позиций на подлинно научные основы, способствуя становлению дефектологии как науки.

Такие известные дефектологи, как Э.С.Бейн, Т.А.Власова, Р.Е. Левина, Н.Г. Морозова, Ж.И. Шиф, которым посчастливилось работать со Львом Семеновичем, так оценивают его вклад в развитие теории и практики: «Его труды служили научной основой построения специальных школ и

[216] Лурия А.Р. Изучение мозговых поражений и восстановления нарушенных функций // Психологическая наука в СССР. - М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. - Т. 2. - С. 434.
[217] Там же. - С. 434.

теоретическим обоснованием принципов и методов изучения диагностики трудных (аномальных) детей. Выготский оставил наследство непреходящего научного значения, вошедшее в сокровищницу советской и мировой психологии, дефектологии, психоневрологии и других смежных наук»[218].

Интерес к патопсихологии и нейропсихологии привел Льва Семеновича к осознанию необходимости получить медицинское образование. Стремление к совершенствованию знаний всегда было характерной чертой ученого. В 1931 г. Л.С. Выготский поступает на медицинский факультет Харьковского психоневрологического института. Он закончил только три курса, так как смерть оборвала его жизнь. Факт поступления в третье высшее учебное заведение следует подчеркнуть особо. Будучи уже профессором с мировым именем, Лев Семенович во время очередных поездок в Харьков для чтения лекций сам садился за студенческую скамью, успешно сдавал зачеты и экзамены.

Вот как оценивал это много лет спустя его ученик: «В это время он, будучи уже видным советским ученым, был студентом медицинского института. Само сочетание профессора психологии и студента, который еще учится и подчиняется студенческой дисциплине, нам кажется почти невероятным»[219].

В своей научной автобиографии А.Р. Лурия писал: «Мы приняли смелое решение поступить в медицинский институт. Я вновь возобновил свои занятия медициной, начав с того, на чем остановился в Казани, много лет тому назад. Л.С. Выготский также приступил к занятиям медициной[220]. Профессора — в одном коллективе и студенты — в другом, мы одновременно учили, учились и вели свои исследования»[221].

В письме к А.Р. Лурия Лев Семенович пишет: «Бесконечно благодарен за возможность отработать хирургию. Будем вместе работать? Если только удастся объединить это с гинекологией или другой еще какой-либо клиникой, я в декабре приеду непременно... Соединить работу с учебными занятиями, проделать две большие клиники и три-четыре маленькие

[218] Послесловие // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 342.

[219] Эльконин Д.Б. Из выступления на расширенном заседании Учёного Совета НИИ ОПП 14/XI 1966 г. // Архив НИИ ОПП. - Ф. 82. - Оп. I. - Ед. хр. 397. - С. 217.

[220] И Лев Семенович «возобновил». Если помните, окончив гимназию, он был принят на медицинский факультет Московского университета и ушёл оттуда, проучившись всего несколько недель.

[221] Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. — М.: МГУ, 1982. — С. 121.

«*у лиг ЛЫ ***>ъь \Л4Ми(ftcibfiajfiAbdt. I

JauiMAfA-U, KeutKUfB с ,-...л. „——„ ..„ о-..

,£k{iUf*jL\Mif 4' M*t*. .tifuy :Ut*f, «6.Г.Л.Л. *if/. /i,ftT,. r*j*txftu*

•<*UJ

%-*w4)rr

Рис. 34. Научно-педагогическая биография (фрагмент), написанная Львом Семеновичем 14 января 1933 г.

(ухо, глаз, зубы) — это то, чего реально хочу»[222]. Как можно понять из контекста этого письма, речь идет об отработке практических занятий в клиниках по медицинским дисциплинам.

В 30-х гг. Л.С. Выготский плодотворно работал и в системе здравоохранения: с 1929 по 1931 г. он был ассистентом, а потом заведующим лабораторией в Клинике нервных болезней им. Сеппа при I МГУ[223].

С февраля 1931 г. профессора Выготского назначают заместителем директора по научной части института охраны здоровья детей и подростков (ОЗДиП)[224]. В ЦГА РСФСР среди документов Наркомздрава хранятся материалы, по которым можно проследить, с какой тщательностью подбиралась кандидатура на эту должность.

Приведем два из них.

«В Наркомздрав. В управление научными институтами, т. Попову. Институт ОЗДиП выдвигает на должность заместителя по научной части профессора Выготского Л.С. и просит перевести его в Инсти-

[222] Из письма Л.С.Выготского А.Р.Лурия от 21/XI 1933 г. // Семейный архив А.Р.Лурия.
[223] ЦГА РСФСР. - Ф. 482. - Оп. 41. - Ед. хр. 644. - С. 7.
[224] ЦГА РСФСР. - Ф. 482. - Оп. 41. - Ед. хр. 644. - С. 1-4.

тут ОЗДиП из клиники проф. Сеппа I МГУ: профессор Выготский использован сейчас на небольшой работе, которая не соответствует целесообразному распределению научных работников при нашей бедности кадрами.18/12 1930 г. Директор института (подпись)»"[5]

После длительной бюрократической переписки Народный комиссар здравоохранения подписал приказ:

«Приказ по Народному комиссариату здравоохранения
от 17 февраля 1931 г. № 95

С 5 февраля 1931 года заместителем директора по научной части Института ОЗДиП им. 10-летия Октябрьской революции назначается профессор Л.С. Выготский.

18/2 1931 г. Народный комиссар здравоохранения М.Владимирский»[226]

В самом начале 30-х гг. Л.С. Выготскому, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьеву и М.С.Лебединскому предложили организовать отделение психологии в Украинской психоневрологичской академии в Харькове. Ядро так называемой «харьковской группы» составили переехавшие из Москвы молодые ученые — Л.И. Божович, А.В. Запорожец и А.Н. Леонтьев. Вскоре в эту группу вошли психологи из Харькова — В.И. Аснин, П.Я. Гальперин, П.И. Зинченко, Г.Д.Луков и другие. Эту группу фактически возглавил А.Н. Леонтьев, который решил «развивать собственный вариант теории»[227].

По словам П.Я. Гальперина, он «стал во главе сектора, кроме того, вскоре он возглавил кафедру психологии педагогического института и отдел психологии Научно-исследовательского института педагогики... А.Н. Леонтьев усмотрел некий пробел [в системе идей Льва Семеновича. — Авторы], на теоретическое и экспериментальное заполнение которого он и нацеливал усилия своего коллектива»[228]. А. Р. Лурия «начал курсировать между Харьковом и Москвой»[229].

Планировался переезд в Харьков и Льва Семеновича, однако он не состоялся. Выготский бывал в Харькове наездами — здесь он выполнял свои студенческие обязанности, читал лекции, выступал с докладами на научных конференциях. Известно, что в ноябре 1931 г. он был утвержден

[225] ЦГА РСФСР. - Ф. 482. - Оп. 41. - Ед. хр. 644. - Л. 1.
[226] ЦГА РСФСР. - Ф. 482. - Оп. 41. - Ед. хр. 644. - Л. 4.
[227] Леонтьев А.А. Л.С Выготский. — М.: Просвещение, 1990. — С. 50.
[228] Гальперин П.Я. К воспоминаниям об А.Н.Леонтьеве // В кн.: А.Н.Леонтьев и современная психология. — М.: Изд-во МГУ, 1983. — С. 240.
[224] Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. — М.: Изд-во МГУ, 1982. — С. 121.

на должность заведующего кафедрой генетической психологии Государственного института подготовки кадров Наркомздрава Украины[230].

В самом начале 1934 г. Л.С. Выготскому предложили возглавить отдел психологии во Всесоюзном институте экспериментальной медицины (ВИЭМ). Он начал с воодушевлением готовиться к этой работе, строил планы, продумывал не только направление и тематику научных исследований[231], но и пытался решать организационные вопросы, которые всегда сопутствуют созданию новых отделов. Так, на найденном нами пожелтевшем маленьком листке (на каких обычно Лев Семенович любил писать), мы видим его заметки о тех неотложных делах, которые ему предстояло решить в связи с этим назначением. На одной стороне листка — предполагаемое штатное расписание. Среди людей, которых он собирался привлечь к работе в ВИЭМе, мы находим знакомые фамилии: И.М.Соловьев, Л.В. Занков, К.И.Вересотская, Р.Е. Левина, Л.С. Славина, Ж.И.Шиф и другие. Этот список включал в себя не только научных сотрудников, но и технический персонал.

На обратной стороне листка заметки Льва Семеновича с перечнем дел, которые надо было срочно решить с руководством института: «отпуска; снабжение и карточки; новые комнаты; тесты; помощник; распределение людей, обязанностей, помещений; начало работы; деньги на оборудование» и другие пункты[232].

Но развернуть экспериментальную работу Льву Семеновичу не пришлось: смерть разрушила все планы.

Последними работами Л.С. Выготского были «Проблемы развития и распада высших психических функций» и «Психология и учение о локализации психических функций». Первая из них была прочитана как программный доклад на конференции Всесоюзного института экспериментальной медицины 28 апреля 1934 г. (т.е. за полтора месяца до смерти ученого). Вторая работа была представлена в июне 1934 г. (в виде тезисов

23(1 Справка об утверждении на должность от 26/XI 1931 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

2'" Согласно приказу № 7 по Московскому филиалу ВИЭМ от 14 января 1934 г., проф. Л.С.Выготский вводится в организуемое при дирекции постоянное научное Планово-методологическое бюро. Этим же приказом вновь созданному Планово-методологическому бюро предписывалось «приступить к проработке планов на 1934 г. и закончить эту работу к 15 февраля 1934 г.». Приказ подписан директором ВИЭМ проф. И.П.Разенковым // Семейный архив Л.С.Выготского.

212 Заметки, написанные рукой Льва Семеновича // Семейный архив Л.С.Выготского.

Рис. 35. Ташкент, 1929 г. Лев Семенович ведет занятия в Первом САГУ.

доклада) на I Украинский съезд психоневрологов. В этих работах «дан глубокий критический анализ существующих теорий, выдвинута своя позитивная теория, в которой отчетливо выступают перспективы всего дальнейшего изучения этой сложной проблемы»[2]

Несмотря на напряженную научно-исследовательскую работу Л.С. Выготский не оставляет педагогической деятельности. Этому способствует его популярность в широких научных кругах. Лев Семенович постоянно читает лекции и ведет научную работу в различных учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Харькова.

По воспоминаниям учеников и сотрудников Выготского, «его ораторские способности, сдержанная, но полная творческих мыслей и логически отшлифованная речь способны были на многие часы приковывать внимание слушателей. Его лекции, доклады были праздником торжества науки и привлекали такое огромное количество слушателей из самых разных областей знаний (не только психологов, дефектологов и

Певзнер М.С., Выступление на заседании Ученого Совета НИИ дефектологии АПН РСФСР, посвященном 70-летию со дня рождения Л.С.Выготского // Архив НИИД, 27/XII 1966 г. — С. 1.

Рис. 36. Ташкент, 1929 г. Лев Семенович с преподавателями и выпускниками педолого-педагогического цикла Востфака Первого САГУ. (На обороте снимка написано: «Лев Семенович! На память от окончивших педолого-педагогический цикл Востфака Первого САГУ, искренне благодарных Вам за участие в их работе». II мая 1929)

врачей), что порой помещение института не позволяло вместить всех желающих»[234].

В начале 1929 г. Лев Семенович получил приглашение из Средне-Азиатского государственного университета (САГУ) прочесть там курс лекций. 18 января 1929 г. на заседании деканата педагогического факультета П-го МГУ слушался вопрос о предоставлении доценту Л.С. Выготскому отпуска для поездки в Ташкент[235]. Она была разрешена при условии выполнения педагогической нагрузки в полном объеме на факультете. В первых числах апреля Лев Семенович уехал с женой в Ташкент. Сохранились две фотографии: Лев Семенович ведет занятия со слушателями САГУ и он среди преподавателей и выпускников этого университета.

В Ташкенте Лев Семенович, как и предполагалось, напряженно рабо-

[2,4] Власова Т.А. Выступление на заседании Ученого Совета НИИ дефектологии АПН РСФСР, посвященном 70-летию со дня рождения Л.С.Выготского // Архив НИИД, 27/ХП 1966. — С. 9.

[235] Выписка из протокола № 19 заседания деканата псд. фак-та 2-го МГУ от 18/1 1929 г. Исх. № 959 // Семейный архив Л.С. Выготского.

Рис. 37-40. Фотографии Льва Семеновича разных лет.

тал, читая лекции, проводя семинарские занятия. Но, как можно судить по его письмам, и там его не оставляют мысли о работе. В письме к А.Н. Леонтьеву он пишет: «... о себе пока ничего не могу сказать. Готовлюсь к работе (исследованию), пока жил в гостинице, ходил по городу, дышал Средней Азией — величественными рубищами востока, первобытностью и высокой древней культурой. Но в центре всех интересов — наша проблема, которая одна дает ключ к психологии человека...»"[6]

Александру Романовичу из Ташкента он пишет: «... я ставлю опыты, надеюсь привезти кое-что. А главное упиваюсь солнцем и восточной пылью. Благословенная пыль!»[237] И в другом письме: «... особенно интересна работа: она очень интересна; поговорим лично... Кое-какие опыты ставим, но не знаю, удачно ли»[238].

[236] Из письма Л.С.Выготского А.Н.Леонтьеву из Ташкента от 15/IV 1929 г. // Семейный архив А.Н. Леонтьева.

[237] Из письма Л.С.Выготского А.Р.Лурия из Ташкента от 18/1V 1929 г. // Семейный архив А.Р. Лурия.

[2№] Из письма Л.С.Выготского А.Р.Лурия из Ташкента от 5/V 1929 г. // Семейный архив А.Р. Лурия.

Мы перечислим ряд учебных заведений, аудитории которых заполнялись до отказа, когда там читал лекции (с 1924 по 1926 г. — ассистент, с 1926 по 1931 г. — доцент, с 1931 г. — профессор) Лев Семенович Выготский: 1-й МГУ (два факультета: физико-математический и факультет общественных наук)[239]; П-й МГУ (отделение психологии, педологии и дефектологии педагогического факультета[240] — ныне это Московский государственный педагогический университет); Академия коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской (АКВ)[241]; Высшие научно-педагогические курсы[242]; Институт педологии и дефектологии[243]; Институт охраны здоровья детей и подростков[244]; П-й Московский медицинский

[239] Архив Моск. обл. — Ф. 937. - Оп. 3. — Д. 49. — Л. 2.

[2411] Архив Моск. обл. - Ф. 948. - Оп. 1. - Д. 168. — Л. 312 и Д. 217. — Л. 97.

[241] Архив Моск. обл. - Ф. 937. - Оп. 3. - Д. 49. - Л. 5. АКВ в 1934 г. была переведена в Ленинград, в 1935 г. преобразована в Коммунистический педагогический институт им. Н.К. Крупской, который в 1941 г. слился с Ленинградским педагогическим институтом им. А.И.Герцена.

[242] Архив Моск. обл. — Ф. 927. — Оп. 1. — Д. 188. — Л. 14.

[243] Архив Моск. обл. — Ф. 937. — Оп. 3. — Д. 49. — Л. 7.

[244] Власова Т.А. Выступление на заседании Ученого Совета НИИ дефектологии АПН РСФСР, посвященном 70-летию со дня рождения Л.С.Выготского //Архив НИИД, 27/XП 1966. — С.

институт[245]; Московская консерватория, педагогический факультет[246]; Индустриально-педагогический институт имени К.Либкнехта[247]; Ленинградский педагогический институт им. А.И.Герцена[248]; Институт подготовки кадров Наркомздрава Украины[249], Харьковский психоневрологический институт[250] и др.

Свои исследования Лев Семенович проводил в ряде научных учреждений, таких, как Институт экспериментальной психологии, Экспериментальный дефектологический институт, Государственный институт научной педагогики, психологическая лаборатория при II МГУ, клиника нервных болезней, лаборатория экспериментального искусствознания (ГАИС) и др.

В ряде вузов и научных учреждений Лев Семенович заведовал лабораториями, отделами, кафедрами. В различных архивах нам удалось отыскать интересные материалы о выступлениях Л.С. Выготского на студенческих конференциях[251], выступления на кафедре[252], тематику руководимых Львом Семеновичем дипломных работ (например, «Развитие запоминания у детей школьного возраста», «Экспериментальные исследования образования понятий» и др.)[253].

Сохранилось расписание занятий на дефектологическом отделении педагогического факультета П-го МГУ, из которого следует, что Л.С. Выготский вел специальный семинар на отделениях олигофрено-, сурдо- и тифлопедагогики[254] (программа спецкурса хранится в Архиве Московской области). Вот некоторые вопросы, которые Лев Семенович выносил для обсуждения на свои семинарские занятия: «Дискуссионные вопросы психологии», «Психолого-педагогическое обследование ребенка в школе», «Психология и учитель»[255].

[345] ЦГА РСФСР. - Ф. 948. - Оп. I. - Ед. хр. II. - С. 84.

[246] Сведения о предшествующей научной и преподавательской деятельности Л.С.Выготского // Семейный архив Л.С.Выготского. С.1.

[247] Архив Моск. обл. - Ф. 948. - Оп. 1. - Ед. хр. 421. - Л. 4.

[248] Научно-педагогическая биография Л.С.Выготского 1932. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[249] Справка об утверждении на должность заведующего кафедрой генетической психологии Государственного института подготовки кадров НКЗ Украины от 26/XI 1931 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[250] Научно-педагогическая биография Л.С.Выготского 1932. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[251] Архив Моск. обл. - Ф. 948. - Оп. 1. - Д. 749. - С. 78.

[252] Там же. - С. 15.

[253] Архив Моск. обл. - Ф. 948. - Оп. I. - Д. 749. - С. 78.

[254] Архив Моск. обл. - Ф. 937. - Оп. 3. - Д. 49. - Л. 2.

[255] Архив Моск. обл. - Ф. 948. - Оп. 1. - Д. 613. - С. 25.

Секция ОНО
Выготский
Лев Семенович
2/II
1931 г.
10-й СОЗЫВ 1931 ГОДА
Фрунзенский районный совет Р. К. и К. Д.
БИЛЕТ № 53
Выготский Л. С.
Фрунзенского Районного Совета
Р. Крест. и Кр-ких Д. г. Москвы

Рис. 41. Удостоверение депутата Фрунзенского Районного Сонета Р.К. и К.Д.

Большая научно-исследовательская и педагогическая работа Л.С. Выготского дополнялась его активной общественной деятельностью. Он — участник многих научных съездов, конференций, пленумов, совещаний, комиссий по линии народного образования и общества психоневрологов-материалистов (член президиума этого общества).

В октябре 1925 г. Л.С. Выготского вместе с П.П. Блонским и К.Н. Корниловым избирают в состав методической комиссии по психологии при Государственном Ученом Совете (ГУС). В последующие годы он работал в многочисленных секциях и комиссиях этого Совета (по народному образованию, по детской литературе, по политехнизму и в др.). В 1929 г. Л.С. Выготского избирают членом Президиума ГУСа[256]. Следует отметить, что Лев Семенович с чувством большой ответственности относился к работе в Государственном Ученом Совете. В архиве Наркомпроса сохранилось немало его ценных высказываний по вопросам путей улучшения педагогической работы в школах и вузах страны[257].

Л.С. Выготский был членом редакционных коллегий журналов «Психология», «Педиатрия», редактором сборника «Вопросы дефектологии». В то же время Лев Семенович был членом Президиума Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской, руководил сектором трудного

[256] Удостоверение члена Государственного Учёного совета № 9001 // Семейный архив Л.С.Выготского.

[257] ЦГА РСФСР. - Ф. 198. - Оп. 1. - Ед. хр. 21. - С. 96; Ед. хр. 6. - С. 35; Ед. хр. 5. - С. 98; Ед. хр. 10. - С. 93 и др.

детства при Наркомпросе, в течение трех лет работал в культурном отделе областного союза работников просвещения, был членом предметной комиссии во П-м МГУ, председателем ВАРНИТСО[258].

Лев Семенович очень гордился званием депутата Фрунзенского районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (секция народного образования)[259].

Незадолго до смерти Лев Семенович закончил работу над монографией «Мышление и речь». В ней он подвел итог тех исследований, которые были осуществлены им и его сотрудниками за последнее десятилетие. Результаты этих исследований были отражены и в ряде прежде опубликованных работ[260].

Тезисы монографии обсуждались на секции Института научной педагогики[261] (один экземпляр сохранился в семейном архиве Льва Семеновича).

Нам представляется интересным познакомить с этими тезисами читателей, поскольку прежде они никогда не публиковались.

МЫШЛЕНИЕ И РЕЧЬ

Тезисы

Л.С. Выготский.

Психологическое исследование:

1. Содержание книги составляет систематическое исследование мышления и речи, проведенное в плане исследования развития речи и мышления у ребенка, распада этих функций при душевных и нервных заболеваниях и протекания этих процессов у взрослого человека в их высокоразвитой форме. Таким образом, исследование проведено в сравнительном разрезе. В теоретической части для выяснения филогенетических проблем речи и мышления привлечен чу-

[258] ВАРНИТСО - Всероссийская ассоциация работников науки, искусства, техники содействия социалистическому строительству.

[259] Удостоверение № 53 депутата Фрунзенского райсовета // Семейный архив Л.С.Выготского.

[2611] См. работы Л.С.Выготского: Генетические корни мышления и речи // Естествознание и марксизм. — 1929. — № 1 (незначительно сокращённая, она составила 4-ю главу книги «Мышление и речь»); Проблема речи и мышления ребёнка в учении Ж.Пиаже. -Вступит, статья // Пиаже Ж. Речь и мышление ребёнка. — М.; Л., 1932 (2-я глава книги «Мышление и речь»); Психология подростка // Педология подростка. — М.; Л., 1931 (X глава «Развитие мышления подростка и образование понятий» впоследствии составила 5-ю главу книги «Мышление и речь»); Предисловие // Шиф Ж. Развитие научных понятий у школьника. — М.; Л., 1935 (6-я глава книги «Мышление и речь»).

[261] Научный архив АПН СССР. - Ф. 5462 - Оп. 14. - Ед. хр. 227. — Л. 5. Обсуждение предполагаемой к изданию работы «Мышление и речь». Тезисы доклада Л.С.Выготского, 2 апреля 1932 г.

жой исследовательский материал в области зоо- и этно-психологии.

2. Книга состоит из следующих основных частей:

1) постановка проблемы;

2) критическое исследование главнейших теорий мышления и речи;

3) экспериментальные исследования;

4) теоретические выводы.

3. Новым в данной книге по сравнению с другими работами на аналогичные темы, имеющимися в русской и иностранной литературе, является раскрытие и экспериментальное доказательство того положения, что значения слов развиваются и что путь их развития есть путь развития понятий в мышлении человека.

4. Основными теоретическими выводами исследования являются следующие положения:

1) Неправильными являются все попытки установить одно постоянное отношение между процессами мышления и речи, так как само это отношение является исторически и практически изменчивой величиной, различной на разных ступенях развития.

2) Определенная функциональная структура речи и мышления на каждой ступени развития определяет в первую очередь структуру значения слова, т.е. определенную ступень в развитии понятия.

3) Господствующая форма мышления в понятиях на данной ступени определяет всю структуру сознания и его функций.

5. Практическое и теоретическое значение исследования — в глазах автора — заключается в том, что в свете проведенных экспериментов оказалось возможным в книге представить в новом виде проблему речи и мышления в аспекте исторического развития и наметить основные моменты, определяющие путь к ее решению, что в свою очередь дает возможность наметить ряд педагогических, психотехнических и практически психологических проблем в новой постановке.

Льву Семеновичу не суждено было увидеть книгу «Мышление и речь» опубликованной — подготовка ее к печати осуществлялась уже после смерти ученого. Она вышла в свет в конце 1934 г.

Своеобразна дальнейшая судьба этой книги. Опубликованная уже после смерти автора и, по существу, не успевшая до своего запрета получить объективной критической оценки[262], монография Выготского сразу после 4 июля 1936 г. попадает в число изданий, подвергшихся резкой и неспра-

[262] Колбановский В.Н. Предисловие. // Выготский Л.С. Мышление и речь. — М.: Соцэкгиз, 1934.

Музылев Ф. и Фортунатов Г. Рецензия на книгу Л.С.Выготского «Мышление и речь» // Учебно-педагогическая литература. — 1935. — № 6. — С. 16-20.

ведливой критике[263]. В дальнейшем книга Л.С. Выготского в психологической литературе почти не упоминается. Вместе с тем специалисты, изучавшие проблемы мышления и речи, не могли игнорировать результаты представленных в ней исследований.

Чрезвычайно важным моментом в развитии отечественной психологии явилось издание «Избранных психологических исследований» Л.С. Выготского[264] (куда вошла монография «Мышление и речь») и реабилитация его психологического учения.

У нас в стране в третий раз книга «Мышление и речь» была издана во 2-ом томе 6-томного собрания сочинений ученого. С 1962 г. она широко публиковалась и за рубежом. Этот, несомненно, главный труд Выготского, признанный теперь классическим, наиболее доступен и известен читателю. Поэтому, не анализируя эту книгу, сошлемся лишь на ее оценку известными в мире учеными.

Первое зарубежное издание монографии «Мышление и речь» было осуществлено Массачусетским технологическим институтом (1962 г.).

В письме к одной из переводчиц книги А.Р. Лурия писал: «... я получил переведенный Вами том Выготского. Надо ли говорить, какое удовольствие это мне доставило? Замечательный перевод, интеллигентный подбор материала, прекрасное редактирование и такое соответствующее и дружелюбное предисловие Брунера. И вершина всего — сюрприз: комментарии Пиаже на критику Выготского. Что за интеллигентная идея послать ему перевод и получить его критические замечания. Я не знаю в истории науки ни одного другого случая, когда два выдающихся ученых, один из которых еще жив, обменивались своими точками зрения, разделенными тридцатью годами! Я уверен, что книга будет иметь большой успех и широкий отклик»[265]. Александр Романович не ошибся в своем прогнозе.

Это первое зарубежное издание книги содержало приложение (в виде отдельной брошюры), которое называлось «Комментарии к критическим замечаниям Выготского на книги «Язык и мышление ребенка» и «Суждение и причинное мышление ребенка» Жана Пиаже». В нем Ж.Пиаже пишет: «Не без огорчения автор обнаруживает через двадцать пять лет после опубликования работу коллеги, который уже умер, содержащую много непосредственно интересных для себя моментов, которые могли бы быть

[263] Архив института общей и педагогической психологии АПН СССР. — Ф. 82. — Оп. 1. - Ед. хр. 16. — Л. 38-51. и др.

[264] Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. — М: Изд-во АПН РСФСР. 1956.

[265] Из письма А.Р.Лурия Е.Ханфман от 18/11 1962 г. // Семейный архив А.Р.Лурия.

обсуждены лично и детально. Хотя мой друг А.Лурия сообщал мне симпатизирующую критическую позицию Выготского по отношению к моей работе, я никогда не имел возможности прочитать его работы или встретиться с ним лично, и, читая эту книгу сегодня, я глубоко сожалею, что мы не могли прийти к взаимному пониманию по ряду вопросов»[266]. Соглашаясь со справедливостью ряда критических замечаний, Ж.Пиаже, вместе с тем, считает, что на некоторые из них теперь он мог бы возразить Выготскому в свете своих более поздних работ, написанных уже после смерти Выготского. Так, он пишет, что решил «постараться увидеть, оправдываются ли критические замечания Выготского в свете моих позднейших работ. Ответ: одновременно «да» и «нет». По главным вопросам я сейчас более согласен с Выготским, чем был в 1934 г., в то время как по другим вопросам у меня есть лучшие аргументы для ответа ему»[267]. И несколькими страницами ниже: «Мои комментарии ко второй части замечаний Выготского по поводу моей работы, к 6-й главе, будут проще, потому что я гораздо более согласен с ним по этим вопросам и главным образом потому, что мои позднейшие работы, которых Выготский не знал, отвечают на те вопросы, которые он ставит, или на большинство из них»[268].

На французском языке книга «Мышление и речь» была впервые опубликована в 1985 г. Известный французский философ и психолог Люсьен Сэв пишет в предисловии к ней: «Публиковать впервые на французском языке произведение Выготского — в данном случае его последнюю книгу, лучшую книгу (и это через полстолетия после его смерти) — значит начать заполнять непостижимый библиографический пробел, существующий во Франции, поставив туда главную веху советской психологии, основателем которой считается Выготский»[269]. Автор отмечает, что интерес к трудам Выготского «во всем мире, от Америки до Японии, исключительно велик»[270]. В конце предисловия Л.Сэв пишет: «Выготский принадлежит мировой психологической культуре, и мы надеемся, что эта первая полная публикация на французском языке «Мышления и речи» покажет читателям и специалистам то богатство, которого они были лишены»[271].

[266] Piaget J. Comments *on* Vygotsky's critical remarks concerning The Language and Thought of the Child, and Judgment and Reasoning in the Child by Jean Piaget. — Cambridge, Mass.: The M.I.T. Press, 1962. - P.1.

[267] Idem. — P. 1.

[268] Idem. - P. 8-9.

[269] Pensee et Langage. Edition sociales. — Paris, 1985. — P. 7.

[270] Idem. - P. 7.

[271] Idem. - P. 19.

Известный американский ученый Дж. Миллер в своей статье, опубликованной в книжном обозрении, писал: «Это выдающаяся книга, и самым поразительным в ней является то, что она все еще сохраняет свежесть и интерес в настоящее время... Ее русский автор все еще кажется искренним и убедительным, его аргументы все еще могут быть использованы в психологии... Интерпретация самим Выготским развития мысли от социального общения через личные монологи к внутренней речи тонко подкрепляется анекдотом, логическими и риторическими аргументами, литературными цитатами из Толстого и Марка Твена, обращением к авторитетам как научным, так и философским, лингвистическим анализом, всякого рода доказательством и аргументом, которые находчивый и высокообразованный человек может привести по такому вопросу, но наиболее убедительными являются его собственные исследования маленьких детей... Приятно встретиться с таким человеком хотя бы и на страницах книги. И приятно осознавать, что его работа теперь станет более известна англоговорящему читателю»[272].

Дж. Брунер, издававший «Мышление и речь» Л.С. Выготского в 1962 г., назвал ее лучшей книгой года[273]. А в предисловии к изданию в США 6-томного Собрания сочинений Л.С. Выготского Дж.Брунер оценивает этот факт как выдающееся событие и утверждает, что многие ученые в его стране с нетерпением ожидают этого издания[274].

Весной 1934 г. началось обострение болезни Льва Семеновича (он страдал туберкулезом легкого). Врачи настаивали на немедленной госпитализации, но Л.С. Выготский не воспользовался этими рекомендациями, мотивируя свой отказ необычайно напряженной работой в конце учебного года.

Свой последний рабочий день он провел в ВИЭМе. Именно там 9 мая 1934 г. у Льва Семеновича началось горловое кровотечение. Его привезли домой, и он оказался прикован к постели. Ночью 25 мая кровотечение повторилось, 2 июня Лев Семенович был госпитализирован в больницу санаторного типа «Серебряный бор», где в ночь с 10 на 11 июня 1934 г. он скончался в возрасте 37 с половиной лет. Похоронен он на Новодевичьем кладбище.

[272] Миллер Дж. Book Reviews.

[273] Выступление А.Р.Лурия // Архив Института обшей и педагогической психологии АПН СССР. - Ф. 82. - Оп. 1. — Ед. хр. 397. - С. 181.

[274] L.S. Vygotsky. The collected works. — Vol. 1. Problems of General Psychology. N.Y.; L.: Plenum Press, 1987.

ЦЦБ. №. 31

Проф. Л. С. ВЫГОТСКИЙ

В ночь на и июня от туберкулеза легких уыср крупнейший советский психолог — проф. Л. С. Выготский.

Благодаря работам проф. Выготского советская наука обогатилась рядок новы! работ в области психологии, педологии, дефектологии и клиник* Его ценнейшие научные труды получили широкое признание не только в Советском Союзе, но и за границей.

Проф. Л] С. Выготский был активным общественнлком. организатором и руководителем ряда научных в научно-практических учреждений, сыгравших большу»» роль в строительство советской школы

Болезнь безвременно свела Л. С Выготского в могилу. — он умер на тридцать восьмом году своей жканв.

Профессора: Рамнков, Гммро» екий. В ну нов. **Сап г», Кроль,** Рау. **Лурия, Чп«ноа, Займа*, доц. Соповыв, Данишевсиий. В. Ф. Шмидт, доц. Гещалика, доц. Проплав, Алвисандровсиий, Власова, Зайгарнид, Бмреноауи.**

Рис. 42. Некролог, подписанный видными учеными.

Через два года после смерти Л.С. Выготского вышло печально известное постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» от 4 июля 1936 г. И хотя Льва Семеновича не было уже в живых, оно роковым образом определило судьбу его произведений. И в печати, и в многочисленных публичных выступлениях начали громить всех тех, кто прямо или косвенно был связан с педологией. Тогда под огонь яростной критики попали имя и труды ученого. Многие «перестраивались», «перекрашивались», «отмежевывались». Лев Семенович не мог что-либо объяснить, не мог защитить себя, свои позиции, поэтому с ним было проще расправиться.

Архив сохранил стенограммы ряда выступлений, прозвучавших на одной из таких дискуссий в стенах Института психологии. Так, П.А.Рудик (за-

нимавшийся проблемами профотбора и психологией спорта) говорил, что оратор «затронул лишь одно положение культурно-исторической теории Выготского. Нам надо взять под обстрел всю концепцию этой теории в целом...Я не знаю другой психологической теории, которая заключала бы в себе так много псевдонаучных и антимарксистских положений и так тесно переплеталась бы с педологической практикой, как теория мышления Выготского. В своей практике эта теория оказывается направленной против интересов рабочего класса, и я думаю, что нам нужно очень серьезно заняться ее критикой...Нам надо подумать, а не извратил ли Выготский в своей теории марксистскую идею развития... Не следует забывать, что в теории Выготского мы имеем яркий пример некритических заимствований и даже раболепия в отношении к буржуазным теориям... Теория Выготского существует и беспрепятственно развивается более десятка лет... Мы постоянно слышим, что эта теория «золотой фонд советской психологии». Я должен заверить товарищей, что я подробно и детально, строчка за строчкой, изучил как теоретические основы, так и экспериментальный материал, собранный этой теорией; и это изучение убеждает меня в том, что культурно-историческая теория не является не только золотым, но даже медным фондом. И во всяком случае, она не может быть названа стальным фондом нашей науки. Если нужно приписывать ей какие-либо эпитеты, то я бы мог определить ее как идеалистическую труху».

К счастью, не все в зале были солидарны с П.А.Рудиком. Об этом мы можем судить из того же выступления: «Я думаю, что выкрики с места продиктованы желанием создать атмосферу общественного презрения против лиц, которые осмеливаются выступать с критикой теории Выготского, и тем не допустить или хотя бы отодвинуть на год-два эту критику. Я думаю, что теперь это не пройдет!»[275].

И тогда были ученые, которые позволяли себе не соглашаться с общим тоном дискуссии и имели мужество честно высказывать и отстаивать свою точку зрения. «Лев Семенович был одним из самых талантливых наших психологов, и напрасно кто-то на первом заседании сказал, что его теория — это теория, враждебная рабочему классу (по-моему, это П.А.Рудик так выразился)... Каждый, кто хоть раз бывал со Львом Семеновичем вместе, будет возражать против такой недостойной характерис-

[275] Из выступления П.А.Рудика //Архив Института общей и педагогической психологии. — Ф. 82. - Оп. 1. - Ед. хр. 16. - С. 38-51.

тики. Но для нас очевидно, что основная беда Выготского была в том, что он за свою короткую жизнь не успел до конца переработать все то богатое содержание психологической науки, которой он так хорошо владел»[276].

Выступая, директор института В.Н.Колбановский[277], сказал: «Что является порочным в системе Л.С. Выготского? Это его исходная основная методологическая позиция, заключающаяся в культурно-исторической теории. Стоит ли Выготский в этом вопросе на позициях марксизма? Нет, конечно... Каково мое отношение е этой теории? Нужно сказать, что я никогда не признавал эту теорию как теорию марксистскую или приближающуюся к марксизму. Но если разобраться в корне самой теории, то она требует сейчас самой обстоятельной критики как теория антимарксистская, как теория не выходящая за пределы буржуазного понимания историзма, а, следовательно, в корне враждебная марксизму»[278].

Обстановка была так накалена, что многие ученые, по словам одного из ораторов, отказывались от всего того, что они считали делом всей своей жизни, от того, над чем они работали в течение многих лет.

Если судить по сохранившимся и доступным нам архивным материалам то диссонансом в этой дискуссии прозвучало выступление Михайлова (мы, к сожалению, не могли ничего узнать об этом человеке, его судьбе, даже установить его инициалы): «В.Н.Колбановский сказал здесь, что теория Выготского является реакционной теорией. Еще более крепкие выражения можно было слышать на совещании психологов и педологов, но вместе с тем никакой доказательной аргументации мы не слышим.

После того, как в книге «Мышление и речь» В.Н.Колбановский характеризует Л.С. Выготского «как передового советского ученого, для которого марксизм и ленинизм стал собственным мировоззрением, а коммунизм высшим идеалом и борьба за него делом всей жизни», после этого здесь тот же В.Н.Колбановский, не затрудняя себя никакими доказательствами, объявляет теорию Выготского антимарксистской и реакционной. Я думаю, что если верна только половина из вышеприведенной характе-

[276] Из выступления В.А.Артёмова. // Архив Института общей и педагогической психологии. - Ф. 82. - Оп. 1. - Ед. хр. 16. - С. 17.

[277] Д. Гранин в повести «Зубр» о В.Н.Колбановском писал: «Его профессией была битва за советскую науку против её идейных противников». (М.: Известия, 1987. — С. 207).

[278] Из выступления В.Н.Колбановского // Архив Института общей и педагогической психологии. — Ф. 82. — Оп. 1. - Ед. хр. 16. - Л. 108 и 127.

ристики Выготского, то такой ученый имеет право на более бережное к себе отношение. При большой бедности в людях, мы позволяем себе величайшую расточительность в отношении людского материала. И, если Выготский, который характеризуется такими замечательными словами, в то же время является «реакционным антимарксистом», то из уважения к собственной характеристике, вы дайте аргументы, соображения, которые убеждали бы нас в этом.

О зоне ближайшего развития, которую В.Н.Колбановский назвал реакционной, он писал, что это «необычайно интересный, оригинальный и исключительно важный результат, имеющий огромное значение по наболевшему вопросу комплектования школьных групп, полученный Выготским», что это «работа Выготского означает крутой поворот в положении и роли психологии как науки». «Психологический анализ, произведенный Выготским, освещает по-новому существующую педагогическую практику и требует внесения коррективов, результатом которых будет несомненный подъем педагогики на более высокую ступень» (Цитирую по «Мышлению и речи». С. 3, 4, 29—30).

Я думаю, что просто поразительно, как можно было таким образом оценивать Выготского, а сегодня, через некоторое время, не утруждая себя доказательствами, заявлять, что этот самый человек... и есть реакционный ученый, антимарксист и т. п.

Колбановский — наиболее благожелательный критик Выготского. Многие другие «критики» совершенно беспардонно выступают в отношении Выготского. Они навешивают ряд ярлыков, делают ничем не обоснованные обвинения»[279].

После постановления и дискуссий имя Льва Семеновича было вычеркнуто из науки на долгие годы, его труды не издавались, а ранее опубликованные стали недоступны читателям, поскольку были изъяты и частично уничтожены.

При составлении библиографии трудов Льва Семеновича мы, работая в главном книгохранилище страны — Государственной публичной библиотеке им. В.И. Ленина, в начале 70-х гг. неоднократно встречались с номерами журналов, в которых страницы со статьями Л.С. Выготского были вырезаны, вместо них стоял штамп: «Изъято согласно «Постановлению о педологических извращениях в системе наркомпросов». Отдельные работы ученого

[279] Из выступления т. Михайлова // Архив Института общей и педагогической психологии. - Ф. 82. - Оп. 1. - Ед. хр. 16. - Л. 72-73.

еще в конце 60-х — начале 70-х гг. выдавались в библиотеке лишь по специальному разрешению.

Прошли годы... Выросло целое поколение людей, никогда не читавших книг Льва Семеновича и знавших о нем лишь понаслышке: из рассказов его учеников, их лекций. Благодаря первым после длительного перерыва публикациям[280], хотя и изданным ограниченным тиражом, появилась возможность непосредственного общения с Л.С. Выготским.

Интерес к трудам ученого резко возрос, его проявляли представители разных областей знаний. Это немудрено, поскольку творчество Льва Семеновича было многогранно. Мы пытались показать, насколько широк был диапазон его научных интересов, разнообразен круг поднятых проблем. «У нас сейчас повелось, что каждый из нас специалист в какой-то определенной области: в области локализации функций мозга, вегетативных рефлексов, обучения и развития, аффектов и т. д.

А ведь Лев Семенович занимался одновременно проблемой локализации функций, проблемой единства аффекта и интеллекта, проблемой клиники аномального ребенка, проблемой обучения и развития, проблемой возраста, общими проблемами психологии»[281].

«Трудно найти среди наших современников психолога с таким широким диапазоном исследовательских интересов, какой был у Выготского. Он привлекал для разработки своих проблем материалы из самых разных областей: из дефектологии, из неврологии, психиатрии и т. д., у него были и экспериментальные работы в этих областях»[282].

Когда перелистываешь страницы трудов Выготского, созданных им за такое короткое время, то поражаешься тому богатству идей, которые в них высказаны. Лев Семенович сумел критически осмыслить большое количество литературных источников, проанализировать и обобщить результаты экспериментальных исследований, выделить для тщательного изучения кардинальные проблемы и, «что самое удивительное, умел предвидеть будущее развитие науки на десятилетия вперед»[283].

[280] Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. — М.: Изд-во АПН РСФСР. 1956: Развитие высших психических функций. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960.

[281] Эльконин Д.Б Из выступления 14/XI 1966 г. на заседании Ученого совета института психологии, посвященном 70-летию со дня рождения Л.С.Выготского // Архив Института психологии. - Ф. 82. - Оп. 1. - Ед. хр. 397. - С. 218.

[282] Эльконин Д.Б. Л.С.Выготский сегодня // Научное творчество Л.С.Выготского и современная психология. — М., 1981. — С. 183.

[283] Лурия А.Р. Из выступления на заседании Ученого совета Института психологии // Архив данного института. — Ф. 28. — Оп. 1. — Ед. хр. 397. — С. 179.

Идеи, высказанные Львом Семеновичем, выдержали проверку временем. Немногие теории, создававшиеся в конце 20-х — начале 30-х гг., столь интересны для современной науки, актуальны для нашего времени.

Д.Б. Эльконин, характеризуя одну из работ Льва Семеновича, написанную в начале 30-х гг., сказал, что ее можно было бы и сейчас «без зазрения совести, ставить как сообщение на проходящих психологических конгрессах. Настолько это современно и правильно!»[284] Вот уж поистине «большое видится на расстоянии!». Труды Л.С. Выготского, несмотря на то, что им выпала трудная судьба, выжили. В 50-х гг. началась вторая жизнь идей Л.С. Выготского.

Нам кажется справедливым, что «вклад ученого в развитие науки определяется не только тем, какие именно задачи он решал и решил, но и тем, насколько его труды оказывают влияние на последующее развитие науки, помогают решать новые актуальные задачи. Про Л.С. Выготского с полным правом можно сказать, что он остается активным и принципиальным участником современного этапа развития психологической науки, помогая решать сложные и дискуссионные проблемы»[285].

То, что не успел сделать Лев Семенович, продолжали его ученики. В своих исследованиях они не только развивали его учение сами, но и воспитывали в этих традициях, в русле идей Выготского, своих учеников.

Сохранить такую преемственность поколений и идей возможно лишь тогда, когда основатель направления является не только талантливым ученым, масштабно мыслящим, широко эрудированным в разных областях знаний человеком, но и образцом беззаветного служения науке.

Ученики Льва Семеновича, сохранив верность его идеям, и в последующие годы считали его своим маяком, освещающим им путь в науке и тогда, когда Учителя уже не было. Об этом одна из учениц Л.С. Выготского — Наталия Григорьевна Морозова сказала так:

Ушел... А жизнь твоя во мне, —
Воспоминанья живы.

[284] Эльконин Д.Б. Из выступления на заседании Учёного совета Института психологии // Архив данного института. — Ф. 82. — Оп. 1. — Ед. хр. 397. — С. 223.

[285] Тихомиров О.К. Л.С.Выготский и современная психология // Научное творчество Л.С.Выготского и современная психология. — М., 1981.— С. 151.

Как ветер в голубой волне.
Во мне твои порывы.
Ушедший поезд все гудит.
Кик будто близко где-то:
Твои слова в моей груди
И в песне нсдопетой...

Традиции, созданные Л.С. Выготским, живы, они оказались неподвластными времени. Свидетельством этого являются юбилейные вечера и научные конференции. В них не только отдается дань памяти известного ученого, но и анализируется его научное творчество.

Начиная с 1966 г. на вечерах памяти Льва Семеновича выступали его коллеги, ученики — те, кто в годы своей молодости работал с ним (А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец, Н.Г. Морозова, Р.Е. Левина, Л.И. Божович, Л.С. Славина, Д.Б. Эльконин, П.Я. Гальперин, Б.В. Зейгарник, Э.С.Бейн, М.Б.Эйдинова, Р.М.Боскис, Т.А. Власова, Л.В. Занков, М.С. Певзнер, И.М.Соловьев и Ж.И. Шиф).

И теперь, когда ушли последние из них, мы должны быть особенно благодарны этим ученым за их воспоминания, сохранившиеся в записях, стенограммах докладов, на магнитофонных пленках, в отдельных статьях.

Научные конференции, посвященные анализу творческого наследия Л.С. Выготского, проходят как у нас в стране, так и за рубежом. На них рассматривается широкий круг проблем, охватывающий разные направления в науке, в которых идеи Льва Семеновича не потеряли своей актуальности. Это методологические вопросы психологии, вопросы детской и педагогической психологии, дефектологии, патопсихологии, семиотики и многие другие.

Такие конференции проходили в январе 1979 г. в Риме и осенью 1980 г. в Чикаго. В 1984 г. в рамках Международного психологического конгресса в Мексике был специально организован симпозиум, посвященный творчеству Выготского. В сентябре 1988 г. в Будапеште на базе Института психологии Венгерской академии наук проходила VII ежегодная европейская конференция Ассоциации по истории психологии и общественных наук. Ее примечательной особенностью явилось то, что одно из трех тематических направлений было полностью посвящено значению наследия Л.С. Выготского для мировой психологии. Конференция открылась докладом одного из авторов этой книги.

Из наиболее крупных и представительных научных конференций, проводимых у нас в стране, мы можем назвать «Научное творчество Л.С.

Выготского и современная психология» (Москва, 1981 г.), «Научное наследие Л.С. Выготского и актуальные проблемы обучения и воспитания» (Минск, 1986 г. и Гомель, 1989 г.).

В последние годы прошло несколько Международных конференций: «Культурно-историческая теория Л.С. Выготского: прошлое, настоящее и будущее» (Москва, 1992 г.), «Лев Семенович Выготский и современные науки о человеке» (Москва, 1994 г.), «Роль семьи и дошкольных учреждений в развитии личности ребенка в свете идей Л.С. Выготского и его последователей» (Гомель, 1994 г.), «Науки о человеке в исторической перспективе: диалог России и Запада вокруг работ М.М. Бахтина, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна» (Москва, 1995 г.).

Знаменательным событием для науки было издание 6-томного Собрания сочинений Л.С. Выготского в 1982—1984 гг.

Недавно вышла в свет книга[286], в которую вошли все известные к настоящему времени работы Л.С. Выготского по дефектологии, а также фрагменты психологических трудов, имеющие отношение к проблемам изучения, обучения и воспитания детей с отклонениями в развитии.

* * *

Охватывая взором жизненный и творческий путь Льва Семеновича, не устаешь поражаться, как в сложных условиях, за столь короткий промежуток времени можно было создать так много — его перу принадлежит более 270 работ.

По словам академика А.А. Смирнова, «то, что сделал Л.С. Выготский, войдет навечно в советскую психологию как лучшие ее страницы»[287].

Говоря о значении творчества Льва Семеновича, М.Г. Ярошевский заметил, что «если бы в возрасте Выготского умер Павлов, мы не знали бы его учения об условных рефлексах, если бы в этом же возрасте умер Фрейд, он не стал бы создателем психоанализа. То, что успел сделать Выготский, осталось непременной страницей в летописи мировой психологии, к которой вновь и вновь обращается современный исследователь»[287]".

[286] Выготский Л.С. Проблемы дефектологии / Сост., авт. вступ. ст. и библиогр. Т.М. Лифанова. — М.: Просвещение. — 1995. — 527 с.

[287] Смирнов А.А. Из выступления на заседании Ученого совета Института психологии // Архив данного института. — Ф. 82. — Оп. 1. — Ед. хр. 397. — С. 178.

[287a] Ярошевский М.Г. Л.С.Выготский: поиск принципов построения общей психологии // Вопросы психологии. — 1986. — № 6. — С. 107.

В статье, написанной для журнала ЮНЕСКО и посвященной Л.С. Выготскому, профессор Белградского университета Иван Ивич пишет: «Сейчас, спустя более полувека после смерти, когда его основные труды опубликованы, Выготский признан лидером мировой психологии... Без сомнения, Выготский во многих отношениях далеко опередил и наше время» (Riviere, 1984)»[288].

* * *

Ученик Л.С. Выготского Даниил Борисович Эльконин сказал: «Научная биография Выготского еще не написана, и это дело трудное и может быть выполнено усилиями целого коллектива»[289]. Он считал, что это — дело будущего. Хочется верить и надеяться, что сделанное нами будет первым шагом в решении этой задачи.

Мы хорошо помним слова Льва Семеновича: «Делая первый шаг, мы не можем избежать многих и серьезных, быть может, ошибок. Но все дело только в том, чтоб первый шаг был сделан в верном направлении. Остальное приложится. Неверное отпадет, недостающее прибавится»[290].

[288] Ивич Иван. Портрет педагога. Л.С.Выготский (1896-1934). // Перспективы (журнал ЮНЕСКО, посвященный вопросам образования). — 1990. — № 3 (издается на английском, французском, испанском, арабском, китайском и русском языках).

[289] Эльконин Д.Б. Л.С.Выготский сегодня // Научное творчество Л.С.Выготского и современная психология. — М., 1981. — С. 178.

[2911] Выготский Л.С. Предисловие // Вопросы воспитания слепых, глухонемых и умственно отсталых детей. — М., 1924. — С. 4.

ГЛАЗАМИ ОКРУЖАЮЩИХ

Он человек был, человек во всем,
Ему подобных мне уже не встретить.
В.Шекспир. «Гамлет»

Характеристика жизненного и творческого пути ученого была бы, как мне представляется, неполной, если не остановиться на его отношении к науке, труду, людям, на том, каким он был в обыденной жизни.

Благодаря тому, что за последние годы и у нас в стране, и за рубежом были изданы основные труды Льва Семеновича Выготского, широкому читателю открылась возможность ознакомиться с его мыслями, идеями, ходом и логикой его рассуждений, результатами его научных изысканий. По его работам можно судить о том, что это был за ученый. А вот что он был за человек?

Когда начала писаться эта книга, еще были живы люди, которые хорошо знали Льва Семеновича и могли бы рассказать о нем — некоторые из его учеников, его младшая сестра. Сейчас уже, к сожалению, не осталось никого в живых, кто мог бы правдиво поведать о нем[291].

И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать[392]

А интерес к нему, к его личности с годами не только не угас, но, пожалуй, даже в последние годы возрос. Может быть, именно поэтому все чаще я слышу вопрос: А какой он был? Все настойчивей звучит просьба: «Расскажите, что это был за человек».

С этой же просьбой обратились ко мне и в Минске в декабре 1986 г. на конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Л.С. Выготского. Прощаясь со мной, минские психологи сказали: «Помните, рассказать о Льве Семеновиче — Ваш долг. Вы просто обязаны это сделать!».

[2,1] За эти годы ушли из жизни последние из его ближайших учеников и сотрудников: Л.С.Славина (1988), Р.Е. Левина (1989), М.С.Певзнер (1989), Н.Г. Морозова (1989), его сестра М.С.Выгодская (1990),

[292] Ахматова А. Лирика. — М.: Худож. лит., 1989.

Признаться, я долго не могла на это решиться. Время шло.

Между тем, выступая с воспоминаниями о Льве Семеновиче в ряде мест (в том числе и дважды в Минске), я не могла не обратить внимание на тот живой, неподдельный интерес, с каким аудитория принимала рассказ о нем. Значит, это действительно интересно и нужно людям. Да и в руках у меня, и в памяти хранится материал, который неизвестен другим. Вероятно, я должна поделиться с ними тем, что я знаю, рассказать об этом. Иначе может создаться обедненный образ Льва Семеновича, отличный от подлинного, от того, каким он был на самом деле.

Кроме всего прочего, из-за отсутствия печатных материалов о жизни и деятельности Льва Семеновича, воспоминаний о нем, стали появляться различные досужие домыслы. Ему приписывают поступки, которые он не совершал, мысли, которые никогда не высказывал, а затем с завидным жаром «громят» его за то, чего никогда не было.

Все это вместе взятое и заставило меня взяться за перо. Так родилась идея этой части книги.

Я попробую рассказать о Льве Семеновиче, опираясь, где только возможно, на документы, воспоминания о нем близких людей, знавших его в разную пору его жизни, его письма.

Надо заметить, что жизнь моя сложилась так, что после смерти Льва Семеновича мое общение с его близкими друзьями не прекратилось. Сначала оно происходило в нашем доме, когда они приходили нас навещать. Потом, уже позже, когда я выросла, я стала встречаться с ними не только у нас дома, но и в других местах. Со многими из них я работала под одной крышей, в одном институте (А.Р. Лурия, Л.В. Занковым, И.М.Соловьевым, Н.Г. Морозовой, Р.М.Боскис, Р.Е. Левиной, Ж.И.Шиф, М.С.Певзнер, М.Б.Эйдиновой и некоторыми другими), у многих бывала дома. Както летом 1940г. я в течении примерно трех недель жила в семье Александра Романовича Лурия. Александр Владимирович Запорожец был моим учителем в годы студенчества (да, собственно, оставался им до самой своей смерти). С Даниилом Борисовичем Элькониным нас очень сблизила работа над одним из томов собрания сочинений Льва Семеновича. Со всеми ними меня связывали добрые отношения, со многими сложились дружеские, с некоторыми — очень близкие (А.В. Запорожцем, Н.Г. Морозовой). Общение с ними даже во время совместной работы, конечно, выходило за рамки делового, все они рассказывали мне о моем отце, вспоминали его до конца своих дней.

Они вспоминали и о том, как они работали с ним, и как он учил их заниматься наукой, и как руководил их работой, и как он обследовал детей. Они рассказывали мне о том, каким добрым товарищем он был им всем, как помогал в работе, как делил с ними их радости и горести, как умел радоваться любому успеху товарища, о его постоянной готовности в любой момент прийти на помощь каждому. Говоря о нем, они припоминали различные случаи из жизни, приводили его высказывания, шутки.

Вот их воспоминания, их рассказы и легли в основу этой части книги. Я буду говорить не только с их слов, но, где только возможно, их словами (буду цитировать их). Они делились со мной дорогими для них воспоминаниями, и теперь мой долг поведать об этом другим людям. Я буду приводить только те факты, которые точно установлены, ссылаться только на то, что сохранилось в памяти не одного человека.

Как же мне рассказать о Льве Семеновиче, чтобы вы, мои читатели, могли его себе представить именно таким, каким он был на самом деле? Каким я его помню и каким его вижу? Что мне сделать, чтобы и вы могли увидеть его таким?

Можно попробовать составить его психологический протрет. Тогда, следуя принятому, надо начать с характеристики особенностей его ощущений, восприятия, внимания. Но что это даст, если я, скажем, напишу то, что мне известно об особенностях его зрительного или слухового восприятия? Поможет ли это представить себе и понять его личность? Его судьбу? Его творчество? Нет, конечно. Может даже случиться и так, как зачастую бывает при разборе отдельных произведений, изучаемых в школьном курсе литературы, — такая формальная, искусственно, по навязанному плану составленная характеристика героев нарушает художественную ткань целостного литературного произведения, а"вовсе не помогает его понять, как предполагалось.

Я, пожалуй, изберу другой путь. Я постараюсь рассказать о том, как он проявлял себя, о том существенном, что обнаруживалось при общении с ним. Я расскажу о его отношениях с людьми, о его друзьях, о его научной и преподавательской деятельности, о его интересах и увлечениях, о некоторых личностных особенностях.

И если мне это удастся, то из всех этих отдельных штрихов, быть может, вы и сможете составить, нарисовать если и не портрет, то хотя бы его контуры. Вот тогда вы и сумеете представить его себе более или менее полно. Мне очень важно, чтобы вы увидели в нем ЧЕЛОВЕКА — с его особенностями, сильными сторонами его личности и слабостями, с его мыслями и чувствами, одним словом, ЖИВОГО ЧЕЛОВЕКА. Только тог-

да вы и сможете понять и его самого, и его судьбу. Мне так хочется, чтобы мой рассказ (и вся книга в целом) помог воссоздать образ Льва Семеновича, чтобы в конце концов могло сложиться подлинное представление об этой незаурядной личности.

Так что же это был за человек?

Давайте попробуем посмотреть на него глазами его учеников, коллег, соратников, того, кто знал его не понаслышке, а многие годы общался с ним, работал с ним бок о бок.

И все же начну я с описания внешности Льва Семеновича, его облика. И делаю я это не потому, что считаю это самым важным, а потому, что именно здесь, в этом пункте у тех, кто знал его и о нем вспоминает, встречаются противоречия. Именно в этом пункте мнения людей расходятся. Приводимые ими сведения порой просто взаимно исключают друг друга. Давайте же выслушаем их.

Одна из его первых гомельских учениц так описывает его: «Судьба меня осчастливила — я была одной из первых его учениц в самый ранний период его деятельности, когда ему было немногим больше двадцати лет... Правильные черты лица, глубокие внимательные глаза, мягкая, чуть ироничная улыбка, очень скромная манера держать себя в любом обществе — отличительные черты его облика. Во всей его натуре проявлялась высокая духовность, напряженная работа мысли...»[293].

Как-то, выступая с воспоминаниями о Льве Семеновиче, А.Р. Лурия, описывая свое первое впечатление о нем, сказал: «На трибуну вышел молодой человек, маленького роста, аккуратно выбритый, с черными волосами, с очень красивым лицом»[294].

Услышав это, одна из учениц Льва Семеновича (Н.Г. Морозова) воскликнула: «Ничего подобного! Он не был маленьким. Он был среднего роста. И волосы у него были коричневые, он был шатен».

Крупнейший кинорежиссер нашего времени С.М.Эйзенштейн писал: «Я очень любил этого чудного человека со странно подстриженными волосами. Они казались перманентно отрастающими после тифа или другой болезни, при которой бреют голову[295]. Из-под этих странно лежащих

[2,1] Гейликман Э.Л. Воспоминания о Л.С.Выготском. Рукопись // Семейный архив Л.С.Выготского.

[2M] Лурия А.Р. Лекция, прочитанная 18/XI 1976 г. на психологическом факультете МГУ, посвященная Л.С.Выготскому в связи с 80-летием со дня его рождения // Семейный архив Л.С.Выготского.

[295] Лев Семенович ежегодно, каждое лето, брил себе голову (Г.В.).

волос глядели в мир небесной ясности и прозрачности глаза одного из самых блестящих психологов нашего времени»[296].

А вот Блюма Вульфовна Зейгарник уверяла, что «Лев Семенович умел удивительно выслушивать, и только по какому-то отсвету в его зеленых глазах видно было, правильно ты говоришь или нет»[297].

Вот такие разные, порой противоречивые описания внешности Льва Семеновича дали люди, хорошо его знавшие. Однако при всем своем различии эти описания имеют одну общую черту — все они пристрастны: люди, давшие их. любили Льва Семеновича (хотя каждый из них воспринимал его по-своему).

Так каким же он был на самом деле?

Обратимся к беспристрастному свидетелю.

Передо мной копия свидетельства о приписке к призывному участку. Это свидетельство выдано Гомельской городской управой июля 15 дня 1913 года за .V' 245. В этом документе имеется графа «Приметы».

Читаем в этой графе:

«Рост: средний
Волосы: русые
Брови: русые
Глаза: карие
Нос: умеренный
Рот: умеренный
Подбородок: обыкновенный
Лицо: чистое
Особые приметы: не имеет.
№ ... по списку 15
№ свидетельства 245
№ наст. р. 2059»[2',s].

Можно надеяться, что чиновники из городской управы не старались ему польстить, а были в своем описании объективны.

Существуют десятки анекдотов, героями которых являются известные ученые. Собственно, это анекдоты не столько о самих ученых, сколько об их рассеянности, которая якобы присуща всем ученым. Так, вспоминается

[296] Эйзенштейн СМ. Из рукописи // ЦГАЛИ — Архив С.М.Эйзенштейна. — Ф. 1923. — Оп. 2. - Ед. хр. 247.

[2,7] Зейгарник Б.В. Из выступления на Ученом Совете НИИД АПН СССР, посвященном 50-летию со дня смерти Л.С.Выготского 5/V1-84 г.

[2,s] Копия заверена Иваном Ивановичем Коссачсвским, гомельским нотариусом, в его конторе, находившейся по Румянцевской улице в доме Цырлина. Копия по реестру №6102. Копия дана для представления в учебное заведение // Семейный архив Л.С.Выготского.

анекдот, согласно которому, кажется Ньютон, варил к завтраку свои часы вместо яйца. Другой ученый снимал галоши, входя в трамвай. Третий, увидев на двери своей квартиры записку о том, что никого нет дома, сокрушенно вздыхал и удалялся, обещая зайти еще раз. И т. д. и т. п.

Ничего подобного со Львом Семеновичем не происходило, он не был рассеян в обычно употребляемом смысле этого слова. Он не снимал галош, садясь в трамвай, не ходил в разных ботинках. (К слову сказать, у него всегда была лишь одна пара!) Ничего похожего с ним не случалось. Он ничем не походил на героев этих анекдотов. Разве что родом своей деятельности — ведь он тоже был ученым и, как теперь уже бесспорно установлено, незаурядным ученым. Но при всем этом он выглядел вполне земным и обычным человеком, да, по существу, и был таким.

Конечно, если он был увлечен работой, в это время мог чего-то, не связанного с этой работой, просто не заметить или не сразу отозваться, если его кто-то окликал. Но никакой забывчивостью, которая, по расхожему мнению, является чуть ли не неотъемлемой чертой служителей науки, он никогда не страдал. Напротив, он обладал завидной памятью. Хорошо зная художественную, психологическую, философскую, педагогическую литературу, он легко по памяти воспроизводил нужные ему по ходу лекции, полемики или беседы факты, аргументы, цитаты (и всегда помнил, откуда взято приводимое им).

Правда, что было, то было: во время работы он переставал ориентироваться во времени — просто терял о нем представление. Результаты бывали для него огорчительны — он опаздывал из-за этого на очередное совещание или заседание и расстраивался и нервничал из-за этого.

Случалось ему опаздывать и по другой причине. «Ко Льву Семеновичу настолько многие обращались и настолько злоупотребляли его добротой, снисходительностью и вниманием к людям, что они нередко задерживали его, и он, опаздывая на заседания, чувствовал себя тогда очень виноватым»[299]. Будучи очень деликатным человеком, он страдал, если оказывалось, что его ждут, а он приходит не вовремя. «Но он говорил: я не мог уйти, вы понимаете? Меня спрашивали, и я не мог не ответить человеку»[300].

Он испытывал чувство неловкости, вины перед тем, кто его ждал. Огорчался. Но это, тем не менее, не значило, что больше это не повто-

[299] Из выступления Н.Г. Морозовой на заседании, посвященном 70-летию со дня рождения Л.С.Выготского 27/XИ 1966 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[300] Там же.

рится, что в следующий раз он придет без опоздания. Даже при том, что он очень меня любил, однажды заставил ждать его в школе более 3 часов! (А это было в первый день моей школьной жизни. Но подробно об этом в другом месте.)

Его ученицы — Р.Е. Левина и Н.Г. Морозова — вспоминали, что когда случалось ему опаздывать, им была невыносима мысль, что он чувствует перед ними свою вину; и они всячески старались его успокоить, говоря, что за это время они подготовили какой-то новый материал или обработали протоколы эксперимента, или провели новый эксперимент, или обследование больного. «Мы должны были приложить все усилия, чтобы уверить его, что мы нисколько не сердимся, что все его ждали и за это время как раз закончили все нужные дела, так что мы ничего не потеряли. И только после этого он успокаивался. Но очень характерно для него было то, что он как-то никому не мог отказать в том внимании, на которое они претендовали»[301].

И еще ему случалось опаздывать из-за скверной ориентировки. Он плохо запоминал дорогу. Если на лекцию или на заседание надо было ехать куда-то в новое место, где он перед этим был лишь однажды или бывал, но редко, существовала большая вероятность долгих поисков нужного ему места, и поэтому он мог прийти с опозданием. Это всегда очень его мучило. Он старался это предусмотреть, выходил не в последнюю минуту, а с запасом времени, но гарантии, что он найдет сразу, все равно не было.

Весной 1929 г. он должен был читать курс лекций в Ташкенте. С ним поехала мама, и это спасло его от многих, никому не нужных неприятных переживаний. Когда они приехали в Ташкент, то оказалось, что жить они будут в одной части города, а занятия будут проходить в другой, при этом надо было идти через старую, очень запутанную часть города. По словам мамы, когда все это Лев Семенович увидел, то буквально пришел в отчаяние. Все это казалось ему непреодолимым препятствием. На помощь пришла мама. Она отлично ориентировалась, и ей достаточно было пройти один раз, чтобы безошибочно запомнить дорогу. Она попросила провести ее этой дорогой от дома до университета накануне, а затем каждое утро провожала туда папу, а потом встречала его.

Благодаря этому за все время пребывания в Ташкенте Льву Семеновичу ни разу не удалось опоздать, он всегда приходил в назначенное время.

Там же.

Лев Семенович был очень общительным человеком. Круг общения его был чрезвычайно широк — это были и студенты, и аспиранты, и коллеги, и сослуживцы, и родители, детей которых он обследовал...

Ко всем людям, с которыми он общался, независимо от того, были это его сотрудники или студенты, родственники или друзья, родители, пришедшие к нему с детьми на консультацию, или приехавшие иностранные ученые, — он неизменно был очень внимателен, скромен, проявлял сердечность, заинтересованность, удивительную деликатность, такт.

Он был прост в общении с людьми, никогда ни до кого не снисходил и ни перед кем не заискивал. Он одинаково говорил и с известным ученым, и с начинающим студентом, всегда оставаясь самим собой. Он никогда не искал знакомства с известными, заслуженными людьми, никогда сам не стремился выделиться, никогда не «выпячивался» — это просто казалось ему неприличным. «Это был необыкновенно скромный человек, скромный до такой степени, что он не любил общаться с «великими мира сего», — вспоминал Д.Б. Эльконин. — Я помню, как А.Р. Лурия не смог затянуть его к академику Марру, когда он приезжал в Ленинград, хотя Александр Романович страшно хотел познакомить Льва Семеновича с Марром»[302]. Вместе с тем, рассказывает Даниил Борисович, «я знал тогда одного человека в Ленинграде чрезвычайно скромного, всеми забытого, к которому Лев Семенович ходил с удовольствием, и я его туда несколько раз сопровождал. Это был Владимир Александрович Вагнер, человек необычайной скромности, чрезвычайной преданности науке, совершенно не занимавший тогда никакого положения. И как только Лев Семенович мог пойти к Владимиру Александровичу, утешить его и поговорить с ним, особенно о психологии, он обязательно туда ходил. И я помню прекрасно эту квартиру»[303]. Для него не имели значения ни социальное положение того, с кем он общался, ни степень знакомства с ним. В его манере говорить всегда сквозило уважение к собеседнику и желание как можно лучше его понять. Ни у кого из тех, кто общался с ним, никогда не закралось даже подозрения в том, что он когда-либо был неискренним.

«Исключительно привлекательной была манера Льва Семеновича разговаривать с любым собеседником независимо от ранга. Он умел выслушивать и никогда не отвлекался от предмета разговора, не проявлял не-

[1112] Позже они познакомились и встречались у СМ. Эйзенштейна.

[303] Из выступления Д.Б.Эльконина на расширенном заседании Ученого Совета НИИ ОПП 14/XI 1966 г. Архив НИИ ОПП. - Ф. 82. - Оп. 1. - Ед. хр. 397. - С. 219.

Рис. 43. 1928 г. Лев Семенович ведет эксперимент. (Фотография из книги А.Н. Леонтьева «Развитие памяти»).

терпения. Деликатность по отношению к слабому собеседнику была отличительной чертой его как человека очень гуманного...»[304].

Мне часто рассказывали товарищи Льва Семеновича, как он был внимателен и чуток к родителям, приходившим к нему с детьми на консультацию, с каким огромным тактом беседовал он с ними и давал советы. Его доброжелательное отношение, хороший контакт с детьми, спокойный уважительный тон оказывали прекрасное действие — родители уходили после таких консультаций успокоенные и ободренные.

Т.А.Власова, вспоминая об этом, называла отношение Льва Семеновича к детям и родителям, обращавшимся к нему за помощью, «трогательно-терпеливым». Она рассказывала, что однажды за консультацией ко Льву Семеновичу обратился приехавший из далекой глухой деревни старик. Он просил посмотреть его внука. Все в деревне считали мальчи-

[1М] Левина Р.Е. Морозова Н.Г. Воспоминания о Л.С.Выготском // Дефектология. — 1984. — № 5.

Рис. 44. 1928 г. После окончания эксперимента. (Кадр из фильма, снятого Николаем Александровичем Бернштсйном. Испытуемая - дочь Льва Семеновича - на коленях у матери).

ка умственно отсталым, дед же думал, что все ошибаются, не соглашался с этим. Во время консультации у мальчика было обнаружено снижение слуха, он оказался тугоухим. «Спасибо тебе, главный, — сказал, низко кланяясь Льву Семеновичу старик. — Спасибо тебе за то, что ты узнал моего внука, а ко мне, старику, отнесся с почтением. Много, где я был, а хороших людей увидел здесь»[305].

Мало, наверное, сказать, что Лев Семенович любил детей — и своих и чужих. Он необыкновенно бережно к ним относился. При общении с детьми он проявлял огромное уважение к личности ребенка, к его интересам. Он всегда старался понять ребенка, и это ему удавалось, и поэтому, вероятно, детям было с ним легко, интересно, они охотно шли на контакт с ним. Общаясь с детьми, Лев Семенович никогда не проявлял ни тени снисхождения, говорил с ними всегда серьезно, с уважением. Он умел расположить к себе ребенка, ничего для этого специально не делая.

"ь Власова Т.А. Из выступления на заседании, посвященном 70-лстию со дня рождения Л.С.Выготского 27/ХП 1966 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

Леонид Владимирович Занков вспоминает, что при обследовании детей многих поражала манера Льва Семеновича беседовать с ребенком. Эти беседы «были очень примечательны, особенно по сравнению с тем, как обычно ребенку задают вопросы и он на них отвечает. Нет! Это была задушевная беседа с маленьким человеком, причем подтекст был такой: этому маленькому человеку плохо, ему нужно помочь»[306].

Р.Е. Левина и Н.Г. Морозова, его ближайшие ученицы, вспоминали: «В момент исследования Лев Семенович умел всегда установить доверительный контакт... с детьми и взрослыми... Он беседовал с испытуемым с виду «на равных», серьезно, доверительно относился к его ответам, и ребенок легко раскрывался перед ним, порой по-новому, по сравнению с тем, кто прежде исследовал того же испытуемого»[307].

Он был прекрасным экспериментатором, знал и понимал детей и очень хорошо умел с ними работать. Дети часто воспринимали это как увлекательную игру. Я могу с уверенностью судить об этом, так как сама не раз выступала в роли испытуемой.

Когда-то я спрашивала у людей, хорошо знавших Льва Семеновича, какую черту его личности они выделили бы. Я получила самые разные ответы:

Александр Романович Лурия: Его ум. Гениальность.

Александр Владимирович Запорожец: Благородство. Высокую нравственность. Деликатность.

Роза Евгеньевна Левина: Беспредельную скромность. Сердечность.

Дании Борисович Эльконин: Доброту. Широту. Научную щедрость.

За год своей смерти Наталия Григорьевна Морозова так ответила мне на этот вопрос: «Характерной чертой Льва Семеновича было его желание каждому помочь. К нему без конца обращались за советом и по личным, и по научным вопросам. Он никогда никому не мог отказать в своем внимании... Казалось бы, что человек такой высокой мысли и такого большого ума мог бы быть недоступен для широкого общения. Между тем... к нему приходили с вопросами, за разъяснениями, желая проверить себя, просто пообщаться (в перерыве на конференции — Г.В.). К каждому он был очень внимателен и снисходителен... Отвечая, он был очень тактичен и не давал понять собеседнику, что его суждения неверны или примитивны. Он как бы подсказывал ему правильное решение, к которому

•[№] Занков Л.В. Лев Семенович Выготский как дефектолог//Дефектология. — 1971. — № 6.
[1(17] Левина Р.Е. Морозова Н.Г. Воспоминания о Л.С.Выготском //Дефектология. — 1984. — № 5.

сам его подводил. В этом проявлялась его доброта и доброжелательность к людям»[308].

Разве не об этом же говорят и следующие эпизоды?

Елизавета Онуфриевна Василенко, гимназическая подруга его старшей сестры, пишет мне: «Когда в 1916 г. я приехала учиться в Москву, Ваш отец, тогда еще студент, сразу же навестил меня и поинтересовался, как я устроилась, не нужна ли его помощь в чем-нибудь»[309].

Мария Михайловна Крылова вспоминает в своем письме, что в Ленинграде во время перерыва между лекциями «все профессора окружали его (Льва Семеновича — Г.В.) и ходили по коридору огромной толпой (... и они слушали его лекции)... Однажды эта компания шла навстречу нам и Лев Семенович, отделившись от нее, быстро... подошел к нам (я шла с переведенной из Москвы ... студенткой). Я остолбенела, а ... моя спутница зарделась как мак. Лев Семенович дружески протянул ей руку и спросил: «А Вы как здесь? Довольны? Может быть, что-нибудь нужно?» — Тут вся компания подошла к нам и увела Льва Семеновича. Я спросила свою спутницу, откуда она его знает, и она ответила мне, что они просто земляки, оба очень любили лошадей»[310].

Наталия Григорьевна Морозова рассказывала: «Разъехавшись по разным городам после окончания университета, мы, его ученики, продолжали общаться с ним. Он постоянно отвечал на наши письма... вникая в судьбу и работу каждого из своих учеников и поддерживая их научные искания. Случилось так, что Славина уехала к своему мужу в Ярославль и у нее возникли трудности с устройством в городе по специальности, но предлагали работу в области»[311]. Александр Романович считал это прекрасным выходом из положения, говоря, что ведь раз в неделю она сможет приезжать к мужу и видеться с ним. Но Лев Семенович не считал эту перспективу заманчивой. «Что ты, Александр Романович, раз в неделю видеться?! Надо жить вместе, вместе ставить самовар, вместе пить чай, вместе обедать. А работать она может в яслях, а они есть в городе. Нам же очень нужен ранний возраст для изучения истоков детского развития!» Таким образом были решены и семейная, и научная проблемы»[312].

Это написано со слов трех разных людей. И рассказанное ими отно-

[308] Из записи беседы с Н.Г. Морозовой 11/XI 1988 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.
[309] Из письма Е.О.Василенко от 24/V 1972 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.
[310] Из письма М.М.Крыловой от 21/VI 1981 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.
[311] Из записи беседы с Н.Г. Морозовой 11/XI 1988 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.
[312] Из записи беседы с Н.Г. Морозовой 11/XI 1988 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

сится к разным периодам жизни Льва Семеновича — к 1916, 1926 и 1930—1931 гг. Но все эти эпизоды говорят об одном и том же — о заинтересованности в судьбе человека, участии, желании и готовности помочь ему. Ведь один из первых вопросов, которые он задал и Е.О.Василенко, и своей землячке-студентке — не нужна ли его помощь. И, заметьте, пожалуйста, он, уже известный ученый, преподаватель, сам подходит к студентке спросить, не нуждается ли она в его помощи. Конечно, ничего особенного, экстраординарного в этом нет. Это только норма поведения интеллигентного человека. Но, скажите откровенно, вы часто это видели? Часто с этим сталкивались?

Всегда готовый помочь каждому, кто в этом нуждался, охотно и легко предлагая свою помощь, он испытывал неловкость, если ему самому случалось прибегать к чьей-либо помощи.

Трудно, вероятно, переоценить то, что он сделал для своих учеников, но известны лишь считанные случаи, когда бы он сам обратился к ним за помощью. И каждый раз оказываемую ему помощь воспринимал чуть ли не как самопожертвование.

В 1973 г. по просьбе Г.И. Сахаровой, вдовы Л.С. Сахарова, мне передали сохранившееся у нее письмо Льва Семеновича к ее мужу. Это письмо написано было им в больнице, в 1926 г., когда Лев Семенович был госпитализирован с тяжелой вспышкой туберкулеза. Давайте вместе прочитаем это письмо.

«...Вы как-то предлагали мне и осенью, и недавно просмотреть вместо меня мои корректуры. Теперь я решился воспользоваться Вашим самопожертвованием, хотя хорошо знаю и его цену, и то, что я никак не в моральном праве сделать это. Вынуждает меня то обстоятельство, что я лишен физической возможности сделать это сам, а дело срочное».

Далее Лев Семенович объясняет, почему именно он не может это сделать сам: во-первых, очень тяжелая обстановка в палате и никаких условий для работы (в палате 6 человек тяжелобольных, шум, крик, койки сдвинуты вплотную, без промежутка, нет столика) и, во-вторых, его скверное самочувствие («чувствую себя физически мучительно, морально подавленным и угнетенным»).

Затем Лев Семенович перечисляет, что нужно сделать с рукописью и просит привлечь к работе Л.В. Занкова и И.М.Соловьева. Снова читаем письмо: «Простите за то, что утруждаю бесплодной и механической моей личной работой, с которой я сам не справился. Вот все. Спасибо боль-

шое заранее за помощь». А затем Лев Семенович интересуется ходом работы Л.С. Сахарова и дает ему интересные научные советы[313].

Незабываемым на всю жизнь осталось для Д.Б. Эльконина то, как Лев Семенович относился к своим ученикам.

«Еще одно воспоминание, которое мне врезалось в память, заключается в том, как он относился к своим ученикам.

Я тогда был молод и еще не готов к научной работе. И хотя Лев Семенович был старше меня только на 8 лет, тем не менее разница между нами была колоссальная. Лев Семенович был уже совершенно зрелым, с устоявшейся системой взглядов ученым, я же был начинающий ученик.

В 1932г. — я тогда много работал над проблемой детской игры — мне удалось выдвинуть несколько теоретических положений, относящихся к проблеме детской игры, и я имел смелость доложить некоторые из этих положений на заседании кафедры в Ленинграде. Они были подвергнуты совершенно уничтожающей критике. Вся кафедра целиком, за исключением одного человека — Льва Семеновича Выготского — обрушилась на эти положения и не оставила камня на камне. Единственный человек, который выступил в защиту моих положений, был Лев Семенович. Затем мы с ним отправились, как он выражался, поговорить по-гречески. Это означало зайти в кафе... и в одном из его уголков, выпивая по несколько чашек кофе, разговаривать о науке. Там он меня ободрил и поддержал. Сказал, что в моих положениях есть масса ценных и полезных вещей. Он говорил мне: «Если ты когда-либо выдвинешь новую, свежую идею и подвергнешься такой же сокрушительной критике, которой ты подвергся сегодня, ты должен обязательно иметь хотя бы одного человека, которому ты абсолютно веришь. К этому одному человеку, который к тебе относится абсолютно честно и прямо, ты должен прийти и рассказать. Если этот хоть один человек тебя поддержит, то ты можешь быть спокоен в том, что за это следует браться».

Даниил Борисович говорил, что для Льва Семеновича было характерно «это чрезвычайное умение поддержать, найти за каждой мыслью что-то новое, здоровое, прогрессивное, поправить, иногда совершенно незаметно.

Мы долго не замечали, каким образом он облекал недостаточно еще сформулированные и продуманные наши мысли... и преподносил, возвращая эту идею как нашу творческую мысль.

[111] Письмо Л.С.Выготского Л.С. Сахарову от 15/11 1926 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

Я, пожалуй, не встречал ни одного человека, который бы не был, я бы сказал, таким приверженцем своего собственного авторства, как Лев Семенович.

Это была чрезвычайная идейная щедрость и размах такой личности, которая всем все раздавала. Идеи... вулканом били из него, меня это поражает до сих пор. При этом нужно принять во внимание, что условия деятельности Льва Семеновича были очень тяжелыми. Нам сейчас трудно себе представить, в каких невероятно тяжелых условиях работал Лев Семенович»[314].

Я уже приводила высказывание Наталии Григорьевны Морозовой о том, что, уехав после окончания университета работать в разные города (Курск, Ярославль, Нижегородскую обл.), ученики Льва Семеновича не порывали с ним связь. Во первых, они «накапливали» себе отгулы, чтобы иметь возможность регулярно приезжать ко Льву Семеновичу на консультации, иметь возможность личного с ним общения. «Работая без выходных дней в других городах, мы ежемесячно приезжали в Москву, чтобы участвовать в конференциях, проводимых Львом Семеновичем в психологической лаборатории клиники нервных болезней»[315]. Во-вторых, они регулярно писали ему не только о работе, но и обо всех обстоятельствах своей жизни. Ведь они, по словам Н.Г. Морозовой, считали его УЧИТЕЛЕМ ЖИЗНИ. И он находил время, чтобы отвечать на письма своих учеников. «Лев Семенович всегда отвечал на письма, вникая в судьбу и работу каждого из своих учеников и поддерживая их научные искания»[315"].

Писали Льву Семеновичу и А.Н. Леонтьев, и А.Р. Лурия, когда они уезжали отдыхать, а Александр Романович и тогда, когда был в экспедициях. К сожалению, писем, написанных Льву Семеновичу, не сохранилось (во время войны дом, в котором жила семья и где хранились рукописи и бумаги Льва Семеновича, пострадал от бомбежки. Квартира на первом этаже стояла без дверей и с выбитыми окнами. Тогда пропало много книг, бумаг и, вероятно, письма). Но, по счастью, уцелели его письма к ученикам и друзьям, которые они бережно хранили. По этим письмам можно проследить, как складывались отношения Льва Семеновича с близкими учениками и коллегами.

[114] Из выступления Д.Б.Эльконина на расширенном заседании Ученого Совета НИИ ОПП 14/XI 1966 г. // Архив НИИ ОПП. - Ф. 82. - Оп. 1. - Ед. хр. 397. - С.216-217.
[315] Из беседы с Н.Г. Морозовой 11/XI 1988 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.
[315a] Там же.

Лев Семенович всегда проявлял подлинный интерес к жизни, участи, работе всех, с кем свела его судьба. Он чувствовал свою ответственность за них, за всех, кого, по словам Сент-Экзюпери, «приручил». Его письма к ученикам — яркое тому свидетельство. Давайте вместе прочитаем некоторые из них.

Н.Г. Морозовой. 7/04 1930 г.

Милая Наталия Григорьевна, получил Ваше письмо только вчера и снова почувствовал, как невозможно и недопустимо, чтоб Вы и Л.И. (Божович) оставались в тех же условиях. Очень ждем все добрых вестей от Вас. В крайнем случае посылайте радио-вопль о спасении, как тонущие корабли SOS (Save our Souls), и мы спасем ваши души... У нас второй день весна:

Каким бы строгим испытаниям
Вы ни были подчинены,
Что устоит перед дыханьем
И первой встречею весны...

Тют чев

Это всецело относится к Вам и Л.И. (Божович). Ей сердечный привет. Ждем вестей. Держитесь крепко.

Ваш Л. В.

Какое доброе и теплое письмо. Без сентенций, нравоучений и призывов к стойкости. Просто участие. Человеческое участие. Но ведь оно так нужно.

Еще одно письмо Н.Г.Морозовой.

Измайловский зверинец,
29/07 1930 г.

Дорогая Наталия Григорьевна, сейчас только привезли мне Ваше письмо от 18/07. Сперва, признаюсь, оно меня испугало и встревожило. Позже — вдумавшись — я хорошо понял то состояние, в котором Вы писали, и мне стало горько, что Вам приходится, может быть даже день за днем, переживать такие состояния, но испуг мой прошел. Мне хорошо знакомы (да каждому в равной мере) эти минуты и часы бессилия, обморочного состояния души и воли, глубокой горечи — почти отчаяния, — когда остатки воли направлены на то, чтоб уйти от этого состояния, избавиться от него, почувствовать себя хотя бы мысленно, в волевом решении вне жизни, расстаться — как Вы пишете — со всеми.

Я в жизни обмирал, и чувство это знаю, как у Фета говорится про другой психологический вариант этого состояния. Состояния эти идут в своем развитии от детства, собственно — от его конца и начала отрочества и юности, и — как все пройденные ступени в

свернутом виде сохраняются в нас,[316] чтоб в минуту бессилия, слабости духа, безволия отщепиться от целого душевной жизни и отбросить нас далеко назад, глубоко в прошлое — к еще неразумной и несвободной, а потому стихийной, сильной, покоряющей печали наших отроческих лет. Вам все это должно быть понятно, и Вы можете проверить правдивость того, что я говорю, и понять за этими сухими словами, — в чем суть того душевного состояния, которое овладело Вами.

Я думаю, что именно в таком состоянии Вы писали это письмо. И дальше думаю, что Вы знаете, что с такими состояниями надо бороться и можно справиться. Человек побеждает природу вне себя, но и в себе, — в этом — не правда ли? — наша психология и этика. Так что Вы видите, я не возражаю против Вашего письма; впрочем, одно возражение у меня есть. Это о коллективе. Как же Вы говорите, что мы «обойдемся» без Вас, коллектив «обойдется» тоже, в коллективе Вы индивидуалист и пр. Это все неверно насквозь. Мы без Вас не обойдемся, не можем обойтись; коллектив не обойдется без Вас. Наш коллектив — да и всякий коллектив в истинном смысле слова — не отрицает индивидуализма, а опирается на него. Все равно как организм опирается на организованное сотрудничество специализированных, дифференцированных (т.е. индивидуализированных) органов. Коллектив и есть сотрудничество индивидуальностей. Чем они ярче, больше, сильнее проникнуты самосознанием, т.е. осознают себя, как личность (а это и есть индивидуализм правильно понятый), тем выше коллектив. Поэтому, что бы Вас ни смущало, какое бы «одно ни находило на другое» — это всегда знайте и помните: твердость, непреклонность должна быть в этом деле у всех, связанность с другими и делом. Hier stehe ich[317], как говорит Лютер. Каждый человек должен знать, где он стоит. Мы с Вами тоже знаем и должны стоять твердо. Поэтому итог: Вы — а не кто другой — напишете реакцию выбора, эту главу о развивающейся свободе человека от внешнего принуждения вещей и их воли. Вот все. А теперь — если вы со мной согласны, прошу очень написать конкретно, полно, подробно, без боязни и смущения — что с Вами, что смущает Вас, что не ладится, что и как произошло, что внушает отчаяние. Я очень жду и слушаю со всем вниманием.

Ваш Л.Выготский.

[316] И в этом свернутом виде, образуя подпочвенный слой нашей жизни, где скапливаются и очищаются воды, они являются питательной средой, где берут начало корни многих глубочайших решений. Там они нужны. Худо, если они обнажаются и выходят наружу, пользуясь всякой трещиной сверху. (Сноска Л.С. Выготского).

[317] На том стою (нем.).

Все письмо проникнуто тонким, глубоким пониманием чужого состояния, чужой души. И желанием помочь разобраться в том, что с тобой происходит, приободрить, поддержать, вдохнуть веру в себя. Он «очень ждет» и «слушает с вниманием», чтобы оказать необходимую помощь, ту именно, в какой она тогда нуждалась. А через три недели Лев Семенович снова пишет Н.Г. Морозовой. И на этот раз основное — это желание еще раз успокоить, поддержать, помочь освободиться от тяжелых мыслей, дум, помочь преодолеть то тягостное состояние, в котором она находилась. Тон письма — спокойный, полон глубокого уважения.

Н.Г. Морозовой. 19/8 1930 г.

Милая Наталия Григорьевна, думаю, что время возьмет свое, и это письмо застанет Вас в лучшем настроении души. После Вашего письма я еще больше утвердился в своем мнении, что Вами овладела усталость, род душевного обморока, потеря душевных сил. Из этого состояния нетрудно выйти: надо дать себе физический и моральный отдых — и нужно не давать над собой власти первым приходящим стремлениям и мыслям. Правило здесь (в душевной борьбе и подчинении своей власти непокорных и сильных противников) то же, что и во всяком подчинении: *divide et impera,* т.е. разделяй и властвуй. Именно: не надо допускать, чтоб «одно находило на другое», нельзя допустить до объединения, до спутывания в один клубок самых разнородных стремлений и мыслей, забирающих над нами власть. Надо разделять их (осознавая); преодоление — вот, вероятно, самое верное слово для овладения эмоцией. Для человека, знающего «магию стиха» (чужого и своего) и как добывается истина в научном исследовании (путем какого самоотречения человека, подчинения всего основному ядру личности), найти выход, — просто вопрос душевного усилия. Я убежден, что Вы это усилие сделаете — и выход найдете: он перед Вами — вернее в Вас самой (т.е. в продолжении творческой линии, в верности лучшей части Вашего существа). Отбросьте уныние, прочитайте медленно и много раз очищающее и просветляющее пушкинское «Безумных дней угасшее веселье» — и возьмитесь за одну основную нить всей Вашей жизни: за основную привязанность, за основное дело, за работу. После отдыха, разумеется. Знайте, что мы все (и скажу за себя — я — всегда и везде) полностью с Вами. Перемогите все дурное и обратитесь к хорошему в себе: внутренне мы можем быть свободны и мужественны всегда. А обстоятельства пройдут — те, что мешают Вам жить. Будьте крепки, выздоравливайте, приходите в себя.

Ваш Л.Выготский.

P.S. Когда кончается срок Вашего изгнания и когда думаете вернуться в Москву?

Бывает иной раз так, что завершив работу, которой все было подчинено, и сделав ее, вдруг начинаешь ощущать опустошенность, видеть все недочеты работы, все огрехи, понимать ее несовершенство, остро чувствовать неудовлетворенность ею.

Что-то в этом роде, видимо, переживал и Алексей Николаевич Леонтьев по окончании своей работы по развитию памяти.

И как важно, чтобы в такой момент нашелся кто-то, с кем ты считаешься, чьим мнением дорожишь, кто-то, кто по-доброму относится к тебе и сумеет найти нужные слова, чтобы все поставить на место, успокоить, показать то хорошее, что в работе есть, но что уже ты сам не в состоянии оценить.

И возле Алексея Николаевича такой человек оказался. Им был Лев Семенович. Прочтите его письмо, такое сердечное, посмотрите, с каким тактом и терпением он говорит со своим товарищем. Как не просто успокаивает его, но и высоко оценивает созданный Алексеем Николаевичем труд.

Отрывок из письма А.Н. Леонтьеву.

Измайловский зверинец, 31/7 1930 г.

... Я — увы! — не могу до сих пор освободиться от посторонних (слово нрзб.), бесплодных маленьких дел. Все же спешно заканчиваю все. И с завтрашнего дня 1 августа по 1 сентября я намерен полностью и целиком бросить дела и обдумывать, читать, бродить. Очень завидую тому, что тебя окружают пальмы, чай и цветы. Юг — это моя мечта с гимназических лет (ибо все подвиги я — как и большинство поклонников Майн Рида и Купера — совершал в 10—12 лет в субтропическом окружении). Но пока довольствуюсь Измайловым. Но за опасения — в нескольких строках — большое спасибо. Это утешает. Теперь о книге... С точки зрения современной идеалистической психологии, которая конечно же в чем-то одном, частично и права и внесет эту частичку в будущую единую психологию), так называемой *Verstehende Psychologies**, для которой цель психологии понимать, а не объяснять, идеал — сопереживание, вчувствование, психический резонанс в себе etc, — я понимаю отлично твое самочувствие (слово нрзб.) — «после книги». Но с точки зрения нашей психологии, для которой ты являешься субъектом, а не объектом, ты не прав. Позволь мне сказать это тебе со всей прямотой (особенно смело делаю это, (слово нрзб.), потому что чувствую я твое состояние вполне ясно, понимаю его). «Из горы рожденная мышь» — такой представляется тебе твоя книга. Я пони-

Понимающей психологии.

маю, о какой горе невоплощенных в книге, стоящих за ней, ждущих воплощения в будущем идей ты говоришь. Но я перевернул бы это сравнение — и оно стало бы больше похоже на истину: твоя книга — это гора, выросшая из мыши. Это так. Когда я вспоминаю, из чего она началась, из чего выросла, как впервые применена была карточка при запоминании, как впервые — в какой нерасчлененной, недифференцированной мгле основной идеи рождалось новое учение о памяти, воплощенное в твоей книге. — я вижу, что это так. Наши писания несовершенны, но истина, заключенная в них, велика. Это мой символ веры в (два или три слова нрзб.) новая истина: по сравнению с неисчерпаемо огромным смыслом (подумать только — истина о памяти!) твоя книга — мышь, но в ней воплощена основная часть, ядро этого смысла, и она — гора. Даже о себе нельзя судить субъективно: наши (слово нрзб.) обманывают нас. Весь вопрос в (слово нрзб.): действительно ли эта книга — гора. Я отвечаю безусловно утвердительно. Это мое убеждение. Как говорил Лютер — *Hier stehe ich* — я стою на этом, и горе тому, кто ... (разрыв в тексте)... твоя книга — и ты должен осознать это, потому что это не личный твой вопрос, и не личный вопрос (слово нрзб.), и вообще не личный вопрос, а вопрос мышления, философский вопрос — огромное по значению событие в сфере научной мысли о психологии человека. (На этом письмо обрывается).

Те люди, которым адресовал свои письма Лев Семенович, говорили, что эти письма ободряли их и помогали им жить. «Он с удивительной для своего возраста мудростью ... и ненавязчивостью как бы выражал самого себя, учил нас жить, овладевать своей деятельностью и настроениями ... Отвечал он по самой сути затрагиваемых научных вопросов, писал о нашей жизни, отвечал пространно, не жалея своего драгоценного времени»[319].

Вот, например, письмо к Р.Е. Левиной. Написано оно абсолютно «на равных». В первой части письма Лев Семенович пишет о делах лаборатории, о стоящих проблемах. Затем он переходит к ответу на то, о чем спрашивает его автор, к личному плану письма. Обсуждая с Розой Евгеньевной ее «внутренние неполадки» и «трудности жизни», он высказывает глубокие мысли о жизни, о значимом в ней, о смысле и значимости работы. Он говорит о необходимости осмысления жизни, утверждая, что без философии не может быть жизни. Это письмо очень интересно, прочтите его, пожалуйста.

[319] Р.Е. Левина, Н.Г. Морозова. Воспоминания о Л.С.Выготском //Дефектология. — 1984. — № 5.

Р.Е. Левиной. 16/6 1931 г.

Получил Ваше письмо, милая Роза Евгеньевна, и отвечаю сейчас же, так как оно пришло в свободный день. Я мог его обдумать и обдумать ответ.

... То, что Вы пишете о работе, заставляет меня думать о том, что делается под именем педологии сейчас у Вас. Беда не в удаленности, не в примитивности, беда — в фальши, в лжи, в подделке. Но, конечно, это не все. Есть частица честности и правды во всякой работе, и на них надо смотреть в первую очередь. Есть они, наверное, и в Вашей работе в Курске. Кроме того, нужно, конечно, наладить свое исследование, которое питало бы, учило бы, давало бы, чем дышать и жить, и было бы объективно нужно, т.е. вело бы к правде.

Трудно работать после перерыва. Но все что-то делают. Прошлое заседание лаборатории и завтрашнее посвящены беседе с Zeigarnik[320] о работах Берлинского института. Получил я новую книгу Lewin'a[321] о методологической проблеме психологии. Вижу по всему: в психологии (мировой) совершается на наших глазах великое. Не чувствовать этого и принижать значение того, что происходит в этих страстных, трагических попытках найти путь к изучению души, которые составляют смысл кризиса (например, говорить просто о путанице в психологии, о том, что она нам не нужна etc.) — значит по-обывательски смотреть на вещи, на историю человеческой мысли.

...Теперь о другой теме, о которой Вы пишете. О внутренних неполадках, о трудности жить. Я сейчас только прочел (почти случайно) «Три года» Чехова. Прочтите, пожалуй, тоже. Вот — жизнь. Она глубже, шире своего внешнего выражения. Все в ней меняется. Все становится не тем. Главное — всегда и сейчас, мне кажется, это не отождествлять жизнь с ее внешним выражением и все. Тогда, прислушиваясь к жизни (это самая важная добродетель, немного пассивное отношение вначале), найдешь в себе, вне себя, во всем только, что вместить нельзя будет никому из нас. Конечно, нельзя жить, не осмысливая духовно жизнь. Без философии (своей, личной, жизненной) может быть нигилизм, цинизм, самоубийство, но не жизнь. Но есть ведь философия у каждого. Надо, видимо, растить ее в себе, давать ей простор внутри себя, потому что она поддерживает жизнь в нас. Потом есть искусство, для меня — стихи, для другого — музыка. Потом — работа. Что может поколебать человека, ищущего истину. Сколько в самом этом искании внутреннего света, теплоты, под-

[320] Б.В. Зейгарник.
[321] К. Левин.

держки. А потом самое главное — сама жизнь — небо, солнце, любовь, люди, страдания. Это все не слова, это есть. Это подлинное. Это воткано в жизнь. Кризисы — это не временное состояние, а путь внутренней жизни. Когда мы от систем перейдем к судьбам (произнести страшно и весело это слово, зная, что завтра мы будем исследовать, что за этим скрывается), к рождению и гибели систем, мы увидим это воочию. Я убежден. В частности, все мы, глядя в свое прошлое, видим, что усыхаем. Это верно. Это так. Развитие есть умирание. Особенно остро это в переломные эпохи — у Вас, в моем возрасте снова. Достоевский с ужасом говорил о засушении сердца. Гоголь — еще страшнее. Это действительно «маленькая смерть» в нас. Так и надо это принимать. Но за этим всем стоит жизнь, т.е. движение, путешествие, своя судьба. (Ницше учил *amor fati* — любовь к судьбе).

Но я зафилософствовался., мне близки, понятны Ваши состояния и — простите за самонадеянность — кое-что из того ясно, что стоит за ними: у меня есть здесь, в этих делах маленький опыт. Не то я хочу сказать, что все пройдет. Нет, за ними — это значит, для меня: за их относительным значением. Вот за этим стоит жизнь и работа, то есть для нас работа над истиной. Это не громкие слова, как и «судьба». Это то, что должно стать повседневным...

Пишите мне. В частности, об основной теме мы еще продолжим разговор.

Сердечно приветствую Вас. Ваш Л.Выготский.

Очень теплые, хорошие отношения всегда складывались у Льва Семеновича с сотрудниками, сослуживцами, учениками. Все они вспоминали его «светлые черты, которые покоряли всех, кто хорошо знал его и работал с ним»[322]. Так, они рассказывали, что «он мог часами объяснять что-либо слабому сотруднику, добросовестно желавшему понять то или иное положение...»[323]. Вспоминали его «большую душевную деликатность, заботливость, ровность в отношениях», «необычайную скромность в поведении, в вопросах личного благополучия» (Т.А. Власова). Не могли забыть его душевную щедрость, «мягкую доброжелательность, умение слушать — такое редкое качество у руководителя!» (Ж.И. Шиф, Б.В. Зейгарник»), говорили, что «близость с ним поднимала людей» в их собственных глазах» (Ж.И. Шиф).

[322] Т.А.Власова Из выступления на заседании, посвященном 70-летию со дня рождения Л.С. Выготского 27/ХП 1955 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.
[321] Там же.

Своих учеников он объединял в дружные научные коллективы. Н.Г. Морозова вспоминала, что Лев Семенович создавал вокруг себя необыкновенный моральный климат — люди становились близкими и дорогими друг другу. Она рассказывала, что все они, его ученики, чувствовали себя одной семьей и сохранили на всю свою жизнь дружбу и чувство близости. «Люди, работавшие вместе, становились самыми близкими людьми, для которых каждый из этого коллектива готов был сделать все возможное, чтоб поддержать, прийти на помощь в работе и в жизни. И до сих пор между людьми, работавшими со Львом Семеновичем, сохранились почти родственные отношения. Это была вторая семья»[324].

Лев Семенович всегда требовал чистоты личных отношений («никаких затаенных обид, неудовлетворенности, обходов»). Его «личные качества и моральные установки ... были, как и его психологическая теория, «вершинами» в смысле требовательности к себе самому»[325]. Его ученицы вспоминают, что однажды, столкнувшись с фактом неблаговидного поведения, он сказал им: «Я никогда бы не перешагнул через другого человека ради своего благополучия или даже счастья»[326]. Он даже сказал тогда, что легче пережить смерть близкого человека, «чем крушение веры в него»[327].

Все его поведение, вся система его отношений с людьми учили и воспитывали его учеников, поэтому они и считали, что он учил их «не только отношению к науке, он учил их жизни»[328]. Они верили в его мудрую доброту и в серьезную веселость, знали о его готовности «протянуть вовремя руку помощи и направить в нужное русло и в работе и в жизни»[329].

Очень по-доброму вспоминали Льва Семеновича не только его коллеги, но и другие сотрудники, все, кто с ним работал под одной крышей.

Мне случилось однажды присутствовать при одном разговоре. (Он меня поразил, и я его сразу же записала.) Было это уже довольно давно, но, тем не менее, я помню этот разговор слово в слово.

Не помню, что я делала во дворе института, но рядом со мной двое технических служащих — уборщиц — очень неодобрительно говорили

i2A Морозова Н.Г. Из выступления на заседании, посвященном 70-летию со дня рождения Л.С.Выготского 27/ХП 1966 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

325 Левина Р.Е., Морозова Н.Г. Воспоминания о Л.С.Выготском//Дефектология. — 1984. — № 5.

326 Левина Р.Е., Морозова Н.Г. Воспоминания о Л.С.Выготском // Дефектология. — 1984. — № 5.

327 Там же.

32' Морозова Н.Г. Из выступления на заседании, посвященном 70-летию со дня рождения Л.С.Выготского 27/ХП 1966 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

329 Там же.

об одном из сотрудников института, осуждая какие-то его поступки. Вдруг одна из них, без всякого перехода, сказала, обращаясь ко мне: «Нет, твой отец не такой был. Он был хороший человек. Очень хороший. И простой. ... Ведь вот этот (она снова назвала сотрудника, о котором очень нелестно отзывалась — Г.В.), он идет и ног под собой не чует. И никого вокруг не замечает, будто и нет вокруг людей. (Она изобразила, как он идет, высоко задрав голову — Г.В.). А Лев Семенович? Нет, он никогда, бывало, мимо не пройдет, чтоб что-нибудь не сказать тебе—или поздоровается, или, там, попрощается, или просто улыбнется да что-нибудь доброе скажет ... Его же все у нас любили. И уважали очень... Нет, он был очень простой и хороший», — закончила она с присущей ей категоричностью.

В разговор вступила вторая: «А какой вежливый был! Вот утром убираешь комнату, не успела кончить, а он приходит. Так он сперва поздоровается, а потом обязательно спросит: «Извините, пожалуйста, я Вам не помешаю если тут, сбоку, сяду?» А кончишь уборку, он опять скажет: «Спасибо большое. Вот теперь тут совсем хорошо стало». И приятно делалось, что твой труд замечают и уважают тебя».

«Он очень уважительный был, — сказал куривший рядом с ними дворник, с незапамятных времен работавший в институте. — Бывало, подметаешь улицу у ворот или двор метешь, а он идет на работу. Так он издаля, как только увидит меня, сейчас шляпу снимет, поклонится мне — здоровается. Никогда не ждал, чтоб ему первому поклонились. А поравняется со мной, обязательно скажет «здравствуйте» или «доброе утро» и по имени-отчеству назовет... Очень уважительный был...».

Да, верно, он всегда первый здоровался и меня этому учил. Идем мы с ним на прогулку или куда-нибудь по делу, он со всеми знакомыми ему встречными непременно первым здоровался. «Всегда здоровайся первой, не жди, чтоб тебе поклонились. Ведь когда здороваешься с человеком, ты желаешь ему добра, здоровья. Это так приятно — желать добра. Знаешь, в старину говорили: «поклон головы не ломит». Ты это помни всегда и, главное, делай. Это значит, ты к человеку внимание и уважение проявляешь. А это всем очень нужно».

Не всем суждено уметь сочувствовать другому. Что касается Льва Семеновича, то он владел этим умением сполна. Ему была присуща способность к состраданию другим людям, он всегда был полон сочувствия чужой беде, всегда был готов помочь другим. Ему было свойственно неизбывное жела-

ние помочь слабому, немощному, обиженному, всем тем, кто нуждался в помощи. Он умел разделить чужое горе, помочь с ним справиться.

Вот что писал он Г.И. Сахаровой после смерти ее мужа[330].

> «... Я с очень тяжелым чувством уходил с вокзала после отхода Вашего поезда. Мне было страшно за Вас. Мне показалось, что мы напрасно не помешали Вам уехать на работу. Горе сваливает человека с ног, от горя падают на землю, а мы не дали Вам сроку оправиться, полежать, справиться со своим горем и без раздумья проводили Вас на новую и тяжелую работу, требующую и сил, и главное — спокойствия, хоть самого небольшого.
>
> Очень жду Вашего приезда... Был бы очень рад, если бы Вы согласились лето провести с нами под Москвой на даче: мы бы устроили Вас в отдельной комнате...»

Вниманием, добротой, заботой, сочувствием дышит каждая строчка этого письма.

Умел Лев Семенович также и радоваться чужой радости. Он радовался успеху своих коллег, учеников, как своему собственному. Послушайте, пожалуйста: «Очень рад был получить твою немецкую статью. За тебя горжусь»[331].

«Твоим радостям искренне радуюсь»[332].

«А.Р. (Лурия) едет в Америку. Очень рад за него и за нас»[333].

Пишет, что его мучает болезнь и ожидание операции, которую считали неизбежной, но уехавшему отдыхать на юг А.Р. Лурия при этом пишет: «Очень рад за вас обоих: отдохните, впитайте в себя силу южного вина, неба, ветра и солнца, чтоб было чем жить в Москве зиму»[334].

Он умеет утешить, поддержать, ободрить в трудную минуту, разделить с товарищами неприятности и трудности.

«Очень жалею, что в трудное время кризиса я не с тобой, не с вами в институте»[335].

«О делах не пишу. Будь спокоен. Все улажу»[336].

330 Это письмо было написано 17/VI 1928 г. В 1973 г. Г.И. Сахарова ознакомила меня с ним и любезно разрешила снять с него копию.

351 Из письма А.Р.Лурия 4/111 1926 г.

332 Из письма А.Н.Леонтьеву от 15/IV 1929 г.

333 Из письма А.Н.Леонтьеву от 23/VII 1929 г.

334 Из письма А.Р.Лурия 26/VI1 1927 г.

335 Из письма А.Р.Лурия 5/Ш 1926 г. (написано из больницы).

336 Из письма А.Р.Лурия 20/VI 1931 г.

К нему часто обращались за советами и не только по научным вопросам, но порой советовались и о глубоко личном, сокровенном, будучи уверены и в его доброжелательности, и в искренности, и в желании понять и помочь. Его советы никогда не носили поучающего характера. Но ведь, чтобы иметь право советовать, надо уметь понять человека — понять не только его мысли, но и чувства, переживания, его состояние, уметь поставить себя на место того, кому даешь совет. И, видимо, он умел понимать людей, потому что ему удавалось помочь людям «и в работе и в жизни, порой даже утешить, найти вместе... выход из трудного положения. И к нему шли, как к мудрецу.... с личными вопросами, и с мыслями, и с задуманными планами... К нему шли и дипломированные ученые, и начинающие».[337]

Будучи мягким, очень доброжелательным, Лев Семенович вместе с тем был и очень принципиальным человеком. Всегда готовый помочь каждому, кто в этом нуждался, он, тем не менее, не прощал ни научной пошлости, ни конъюнктуры. В искании истины видел он цель и смысл своей деятельности («Что может поколебать человека, ищущего истину...»). В самом этом искании находит он и «внутренний свет», и «теплоту», и «поддержку». Сам предельно добросовестный, он требовал такой же научной добросовестности и от других. Он был очень строг, требователен, критичен к себе, к своим работам, и это давало ему право критически относиться и к работам коллег.

Александр Владимирович Запорожец, работавший со Львом Семеновичем со студенческих лет, вспоминает:

> «... Большой творческий порыв Выготский сочетал с критическим мышлением. Он критически всегда относился к собственным достижениям и производил им великолепный критический анализ, а также критиковал работы других исследователей. Иногда эта критика, когда мысль ему казалась ложной, становилась особенно суровой, беспощадной. Я помню, как-то в... лабораторию приехал американский психолог Блэк, и скучно нам рассказывал о своих исследованиях эмоций, причем это исследование проводилось так, что испытуемому стреляли из громадного пистолета в ухо и после этого измеряли у него кровяное давление, пульс, гальванические рефлексы. Я помню, как Выготский просто пришел в бешенство от грубости, пошлости этого исследования и бросил реплику Блэку: «Почему Вы не

Левина Р.Е., Морозова Н.Г. Воспоминания о Л.С.Выготском //Дефектология. — 1984. — № 5.

били своих испытуемых молотком по голове, чем можно было бы закончить ход Ваших мыслей?» И когда пришло время чая, а дежурной была Славина, Лев Семенович ей со смехом сказал: «А Блэку чая не давать, он его не заслужил».

Но наряду с такой беспощадностью в критике, Выготский мог улавливать все положительное, что есть в работе, даже, казалось бы, не очень хорошей... Выготский ... мог видеть в шлаке, в любой вещи что-то ценное, нужное.

...Вот анекдотический случай. Выготский приходит в лаборатории в таком приподнятом настроении и говорит, что он прочитал книгу, которая имеет много интересных фактов, хотя она не лишена некоторых недостатков, что в этой книге есть идея развития, что развитие есть само фактор, что в нем есть логика самодвижения.

— Что это за книга?

— Это книга Гезелла «Умственное развитие».

Мы читали эту книгу и пришли в полное изумление: мы ничего такого, что говорил Выготский, там не нашли. Мы сидели и читали потом эту книгу целый день, и где-то в IV главе нашли несколько фраз, которые отдаленно что-то напоминали о том, что говорил Выготский. Мы были удивлены, как мог Выготский в банальном Гезелле усмотреть такие нужные мысли.

Вот такое внимание, интерес к положительному, что есть у другого автора, придавала критике Выготского, несмотря на ее остроту, благородство и моральную высоту. Он сам был велик, настолько силен, значителен, что не нуждался в унижении другого, дабы возвысить себя. Он сам стоял твердо на ногах»[338].

Лев Семенович умел считаться с чужими взглядами и мнениями, умел понять человека, стать на его точку зрения, как бы поменяться с ним местами, умел вовремя поддержать и ободрить. Все это привлекало к нему людей.

Он был не просто глубоко порядочным человеком. Он был благороден и великодушен.

Среди множества людей, с которыми Лев Семенович общался, были и просто знакомые, были и приятели, были, конечно, и те, с кем его связывала дружба.

Говорят: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Если это утверждение справедливо, то, мне думается, рассказ о близких друзьях Льва

[338] Из выступления А.В.Запорожца на расширенном заседании Ученого Совета НИИ ОПП 14/XI 1966 г. Архив НИИ ОПП. - Ф. 82. - Оп. 1. - Ед. хр. 397. - С. 200-201.

Семеновича может помочь ярче его себе представить и лучше понять. Мне хочется рассказать о тех людях которых он любил и которые тоже любили его.

О его друзьях-психологах — коллегах и учениках, с кем его связывали близкие отношения, все хорошо осведомлены. Они очень плодотворно работали в науке, добились больших успехов и сами достигли и признания, и известности. Это и А.Р. Лурия, и А.Н. Леонтьев, и А.В. Запорожец, и Н.Г. Морозова, и Д.Б. Эльконин, и Р.Е. Левина, и Л.И. Божович, и Л.В. Занков, и многие другие.

Но круг общения Льва Семеновича не замыкался только на психологах. Его многогранные, разносторонние интересы, эрудиция, знание литературы, искусства, философии делали его интересным для многих. Люди разных профессий с удовольствием общались с ним, искали его дружбы, очень дорожили отношениями с ним, его обществом.

Дружеские отношения Льва Семеновича со многими людьми исчислялись не только годами, но иногда и десятками лет. Многие из его друзей не порывали связей с нашей семьей и после кончины Льва Семеновича, оставаясь верными его памяти до своей последней минуты.

Его друзья были прекрасными людьми и, мне представляется, что здесь уместно сказать, хоть коротко, хоть несколько слов о каждом из них. К сожалению, о некоторых из них я знаю недостаточно и, увы, мне уже не восполнить этот пробел — не у кого спросить интересующие меня подробности, некого расспросить. В этих случаях я ограничусь лишь краткими достоверными сведениями.

Я полагаю, что, справедливости ради, надо начать с рассказа о его жене, которая была и очень близким его другом. Отношения их возникли в Гомеле, вероятно, в 1919 или 1920 г., потому что на фотографиях (одна из которых помечена 1921 г.) Роза Ноевна Смехова (1899—1979) запечатлена рядом со Львом Семеновичем среди его, пожалуй, самых близких друзей того времени.

Если верить фотографиям и рассказам тех, кто знал ее в те годы, она была очень хороша собой. Живая, умная, неунывающая девушка с веселым общительным характером, очень остроумная. Обладала художественными, творческими способностями, была очень артистична (недурно рисовала, очень музыкальная, в юности играла на сцене театра Наробраза, хорошо писала шуточные стихи). Сильный человек, обладавший таким незаурядным мужеством, которое очень в жизни понадобилось.

В 1924 г. Р.Н.Смехова, вслед за Львом Семеновичем, переехала в Москву, где они и поженились. Их привязанность с годами только крепла. Лев Семенович очень любил жену, очень дорожил ее отношением. Он посвящал ей стихи, гордился ею. Она была ему верным другом, была в курсе всех его дел, всегда и во всем, как могла, помогала ему, разделяя все его огорчения и радости.

И хотя маму хорошо приняли в семье мужа после их женитьбы и хорошо к ней относились все годы их совместной жизни, после смерти Льва Семеновича ее с детьми отделили от семьи, и она осталась одна с двумя детьми на руках. Мне думается, бабушка поступила так, считая, что быть может, мама захочет связать свою жизнь с кем-нибудь другим (ведь ей было всего 35 лет!), и семья будет ее стеснять, связывать. Но Роза Ноевна посвятила свою жизнь воспитанию дочерей. Поскольку она не имела законченного высшего специального образования, она зарабатывала на жизнь очень нелегким трудом воспитателя, работая с аномальными детьми. Чтобы ее дочери не нуждались, она брала дежурства и в праздничные, и в выходные дни, и в ночные часы, так как это выше оплачивалось. Были очень трудные и очень голодные военные годы, но она не опускала рук, не приходила в отчаяние и никогда никому не жаловалась на свою судьбу.

Ее трудолюбию, мужеству, неиссякаемому оптимизму обязаны ее дочери не только своей жизнью, но и всем тем, чего они сумели достичь. Она очень много работала, но им, обеим, дала возможность получить высшее образование и стать на ноги.

Мама намного пережила Льва Семеновича и до конца своих дней с радостью и благодарностью вспоминала недолгие годы их совместной жизни.

Похоронена она вместе со своим мужем.

Очень близкие отношения всю жизнь связывали Льва Семеновича и его двоюродного брата — Давида Исааковича Выгодского (1893—1943).

У них была небольшая возрастная разница (Давид был старше всего на три года), но в годы детства да, вероятно, и в гимназические, он был для Льва Семеновича непререкаемым авторитетом и оказывал на него большое влияние. Несомненно, интерес к эсперанто и желание его изучить были вызваны у него именно Давидом.

В 1942 г. Давид Исаакович прислал мне письмо из Карлага (Караганда). В этом письме он так характеризовал свои отношения со Львом Семеновичем: «Если та любовь и дружба, которые связывали меня всю жизнь

с твоим отцом и полжизни с матерью, нашли бы продолжение в отношениях наших детей, я был бы счастлив».

Так, в самом конце своей жизни, в Карагандинском лагере, в условиях, которые и представить-то себе страшно, итожит Давид Выгодский свои отношения со Львом Семеновичем — любовь и дружба.

И Лев Семенович платил ему любовью и дружбой.

Это началось с самого детства. Очень тесное общение их семей было предопределено тем, что отец Льва Семеновича фактически содержал семью своего покойного брата, в которой росло трое детей. Жили они совсем рядом — дома разделял маленький бульвар (он и сейчас есть в Гомеле, этот бульвар, и называется теперь Пионерским). Целые дни все дети обеих семей (а было их 11 человек) проводили вместе. Учились, правда, они в разных гимназиях: Лев Семенович — сначала дома, а потом в частной гимназии, а Давид Исаакович — в казенной гимназии. Но все остальное время их всегда можно было видеть вместе. Их связывали общие интересы и общие увлечения — книги, шахматы, марки, эсперанто, прогулки, река с купанием и лодкой. По окончании гимназии пути их разошлись — Давид Исаакович поступил в Петербургский университет, а Лев Семенович — в Московский. Но летом, приезжая на каникулы к своим семьям, они по-прежнему были почти неразлучны.

В самом конце 1917 г. оба снова оказались в Гомеле — Давид (как он пишет в своей автобиографии) боялся «оставить мать одну перед наступавшими немцами», а приезд Льва Семеновича был связан с болезнью матери и смертельной болезнью маленького брата. И снова несколько лет (до 1921 г., когда Д.Выгодский вернулся в Петроград) они всюду вместе — и в газете, и в музее печати. Вместе мы видим их и на фотографиях того периода. И позже, когда Лев Семенович уже жил в Москве, они систематически встречались — и у нас дома, и в Ленинграде, на Моховой у Давида. Несмотря на частые встречи, они всегда так им радовались, как будто давно не виделись.

Сквозь всю жизнь пронесли они свои добрые отношения, интерес и уважение друг к другу и к делу жизни каждого. Всю жизнь их связывали общие интересы, общие друзья, общие привязанности, а в Гомеле — и общие дела (газета, музей печати, школа). Роднил их и интерес к поэзии и литературе. Они всегда хорошо понимали друг друга.

Давид «был с виду скромнейший и милейший человек, не любить и не уважать которого было просто невозможно. Очень бледный, худенький, маленького роста, с добрыми и по-детски ясными глазами под нео-

быкновенно, не по возрасту, разросшимися над ними и почти осенившими их бровями»[339]. Так говорит о нем, по ее собственному признанию, его близкий друг — Мариэтта Сергеевна Шагинян.

В.Каверин вспоминает, как однажды, когда в квартире Ю.Тынянова была устроена засада на В.Шкловского, туда неожиданно пришел Давид Выгодский, «известный испанист, историк литературу и переводчик, тот самый, о котором Мандельштам писал: «Как закорючка азбуки еврейской»[340] — с необычайной точностью изобразив внешность этого доброго, умного ... человека»[341].

Михаил Слонимский в своих воспоминаниях писал: «Д.И. Выгодский был ярко талантливым испанистом, одним из пионеров советского переводческого дела...

Он становился все более известным и у нас, и за рубежом. Его имя стало солидным, уважаемым именем серьезного, талантливого литератора, а он оставался все тем же тихим.. Давидом, которому никак не шли ни «дон», ни «кабальеро», но очень шло чудесное слово «камарада»[342].

Д.И. Выгодский был «известным ... испанистом», знатоком литературы Латинской Америки, поэтом, переводчиком, критиком, полиглотом, знавшим много иностранных языков»[343]. «Он переводил стихи и прозу с тридцати новых и древних западных и восточных языков»[344] (более 20 книг и много стихов). Со дня основания Союза советских писателей был членом Ленинградского отделения Союза и имел незапятнанную репутацию.

В 1937 г. в Москву прибыл посол Испании Марселино Паскуа. Когда его спросили, кого из советских людей знают у него на родине, он, не задумываясь, ответил: Сталина, Ворошилова, Кольцова и Выгодского (Кольцов был арестован несколькими месяцами ранее Давида).

14 февраля 1938 г. Давид Исаакович был арестован «за подготовку террористических актов».

[339] Шагинян М.С. Страница прошлого // Современник. — 1964. — № 6.
[340] О.Мандельштам в своем шуточном стихотворении, посвященном Давиду, так пишет о нем:
«Осьми вершков, невзрачен, бородат,
Как закорючка азбуки еврейской,
Давид Выгодский ходит в Госиздат...».
[341] Каверин В. Эпилог // Нева. - 1989. - № 8.
[342] Семейный архив Д.И. Выгодского.
[343] Шагинян М.С. Страницы прошлого // Современник. — 1964 г. — № 6.
[344] Искусство Ленинграда. — 1990 г. — № 2.

За полгода до ареста он «единодушно и с наилучшими характеристиками... всей писательской организации был выбран в члены Правления ССП ЛО»[345].

«Давид Выгодский, все бытие его были прозрачно светлы. Неоспоримо светлы. И все мы, друзья его, знали так, как можно абсолютно знать лишь свою собственную совесть, что этот преданнейший Советской родине человек и писатель ни в чем виноватым перед нею быть не может»[346].

В статье, посвященной памяти Н. Заболоцкого, Лев Озеров пишет: «В ту пору многие друзья и даже родственники под теми или иными предлогами и без предлогов отходили от семей арестованных и обходили их, как прокаженных. Тем более важно упомянуть те случаи, когда проявлялось человеческое внимание и благородство»[347].

Заступничество за «врага народа» было актом громадного человеческого мужества, так как люди рисковали на только карьерой, но и судьбой. И даже это не помешало группе известных ленинградских писателей хлопотать о Д.И. Выгодском, давать за него свои ручательства. Эти отзывы-ручательства были представлены в Москве в НКВД 21/11 1939 г. и через несколько дней были доложены Берия, после чего, по его распоряжению, были приобщены к делу, а копии этих отзывов были направлены Председателю Особого Совещания НКВД[348]. «Когда был арестован поэт Давид Выгодский, то заявления в его защиту подписали Ю. Тынянов, Б. Лавренев, К. Федин, М. Слонимский, М.Зощенко, В.Шкловский»[349].

Давайте прочтем вместе то, что писали о Давиде Выгодском в те страшные годы эти смелые и честные люди[350].

Юрий Тынянов: Давид Выгодский «всегда был глубоко честным советским писателем и человеком, а его работа в Союзе Советских писателей вызывало общее уважение».

Борис Лавренев: «Выгодский пользовался в ССП настолько большой популярностью и уважением, что, как мне известно, парторганизация ССП предлагала ему вступить в партию и на партсобрании ему были даны лучшие отзывы».

[345] Из ходатайства в Особое Совещание НКВД его жены // Семейный архив Д.И. Выгодского.
[346] Шагинян М.С. Страница прошлого // Современник. — 1964. — № 6.
[347] Озеров Л. Труды и дни Николая Заболоцкого // Огонек. — 1988. — № 38.
[348] Из семейного архива Д.И. Выгодского.
[349] Медведев Рой. О Сталине и сталинизме // Знамя. — 1989. — № 4.
[350] Цит. по: Шагинян М.С. Страница прошлого // Современник. — 1964. — № 6.

Константин Федин: «Он специализировался в романских литературах главным образом как испанист и, накопив в этой области громадный опыт, стал признанным в среде переводчиков работником... В честности, прямодушии, нравственной чистоте его у меня никогда не было повода усомниться».

М.Слонимский и М.Зощенко: «Мы знали Выгодского с 22-го года... За все эти годы нам ни разу не пришлось столкнуться с таким фактом из деятельности Д.И. Выгодского, который мог бы нарушить наше представление о нем как о честном советском гражданине».

Виктор Шкловский: «У Выгодского в комнате замерзали чернила, но он работал хорошо и весело. Он перевел на испанский язык Владимира Маяковского. Этот перевод хорошо известен в Испании и Латинской Америке. Новый ритм перевода оказал решающее влияние на революционную испанскую поэзию, открыл народам испанской культуры новую страну социализма с ее новой культурой».

А Давида в это время мучили в тюрьме, а потом в лагере. В уже цитированной статье Л. Озеров приводит воспоминание Николая Заболоцкого, арестованного в марте 1938 г., о том, что когда его втолкнули в тюремную камеру, «до отказа набитую арестантами», то среди них были и Д.И. Выгодский и П.Н.Медведев. «Это была большая, человек на 12—15, комната с решетчатой дверью, выходящей в темный коридор. Людей в ней было человек 70—80, а по временам доходило и до 100, — вспоминал Н.А. Заболоцкий. — Облако пара и специфическое тюремное зловоние неслись из нее в коридор, и я помню, как они поразили меня. Дверь с трудом закрылась за мной, и я оказался в толпе людей, стоящих вплотную друг возле друга или сидящих беспорядочными кучами по всей камере. Узнав, что новичок — писатель, соседи заявили мне, что в камере есть и другие писатели, и вскоре привели ко мне П.Н.Медведева и Д.И. Выгодского, арестованных ранее меня. Увидев меня в жалком моем положении, товарищи пристроили меня в какой-то угол»[351].

О пребывании Д.И. Выгодского мы узнаем от его сокамерника: «издевательство и побои испытывал в то время каждый, кто пытался вести себя на допросах не так, как это было угодно следователю, то есть, попросту говоря, всякий, кто не хотел быть клеветником. Дав. Ис. Выгодского, честнейшего человека, талантливого писателя, старика, следователь таскал за бороду и плевал ему в лицо»[352].

[351] Заболоцкий Н.А. История моего заключения //Даугава. — 1988. — № 3; Заболоцкий НА. Столбцы. Стихотворения. Поэмы. — Лениздат, 1990. — С. 333.

[352] Там же. С. 337.

А «старику» не было еще и 45 лет!

Но и в тюрьме, и в лагере он умел оставаться человеком. Он сохранил способность сочувствовать тому, кому плохо, и радоваться за того, кому улыбнулась удача, к кому пришел успех. Так, увидев в газете имена Добина и М.Казакова, он пишет жене из лагеря: «Рад за Мишу, что все же роман вышел, и за Ефима, что он вернулся к работе»[353].

И еще, что удивительно в этом человеке, так это то, что никогда, ни на минуту не покидала его жажда работы. Вот отрывки из его лагерных писем. Распухший от болезни, он пишет: «... пятый день не работаю и не знаю еще, где буду работать, так как к физической работе уже фактически не способен. Но пока у меня на плечах голова, не хочу признавать себя инвалидом... Главное... остается прежним — я остаюсь тем же, таким же, с той же любовью к вам, с той же жаждой к работе, с тем же голодом к знаниям, и с той же верностью к родине»[354]. За три месяца до смерти: «Мучительно хочется работать, хочется написать и в прозе, и в стихах целый ряд вещей, рожденных этими тяжкими годами... Хочется еще заняться тюркскими языками и восточным Кавказом, систематизировать, уточнить, освоить все, что здесь узнал, продумал, увидел. Очень, однако, боюсь, что ничего этого сделать уже не удастся»[355]. И за неделю до смерти: «... хочется еще работать, участвовать в возрождении родины после разгрома фашистов, но надежд на это все меньше и меньше у меня»[356].

Его мучило беспокойство за близких (сын на фронте) и то, что он был отвержен родиной. Из его письма: «... то, что я оторван от всего, подтачивает мои силы, быть может, больше, чем все физические трудности, которые я пережил и переживаю в течение пяти лет. Мысль о том, что ты со мной и Асик со мной — хоть издали — поддерживает меня все время. Хочу дожить до того часа, когда и родина признает меня не врагом, а сыном, каким я был всю жизнь»[357].

О том же и его стихи. Прочтите одно из них.

[353] Отрывки из писем Д.И. Выгодского от 9/111 1941 г., 28/11 1942г., 29/111 1943 г., 19/VI1 1943 г., написанных им из лагеря жене // Семейный архив Д.И. Выгодского.

[354] Отрывки из писем Д.И. Выгодского от 9/II1 1941 г., 28/11 1942г., 29/111 1943 г., 19/VII 1943 г., написанных им из лагеря жене // Семейный архив Д.И. Выгодского.

[355] Отрывки из писем Д.И. Выгодского от 9/111 1941 г., 28/11 1942г., 29/Ш 1943 г., 19/VII 1943 г., написанных им из лагеря жене // Семейный архив Д.И. Выгодского.

[356] Отрывки из писем Д.И. Выгодского от 9/111 1941 г., 28/11 1942г., 29/Ш 1943 г., 19/VII 1943 г., написанных им из лагеря жене // Семейный архив Д.И. Выгодского.

[357] Отрывки из писем Д.И. Выгодского от 9/I1I 1941 г., 28/11 1942г., 29/111 1943 г., 19/V11 1943 г., написанных им из лагеря жене // Семейный архив Д.И. Выгодского.

К Родине

Что день газетные листы
Тревожат пленные мечты,
Людская жизнь проходит мимо,
Давно я не участник в ней.
Так явственно, почти что зримо,
Уходят из груди моей
Последние остатки жизни,
Ненужные моей отчизне.

Как сладко было б умирать,
Когда бы Родина, как мать,
С туманными от слез глазами
Склонилась тихо надо мной,
Своими мягкими руками
Лоб охладила б жаркий мой
И приняла бы в час прощанья
Мое последнее дыханье.

Но страшно уходить во тьму
Покинутому, одному,
И знать, что та, кто всех дороже
Как ни моли, как ни зови,
Не взглянет пристально на ложе
Глазами светлыми любви,
Что лишь презрение и злоба
Твои попутчики до гроба.

О Родина, в последний час,
Пока рассудок не угас,
Клянусь последним взлетом мысли,
Что я от разрушенья спас,
Клянусь слезами, что нависли
На уголках потухших глаз, —
Я верен был своей отчизне
И верным ухожу из жизни.
Нет, незаслуженно изгнанье
Тобой дано мне в наказанье.

В изгнаньи поседевшей головой
Клянусь, о Родина, я твой, я твой.

Когда читаешь эти строки, то, право же, думаешь не об их литературном достоинстве. Они написаны кровью сердца.

В Гомеле Лев Семенович очень сдружился с Владимиром Мартыновичем Василенко (1892—1960), и их отношения продолжались вплоть до самой смерти Льва Семеновича. В.М. Василенко — поэт, журналист. С конца 1921 г. и до ухода на пенсию в 1960 г. работал в разных должностях в редакции газеты «Известия» — был помощником секретаря редакции газеты «Известия» — был он и помощником секретаря редакции, и зав. секретариатом, и литературным секретарем, и зав. культсоцотделом[358].

Владимир Мартынович — автор двух книг: «Беззубое сердце» (1925 г.) — книга стихов и «Черная речка» (1928 г.) — книга стихов и переводов. Сохранилось письмо В.В. Вересаева, написанное им 23/2 1928 г. Владимиру Мартыновичу с хорошим, добрым отзывом о книжке «Черная речка»[359].

[358] Сведения получены из архива газеты «Известия».
[359] ЦГАЛИ. - Ф. 1041 (Вересаев В.В.). - Оп. 2. - Ед. хр. 10.

В своей статье «Маяковский в газете»[360] Владимир Мартынович писал: «Профессор Л.С. Выготский подарил мне «Протокол исследования комбинаторной одаренности поэта-художника Вл.Маяковского по кубико-рисунковым тестам Kohs'a»[361]. В.М. Василенко пишет далее, что исследование творческой одаренности В.В. Маяковского проводил кто-то из сотрудников Льва Семеновича, бывший на отдыхе в июле 1929 г. в Евпатории.

Попытка сотрудников музея В.В. Маяковского разыскать этот протокол, к сожалению, не увенчалась успехом — найти его не удалось.

Этим исчерпываются имеющиеся у меня документальные данные. Но абсолютно достоверно, что были они, Лев Семенович и Владимир Мартынович, очень дружны. Лев Семенович терпеть не мог фотографироваться. Однако на нескольких фотографиях гомельского периода они запечатлены не только вместе, но и рядом — и в созданном ими музее печати, и в парке культуры. Это говорит о многом.

Их отношения с переездом в Москву не прекратились (Владимир Мартынович уехал раньше Льва Семеновича на несколько лет). В библиотеке Льва Семеновича были обе книжки В.М. Василенко (выпущенные им уже в Москве) с очень теплыми дарственными надписями. Я с детства знала его стихи, и два или три из них помню до сих пор. Хорошо помню, как Владимир Мартынович приходил к нам в гости. Они со Львом Семеновичем радовались встречам и подолгу не могли расстаться. Уходил он от нас обычно поздно, когда я уже спала.

Многие годы Льва Семеновича связывала дружба с Александром Яковлевичем Быховским. Все это началось еще в годы жизни в Гомеле и продолжалось в течение всего московского периода жизни отца.

А.Я. Быховский, будучи художником, работал, главным образом, как график. Еще в Гомеле Лев Семенович устраивал выставку его работ, на открытии которой произнес вступительное слово. Позже, в 1926 г., в Москве вышел альбом графических работ А.Я. Быховского, которому была предпослана небольшая статья Льва Семеновича «Графика Быховского».

А.Я. Быховский был художником оригинальным, своеобразным. Его работы, судя по всему, нравились Льву Семеновичу. Он писал: «Его пор-

[360] Наш современник. — № 4. — 1958.

[361] Тест «направлен на изучение сенсомоторной координации, способности синтеза целого из частей. Испытуемому предлагается последовательно воспроизвести десять образцов рисунков из разноцветных деревянных кубиков. Время ограничивается по каждому заданию. Оценка зависит как от точности, так и от времени исполнения». (Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психологической диагностике. Киев: Наукова думка, 1989).

трет остается портретом, и острота не делает его непохожим не оригинал. Эта верность реальности, соединенная с самой резкой стилистической свободой от предметных форм, составляет загадку его стиля. Каким образом, максималист стиля, — он вместе с тем умеет представить этот максимализм так скупо?

...Ни у кого не учившийся, сам взявшийся за кисть и овладевший ею без направляющего влияния со стороны, он в своем творчестве шел изнутри себя, не от ремесла к задачам, а от внутренних побуждений к ремеслу. Поэтому каждый его рисунок — вскормлен мыслью, вспоен кровью, выношен и рожден духом»[362].

У нас в комнате висели две работы художника — его автопортрет и пейзаж (обе выполненные в манере кубизма). Мне представляется это достаточным основанием для того, чтобы утверждать, что работы А.Я. Быховского нравились моим родителям, и, им, по-видимому, было приятно видеть их изо дня в день.

Мне хочется сказать немного о человеческих чертах Александра Яковлевича, я общалась с ним до самой его смерти (кажется, в 1978 г.) и неплохо знала его.

Это был неподкупно прямой человек, до резкости. Начисто лишенный какой бы то ни было дипломатичности, он все, что думал о человеке, всегда говорил ему прямо в лицо. Последствия часто бывали для него неприятными, огорчительными — так, его долгие годы не принимали в Союз художников (он говорил его руководителям все, что думает о них, их деятельности, их творчестве, о царящих в Союзе порядках, несправедливости и т. д.). А вследствие этого он не имел твердого заработка, не имел не только мастерской, но и комнаты для жилья. Большую часть своей нелегкой жизни он скитался, снимая комнатушку где-нибудь на окраине или в пригороде, так как там можно было меньше платить за жилье. Все эти годы он фактически был лишен возможности работать, так как интересы хозяев, у которых он снимал жилье, и его творческие планы обычно не совпадали: никто из хозяев отнюдь не приветствовал, чтобы жилец превращал комнату в мастерскую и, как они говорили, «разводил там грязь». Жилье приходилось часто менять. Но поскольку он был очень неприхотлив и имел очень скромные потребности, вся эта неустроенность не портила ему настроения, он был всегда в тонусе, всегда в добром расположении духа.

[362] Выготский Л.С. Графика Быховского // Быховский А. Графика. — М.: Современная Россия, 1926.

Только на пороге старости его приняли в Союз, и жизнь стала легче — он получил комнату, а за несколько лет до смерти — и небольшую мастерскую. Теперь он мог всласть работать.

Жил он впроголодь, но всегда был весел, бодр, полон интереса ко всему происходящему, посещал все выставки и всегда имел свое мнение о том или ином явлении искусства, часто не совпадающее с принятым и официальным. Мне не довелось бывать с ним на выставках, а моя сестра, ходившая с ним в музеи и на выставки, рассказывала, что его суждения бывали очень интересны, остры, порой неожиданны. Иной раз случалось так, что его рассуждения, комментарии, пояснения, которые он давал сестре в зале музея, приходили в противоречие с тем, что в это же время говорили музейные экскурсоводы. Конечно, его речи приковывали к себе внимание людей, и вокруг него собиралась толпа, чтобы его послушать, расспросить. Естественно, это не нравилось ни экскурсоводам, ни администрации, и были случаи, когда его просили замолчать или покинуть помещение. Это его не смущало и не огорчало. Он, прикладывая руки к груди, покорно говорил: «Молчу! Молчу!» и продолжал осматривать то, что его интересовало.

Несмотря на все тяготы, это был человек огромной доброты, необычайной доброжелательности. Он дружил с нами и часто у нас бывал, часто навещал он и сестер Льва Семеновича. В обоих домах он чувствовал себя хорошо, не стеснялся. Это очень важная деталь, так как, хорошо зная его образ жизни, нам всегда прежде всего хотелось его накормить.

Как-то так повелось, что обычно он приходил к нам в воскресенье, мы вместе обедали, а потом частенько вместе с ним ехали навестить сестер моего отца. Там все вместе, как в старое время, собирались за чайным столом и обычно душой этого застолья был Александр Яковлевич. Потом он ехал нас с мамой провожать домой, и никакие наши уговоры, что мы прекрасно доберемся сами, что ему придется долго ехать до своего дома и попадет он туда лишь очень поздно, как правило, успеха не имели. Он был непреклонен и провожал нас до дверей нашего дома. Помню, однажды, когда мы вышли %з дома моих теток, чтобы ехать домой, моя дочь (ей было уже лет 6 или, может быть, даже 7) пожаловалась, что у нее болит нога. Мы с мамой не успели и ахнуть, как Александр Яковлевич подхватил девочку на руки и быстрой походкой пошел вперед, что-то забавное ей рассказывая. Мы поспешили вслед, умоляя Александра Яковлевича спустить ребенка на землю, говорили, что девочка большая, тяжелая, что ему не следует ее нести, что ему может стать плохо. Он продол-

Рис. 45. Гомель, 1921 г. Лев Семенович с близкими друзьями (Р.Н. Смеховой, Д.И. Выгодским, А.Я. Быховским.

жал идти вперед. Когда наши уговоры стали особенно настойчивы, он вдруг остановился, нежно и крепко прижал к себе ребенка и сказал нам: «Это же такое счастье нести его внучку! Разве вы не понимаете? Это же его внучка!» Мы растерялись, но, к счастью, девочка догадалась сказать, что ей лучше, что боль в ноге почти прошла и что она может сама идти до метро. Он спустил ее на землю, взял крепко за руку и пошел с ней вперед, о чем-то переговариваясь, что-то ей рассказывая. Мы обе с ней помним это так отчетливо, как будто это было совсем недавно.

Умер он примерно за год до кончины мамы. Так случилось, что мы обе с ней были больны, и не смогли проводить его в последний путь. Но вспоминаю о нем всегда с нежностью и благодарностью.

Большим и близким другом Льва Семеновича был В.С. Узин (1887—1957). Это был человек с незаурядными способностями, самородок.

Их дружба возникла еще в те годы, когда Лев Семенович был гимназистом, и намного пережила его — Владимир Самойлович продолжал не только живо интересоваться нашей семьей — семьей Льва Семеновича, но и дружил с нами до своей последней минуты. Разница в

Рис. 46. Гомель, 1921 г. Лев Семенович с друзьями в парке. (Слева направо: А.Я. Быховский, Д.И. Выгодский, Р.Н. Смехов, Лев Семенович, В.М. Василенко).

возрасте, такая заметная в юности (подумайте только, В.С.Узин женился в 1911 г., в том самом году, когда Лев Семенович еще только поступил в 6 класс гимназии!), с годами сгладилась, и общались они всегда «на равных».

Если Лев Семенович принадлежал к одной из самых интеллигентных семей города, то В.С.Узин был сыном мелких лавочников, которые еле сводили концы с концами[363]. Самая младшая из сестер Льва Семеновича, Мария Семеновна, рассказывала мне, что их лавочка находилась неподалеку от дома, в котором жили Выгодские, на той же улице. Случалось, что мать посылала туда кого-нибудь из детей, когда надо было купить что-нибудь из мелочей. По словам Марии Семеновны, убогость лавочки и бедность ее хозяев вызывали у окружающих сочувствие. Иногда за прилавком сидел старший сын, папин друг. Родители не имели средств для обучения детей, поэтому он до 12 лет учился в начальной еврейской школе. Лишь к 13 годам он научился читать и писать по-русски и поступил в низшее учебное заведение — Городское училище. Но и его закончить В.С.

[363] Сведения о В.С.Узине почерпнуты мной из написанной им автобиографии, переданной мне его дочерью, Р.В.Узиной, и с ее слов.

Узину не удалось, так как из 5 отделения он был исключен за «неблагонадежное» поведение.

Без всякой посторонней помощи он занялся самообразованием и овладел знаниями в объеме курса гимназии. Тогда он стал зарабатывать на жизнь репетиторством, а позже и литературной работой в газетах Гомеля, Минска, Бобруйска, где печатал, в стихах и прозе, фельетоны на злободневные темы, а потом и статьи по вопросам театра и литературы.

Интерес к иностранным языкам и желание овладеть ими привели его к тому, что он самостоятельно, без чьей-либо помощи, начал изучать языки.

Его дочь мне рассказывала с его слов о том, как он приступил к изучению французского языка. Он снял брюки, отдал их своей матери и сказал: «Мама, пожалуйста, спрячьте от меня эти штаны, и, как бы я вас ни просил об этом, не отдавайте их мне, пока я не прочту вот эту книгу». При этом он показал ей «Мадам Бовари» на французском языке.

По рассказам его дочери, сам он считал, что очень многим в изучении языков обязан семье Выгодских: общаясь со Львом Семеновичем и его сестрами, он имел возможность усваивать нормы произношения, приобретать навыки и практиковаться в разговорной речи. Однако он намного обогнал всех тех, с кем общался, так как самостоятельно, без педагогической помощи, овладел, по одним сведениям — 12, а по другим — 14 иностранными языками. Его переводы с французского, итальянского, испанского публиковались как в периодической печати, так и в специальных изданиях.

Он стал известен как писатель, поэт, переводчик, один из самых крупных специалистов в области западной (главным образом, испанской) литературы, испанского театра. Все великие творения испанской классики — и Сервантес, и Кальдерон, и Лопе де Вега — издавались у нас с его непременным участием. Когда в 1940 г. было решено присудить ему ученую степень кандидата филологических наук, то понадобилось специальное разрешение Высшей аттестационной комиссии, так как он не имел не только высшего, но и среднего образования!

Они были очень дружны со Львом Семеновичем, любили друг друга. Когда наша семья переехала в Москву (мне было около двух месяцев от роду), жить было негде, и мои родители поселились у Узиных, хотя, конечно, отдельной квартиры у них тогда и в помине не было. Там мы и жили до тех пор, пока не появилось собственное жилье.

Лев Семенович и В.С.Узин очень радовались всегда своим встречам, заранее к ним готовились. Каждая из встреч неизменно заканчивалась чтением стихов, которое могло продолжаться часами.

В Москве возникли дружеские отношения у Льва Семеновича с Сергеем Михайловичем Эйзенштейном[364]. Познакомил их А.Р. Лурия, они встречались довольно регулярно, и постепенно это знакомство переросло в настоящую дружбу. Их связывали общие интересы, любовь к искусству и личная приязнь. По признанию самого Сергея Михайловича, он не только дружески относился ко Льву Семеновичу, но и «... очень любил этого чудного человека»[365], которого считал одним из самых блестящих психологов нашего времени[366].

«Для систематического анализа проблем зарождающегося киноязыка... Эйзенштейн должен был регулярно встречаться со своими друзьями-психологами Л.С. Выготским и А.Р. Лурия, и Н.Я.Марром. Как вспоминал он впоследствии, «мы это даже начинали, но преждевременная смерть унесла двоих»[367]» — Л.С. Выготского и Н.Я.Марра.

Профессор Майкл Коул (США), несомненно, со слов А.Р. Лурия, рассказывает: «Выготский и Лурия регулярно встречались с выдающимся советским кинорежиссером Сергеем Эйзенштейном, чтобы обсудить вопрос о том, каким образом абстрактные идеи, образующие ядро учения исторического материализма, можно воплотить в зрительные образы, проецируемые на киноэкран.

... Эйзенштейн заручился содействием своих друзей-психологов для решения не только проблемы перевода со словесного языка на язык зрительных образов, но также и практической проблемы оценки успеха своих фильмов у зрителей. С их помощью он составил вопросник для аудитории кинозалов, состоящей из студентов, рабочих, крестьян, чтобы выяснить, понимают ли они созданные им образы именно так, как хотелось режиссеру. Мерой широты интересов (А.Р. Лурия и Л.С. Выготского — Г.В.) служит то обстоятельство, что связь между способами представле-

[364] СМ. Эйзенштейн никогда не бывал у нас дома, поэтому я его никогда со Львом Семеновичем вместе не видела. Для того чтобы рассказать об их отношениях, вынуждена пользоваться печатными источниками.

[365] Из рукописи СМ. Эйзенштейна. ЦГАЛИ. — Ф. 1923 (Эйзенштейн СМ.). — Оп. 2. — Ед. хр. 247.

[366] Там же.

[367] Иванов В.В. Очерки по истории семиотики в СССР. — *М.:* Наука, 1976.

ния идей и образом мышления была для них не менее важной в кино, чем в лаборатории»[368].

Среди сохранившихся книг Льва Семеновича есть и маленький томик стихов О.Э.Мандельштама[369]. На первой странице этой книжки типографски отпечатано: «Экземпляр Льва Семеновича Выготского».

Когда я впервые обнаружила эту надпись, я тут же кинулась за разъяснениями к сестре Льва Семеновича — Зинаиде Семеновне. Она спокойно рассказала мне, что Лев Семенович и О.Мандельштам не только были хорошо знакомы, но находились в дружеских отношениях. Позже я узнала, что они встречались в Ленинграде у Давида Выгодского, с которым Осип Эмильевич был очень дружен и даже посвятил ему шуточное стихотворение «На Моховой семейство из Полесья...». Виделись они и в Москве. Их связывали и общие интересы к поэзии, и глубокая личная симпатия.

Несколько лет назад, читая воспоминания Над. Як. Мандельштам, я нашла следующие строки: «... еще встречались мы в тот год (речь идет об осени 1933 г. — Г.В.) с Выготским, человеком глубокого ума, психологом, автором книги «Язык и мышление»[370]. Выготского в какой-то степени сковывал общий для всех ученых того периода рационализм...»[371]

Оставим в стороне эту оценку, не в ней суть. Главное, надо полагать, встречи эти были частыми, значительными, запоминающимися, если о них рассказывает почти через сорок лет человек, столько перенесший, сколько выпало на долю Надежды Яковлевны.

В Москве Лев Семенович сдружился с Борисом Григорьевичем Столпнером, философом, тонким знатоком и переводчиком Гегеля.

Не знаю, сколько лет было Столпнеру, он, конечно, был старше Льва Семеновича и, как я думаю, намного. Определить возраст Бориса Григорьевича было в ту пору мне не под силу, но выглядел он рядом со Львом Семеновичем просто стариком.

Им было интересно друг с другом, было много тем для обсуждений. Могу судить об этом потому, что Столпнер приходил к нам достаточно часто, а летом, когда мы снимали дачу, даже приезжал к нам и туда. Обычно

[368] Levitin K. One is not born a personality. — M.: Progress Publishers, 1982.
[369] Tristia, Petropolis, 1921; Петербург; Берлин, 1922.
[370] Название работы Л.С.Выготского воспроизведено Н.Я.Мандельштам по памяти. Имеется в виду «Мышление и речь».
[371] Мандельштам Н.Я. Воспоминания. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1970. — С. 241.

они подолгу беседовали о чем-то, совсем мне непонятном, а потом, перед уходом Бориса Григорьевича, садились за шахматы. Играли почти молча, сосредоточенно, но никакого азарта ни с одной стороны не наблюдалось.

Борис Григорьевич очень плохо видел и из-за этого с ним у нас дома случались всякие нелепые истории, которые нас, детей, очень, к папиному огорчению, забавляли. Но об этом я расскажу в другом месте.

Не могу судить о степени их близости, но, безусловно, очень добрые и дружеские отношения связывали Льва Семеновича с В.К. Арсеньевым (1872—1930), писателем, этнографом, исследователем Дальнего Востока, человеком, который, по словам М. Горького, сумел «объединить в себе Брема и Фенимора Купера»[372]. Достоверно известно, что они регулярно встречались, одно время даже довольно часто. Лев Семенович ссылался в своих работах на рассказы и материалы В.К. Арсеньева[373]. Об их добрых отношениях свидетельствуют очень теплые дружеские надписи, которые делал Владимир Клавдиевич на своих книгах, передавая их мне через Льва Семеновича.

И это еще не все, с кем его связывала дружба.

В Гомеле (1918—1923), по словам его сестры, Марии Семеновны, у него было много друзей среди учителей школ. Особенно тесные отношения поддерживались им с учителем истории Пумпянским и с семьей учителя литературы К.Д.Кемарского. Сам Кемарский и его жена с дочкой ежедневно бывали в семье Выгодских, и эта дружба двух семей поддерживалась все время жизни в Гомеле.

В Москве Лев Семенович продолжал встречаться с друзьями детства и юности — гомельчанами. Один из них, живший в Ленинграде, частенько приезжал к нам, другие, жившие в нашем городе, регулярно бывали у нас дома. С их приходом папа совсем молодел — они шутили, шумели, веселились, и никому это, конечно, не мешало. Их приходу радовался не только папа, но и его сестры, родители, вся семья. Я очень любила, когда они приходили к нам и всегда просила маму разрешить мне лечь спать хоть немного позже, чтобы присутствовать при этих встречах. Папины друзья обычно выступали перед мамой моими ходатаями, и иногда нам удавалось отсрочить мое вечернее укладывание спать.

Эти люди, такие разные, были друзьями Льва Семеновича. Все они любили его. И он любил их всех и был им верным другом, готовым в любую

[372] Горький М. Собр. соч. Т.30, 1956. - С. 70.
[373] Выготский Л.С, Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. — М.; Л.: ГИЗ, 1930.

7 Зак. 1029

минуту прийти каждому из них на помощь, делить с ними их горести и радости. И все они это отлично знали, были в этом абсолютно уверены.

А.Р. Лурия рассказывал о том, как ученики любили Льва Семеновича — где бы он ни читал лекцию или делал доклад, они обязательно сопровождали его, ехали слушать его туда, где он выступал. Одно время Лев Семенович хотел создать лабораторию в,Сухуми, и мы, его ученики, тогда готовы были ехать с ним в Сухуми. Вообще мы готовы были ехать на край света потому, что он учил нас работать, мыслить, жить. Он сочетал в себе такой образец отношения к науке, который на всю жизнь становился путеводной звездой, маяком, совестью каждого из нас»[374].

«Л.С. Выготский был для нас кумиром. Когда Л.С. Выготский ездил куда-нибудь, студенты писали стихи в честь его путешествия»[375].

Об одном из таких посвящений я и хочу рассказать подробно[376].

В начале 1929 г. Льва Семеновича пригласили прочесть курс лекций в недавно открывшемся в Ташкенте Средне-азиатском Государственном университете (САГУ). Он собирался в дальнюю поездку (тогда ездили только поездом). Его учеников[377] огорчала предстоящая и довольно длительная разлука с ним. Им хотелось сделать ему перед отъездом что-нибудь приятное. Кто-то предложил подарить ему записную книжку и написать в ней что-нибудь доброе, сердечное. Учтены были и вкусы Льва Семеновича: зная его приверженность к маленьким блокнотам или записным книжкам (именно в таких он, главным образом, вел записи заседаний, выступлений, протоколы экспериментов и т. д.) и его любовь к поэзии (он постоянно цитировал стихотворные строфы), единодушно было решено подарить ему маленькую записную книжечку, заполненную стихами. А.В. Запорожец заметил, что хорошо бы достать такую записную книжечку, на переплете которой была бы изображена обезьяна, и в стихах «обыграть» ее так, что это обезьяна с острова Тенериф[378] (намекая, таким образом, на опыты Кёлера, которые очень в ту пору интересовали Льва Семеновича). Тогда были в ходу записные книжки, на переплетах которых

[374] Морозова Н.Г. Из выступления на заседании, посвященном 70-летию со дня рождения Л.С.Выготского 27/XН 1966 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[375] Лурия А.Р. Этапы пройденного пути: Научная автобиография. — М.: Изд-во МГУ, 1982

[376] Пишу это со слов А.В.Запорожца и Н.Г. Морозовой, рассказывавших это мне в разное время.

[377] Речь идет о так называемой «пятерке», в которую входили А.В.Запорожец. Л.И. Божович, Л.С.Славина, РЕ. Левина, Н.Г. Морозова.

378 Остров (из группы Канарских), где проводил свои исследования интеллекта человекообразных обезьян немецкий психолог В. Кёлер.

были вытеснены изображения различных животных. Но достать книжечку с обезьяной на переплете «пятерке» не удалось, и была куплена маленькая книжечка с вытесненным на переплете слоном. Пришлось «обыграть» слона, и, мне кажется, это удалось. Впрочем, вы сможете судить об этом сами. Стихи было поручено написать Н.Г. Морозовой, и она создала целый цикл, который и заполнил собой страницы этой записной книжки. Цикл включал в себя: 1) Посвящение; 2) Биографию, портрет и истоки творчества; 3) Автограф; 4) Сонет; 5) Триолеты; 6) Дорожное.

Поскольку стихи эти никогда не публиковались и тех, кто знал их, увы, уже нет, мне кажется интересным познакомить с ними читателя, так как это проливает свет на стиль отношении учителя и учеников.

Итак, открываем записную книжку.

1.

Посвящение ЛЕСу[379]

«По Сеньке шапка» говорится,
А тут совсем наоборот,
Смотрите, каждая страница
Нам подтвердит сей анекдот.
Чем больше разница явлений,
Тем резче чувствуешь контраст,
Вот что «Собранье сочинений»
И хочет подтвердить как раз.
И, как ни странно, но Большому
Малютка-книжка подойдет;
Пусть, уезжаючи из дома,
Он малый сверток увезет.
Пускай «Собранье сочинений»,
Чтоб скуке сети не сплести,
Истоком будет развлечений
В тягуче-длительном пути.

2.

Биография, портрет и истоки творчества автора

Был Козьма Прутков когда-то,
Родился лет сто назад,
А теперь его собрата
Вы увидите в глаза.
Правда, ни самодовольства,
Ни нахальства, но опять
Удивительное свойство,
Он один, а в нем нас ПЯТЬ.
Родился совсем недавно,
(Пять минут, не то, что лет)
И уже не правда ль славно?
Хоть бесславный, но поэт!
Потому что (не открыться ль?)
У опушки у лесной
Из зеленого корытца
Он Кастальского водой
Окропился, что за диво:
Через весь зеленый лес
Разнеслися переливы
От земли и до небес.
Наш поэт, хоть пятиликий,
Как Козьма Прутков трехлик,
Но по замыслу великий
И премудрый Лесовик.
Он из чащи изумрудной,
Он из шепота листвы,
Дописать портрет нетрудно,
Это сделаете Вы.

3.

Автограф

Я не горд и не тщеславен
Имя я от всех сберег,
А ведь в нем — <u>Мороз</u> и <u>Слава</u>.

[379] Так ученики за глаза, шутя называли Льва Семеновича.

Запорожье, Лев и Бог.
Сила, мощь, разгул, угроза,
Что за дерзкие слова!
В Славе, в холоде Мороза,
В Боге и в рычание Льва,
В бесшабашном Запорожье,
Тем не меньше скромен я:
Лишь в одной «поэтороже»
Пятиликая семья.

4.
Сонет
Москва... Вокзал... железная решетка...
Вокзальный зал... перрон... коричневый билет.
Раздастся первый свист безжалостно и четко,
Редея, черный дым умчит последний след...
Москва... Завод... Фабричная трещотка...
Опять но городу... Какой нелепый бред.
Как мчится наша жизнь и гасит время след,
Оставив черный дым и то на миг короткий...

И быстроногий конь умчит за грани лет...
Железный паровоз неудержимой глоткой
Вдруг заглушит непрошеный сонет...

Вокзальная стена... железная решетка...
Но все ж, хотя на миг тебе, лесной поэт,
Знакомый Лес мелькнет и то на миг короткий.

Триолеты
1.
Я сегодня полн созвучий,
Полон возгласов лесных,
Триолетами певучий
Я, исполненный созвучий,
Встречу вестников весны
И вернусь я в Лес дремучий,
Полон песен и созвучий,
Полон возгласов Лесных.
2.
Надоели звуки города,
В Лес сегодня, снова в Лес,
Пусть поет весенне-молодо,
Заглушая звуки города,
Песни, полные чудес,
Разорву удушье ворота,
Оставляя звуки города,
в Лес сегодня, снова в Лес!
3.
Чтоб только звук единый
У опушки уловить,
Чтобы зимней стужи льдины
Только возгласом единым
Звонким голосом разбить,
Чтоб забыть зимы седины,
Чтобы эха звук единый
У опушки уловить.
4.
Пусть откликнется нам эхо,
Пусть ответит звуку звук;
Хоть для шутки, хоть для смеха
Лес откликнется нам эхом
В АкаВэ[380] ответит вдруг,
На Арбат ли ... пусть для смеха,
Лес ответит звонким эхом
Пятерым на этот звук.
5.
У Шекспира это, помнится,
Если двинется весь Лес, —
Над Макбетом суд исполнится —
У Шекспира это, помнится...
Ан и я дождал чудес,
Но над кем же суд исполнится
(По Шекспиру это, помнится)
Если двинется наш Лес!
6.
Дорожное
Вот вагон, вагон, вагон,
Стук и звон со всех сторон,
То журчание колес,
То гудящий паровоз.
Стук и звон, и стук и звон...
Не в вагоне грузовом, —
В пассажирском едет Лес.
Слышит стук, колесный плеск,
Слышит возгласы гудка —
Путь-дорога далека...

Академия коммунистического воспитания.

Опечатки.

Страница	Строка	Напечатано:	Читай:
См. на переплете	В самом низу.	Слон (пиктограмма)	Обезьяна с острова Тенерифа,

Редактор просит извинения за следующее недоразумение:
Отдано в типографию с целью провести пиктографию.
Задано: с острова Тенерифа обезьяна
Напечатано: «Слон» (пиктограмма) .
На стр. 9 написано «лес», читай: «Лес».
Примечание: Козьма Прутков родился 1823 г. 11 апреля.
Автор данного сборника родился 1929 г.,
2 апреля утром, умер 2 апреля того же года.

Чтобы ясно было, какие отношения связывали тогда Льва Семеновича, уже известного ученого, и студентов, его учеников, стоит прочесть его письмо, присланное им в ответ на их дружеское стихотворное послание.

Ответ Л.С. Выготского на письмо «пятерки» в стихах.

Пятиликому Козьме Пруткову
Ташкент, 15/4 — 1929 года.

Дорогие друзья мои! Простите, что отвечаю вам прозой на стихи и чуть-чуть излишне серьезно и тяжеловесно на шутку: в каждой шутке, ведь, есть своя доля серьезного; на эту только часть вашего послания я и отвечаю. Впрочем, сознаюсь: стихи сейчас совсем не даются мне, а достойный ответ я откладываю до того времени, когда сумею с этим справиться.

Книжечку вашу (со стихами вместо обезьяны с острова Тенерифа) я прочитал с огромным удовлетворением; хотел бы, чтобы мое «собрание сочинений» когда-либо доставило каждому[381] из вас такое же удовлетворение.

А серьезно — в двух словах: в последней строчке у вас сказано то, что является сейчас для меня основным лейтмотивом всего моего самочувствия, «мирочувствия».

«... Путь-дорога далека». Я никогда не решился бы пуститься в такие откровенности (этот лейтмотив я таю про себя), если бы не почувствовал, что и вы начинаете с одного угла осознавать огромность пути, открывающегося перед психологом, восстанавливающим по следам историю психики. Это — новая страна. Когда я подмечал это в вас раньше, то я прежде всего удивлялся: мне и до сих пор кажется удивительным, что при данных обстоятельствах и нейснос-

[381] Из-за одного Запорожца приходится изменить весь ваш род. (Прим. Л.С.Выготского).

ти еще многих вещей, люди, выбирающие еще только дорогу, встали на этот путь. Чувство огромного удивления пережил я, когда Александр Романович, в свое время, первый стал выходить на эту дорогу, когда Алексей Николаевич вышел вслед за ним. А сейчас к удивлению прибавляется радость, что по открытым следам уже не мне одному, а еще пяти людям видна эта большая дорога.

Чувство огромности и массивности современной психологической работы (мы живем в эпоху геологических переворотов в психологии) — мое основное чувство.

Но это делает бесконечно ответственным, в высшей степени серьезным, почти трагическим (в лучшем и настоящем, а не далеком значении этого слова) положение тех немногих, кто ведет новую линию в науке (особенно в науке о человеке). Тысячу раз надо испытать себя, проверить, выдержать искус, прежде, чем решиться, потому что это — трудный и требующий всего человека путь. С самым сердечным чувством жму руку каждой из вас. А Запорожцу одному (каждому) последнему и думаю, что как бы ни решился основной вопрос о Биргомском Лесе[382], что двинулся на замок (знак того, что сбывается невозможное), — мы с вами сохраним личную приязнь и самую настоящую дружбу при всех обстоятельствах.

Ваш Л.Выготский.

И они сохранили. Сохранили при всех обстоятельствах (а они бывали и очень непростыми и тяжелыми) не только личную приязнь и настоящую дружбу, как призывал их Лев Семенович, но и любовь, и верность, и благодарность своему учителю. Сохранили навсегда, до конца своих дней.

В конце 1988 года, за год до своей смерти, Н.Г. Морозова показывала мне много стихов, написанных ею и посвященных Льву Семеновичу.

Уже после войны, в 1953 году она написала дружеские стихи в виде эпиграмм на всех близких учеников Льва Семеновича — на А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия и всех членов «пятерки», а о Льве Семеновиче она написала так:

О восьмом только гимны слагала,
О нем мне шутить не пристало.

Лев Семенович занимался наукой, он был ученый. Его называют мыслителем. О нем говорят: «известный ученый», «выдающийся ученый» и даже — «гениальный ученый». Это, по-видимому, предполагает, особое

[382] Сюжет одного из произведений вашей книжечки. (Примечание Л.С. Выготского).

отношение к науке. Если попытаться кратко, одним словом, определить это отношение, то это слово будет — одержимость. Пожалуй, это наиболее точно характеризует его отношение к науке — он был одержим ею. «Удивительным было его отношение к науке. Ей он отдавал всю свою жизнь, забывая о еде, о собственном благополучии, постоянно был в работе, в разъездах, в мыслях о будущем науки о ... человеке»[383]. «Он видел в науке прежде всего жизненный смысл. Наука для жизни, для человека, для школы, для ребенка. Именно жизненный смысл, я говорю это в глубоком психологическом, мотивационном значении этого слова. Кроме того, в науке он видел источник духовной жизни, радости...»[384]. Наука составляла главное, основное содержание его жизни. Он вкладывал в нее всю свою жизнь, отдавал ей все свои силы.

Менялись формы этих занятий — это могла быть работа над теоретическими или методологическими вопросами, когда он обдумывал и писал свои труды; это могла быть экспериментальная работа, когда он сам, своими руками собирал и обрабатывал материал в школе, клинике, лаборатории, наконец, дома; это могли быть научные беседы с коллегами, учениками, когда обсуждались полученные в экспериментальных исследованиях результаты или текущая работа, планировались будущие исследования; это могло быть чтение лекций, в которые непременно включался материал, добытый как теоретическим, так и экспериментальным путем. Но всегда, всякий час своей жизни он думал о науке, служил ей. Он служил ей преданно и верно, не беря у нее ни выходных, ни отпуска. Он занимался наукой всегда — и в праздничные дни, и во время летних отпусков. Его «редкостная работоспособность ... граничила с полным забвением дня и ночи, заботы о себе, своем здоровье»[385].

Начав заниматься наукой со студенческой скамьи, он не прерывал этих занятий ни на один день своей жизни. Он занимался наукой в любой обстановке, в любых обстоятельствах. Даже будучи приговорен врачами к смерти (ему было отпущено врачами всего несколько месяцев жизни, так как состояние его считалось безнадежным, и он это знал!), он в невероятно трудных условиях создает одно из своих фундаментальных про-

[383] Власова ТА.. Левина Р.Е., Морозова Н.Г., Певзнер М.С. Лев Семенович Выготский как ученый, учитель и человек. Рукопись. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[384] Н.Г. Морозова. Выступление на Ученом совете НИИД АПН СССР 27/XII-1966 г., посвященном 70-летию со дня рождения Л.С.Выготского. // Семейный архив Л.С. Выготского.

[385] Т.А.Власова. Выступление на заседании. Ученого совета АПН СССР 27/XI1-1966 г., посвященном 70-летию со дня рождения Л.С. Выготского. // Семейный архив Л.С.Выготского.

изведений — «Исторический смысл психологического кризиса». «Я не знаю ничего, что отличалось бы такой удивительной ясностью мысли, такой логической красотой, как эта работа, — рассказывал А.Р. Лурия. — Л.С. Выготский написал эту работу в трагической ситуации: он был болен туберкулезом, врачи говорили, что ему осталось 3—4 месяца жизни, его поместили в санаторий... И тут он начал судорожно писать, чтобы оставить после себя какой-то основной труд»[386]. Эту книгу «можно считать по-настоящему основополагающим трудом будущей советской психологии»[387].

Никогда, ни при каких обстоятельствах не утрачивал он интереса к науке. Вот несколько отрывков из его писем, по которым читатель сможет убедиться в не голословности этого утверждения. Будучи тяжело больным, мучаясь от болезни, он не перестает думать о науке, о различных научных проблемах.

Так в письме к одному из своих любимых учеников он пишет: «...Я вот уже неделю (в больнице — Г.В.) — в большой палате по 6 человек тяжелобольных, шум, крик, отсутствие столика и прочее. Койки стоят одна к другой без промежутка, как в казарме. К тому же чувствую себя физически мучительно, морально подавленным и угнетенным...» И все же немного ниже он пишет: «Очень хочу знать, за что Вы беретесь сначала. Мне кажется (между нами), сейчас надо экспериментировать над превращением реакций... Надо экспериментировать на простейших формах, показать то, частным случаем чего является сублимация. А экспериментатор должен быть сыщиком, изобретателем, комбинатором, хитрецом, создателем ловушек, бесконечно гибким и смелым. Будьте здоровы. Ваш ЛВ»[388].

Как видите, он не только интересуется работой своего товарища, но и (в очень ненавязчивой форме) дает совет. Это при том, что находится, как он сам пишет, в мучительном состоянии.

В другом письме (из санатория): «Дорогой Александр Романович, очень давно хочу написать тебе, но кругом такая[389] обстановка была все это время, что стыдно и трудно было взять перо в руки и нельзя было думать спокойно(...) Я чувствую себя вне жизни, вернее: между жизнью и смертью; я еще не пришел в отчаяние, но я уже оставил надежду. Поэтому мысль

[386] А.Р. Лурия. Лекция, посвященная Л.С.Выготскому в связи с 80-летием со дня рождения. Прочитана на факультете психологии МГУ 18/XI-1976 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[387] Там же.

[388] Письмо Л.С. Сахарову от 15/П-1926 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[389] Подчеркнуто Л.С. Выготским.

моя как-то не направляется на вопросы о будущей жизни и работе...».

И, тем не менее, чуть ниже, он интересуется жизнью, планами и делами Александра Романовича, размышляет о его работе, оценивает ее. Он пишет: «Это большой камень в фундамент вашей прежней работы, это оправдание ее методики... Для меня первый вопрос — вопрос метода, это для меня вопрос истины, а значит — научного открытия и выдумки. Но теоретически я вижу многие опасности в новых опытах для ваших, должно быть прежних выводов: ведь стирается грань между аффективными нарушениями и всякими другими, исчезает спецификум аффекта, трещит ваша теория эмоций. Как я хотел бы в «частной беседе» обменяться в вашем семинаре мыслями об этом! ... Я готовлю (в мыслях) два методических «послания» ... — моим сотрудникам и вашей группе (предложение объединиться в одной работе, разделить две стороны ее, ... работа над слепоглухонемыми). Жди.

Пиши, если можешь. Что есть нового — в иностранной, русской литературе?»[390].

И это пишет человек, приговоренный к смерти!

Оба эти письма были написаны во время острой вспышки туберкулеза, когда он фактически был прикован к постели.

Еще в одном письме: «Мучает туберкулез и ожидание операции (френикотомии), видимо, неизбежной осенью (в легком каверны не хотят закрыться никак!)». И тут же он пишет о делах, о том, что ему предлагают написать работу. «Я бесконечно рад этому заказу; это случай изложить в общих чертах психологию в аспекте культуры...» И далее: «... Единственное серьезное: работа по инструментальному методу у каждого в своей области. Я вкладываю в это всю свою будущую жизнь и все силы ... Жму крепко руку и прошу готовиться в душе, конечно, к общей работе»[391].

Страдая от болезни, в преддверии тяжелой операции, он думает о работе, которой обещает посвятить всю оставшуюся жизнь.

Летом 1932 г. он пишет: «Я все еще в Москве и все еще не знаю, будет ли операция летом или осенью, что ее не удастся избегнуть, по-видимому, я понимаю из слов и интонаций врачей. Ложусь в клинику на несколько дней для решения этого вопроса». Несколькими строчками ниже: «... Я сделал доклад о sch[392], хотел бы с тобой потолковать в связи с ней — о многом.

[390] Письмо А.Р.Лурия от 5/Ш-1926 г. // Семейный архив А.Р.Лурия. Курсив мой. — Г.В.
[391] Письмо А.Р.Лурия 26/VII-1927 г. // Семейный архив А.Р.Лурия.
[392] Шизофрении.

Пиши об опытах и веди их со всей уверенностью в объективном их большом значении и особом значении для нас...»[393].

В следующем письме к Александру Романовичу он пишет: «... Операцию все же отложили: может быть ее будут делать среди лета, может быть осенью. Проделал и какие-то глубокие прижигания, какие ни на глаз врачей, ни на мой взгляд ничего не дали. В общем все остается смутным и неясным, в частности работа зимой. А это главное... Очень многого[394] (как бы вслепую ни шли опыты) жду от тебя — ибо думать, экспериментируя — значит более плодотворно думать, даже ошибаясь. А ты на верном пути, так же как и я, и А.Н. (Леонтьев)»[395]. Все письмо до конца посвящено научным вопросам.

Занимаясь наукой — разрабатывая теоретические вопросы или проводя экспериментальные исследования, — Лев Семенович не был отгородившимся от жизни ученым, творившим в тиши своего кабинета. (Кстати сказать, у него никогда и не было своего кабинета.) По словам Н.Г. Морозовой, он «не был кабинетным ученым. Его мысли, теории, планы рождались в клинике, школе, лаборатории, в коллективе его учеников, во время разбора отдельных детей»[396].

Рассказ о научной деятельности Льва Семеновича будет неполным, если особо не остановиться на том, как он проводил обследование детей, так называемые разборы отдельных случаев, происходившие на специальных конференциях. Эта работа была для него столь существенной и по затрачиваемому на нее времени, и по значимости, что ее трудно переоценить.

Обследование и разборы детей привлекали внимание не только сотрудников института. На них стекались учителя со всей Москвы, студенты, врачи, психологи. Об этом вспоминали и Л.В. Занков, и М.С.Певзнер, и Т.А.Власова.

Мне рассказывали об этом и учителя вспомогательных школ Москвы, по словам которых эти разборы были для них подлинным событием. Как мне, в частности, рассказывал один из них (учитель 305-й школы Ф.М. Полищук), многие учителя, закончив уроки в школе, спешили с разных концов Москвы на Погодинскую, 8 (где располагался ЭДИ), чтобы при-

[393] Письмо А.Р. Лурия от 26/VI 1932 г. // Семейный архив А.Р. Лурия.
[394] Подчеркнуто Л.С. Выготским.
[395] Письмо А.Р. Лурия от 13/V 1932 г. из г.Ярцево. // Семейный архив А.Р. Лурия.
[396] Морозова Н.Г. Выступление на Ученом совете НИИД АПН СССР 27/XII-66 г., посвященном 70-летию со дня рождения Л.С. Выготского. // Семейный архив Л.С.Выготского.

сутствовать на этих разборах. Так как зал не мог вместить всех желающих (институт располагался в отдельных маленьких зданиях), то в теплое время года открывали окна зала, где проходила конференция, и желающие часами стояли у открытых окон, слушая то, что происходит внутри. Но поскольку таких желающих было много, то стоять приходилось, тесно прижавшись к окнам и друг к другу, не шевелясь, чтобы не помешать слушать рядом стоящим. Так, после целого рабочего дня в школе, часами стояли учителя Москвы, слушая Льва Семеновича, который детально анализировал каждый отдельный случай, выделял трудности или отклонения в развитии, имевшиеся у ребенка, намечал план работы с ним, указывал, на какие сохранные или положительные стороны надо опираться в этой работе. Никто, разумеется, их не обязывал делать это. Как рассказывали они мне, это было нужно, необходимо им самим. А главное, это было им очень интересно.

Вот как об этом вспоминают участники этих конференций.

«Лекции, доклады, конференции по разбору детей ... были праздником торжества науки и привлекали такое огромное количество слушателей из самых разных областей знаний, а не только психологов, дефектологов и врачей, что порой помещение института не позволяло вместить всех желающих»[397].

«На его клинические разборы в институте ... «сбегалась вся Москва», психологическая и дефектологическая; люди не помещались в аудитории и слушали через раскрытые окна»[398].

Он совершенно по-новому «поставил работу по изучению аномальных детей... Предварительно проводилось комплексное изучение ребенка. Врачи разных специальностей, физиологи, психологи, педагоги готовили свои материалы. На конференциях по разбору детей, которыми руководил Лев Семенович, обсуждались все эти материалы. Кроме того, Лев Семенович беседовал с ребенком, проводил с ним некоторые краткие эксперименты. Он удивительно умел установить контакт с ребенком, ребенок раскрывался перед ним, и Лев Семенович как бы видел его насквозь, он понимал, «что происходит в голове ребенка», ...беседовал с родителями. В результате обсуждения всех данных Лев Семенович не только уточнял предварительный диагноз, но вводил в теоретический контекст раз-

[397] Власова Т.А. Выступление на Ученом совете НИИД АПН СССР, 27/ХП-66 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

бираемый случай. Он развивал теоретические вопросы олигофрении, сурдопедагогики, логопедии, обоснованно приводил свои соображения, высказывал новые идеи. Эти конференции по разбору детей были источником теоретического обогащения дефектологии и психологии. На эти разборы съезжалось большое количество дефектологов, психологов, студентов. В своих заключительных выступлениях он давал не только обобщение и выводы из чужих и своих впечатлений о каждом ребенке, но выдвигал новые точки зрения, которые обогащали и дефектологию и психологию»[399].

При клиническом изучении ребенка Лев Семенович всегда вникал в сущность каждого случая, подвергал его тщательному, детальному и глубокому анализу. Каждый ребенок подробно обследовался различными специалистами, после чего полученные при этом данные докладывались на конференции Льву Семеновичу. «Помню, — рассказывает Леонид Владимирович Занков, — что он в небольшой записной книжечке делал записи, слушая эти сообщения, а затем беседовал с ребенком... Затем Лев Семенович разговаривал с родителями или близкими ребенка, нередко — с педагогами школы или детского сада, где тот воспитывался. И только после этого Л.С. Выготский обобщал весь представленный материал и давал свое теоретическое, разностороннее заключение»[400] И каждый раз, анализируя каждый представленный случай, ему удавалось проникнуть в скрытые от всех тайники.

На этих конференциях, посвященных клиническому разбору детей и взрослых, Лев Семенович, по словам его ученицы Н.Г. Морозовой, после того как ему докладывали материалы обследования, «как бы видел испытуемого насквозь». Он сам приступал к его исследованию — беседовал с ним, предлагал выполнить отдельные задания, задавал вопросы, давал различные пособия. Ему легко удавалось наладить контакт с ребенком или больным несмотря на присутствие большого количества собравшихся. Лев Семенович обращал внимание не только на результат выполнения того или иного задания, его решение. Он тщательно анализировал ход решения, способ решения, поведение и высказывания ребенка. «Исследуя ребенка, он смвтрел на него через призму своих знаний о детях, об их развитии, обогащая эти знания, дополняя их и поднимая тем самым на новую ступень свое теоретическое видение проблемы психического развития. Это обнаруживалось

[399] Власова Т.А., Левина Р.Е., Морозова Н.М., Певзнер М.С., Лев Семенович Выготский как ученый, учитель и человек. Рукопись. // Семейный архив Л.С.Выготского.
[400] Занков Л.В. Лев Семенович Выготский как дефектолог. //Дефектология. —1971. — № 6.

в его заключении после ухода ребенка или больного. Казалось, что его анализ уводит слушателей в сторону. В действительности же он обращался к существовавшим ранее представлениям о данном дефекте или заболевании; отходя от этих представлений, он подвергал их пересмотру, сопоставляя с новыми данными, теоретически их переосмысливая. Затем он возвращался к разбираемому случаю, обогащая анализ новыми соображениями, включая все материалы обследования в новый теоретический контекст»[401]. Что бы ни делал Лев Семенович, он всегда оставался исследователем. «И при разборе детей, и при анализе материалов взрослых больных, проводя диагностический эксперимент, Лев Семенович оставался ищущим активным исследователем, талантливым и изобретательным экспериментатором и в то же время выдающимся теоретиком»[402].

«Если спросить, — вспоминает А.В. Запорожец, — какое качество доминировало у Выготского как ученого, которое производило наибольшее впечатление на окружающих, то можно ответить, что это качество заключалось в чрезвычайно развитой творческой способности, способности к продуктивному синтезу, способности научного созидания. Надо сказать, что это творчество в жизни Выготского не было каким-то чрезвычайным эпизодом, это было в крови, это был постоянный модус его повседневной научной жизни и деятельности. Находясь рядом с ним, я все время находился под впечатлением того, что это огнедышащий горн, который непрерывно выбрасывал новые идеи, новые представления, новые гипотезы, новые оригинальные экспериментальные замыслы.

Но говоря о творчестве Выготского, не нужно представлять дело так, что он увлекался игрой воображения ценой логики. Он был изобретательным экспериментатором и ценил экспериментальные факты.

Я помню, как при обсуждении в лаборатории одного исследования кто-то из присутствующих сказал, что это плохое исследование, плохие факты. Выготский резко повернулся и бросил реплику, которая запомнилась мне на всю жизнь. Он сказал: «Не бывает плохих фактов, есть плохие теории, которые не соответствуют найденным фактам и не в состоянии их объяснить»[403]. Лев Семенович учил сотрудников точно вести записи наблюдений. Протокол эксперимента или наблюдения, — считал он, — должен анализироваться сразу же после исследования. Протокол должен строго соот-

[401] Морозова Н.Г. Рукопись. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[402] Левина Р.Е., Морозова Н.Г. Воспоминания о Л.С.Выготском. // Дефектология. — 1984. — № 5.

[403] Запорожец А.В. Из выступления на расширенном заседании Ученого совета НИИ ОПП 14/XI 1966 г. // Архив НИИ ОПП. - Ф. 82. - Оп. 1. - Ед. хр. 397. - С. 199.

ветствовать фактам, основываться на них. Вместе с тем этот анализ должен быть теоретическим «в свете научных идей и сопоставлений»[404]. Обсуждая полученный факт, «Лев Семенович раскрывал, как он любил говорить», «что за ним стоит», и далее вводил в контекст широких научных обобщений. Каждый факт он видел в свете теории, которая вытекала из прежних опытов и наблюдений и на основе широкого знакомства с мировой литературой. Он гипотетически высказывал собственную трактовку вопроса, совершенно по-новому представляя, выстраивая систему фактов в свете этой теории, а затем дополняя и уточняя их в ходе дальнейших исследований»[405].

Он с большим уважением относился к научным предшественникам (даже если не разделял их взглядов), и учил этому своих учеников. Н.Г. Морозова вспоминает, что однажды получила от Льва Семеновича книгу Гросса с надписью, в которой говорилось, что «это лучшее, что сказано об игре, и это надо преодолеть, ибо это натуралистическая теория игры». Но дальше он писал: «Не забывайте и того, что мы стоим на его плечах. Мы выше, мы дальше видим, но мы видим потому, что он сделал до нас ... Это уважение к тому, что сделано до нас, было очень важным в его отношении к науке, к ученым..., которые сделали что-то до него, хотя он с ними и спорил»[406].

Многие работы Льва Семеновича рождались из его предварительных записей, которые делались им «во время обследования детей и взрослых, во время экспериментов, а также во время чтения огромного количества литературы»[407].

Безусловно, заслуживает внимания и работа Льва Семеновича с научной литературой. Нельзя, хотя бы кратко, не остановиться на том, как он читал и изучал литературу. Его ученики называют его «талантливым читателем». Об этом вспоминали и не раз рассказывали и А.В. Запорожец, и А.Р. Лурия, и Р.Е. Левина с Н.Г. Морозовой.

А.Р. Лурия вспоминал, как Лев Семенович читал научную литературу — он удивительно быстро умел вникнуть в существо, схватывать смысл читаемого.

[404] Левина Р.Е., Морозова Н.Г. Воспоминания о Л.С.Выготском. // Дефектология. —1984. — № 5.
[405] Там же.
[406] Морозова Н.Г Выступление на Ученом совете НИИД АПН СССР 27/ХП 1966 г., посвященном 70-лстию со дня рождения Л.С.Выготского. // Семейный архив Л.С.Выготского.
[407] Власова Т.А., Левина Р.Е., Морозова Н.Г., Певзнер М.С. Лев Семенович Выготский как ученый, учитель и человек. Рукопись. // Семейный архив Л.С.Выготского.

Александр Романович Лурия рассказывал, что ему доводилось наблюдать, как читал Лев Семенович. «Я помню, как Выготский читал книги: он брал книгу, прищуривал один глаз, а потом быстро листал книгу и когда через пять минут спрашивали Выготского, что было в этой книге, то он рассказывал даже больше, чем было написано самим автором. Л.С. Выготский был гениален, потому что он обладал невероятным умением проникать в суть предметов и явлений.

Сейчас некоторые люди учатся быстрому чтению, но дело ведь не в том, чтобы научиться быстро переводить глаза, а в том, чтобы научиться быстро схватывать смысл. А как раз этим качеством Л.С. Выготский обладал в удивительной степени»[408].

И все же, я полагаю, что так Лев Семенович не читал, а лишь предварительно просматривал книги, чтобы понять, насколько та или иная книга заслуживает глубокого изучения.

Читал же он наедине, так что никто, кроме домашних, наблюдать это не мог. Читал он чаще всего с карандашом, нередко делая легкие пометки прямо в книге. Мне не раз доводилось держать в руках книги, носившие следы его активного чтения.

А.А. Леонтьев рассказывал, что его отец, Алексей Николаевич Леонтьев, в одной из своих статей писал: «...Случай передал в мои руки пометы Л.С. Выготского, сделанные им для себя, которые свидетельствовали о том, как он оценивал свой вклад в науку. Было так, что незадолго до смерти Лев Семенович взял у меня том Куно Фишера о Декарте... Впоследствии этот том вернулся ко мне. Однажды я обнаружил на его полях... карандашные пометы, сделанные рукой Выготского, комментирующие авторский текст»[409]. И далее Алексей Николаевич приводит отрывки из этой книги и комментарии к ним Л.С. Выготского с полей этой книги.

Читал Лев Семенович вдумчиво, основательно, делая записи на малюсеньких листках бумаги или отмечая какие-то места в самой книге. Читая, он удивительно умел сосредоточиться на читываемом и не отвлекаться на происходящее вокруг него в той же комнате. Анализируемые им источники говорят об огромном объеме прочитанного им.

А.В. Запорожец говорил, что Лев Семенович умел вычитать даже больше, чем было у автора, что даже из вполне заурядной книги он умел извлечь что-то, что заслуживало внимания, что давало ему повод к размышлениям.

[408] Лурия АР. Лекция, посвященная Л.С.Выготскому. Прочитана на факультете психологии МГУ 18/XI 1976 г. // Семейный архив Л.С. Выготского.

[409] Цит. по книге Леонтьева А.А. Л.С.Выготский. — М., Просвещение, 1990. — С. 111.

«Знание Л.С. Выготским мировой литературы — философской, медицинской, политической, психологической, педагогической — было поразительным. Это не была простая «начитанность», «эрудированность»... Выготский обладал читательской гениальностью. Он читал творчески, проникая в самую глубь идеи, он додумывал прочитанную мысль, вводя в новый теоретический контекст, развивая ее, углубляя, доводил до большей широты и ясности, как правило, до большего соответствия с истинной природой описанного явления»[410]. «Он знал важнейшие произведения мировой литературы по психологии, но читал их по-своему... Читая Ж.Пиаже, В.Келера, В.Штерна, К.Левина, Леви-Брюля и других авторов, ценил их факты и наблюдения, но со свойственной ему аргументированностью и обстоятельностью подвергал критике их интерпретацию фактов; он противопоставлял свою теорию развития, свой... исторический подход к явлениям — их теоретическим суждениям»[411]. «Иногда же он вступал в спор с автором, в одних случаях он опровергал выводы, в других — находил новые аргументы, подкрепляющие автора, привлекал для сравнения новые факты... Он подходил к читаемому тексту, исходя из новых теоретических и практических задач»[412].

«Характерная черта творческого чтения Выготского — его острый критический подход... Анализируя читаемого автора, Лев Семенович часто проверял приводимые экспериментальные факты и показывал неправомерность их интерпретации и теоретических построений. Так читал он Адлера, Блейлера, выделяя достоверные факты, ставя их на свое место. Критикуя несостоятельность их общей теории, Лев Семенович выдвигал новые позитивные теоретические положения»[412"].

При чтении различных литературных источников у Льва Семеновича нередко возникали идеи новых экспериментальных исследований, которые должны были, по его мысли, подтвердить или опровергнуть описанные факты или явления.

Примером того, как критически и вместе с тем творчески относился Лев Семенович к читаемому, может служить критика им теории В.Штерна о развитии восприятия у детей.

В.Штерн считал, что развитие восприятия у ребенка идет от воспри-

[410] Левина Р.Е., Морозова Н.Г. Воспоминания о Л.С.Выготском // Дефектология. — 1984. —№ 5.
[411] Власова Т.А., Левина Р.Е. , Морозова Н.Г., Певзнер М.С. Лев Семенович Выготский как ученый, учитель и человек. Рукопись. // Семейный архив Л.С.Выготского.
[412] Левина Р.Е., Морозова Н.Г. Воспоминания о Л.С. Выготском. // Дефектология. — 1984. — №5.
[412a] Там же.

ятия отдельных предметов к восприятию действий и лишь в самом конце развития приходит к восприятию отношений.

Льву Семеновичу эта последовательность не показалась ни убедительной, ни правомерной. Он полагал, что путь развития восприятия ребенка совсем иной — от целостного, нерасчлененного, глобального восприятия ситуации — к анализу этой ситуации при включении в восприятие речи. Опыты, проведенные под руководством Льва Семеновича, подтвердили правильность его суждения.

«Читая Хэда и других клиницистов, он проверял полученные ими факты на взрослых больных и приходил к своим собственным психологическим воззрениям на природу афазических расстройств, паркинсонизма и мышления при шизофрении»[413].

«В результате творческого чтения у Льва Семеновича складывалась своя система фактов, теорий и взглядов в области психологии и смежных наук. которую он соотносил с собственными наблюдениями, система, которая позволяла ему извлекать в нужный момент при чтении лекций, докладов необходимые данные. При этом он всегда ссылался на авторов, зная, кто, когда, где, о чем писал или говорил. Упоминал авторов он очень многих, помнил каждого из них и по-своему оценивал их место в науке»[414]. Его собственные работы «характеризовала ясность и яркость мысли, убедительность изложения, стремление убедить фактами, наблюдениями, достижениями смежных наук»[415].

О его серьезном, ответственном отношении к науке очень красноречиво говорит его письмо Пятиликому Козьме Пруткову (см. с. 197) в связи с рассмотрением другого вопроса, но, по существу, все оно о науке.

Лев Семенович говорил об «огромности пути», о «большой дороге», которая открывается перед тем, кто решил посвятить себя служению науке, но предупреждает об огромной ответственности, серьезности и трудности этого пути, требующего того, чтобы человек весь без остатка отдавался этому служению. Именно так он жил в науке сам. Идя по этой «большой дороге», он не искал проторенных путей, а смело шел по неизведанным тропам. Не боялся идти «против течения». Он «был очень правдив, не скрывал трудностей: не раскрытую до конца сущность явления не вы-

[413] Морозова Н.Г. Рукопись. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[414] Левина Р.Е., Морозова Н.Г. Воспоминания о Л.С.Выготском. // Дефектология. — 1984. — № 5.

[415] Власова Т.А., Левина Р.Е., Морозова Н.Г., Певзнер М.С. Лев Семенович Выготский как ученый, учитель и человек. Рукопись. // Семейный архив Л.С.Выготского.

давал за окончательную истину, говорил о трудностях исследования, но призывал не отступать «перед ними, так как «мы стоим в самом начале пути; предстоит большая трудная работа психолога, требующая всей его жизни»[416]. «... Заниматься культурной психологией, — писал он в одном из своих писем, — не шутки шутить, не между делом и не в ряду других дел»[417].

Сохранилось сравнительно немного писем, написанных Львом Семеновичем своим коллегам, ученикам (кажется, всего около тридцати)[418]. По этим письмам можно с уверенностью судить о том, чем жил Лев Семенович, что его занимало в то время.

Почти во всех письмах основное содержание составляет рассмотрение тех или иных вопросов науки. Некоторые письма целиком посвящены этому, в других этим вопросам отведено существенное место. Хочется привести отрывки из его писем, где говорится о науке, о занимавших его тогда научных проблемах.

Я хочу просить читателя извинить меня за те пространные цитаты из писем, которые здесь приводятся. Но мне представляется, что интереснее читать оригинальный текст, чем его изложение, пересказ. Давайте посмотрим, как сам Лев Семенович писал об этом.

> «Дорогой Алексей Николаевич, спасибо огромное за письмо. Первое и самое главное: восприятие необходимо завоевать, осмыслить и понять, что такое восприятие культурного человека, волевое восприятие (ср. прекрасную статью Jaensch'a о том, почему после глаголов видеть, слышать и прочее — винительный падеж, т.е. как при глаголах действия). В основном путь, о котором ты пишешь, верный, не 1001 вопрос и неясность царят пока здесь, но это, в общем, то, что к лету должны будем теоретически, эвристически выяснить. Главное: мы не владеем еще вот таким пунктом — связь, интеграция функций в культурном плане не та. что в естественном плане: внимание + память + восприятие и пр., и пр. Сам же путь — повторяю — верен и идея верна — и в теории, и в практике: или Монтессори, или культура СМ. (сенсомоторная) в собственном смысле слова (к-у-л-ь-т-у-р-а) . . . . я боюсь извращения теории более всего, пока вопрос до дна мне теоретически не ясен, я чувствую себя связанным и боюсь его отдать ... я горжусь тем, что в нашей

[416] Там же.
[417] Письмо А.Н.Леонтьеву от 23/VII 1929 г. Семейный архив А.Н.Леонтьева.
[418] Они еще ждут своего часа. Право на их первую публикацию предоставлено А.А. Пузырею, собравшему их воедино из отдельных архивов, где они хранились, и снабдившему их подробными комментариями.

теории для понимающего все — ясно, без путаницы, натяжек, словесных фокусов, произвола и прочее (...) вопрос важен и не можем мы «чего изволите» всем по первому требованию давать... Самое главное, я хочу созвать весной-летом «конференцию» работающих по инструментальному методу. А.Р. (Лурия) я пишу подробнее и прошу тебя прочитать и обсудить... к моему приезду этот вопрос. Я хочу организованности и ясности а) в организационных вопросах, в) принципиальных и с) программных. Парадокс нашего положения в том, что темы, по размеру и содержанию требующие института, разрабатываются в порядке частного кружка...

О себе пока ничего не могу сказать. Готовлюсь к работе /исследованию/, пока жил в гостинице, ходил по городу, дышал Средней Азией — величественными рубищами востока, первобытностью и высокой древней культурой. Но в центре всех интересов — наша проблема, которая одна дает ключ к психологии человека. — Жму крепко руку. Привет М.П.[419] и всем твоим. Всего хорошего!

ТВОЙ Л В.

Посылаю вам ... несколько «счастья» из сирени. ЛВ»[420].

«... Я ставлю опыты, надеюсь привезти кое-что. А главное упиваюсь солнцем и восточной пылью. Благословенная пыль. Что у нас? Жму руку. Привет товарищам! »[421].

«... Особенно интересна работа: она очень интересна; поговорим лично — я уже на пороге Ташкента ..... Кое-какие опыты ставим, но не знаю, удачно ли»[422].

«Дорогой А.Н., хоть ты и отклоняешь решительно благодарности, не могу не поблагодарить сердечно и искренно за письмо: оно, как и 2 разговора... породило то, чем я дышу теперь, чем увлечен, занят, взволнован etc. . Оно же — дает линии на осень. Получать такие письма, как это и А.Р. (Лурия) в Ташкенте, лучшее удовлетворение... Я в одном поддерживаю тебя до конца и вижу в этом спасение: maximum организованной четкости и выдержки. Это залог внутренней чистоты исследования, а это suprema lex [423] и чистоты личных отношений (никаких затаенных обид, неудовлетворенности, обходов)»[424].

[419] Маргарита Петровна — жена А.Н.Леонтьева

[420] Письмо из Ташкента, куда Л.С. Выготский уезжал читать курс лекций в САГУ, А.Н. Леонтьеву от 15/VI 1929 г. // Семейный архив А.Н.Лсонтьева.

[421] Из письма Л.С.Выготского А.Р.Лурия из Ташкента от 18/VI 1929 г. // Семейный архив А.Р. Лурия.

[422] Из письма Л.С. Выготского А.Р. Лурия из Ташкента, май 1929 г. // Семейный архив А.Р.Лурия.

[423] Высший закон.

> «...Не могу выразить достаточно сильно, как я высоко ставлю (в этическом отношении тоже) мысль о максимальной чистоте и строгости идеи... То, что пока с нашей точки зрения нам не ясно, как переработать, чтоб это стало органической частью нашей теории, не должно вовсе входить в систему. Подождем.
>
> Итак, строжайший, монастырский режим мысли; идейное отшельничество, если будет нужно. Того же требовать от других. Разъяснить, что заниматься культурной психологией — не шутки шутить, не между делом и не в ряду других дел, не почва для собственных домыслов каждого нового человека. А внешне отсюда тот же режим организационный... Я буду счастлив, если добьемся максимума ясности и четкости в этом вопросе»[425].

В науке видел Лев Семенович смысл существования, она была для него источником радостных переживаний. Он испытывает радость от того, что рядом есть люди, увлеченные, как и он, наукой, от того, что есть соратники, последователи («что по открытым следам уже не мне одному, не нам троим, а еще пяти людям видна большая дорога»)[426]. Его бесконечно радуют результаты исследований — своих и чужих, успехи в науке его товарищей, учеников.

Лев Семенович очень радовался, когда эксперименты подтверждали идею, гипотезу, когда шли так, что могли «прямо открываться теоретическим ключом», но никогда при этом, как утверждают все, кто вместе с ним работал, не шел против истины. Результаты исследований, работы могли привести его «в восхищение», вызывали у него «чувство восторга, которое приходится переживать не часто», давали ему «огромную радость». Дни, когда он получал известие о ходе опытов и их результатах, считал такими, «светлее и радостнее» каких он сразу и не мог припомнить.

В письме Александру Романовичу Лурия, написанном во время тяжелой болезни, он пишет: «...очень рад был, когда получил твою немецкую статью. За тебя горжусь этим выходом за узкие пределы, в сущности, глубокого провинциализма, в котором находится наша психологическая литература...». Это «попытка найти настоящего читателя, заинтересованного научной проблемой. Кто нас читает здесь? Челпанов, чтобы подсчитать lapsus'ы[427] и ржать после от восторга; Франкфурт, чтоб проверить благонадежность и по ней определить ставку. У меня еще есть

[424] Письмо А.Н.Леонтьеву от 11/VII 1929г. //Семейный архив А.Н.Леонтьева.
[423] Письмо А.Н.Леонтьеву от 23/VII 1929г. //Семейный архив А.Н.Леонтьева.
[426] См. письмо «Пятиликому Козьме Пруткову».
[427] Оплошности.

надежда, что я заставлю свою дочку читать мои статьи (с пяти лет!), а ты бездетен!

Как раз в те же дни я получил свой доклад о психологии глухонемых на английском языке[428] — и обрадовался ему той же радостью, что и твоей статье, думал о нем теми же мыслями: ведь его прочтет Шеррингтон[429], Скрипчур[430], вся европейская и американская группа психологов, занимающихся этими проблемами — я точно воздуху глотнул горного, точно на простор вышел из уплотненной московской комнаты[431], точно пневмоторакс[432] у меня сняли на минуту»[433].

Вы только вчитайтесь в следующие отрывки из писем к Александру Романовичу. С каким эмоциональным подъемом они написаны! Какую радость переживал их автор, получая отчеты о проделанной работе.

> «Дорогой Александр Романович. Пишу снова с опозданием. Никак не освобожусь от кучи ненужных дел. Раньше всего о работе. Очень рад, что ты с воодушевлением ушел в работу, видишь в ней смысл, цель, значение. За тебя рад тоже, потому что мало просто отдохнуть от московской жизни и восстановить силы; надо еще внутренне укрепиться и приобрести несокрушимые точки внутренней опоры, а это может дать только творческая работа. Поэтому твои письма для меня просто светлые, радостные, обнадеживающие впечатления на фоне невеселой суеты. По сути дела: я считаю тему твою глубоко интересной, осуществимой и продвигающей наше дело. Рисунки очень интересны. Я поделился ими на заседании лаборатории с товарищами. Пиши, пожалуйста, столь же подробно о дальнейших опытах. Я зачитал твое письмо (в его экспериментальной части) на заседании. Все почувствовали радость, что ты снова — с головой и сердцем в работе, в исследовании. Это главное, это почти все»[434].
>
> «Дорогой Александр Романович, сейчас только принесли твой геро-

[428] Доклад «The principles of social education of deaf» был сделан Л.С.Выготским летом 1925 г. в Лондоне на международной конференции по обучению глухонемых. Опубликован в материалах конференции International Conference on the Education of the deaf. — London, 1925.

[429] Английский физиолог.

[430] Американский психолог, занимавшийся вопросами психологии и патологии речи.

[431] Лев Семенович никогда в жизни не имел отдельной комнаты. В Москве он жил и работал в комнате, в которой кроме него жили его жена и дети.

[432] Метод лечения, когда введением в плевральную полость воздуха сжимают легкое.

[433] Письмо Л.С. Выготского А.Р. Лурия из санаторной больницы от 5/III 1926 г. // Семейный архив А.Р. Лурия.

[434] Письмо Л.С. Выготского А.Р. Лурия в Самарканд, где он работал, будучи участником экспедиции, от 12/VI 1931г. // Семейный архив А.Р. Лурия.

rt[435] № 2; прочитал его с огромной радостью и спешу кратко откликнуться. Все, что ты сообщаешь, бесконечно важно и интересно: это сейчас лучшая часть нашей работы — и новая часть в лучшем смысле, т.е. не повторяющая собственные зады, а ведущая всю работу вперед и поднимающая на высшую ступень старые исследования... Наиболее сильное впечатление произвели на меня опыты с цветами. Это изумительно и бесконечно ценно.

... С геометрическими фигурами блестящий результат ...

Мысль о Gestalttheorie[436] глубокая и верная, по-видимому: натуральные закономерности не все столь натуральны. От данных об иллюзиях (какие? нельзя ли пример, описание части опыта, как в двух первых случаях?) я в буквальном восторге.

... Наконец, опыты с памятью опять бесконечно важны, если подтвердится, что запомнить можно для примитива только верное и правдоподобное. Все. В общем замечательно! Лучшее за год. Путь в будущее... Это золотой наш фонд экспериментов, которые прямо открываются теоретическим ключом. Работай и пиши мне. Я прочту письмо всем. Это замечательное письмо. О делах не пишу. Будь спокоен. Все улажу...»[437].

«Дорогой Александр Романович. Пишу тебе буквально эмфазии[438] — в каком-то воодушевлении, какое приходится переживать не часто. Я получил report № 3, протоколы опытов. Светлее и радостнее дня я не запомню в последнее время. Это буквально как ключом отпертые замки ряда психологических проблем. Таково мое впечатление. Первостепенное значение опытов для меня вне сомнения, наш новый путь теперь завоеван (тобой) не в идее только, а на деле — в эксперименте...... У меня чувство благодарности, радости и гордости...»[439].

«...Писал уже тебе и в Самарканд и в Фергану о том огромном ни с чем не сравнимом впечатлении, какое произвели на меня твои report'ы и протоколы. В нашем исследовании это решающий, поворотный к новой точке зрения шаг. Но и в любом контексте европейских исследований — такая экспедиция была бы событием... У меня чувство восторга — в буквальном смысле слова — как перед серьезнейшим внутренним успехом. Я получил report № 5 — и он, как и все остальные (холоднее меня оставил report № 1), — знаме-

[435] Сообщение.

[436] Гештальттсория — теория, в основе которой лежало утверждение, что психические явления структурируются вокруг неких целостных образований (образов) — гештальтов.

[437] Письмо Л.С. Выготского А.Р. Лурия от 20/VI 1931 г. // Семейный архив А.Р. Лурия.

[438] Так в тексте.

[439] Письмо Л.С. Выготского А.Р. Лурия от 11/VII 1931 г. // Семейный архив А.Р. Лурия.

нует событие: систематическое исследование системных отношений в исторической психологии, в живом филогенезе, чего не было до сих пор никем сделано — ни с какой точки зрения. К нашей клинике, к детским опытам — это новая неожиданно (для меня, сознаюсь) счастливая и блестящая глава...»[440].

«... сейчас принесли твой report об экспедиции, который привел меня в восхищение. Одни результаты обеих экспедиций, если были бы в систематической и доступной для ученых форме опубликованы на европейском языке, заслужили бы мировую известность; я в этом убежден. Это — дело внешней оценки. Внутренней же оценкой я не раз делился с тобой: я продолжаю думать и сейчас буду думать, пока меня не разубедят, что экспериментально доказано (на филогенетическом материале более богатом, чем в любом этнопсихологическом исследовании, и более чистом и верном, чем Levy-Bruhl[441]) филогенетическое наличие пласта комплексного мышления и зависимой от него иной структуры всех основных систем психики, всех главнейших видов деятельности — и в перспективе — самого сознания. Разве это так мало, чтоб быть неудовлетворенным результатом двух поездок? ... Обнимаю и поздравляю тебя. Твой ЛВ»[442].

Лев Семенович «сочетал в себе такой образец отношения к науке, который на всю жизнь становился путеводной звездой, маяком, совестью каждого из нас... Его отношение к науке покоряло и поучало молодых психологов»[443].

Являя собой высокий моральный образец, Лев Семенович предъявлял высокие требования к тем, кто решил заниматься наукой. Он считал, что занятия наукой требуют всего человека, без остатка, поэтому тем, кто хочет посвятить этому свою жизнь, необходимо проверить себя, со всей серьезностью отнестись к этому решению.

Он требовал высокой принципиальности в решении научных проблем («... не можем мы «чего изволите» по первому требованию давать»...). Его возмущает научная недобросовестность и тенденциозность при рассмотрении и решении научных вопросов. («Чем дальше от наших идей живут

[440] Письмо Л.С. Выготского А.Р. Лурия от 1/VIII 1931 г. // Семейный архив А.Р. Лурия.
[441] Известный французский психологи этнолог, занимавшийся изучением мышления первобытных людей.
[442] Письмо Л.С. Выготского А.Р. Лурия от 17/VIII 1931 г. // Семейный архив А.Р. Лурия.
[443] Морозова Н.Г. Выступление на Ученом совете НИИД АПН РСФСР 27/XII 1966 г. // Семейный архив Л.С. Выготского.

эти трусливые парикмахеры, конторщики, счетоводы и кто угодно, только не психологи и не люди науки — тем лучше»[444]). Ему были свойственны «принципиальность, серьезное, вдумчивое отношение к любому научному вопросу»[445].

Лев Семенович никогда не грешил против истины, всегда был абсолютно честен и требовал этого же от всех, с кем вместе работал.

Он сам служил науке бескорыстно и учил этому других. Даниил Борисович Эльконин говорил, что его учитель — Лев Семенович Выготский воспитал в нем «некоторые ... важные качества. Это, во-первых, абсолютная бескорыстность по отношению к науке. От нее, от науки нечего ждать в смысле каких-то почестей, наград.. Если вы будете ждать от нее этого, то вы в науке никогда ничего не сделаете. И я скажу вам совершенно честно, что я работал абсолютно бескорыстно...Была бы правда!»[446].

Отношение Льва Семеновича к науке «было подлинно бескорыстным. Он думал не о себе, но всегда успевал делать все, что мог для науки. Он писал, что задачу психологии видит не в том, чтобы выделить свою работу из общей психологической работы, а чтобы объединить ее со всей научной работой в одно целое на новой основе. Выделить не школу, а психологическую науку»[447]. Живя наукой и, в известном смысле, для науки, он обогатил ее своими трудами.

Чтобы сделать столько, сколько успел сделать Лев Семенович, надо было безостановочно работать. И он работал. Именно в работе видел он, как он сам об этом писал, «смысл, цель, значение». Главное, считал он, «чтобы быть с головой и сердцем в работе, в исследовании». Только творческая работа давала ему «несокрушимые точки внутренней опоры».

«Он много записывал во время конференций в очень маленький блокнот, мелким почерком, низко склоняясь к записи... Вероятно, он позже думал над ними... /записями/ и укладывал в своих мыслях в строгом систематическом порядке... Поэтому он успел так много создать трудов за свою короткую жизнь»[448].

[444] Письмо Л.С.Выготского А.Р.Лурия от 29/111 1933г. // Семейный архив А.Р.Лурия.

[445] Фрадкина Ф.И. Доклад, прочитанный на заседании психологического факультета Ленинградского государственного университета, посвященном 75-летию со дня рождения Л.С.Выготского, 23/XI 1971г.

[446] Д.Б.Эльконин. Речь на юбилейном заседании Ученого совета НИИ ОПП АПН СССР 6/111 1984 г. // Вестник МГУ. - Серия 14. Психология. — 1989. — № 4.

[447] Власова Т.А., Левина Р.Е., Морозова Н.Г., Псвзнер М.С. Лев Семенович Выготский как ученый, учитель и человек. Рукопись. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[448] Там же.

О том, как работал Лев Семенович, рассказывал Д.Б. Эльконин:

«Мне приходилось наблюдать за его работой в эти десять дней (когда он приезжал в Ленинград читать лекции), в которых все было насыщено до предела. У него были малюсенькие записные книжечки, миллион таких книжечек. И, сидя на каком-нибудь заседании или разговаривая, консультируя, разрабатывая методику для работы аспиранта или дипломанта, Лев Семенович своим микроскопически мелким почерком вписывал туда свои идеи. Эти идеи и положения потом превращались в страницы его книг»[449].

«Он удивительно работал... Л.С. Выготский был гениален, потому что он обладал невероятным умением проникать в суть предметов и явлений... Такой обстановки, в которой работал Выготский, не было еще ни у кого, потому что еще при жизни он стал очень популярным, к нему ходили, он никому не отказывал, его квартира была наполнена с утра до ночи посторонними людьми, а потом он регулярно ездил в Ленинград и Харьков[450] и вообще никому не известно, когда он работал»[451].

Примерно за год до своей смерти Наталия Григорьевна Морозова рассказывала мне:

«Надо было удивляться поразительной работоспособности Льва Семеновича! Он успевал охватить и критически осмыслить всю современную философскую, педагогическую и психологическую литературу, участвовать во многих конференциях и съездах. Одновременно он занимался разработкой практических мероприятий Наркомпроса по СПОН'у[452]. Работал в психологических лабораториях при клинике нервных болезней и в Академии Коммунистического Воспитания, преподавал во II МГУ. Вел углубленную научную работу в ЭДИ[453]. И находил время для консультаций и руководства работой молодых психологов. Нередко научные беседы длились часами»[454].

[449] Из выступления Д.Б.Эльконина на расширенном заседании Ученого совета НИИ ОПП 14/XI-66 г. Архив НИИ ОПП. - Ф. 82. - Оп. 1. - ед. хр. 397. - С. 220.

[450] Для чтения лекций в Педагогическом институте им. А.И.Герцена в Ленинграде и в Харькове.

[451] Лурия АР. Лекция, посвященная Л.С.Выготскому в связи с его 80-летием со дня рождения. Прочитана на факультете психологии МГУ 18/XI 1976 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[452] Л.С.Выготский заведовал подотделом в отделе Социально-правовой Охраны Несовершеннолетних Наркомпроса.

[453] Экспериментальный Дефектологический Институт — так тогда назывался Научно-исследовательский институт дефектологии АПН СССР.

[454] Морозова Н.Г. Беседа, 11/XI 1988 г. // Семейный архив Л.С. Выготского.

О том, в каких условиях работал Лев Семенович, как преодолевал и внешние трудности (жить и работать приходилось в комнате, где, кроме него, жили еще трое, в том числе дети), и внутренние (тяжелое самочувствие, вызванное болезнью), вспоминала в своем выступлении Б.В.Зейгарник. «И еще такая черта ..., личностная особенность, личностно-этическая, нравственная. Лев Семенович умел работать, не отвлекаясь на какие-то мешающие мелкие житейские вещи». Блюма Вульфовна вспоминает, как однажды она с другой сотрудницей работала у Льва Семеновича дома. В комнате была и его жена, с которой вторая сотрудница время от времени вступала в беседу, тут же играли дети, отвлекая приведших и мешая им. «А Льву Семеновичу это не мешало. Он с ними очень мягко обращался и тут же продолжал беседу с нами. Мне кажется, что это умение как-то удивительно сосредоточиться ...свойственно великим людям... Лев Семенович бесконечно работал. Он умирал и он знал, что он обреченный человек», так как тогда не было лекарств, которые могли бы остановить туберкулезный процесс. «Он знал об этом. И, тем не менее, он работал, потому что считал нужным, он торопился. И вот ... когда он лежал в санатории в Серебряном Бору[455], он вызывал к себе своих сотрудников, в том числе и ... меня и других, чтобы там поработать. И вот 11 июня 1934 года он вызвал Гиту Васильевну[456] и меня, чтобы обсудить вопрос об изменении психики при одном заболевании (паркинсонизме). Когда мы с Гитой Васильевной пришли, нам было сказано, что ... Лев Семенович скончался. Даже в свой предсмертный час, не в переносном смысле, а в буквальном смысле слова, он считал возможным и нужным работать, делать то дело, которое он считал обязательным»[457]. «Туберкулез не ограничивал, а, скорей, подстегивал его к работе... Трудно понять, когда он успевал знакомиться с огромной литературой — на трех языках по общей, детской, генетической психологии, патопсихологии, дефектологии — так глубоко продумывать и так оригинально синтезировать факты и мнения. — Его мысль сразу отливалась в готовую, логически ясную речевую форму, и, может быть, это в какой-то мере объясняет такое количество выдающихся работ, написанных им за такое короткое время»[458].

[455] Он был помещен в санаторий 2 июня 1934 г. т.е. за неделю до своей смерти.

[456] Г.В. Бирнбаум.

[457] Б.В. Зейгарник. Выступление на Ученом совете НИИД АПН СССР 5/У1-84 г., посвященном 50-летию со дня смерти Л.С.Выготского // Семейный архив Л.С.Выготского.

[458] Гальперин П.Я. Из письма профессору Гиллермо Бланку (Аргентина) // Семейный архив Л.С.Выготского.

Так работал в науке Лев Семенович весь московский период своей жизни (с 1924 по 1934 гг.), в тот период, когда он официально и профессионально (а не самостоятельно, как прежде) занимался научной деятельностью. «Этот мудрый, одаренный, даже гениальный мыслитель был большим тружеником. Он был человеком исключительной работоспособности, не жалеющим своих сил и здоровья для своей работы и для всех, кто к нему обращался»[459].

Каков же итог этого периода? Попытаемся резюмировать. «За десять лет жизни он в психологии создал больше, чем вмещает иногда вся человеческая жизнь»[460].

«За быстро промелькнувшее десятилетие со времени приезда в Москву и до смерти от туберкулеза в 1934 г. Л.С. Выготский успел создать психологическую систему, которая до сих пор не изучена полностью. Фактически все отрасли советской психологии, как в области теории, так и в области практического применения, находятся под влиянием его идей»[461].

«Он видел факты в свете теории и теорию подтверждал фактами». «Методики, разработанные Выготским, факты, найденные им, считаются классическими. Они вошли как важнейшие составные части в фундамент психологической науки» (А.Н. Леонтьев). Его современники и соратники считали его «гением и великим психологом 20 века»[462].

В течение многих лет своей жизни Лев Семенович занимался преподавательской деятельностью, учил людей. Среди его учеников были школьники старших классов, студенты техникума, медицинских и педагогических институтов, университета, консерватории, актеры, слушатели курсов, сотрудники институтов. Много ему приходилось выступать и с докладами.

Начинал свою трудовую деятельность Лев Семенович с того, что по возвращении из Москвы (где учился) в Гомель стал преподавать литературу в старших классах трудовой школы.

Каким он был учителем? Как преподавал? Это интересно знать всем, кому не безразличны жизнь и деятельность Льва Семеновича. Попробуем

[459] Власова Т.А., Левина Р.Е., Морозова Н.Г., Певзнер М.С. Лев Семенович Выготский как ученый, учитель и человек. Рукопись // Семейный архив Л.С.Выготского.

[460] Морозова Н.Г. Выступление на Ученом совете НИИД АПН СССР 27/XI 1966 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[461] А.Р.Лурия. Этапы пройденного пути. Научная автобиография. — М.: Изд-во МГУ, 1982.

[462] Власова Т.А., Левина Р.Е., Морозова Н.Г., Певзнер М.С. Лев Семенович Выготский как ученый, учитель и человек. Рукопись. // Семейный архив Л.С.Выготского.

ответить на эти вопросы словами тех, кто у него учился в те годы, и его соратников.

Передо мной старая фотография, на которой пять девушек-подростков. На ее обороте написано: «Льву Семеновичу. Уроки с Вами останутся в нашей памяти на всю жизнь». Пять подписей и дата:

29/VIII—1921 г.Гомель.

Судьбе было угодно распорядиться так, что я знала всех, изображенных на этой фотографии. Я могу свидетельствовать, что свое обещание они сдержали: даже будучи пожилыми людьми, каждая из них с радостью и, пожалуй, с нежностью живо вспоминала свои занятия со Львом Семеновичем. И много раз рассказывали мне об этом. Несколько лет назад по моей просьбе одна из них поделилась со мной своими воспоминаниями о той поре, о том, как познакомилась со Львом Семеновичем и, главное, о том, как он учил их. Предоставим ей слово[463].

«Лев Семенович, ученый с мировым именем, был также выдающимся педагогом. Судьба меня осчастливила — я была одной из первых его учениц в самый ранний период его деятельности, когда ему было немногим больше двадцати лет ...

В 1918 г. Лев Семенович стал бывать у нас в доме, и я с ним познакомилась...

В самом начале 1919 года из Гомеля были изгнаны германские оккупанты, и в городе окончательно установилась советская власть. Старые гимназии были закрыты. Трудовая школа только начала функционировать, и работа в старших классах только налаживалась. А тяга к знаниям у молодежи была большой. Мы, подростки 15—16 лет, решили организовать литературный кружок из 5 человек и пригласили Льва Семеновича в качестве руководителя. Он охотно согласился и около трех лет систематически занимался с нами совершенно бесплатно.

С самого начала на занятиях установилась атмосфера взаимной заинтересованности, глубокого уважения к нашему учителю. У нас с ним установились удивительно доверительные отношения. Авторитет Льва Семеновича был для нас непререкаем, мы шли на занятия как на праздник.

Форму занятий Лев Семенович разнообразил. Иногда это была беседа, ее сменяли лекция или анализ наших сочинений. Тему сочинений мы выбирали сами, наш руководитель давал нам направление — автора или

[,3] Автор этих воспоминаний скончалась в декабре 1990 г.

более широкую тему. Практиковал вводное и заключительное слово. Лев Семенович приходил без всяких записок — его выступления носили всегда характер импровизации.

На всю жизнь запомнилось занятие, посвященное анализу комедии Грибоедова «Горе от ума». На этом занятии, помимо анализа исторической обстановки в первой половине 19 века в России, рассказа о Грибоедове, характеристики отдельных героев комедии, Лев Семенович обратил наше внимание на своеобразную композицию великой комедии, на то, как расставлены персонажи в этом произведении. Все герои комедии как бы повернуты друг к другу спиной: Софья — к Чацкому, Молчалин — к Софье, Лиза — к Молчалину. («Она к нему, а он — ко мне», — говорит Лиза). Такое несоответствие героев друг другу как бы составляет сердцевину всей комедии. Это замечание Льва Семеновича об архитектонике знаменитой комедии Грибоедова я не встречала в литературе никогда. Хорошо запомнилось на всю долгую жизнь занятие, посвященное изучению философского романа В.Ф.Одоевского «Русские ночи».

Однажды наш руководитель предложил нам организовать литературный суд над героями романа Виктора Гюго «Девяносто третий год». Группа выделила председателя суда, защитника и прокурора Говена и Симурдена. Защитник Говена рассматривал все его поступки, его поведение и переживания с точки зрения человеколюбия, гуманности, душевной мягкости. С другой стороны, защитник Симурдена анализировал его поведение с точки зрения верности революционному долгу, безупречной честности, требовательности к себе, независимо от тех душевных переживаний, которые в то время его мучили. В то время — в годы гражданской войны — все эти проблемы были животрепещущими, и нас, молодежь, остро волновали. Таким образом, «литературный суд» превратился в диспут на острую злободневную тему.

«Суд» этот был обставлен с большой торжественностью, которая особо подчеркивалась тем обстоятельством, что на это занятие были приглашены члены наших семей.

Нет необходимости говорить, что впечатление от этого занятия оставило след в памяти на всю мою жизнь.

Иногда мы сами предлагали то или иное литературное произведение, которое мы затем изучали.

Из русской классической литературы мы изучали произведения Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого, рассказы Чехова (такие, как «Дом с мезонином», «Попрыгунья», «Черный монах», «Палата № 6», и другие). Круг изучаемых произведений был достаточно широк. Хорошо помню, как мы

обсуждали «Портрет Дориана Грея» и «Преступление лорда Артура Севиля» Оскара Уайльда, произведения Шекспира.

Лев Семенович уделял большое внимание поэзии. Его память была феноменальной. Его любимыми поэтами были Пушкин, Лермонтов, Александр Блок, которых он постоянно цитировал и этими стихами иллюстрировал целый ряд выдвинутых положений.

Помню, как после одной из своих поездок в Москву, он привез томик Гумилева «Огненный столп», три стихотворения из которого («Шестое чувство», «Заблудившийся трамвай и «Душа и тело») он нам читал, анализировал и комментировал. В это же время он ознакомил нас с произведениями Б.Л.Пастернака и с ранними стихами О. Мандельштама. Читал стихи Лев Семенович артистически»[464]. И все это так ярко помнит человек по прошествии более, чем шестидесяти лет. И не одна она сохранила память об этих занятиях — все остальные тоже вспоминали о них, как о незабываемых страницах своей жизни[465].

Далее она рассказывает, что в этот же период Лев Семенович начал регулярно читать публичные лекции по русской и зарубежной литературе. Одни лекции были посвящены анализу отдельных классических произведений например, «Гамлет» Шекспира, «Дом с мезонином» Чехова и т. д.), другие — на более широкие темы. Ряд лекций был приурочен к юбилейным датам (рождения или смерти) многих русских и зарубежных писателей и поэтов. Эти лекции были событием в жизни города и собирали широкую аудиторию, преимущественно молодежь. Их систематически посещали учителя, учащиеся старших классов, студенты, другая молодежь. Лекции пользовались большим успехом, и люди вспоминали их десятки лет спустя.

В последний период своей жизни (1924—1934 гг.), живя в Москве, Лев Семенович преподавал во многих высших учебных заведениях не только Москвы, но и Ленинграда, Харькова, куда он систематически ездил для чтения лекций.

Мария Михайловна Крылова слушала его лекции в Ленинграде в 1926 году. Вот как она об этом рассказывает.

[464] Гсйликман Э.Л. Воспоминания. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[465] Расставаясь со своими ученицами после почти трехлетних систематических занятий, Лев Семенович по их просьбе подарил каждой из них свою фотографию. Это было в 1921 г. А в 1963 г. одна из них — Раиса Яковлевна Шумяцкая, узнав, что у меня такой фотографии нет, отдала мне свою, бережно хранимую более сорока лет. Я приняла этот дорогой для меня подарок, и сделав с него копию, отдала ее Раисе Яковлевне. На этой фотографии Лев Семенович в черной косоворотке. Это прекрасная фотография. Я очень люблю ее. Она стоит у меня на письменном столе, и всегда, когда я работаю за столом, я с удовольствием смотрю на очень юное, серьезное лицо своего отца. Вот и сейчас его лицо передо мной.

Рис. 47. Гомель, 1921 г. Фотография Льва Семеновича, которая хранилась у его учениц.

«Если бы я могла передать Вам те картины, которые запечатлены в моей памяти, те чувства, что возникают при этом, Вы были бы удовлетворены. Но как это описать?

... Весной 1926 года, за полтора месяца перед окончанием, нам объявили, что к нам приедет из Москвы профессор Выготский и прочитает небольшой курс по психологии. Экзамена не будет. Курс у нас был очень сильный и «разборчивый». Так ... был сорван курс рефлексологии профессора Бехтерева: на первую лекцию пришли все, на вторую — половина курса, а на третью — я одна.

Слушать Льва Семеновича пришли многие на первую лекцию, ну а на вторую - все без исключения, так что пришлось из аудитории переходить в зал. Слушали его и ассистенты и преподаватели. Читал он ярко, живо, интересно и содержательно. Меня особенно заинтересовала «Зона ближайшего развития», — которая так была нужна нам, готовящимся работать с запущенными беспризорниками и малолетними правонарушителями. Сейчас я думаю, что Лев Семенович, вероятно, только что вернулся из Германии... и рассказывал нам

о всех направлениях психологической работы в лабораториях крупных психологов — рассказывал так, что мы «переносились» в эти лаборатории и «присутствовали» при экспериментах. И тут же давал оценку этим работам, раскрывая все плюсы и минусы, показывая, как это можно использовать нам в нашей будущей работе. Может быть, благодаря этим лекциям (так я теперь уж объясняю это) я отказалась от предложенной мне при окончании аспирантуры у проф. Люблинского — так хотелось скорее начать работу с детьми. Лекции Льва Семеновича были для нас праздником и не только для нас — все профессора окружали его и ходили по коридору огромной толпой (вероятно, и они слушали его лекции — я-то садилась в первый ряд и ни разу не оглядывалась назад, вся увлеченная лекцией) и задавали ему вопросы, а он повернувшись то к одному, то к другому, живо и обстоятельно отвечал им... Сколько лекций прочитал нам Лев Семенович, я не могу сказать. Приезжал он обычно на два дня, читал вечером и утром, так же на следующей неделе. Вероятно, лекций 10, а рассказал нам так много, ввел нас в курс всех проблем, открыл такие горизонты, так конкретно представил работу Курта Левина, Адлера и многих, многих психологов. Ведь прошло пятьдесят пять лет, а я так ярко, живо вижу Льва Семеновича, так представляю то, о чем он рассказывал. Спасибо ему за лекции! ... Эти воспоминания мне очень дороги.

На последнем курсовом собрании студенты благодарили Льва Семеновича за организацию лекций»[466].

Его лекции захватывали слушателей и, как вспоминал Д.Б. Эльконин, «с первой и до последней минуты держали всю аудиторию в плену». «Первое, что меня поразило и осталось на всю жизнь — это то, как Лев Семенович читал лекции и учил думать. Обычно на эти лекции стекался весь педагогический и психологический коллектив, хотя лекции читались студентам третьего курса...» Его слушали, как завороженные, «так что говорить не приходится о том, что на лекциях Льва Семеновича можно было разговаривать, писать записки, шептаться, либо просто отвлечься. На его лекциях мы не только слушали, но и напряженно думали. Я слушал ряд лекций и видел, как от раза к разу его лекции меняются и насыщаются новыми мыслями»[467].

[466] Крылова М.М. Письмо Г.Л. Выгодской от 21/V] 1981 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[467] Д.Б. Эльконин. Из выступления на расширенном заседании Учен ого совета НИИ ОПП АПН СССР 14 ноября 1966 г., посвященном 70-летию со дня рождения Л.С. Выготского. - Архив НИИ ОПП. — Ф. 82. - Оп. 1. - Ед. хр. 397. - С. 214.

Сохранившиеся стенограммы его лекций, прочитанных на одну и ту же тему в разное время, имеют значительные различия, что безусловно свидетельствуют о том, что Лев Семенович творчески относился к читаемым лекциям.

О лекциях Льва Семеновича в Ленинграде очень интересно рассказывал его ученик Д.Б. Эльконин. Давайте вместе послушаем его.

> «Вспоминаю об одной его лекции по теме «Память». Всем хорошо известно, что Лев Семенович не обладал блестящей житейской памятью. Мне, как его ближайшему ассистенту, это было хорошо известно, потому что я с самого утра, когда Выготский приезжал в Ленинград на 10 дней, должен был напоминать ему о всех тех делах, которые ему предстоят в течение дня и завтра: какие консультации, какие лекции, какие заседания, какие семинары и т. д. И вот, начиная свою лекцию о памяти, Лев Семенович сказал: «Раньше всего я хотел бы вам показать, что такое память. Для этого я попрошу кого-нибудь из слушателей записывать на доске слова, которые по порядку все желающие в аудитории будут произносить. Слова могут быть разные, какие хотите — абстрактные, конкретные, из любой области знаний. Всего должно быть 400 слов. Единственное условие, которое я ставлю, это каждое следующее слово может быть произнесено только тогда, когда я скажу «пожалуйста». В аудитории начинают говорить слова. Один из слушателей пишет на доске эти 400 слов колонками по десятке. После того, как слова записаны, Лев Семенович обращается к аудитории и просит назвать номер того слова, которое они бы хотели, чтобы он воспроизвел. Ему предлагают воспроизвести 212, 72, 35 слово, и он воспроизводит, предлагают воспроизвести любой десяток, он воспроизводит и его. Затем снизу вверх, от более старшего числа к младшему. После того, как он продемонстрировал свою феноменальную память, он начинает рассказывать о природе и сущности эффектов высших процессов произвольного инструментального запоминания, все время ссылаясь на соответствующие опыты, которые в то время проводились. И для того, чтобы произвести такой опыт в аудитории, Лев Семенович, по-видимому, сам проделал большую работу, разработал соответствующую систему, состоящую из 400 слов. Я не буду сейчас рассказывать, в чем заключается эта система, это не столь важно. Важно то, что когда Лев Семенович читал лекцию (о памяти, например), он прежде всего старался слушателям в ясной и демонстративной форме показать прежде всего тот психический и психологический факт, о котором в лекции будет идти речь, и затем, исходя из этого, рассматривать всю

х г-ж Ю29

ту систему объяснения и психологических теорий, которая лежит за этим фактом, за этой искусственной памятью, которую демонстрировал Лев Семенович»[468].

«Его лекции всегда были большим событием. Для него было довольно обычным делом читать лекцию три, четыре и даже пять часов подряд, имея при себе не более, чем клочок бумаги с заметками»[469].

«При этом он ворошил, как герой сказок, огромные глыбы сведений, привлекались десятки имен и высказываний. Ему приходилось читать в день нередко две лекции на разные темы и давать много консультаций по разным темам; Лев Семенович поразительно легко переключался, но при этом во всей случаях сохранял высокий теоретический уровень»[470].

Его вспоминают, как «лектора-новатора, размышляющего на своих лекциях и убедительно подтверждающего свои новые выводы»[471].

Так, начав с преподавания в школе, техникуме, на курсах, с переездом в Москву Лев Семенович перешел к работе в ВУЗах, став прекрасным преподавателем, а потом и профессором.

Льву Семеновичу довелось выступать в качестве учителя и совсем взрослых людей — своих сотрудников, аспирантов. Будучи научным руководителем, он учил их методам исследования, проведению экспериментов, сбору, обработке и анализу полученных данных. «Как учил Лев Семенович своих сотрудников, учеников, студентов? Он не поучал их, но своим примером учил отношению к науке, к детям, образцом разбора на конференциях, своими выступлениями, манерой экспериментирования, своим вниманием к людям»[472].

Лев Семенович был не только блестящим лектором и вузовским преподавателем, но и был учителем в более широком смысле слова. «Он воспитывал нас... своими мыслями, суждениями, своим отношением к науке, к жизни, к людям»[473].

[468] Д.Б.Эльконин. Из выступления на расширенном заседании Ученого совета НИИ ОПП АПН СССР 14 ноября 1966 г., посвященном 70-летию со дня рождения Л.С.Выготского. — Архив НИИ ОПП. - Ф. 82. - Оп. 1. - Ед. хр. 397. - С. 214.

[469] А.Р.Лурия. Этапы пройденного пути. Научная автобиография. Изд-во МГУ, 1982.

[470] Шиф Ж.И. Из выступления на заседании Ученого совета НИИ дефектологии 27/XII-66 г., посвященном 70-летию со дня рождения Л.С.Выготского. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[471] Т.А.Власова, Р.Е. Левина, Н.Г. Морозова, М.С.Певзнер. Лев Семенович Выготский как ученый, учитель и человек. — Рукопись. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[472] Там же.

[473] Левина Р.Е., Н.Г. Морозова. Воспоминания о Л.С.Выготском. // Дефектология. — 1984. — № 5.

Лев Семенович учил, что важно не только проследить историю болезни ребенка. Не менее важно, — считал он, — тщательно проанализировать и историю его развития, «историю обучения и воспитания, понять систему отношений ребенка с окружающими людьми. Он очень любил факты, учил видеть факты в свете теории, быть внимательным к тому, что стоит за каждым фактом, раскрыть их психологический смысл»[474].

Руководя работой молодых сотрудников, студентов и аспирантов, «Лев Семенович прежде всего раскрывал перед ними проблему. Он ходил по комнате и думал вслух. Или же, сидя в лаборатории клиники за чашкой чая, он развивал идею и вырисовывал ряд тем исследования. Он не раз говорил нам: «ясно видеть тему, выделить вопрос — это залог успеха»[475].

Он никогда не навязывал своего мнения, даже если речь шла о выборе методики исследования. Он лишь указывал «на направление, в котором следует ее искать. Мы дорабатывали методику в ходе пробных экспериментов ... Лев Семенович иногда демонстрировал некоторые намеченные им приемы. Протоколы он внимательно изучал и обсуждал совместно с нами. Ему нужны были достоверные факты, эксперименты, в обсуждение которых он стремился вовлекать и нас»[476]. Он учил точно вести протокольную запись хода эксперимента, а затем анализировать полученные данные, исходя из определенных теоретических положений, гипотез, которые в ходе экспериментов надлежало уточнить, проверить, обосновать. Лев Семенович неизменно был очень внимателен к рассказу сотрудников о проведенных ими опытах, к тому, как велись ими записи, к анализу полученных данных, радовался, если в ходе исследования обнаруживались новые факты, даже если они не соответствовали первоначальной гипотезе. Он вместе со своими учениками «искал объяснения новым фактам, многое додумывал, часто рассуждая вслух»[477].

Придавая большое значение реферированию отечественной и иностранной литературы, Лев Семенович учил этому своих сотрудников, требовал этого от них, а на заседаниях каждый должен был доложить прочитанное. Таким образом обогащались знания каждого. При обсуждении исследований сотрудников, аспирантов «заключение Льва Семеновича было

[474] ТА. Власова, Р.Е. Левина, Н.Г. Морозова, М.С. Певзнер. Лев Семенович Выготский как ученый, учитель и человек. Рукопись. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[476] Там же.

[477] Там же.

порой откровением для самих исследователей, каждой новый факт рождал у него новые мысли, и он щедро делился ими, порой приписывая их самому исследователю, как бы дарил их»[478].

«Беседуя с нами о ходе наших исследований, он касался различных сторон психической деятельности человека. Его анализ шел во многих направлениях, что позволяло нам в дальнейших исследованиях руководствоваться его идеями»[479].

Много Лев Семенович выступал на различных конференциях, съездах, заседаниях с докладами. Эти доклады (как и лекции) часто были подлинным праздником для слушателей и собирали огромную аудиторию. «Л.С. Выготский был исключительно интересным докладчиком и лектором. Не существовало таких обстоятельств и расстояний, которые помешали бы приехать на его выступление: доклад, лекции. В ходе сообщения он обсуждал научную проблему, невольно вовлекая слушателей в движение своей мысли, размышляя вслух, и подводил к выводу, который он всегда четко формулировал»[480].

«Самых разных людей он увлекал своими лекциями и докладами, которые отличались не только ораторским искусством, а и ясностью, оригинальностью и убедительностью... Нередко его ученики и сотрудники собирались у него на дому, и он по много часов рассказывал им о своих новых идеях; сохранились отрывочные записи А.Н. Леонтьева о докладе Льва Семеновича на тему «Системное и смысловое строение сознания, который (доклад) продолжался будто бы около семи часов»[481].

А.Н. Леонтьев в своем выступлении ссылался «на последние обширные доклады Л.С. Выготского, один из них продолжался почти 8 часов»[482].

Его доклады являлись не просто итогом уже известных исследований, а часто несли в своем содержании совершенно новые мысли, новые идеи, совсем неизвестные слушателям. Случалось и так, что иной раз его доклады ломали сложившиеся десятилетиями представления о том или ином явлении, увлекали, овладевали умами и душами слушателей, заставляли людей менять точку зрения, привлекали сторонников, делали из многих единомышленников.

[47,1] Т.А.Власова, Р.Е. Левина, Н.Г. Морозова, М.С.Певзнер. Лев Семенович Выготский как ученый, учитель и человек. — Рукопись. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[m] Левина Р.Е., Н.Г. Морозова. Воспоминания о Л.С.Выготском. // Дефектология. — 1984. — № 5.

[480] Там же.

[481] П.Я. Гальперин. Из письма профессору Гиллермо Бланку (Аргентина). // Семейный архив Л.С.Выготского.

[482] Научная хроника. // Вопросы психологии. — 1967. — № 3.

Так было, например, с его первым публичным выступлением на Втором психоневрологическом съезде в Петрограде в январе 1924 г.

А.Р. Лурия (как он пишет) поразила сама манера изложения, убедительность стиля. «Еще большее впечатление произвело на меня содержание доклада. Вместо того, чтобы обсуждать какой-либо второстепенный вопрос, как подобало бы молодому человеку..., впервые выступавшему перед столь почетным собранием[481], Л.С. Выготский выбрал трудную тему о взаимоотношении условных рефлексов и сознательного поведения человека»[484]. «Доклад был удивительным и по содержанию, и по форме. По содержанию доклад был явно «против течения»...

Система изложения идей, которую мы тогда услышали от Л.С. Выготского, отличалась просто фантастическим блеском, совершенно фантастической ясностью мыслей. Этот доклад был удивителен не только по содержанию, но и по форме»[485].

Так было и на съезде СПОН в ноябре 1924 года.

Главным событием съезда был доклад Льва Семеновича «О современном состоянии и задачах в области воспитания физически дефективных и умственно отсталых детей».

Этот доклад, по свидетельству профессора Д.И. Азбукина, был «громом среди ясного неба», он «перевернул» всю дефектологию. Сначала выступление Льва Семеновича делегаты встретили с недоумением. Но глубокая убежденность Льва Семеновича сыграла свою роль — переменила настроение присутствовавших — от недоумения они перешли к тому, что стали слушать его с глубоким интересом и вниманием. С этого съезда они, по воспоминаниям Дмитрия Ивановича Азбукина, уехали обновленными.

Так было и в 1930 году на Всероссийской конференции учителей глухих в Москве.

Вот как об этом вспоминает Р.М.Боскис.

> «1930 год, Всероссийская конференция учителей глухонемых в Москве.
> Большая аудитория, в которой сидят люди, отдавшие немалые годы своей жизни обучению глухонемых, совершенно уверенные в том, что единственным и неопровержимым положением, определяющим

[4S1] Участниками съезда были многие известные ученые, такие как В.М. Бехтерев, Г.И. Россолимо, А.С. Грибоедов, Н.М.Щслованов, Г.И. Челпанов, К.Н. Корнилов, А.А. Ухтомский, М.Я.Басов, М.О.Гурсвич, Г.Г.Шлет, В.А.Вагнер и др.

[4И] А.Р.Лурия. Этапы пройденного пути. Научная автобиография. — М.: Изд-во МГУ, 1982.

[485] А.Р.Лурия. Лекция, посвященная Л.С.Выготскому в связи с 80-лстием со дня рождения. Прочитана на факультете психологии МГУ 18/Х1-76 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

эффективное обучение глухонемых, является использование чистого устного метода, не допускающего применения каких бы то ни было средств обучения, кроме устной речи. Многие из сидевших в зале фактически убеждены в этом.

В те времена на стенах, в школах для глухонемых обязательно висел плакат, обращенный к глухонемым детям: «Мимика — ваш враг».

И перед этой аудиторией Лев Семенович читал доклад о полиглоссии. Утверждая положительную роль полиглоссии в развитии нормального ребенка, Лев Семенович показал, что и в школе глухонемых полиглоссия, под которой здесь он разумел устную, письменную и мимическую речь, может оказаться весьма продуктивной. Лев Семенович поразительной убедительностью представил перед учителями значение мимической речи в интеллектуальном развитии глухонемого ребенка.

Аудитория слушала его как зачарованная, не слышно было в зале ни малейшего шороха. Доклад Льва Семеновича завершился громом аплодисментов. Лица слушателей были освещены каким-то необычайным вдохновением. Одни сомневались, другие радовались ... И в это время председательствовавший известный профессор Фельдберг Д.В. приступил к заключительному слову. Он начал свое выступление словами: «Товарищи, над вами разорвалась бомба». В ответ на это аудитория зашумела и профессору Фельдбергу пришлось прекратить свое выступление.

Слушатели тянулись к Льву Семеновичу. Ему было в это время только тридцать три года, рядом с ним стояли люди, убеленные сединами, пересматривающие свои давние убеждения. Своей ясной мыслью Лев Семенович сумел их переубедить. Блеск его замечательной логики всегда имел неотразимое влияние на слушателей»[486].

Так бывало не раз...

Вероятно, не случайно в статье, написанной сразу же после смерти Льва Семеновича и посвященной его памяти, А.Н. Леонтьев на одном из первых мест упоминает его педагогическую деятельность, называя его «блестящим педагогом»[487].

С тою же серьезностью и ответственностью, как к своим прямым обязанностям, относился Лев Семенович и к общественной деятельности. Он никогда не относился к общественной работе формально, все все-

[486] Боскис Р.М. Выступление на Ученом Совете НИИД АПН СССР 27/XII-1966 г., посвященном 70-летию со дня рождения Л.С.Выготского // Семейный архив Л.С.Выготского.

[487] А.Н. Леонтьев. Л.С. Выготский. // Советская психоневрология. — 1934. — № 6.

гда делал искренне. Все поручения, которые ему давались, он всегда выполнял творчески, с полной отдачей сил, проявляя инициативу, выдумку. Всегда и во всем старался сделать максимум того, что мог.

«Свою многогранную исследовательскую работу Лев Семенович не только сочетал с многообразной общественной работой, но и относился к ней с исключительной ответственностью — была ли то работа депутата районного совета, члена президиума союза работников просвещения, члена секции ГУСа Наркомпроса или какая-либо другая из многих»[488].

Вот как сам Лев Семенович писал об этой стороне своей деятельности. За полтора года до кончины он по просьбе какого-то из учреждений, с которым его связывала работа, написал свою научно-педагогическую автобиографию[489]. В графе сведения об общественной работе он писал: «состоял членом Президиума Об-ва психоневрологов — материалистов при ком. академии, психотех. Об-ва (зам. пред.), оргкомитетов научных съездов, ряда редколлегий научных журналов; член Совета (районного) РК и КД: член бюро школьной секции; член ГУСа; трехлетняя работа в культотделе обл. Отдела Рабпрос; участие в Моск. и иногородних педолого-педагогических конференциях, съездах, курсах; член ВАРНИТСО»[490].

«Будучи членом Районного Совета в течение ряда лет и до самой смерти, он активно участвовал в наведении порядка в школах, уделяя особое внимание работе с трудными детьми»[491].

Привожу характеристику Льва Семеновича, выданную уже после его смерти) Фрунзенским Райисполкомом.

Характеристика
ЧЛЕНА СЕКЦИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ФРУНЗЕНСКОГО РАЙСОВЕТА
тов. ВЫГОТСКОГО[492]

Тов. ВЫГОТСКИЙ работал в секции Отдела Народного Образования с 1931 г. Во время своей работы в секции тов. Выготский проявил себя как один из лучших общественников, состоя членом бюро сек-

[488] Власова Т.А. Из выступления на заседании, посвященном 70-летию со дня рождения Л.С.Выготского, 27/ХП-66 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[484] Научно-педагогическая автобиография. Написана 14 января 1933 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[4,о] Всероссийская ассоциация работников науки, искусства, техники содействия социалистическому строительству.

[4.1] Из материалов «Год без Льва Семеновича», подготовленных сотрудниками ЭДИ к годовщине со дня его смерти. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[4.2] Хранится в семейном архиве Л.С.Выготского.

ции, давал ценные указания по школьному строительству. В 1932 году по его инициативе и при активном содействии при 2-й Образцовой школе была надстроена терраса для 3-х санаторных групп, которые существуют до настоящего времени. Им был поставлен ряд ценных лекций и докладов по трудному детству. Кроме этого им был организован ряд обследований вспомогательных школ, а также личное участие в обследовании на дому трудновоспитуемых детей, давал ценные указания родителям и школам...

19/06 1934г. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СЕКЦИИ /подпись/

СЕКРЕТАРЬ /подпись/

Т.А.Власова вспоминала о случае, иллюстрирующем ответственное, серьезное и неформальное отношение Льва Семеновича к своим общественным обязанностям: «Как-то вечером, после работы группа товарищей шла по улице, разговаривая о работе. Возле ворот одного дома лежит нетрезвый. Лев Семенович направился к милицейскому посту. Мы ему сказали, что не стоит этим делом заниматься. Тепло на дворе. Лев Семенович на это ответил: «Это непорядок, я член Райсовета и обязан известить пост». Позвал милиционера и попросил отправить человека домой»[493].

Несмотря на то, что Льву Семеновичу за короткое время служения науке удалось сделать так много, что и полвека спустя еще не все изучено, он не был сухим человеком, замкнувшимся в своем кабинете (кабинета, как уже упоминалось, у него никогда и не было). Это был очень живой эмоциональный человек, отличавшийся разносторонними интересами и увлечениями.

У любимого Львом Семеновичем поэта есть такие замечательные строки:

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, поисках пути,
В сердечной смуте.
До сущности протекших дней
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины[494].

•ш Из материалов «Год без Льва Семеновича», подготовленных сотрудниками ЭДИ к годовщине со дня смерти Л.С.Выготского // Семейный архив Л.С.Выготского.

4,4 Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы. — М.: Худож. лит., 1988.

Отец не знал этих стихов, они были написаны позже, много лет спустя после его смерти. Но эти строки с полным правом могут быть отнесены к нему. Он, действительно, во всем пытался дойти до сути явления, факта, до корней его, докопаться до истины, касалось ли это научных поисков, жизненных ситуаций или просто увлечений.

Так, в молодости он задумался о происхождении своей фамилии, семьи, своего рода. Он изучил этот вопрос и докопался до истины. Он доказывал своему отцу, что фамилия их пишется неправильно, что происходит она не от слова «выгода», а от названия маленького местечка в Белоруссии, откуда вышел их род, и потому должна она писаться через «Т» — ВЫГОТСКИЙ. С тех пор он так и стал писать свою фамилию. Именно так написанной, ее теперь знает весь мир.

Желание «дойти до сути», докопаться до глубин всего, чем бы он ни занимался, было присуще ему и стало одной из его характерных черт.

Даже в своих занятиях тем, что было просто увлечением, и чему, вследствие этого, отдавалось лишь свободное время, он достиг большой глубины, поднявшись в ряде областей до профессионального уровня.

Расскажу о некоторых из его увлечений.

Особое место в жизни Льва Семеновича занимала литература. Научившись читать очень рано, он с детства пристрастился к чтению и много читал. Этому, конечно, способствовала и семейная традиция совместного чтения. К гимназии он хорошо знал русскую и зарубежную классику. Конечно, отдавалась дань и приключенческой литературе. Как всякий мальчик его возраста, он мечтал о приключениях и подвигах. «...Все подвиги я — как и большинство поклонников Майн Рида и Купера — совершал в 10—12 лет»[495].

Любовь к литературе сопутствовала ему всю жизнь.

В студенческие годы он опубликовал ряд статей литературоведческого характера.

Живя по окончании образования в Гомеле, он устраивал вечера, на которых делал литературные обзоры, анализировал творчество какого-либо автора или отдельные произведения как классической, так и современной литературы, за которой он следил и которую тоже знал. Он читал лекции в центральном рабочем клубе о Горьком[496], Короленко[497], о твор-

[495] Из письма к А.Н.Леонтьеву от 31/VII 1930 г. // Семейный архив А.Н.Леонтьева.

[496] Полесская правда. — 1921. — № 600; Полесская правда. — 1922 — №608; № 609; № 615.

[497] Полесская правда. - 1922 - № 630; № 631.

честве Демьяна Бедного[498], о Джоне Риде и его книге «Десять дней, которые потрясли мир»[499], принимал участие в Интернациональном литературном вечере в помощь голодающим Поволжья[500], совместно с поэтом В.М. Василенко в клубе Губсоюза проводит литературный вечер «1922 (Литературное сегодня)» «с чтением новых вещей своих и чужих», как указано в объявлении[501].

Кроме объявлений о его лекциях и выступлениях газеты публикуют и его статьи на литературные темы.

В газете «Жизнь искусства», издаваемой Петроградским театральным отделом Наркомпроса, была опубликована статья Льва Семеновича «Царь голый». Статья посвящена была рассмотрению вопроса об отношении Л.Н.Толстого к Шекспиру. После написания Л.Н.Толстым статьи «О Шекспире и о драме» (1900 г.) широкое распространение получило утверждение о том, что Толстой якобы не понимал Шекспира. Лев Семенович опровергает это бытующее мнение и говорит даже об открытии Л.Н.Толстым Шекспира, о том, что «Толстой гениально понимал Шекспира». Лев Семенович пишет: «Оказалось, что Толстой, с одной стороны, и весь европейский мир, с другой, не то, что по-разному оценивают одно и то же... но говорят о совершенно различных вещах. Так Шекспир на языке Толстого и Шекспир на языке европейского мира ничего общего, кроме имени, не имеют. И динамит его статьи взрывает в гораздо большей степени литературную традицию, чем моральные устои европейского мира.

Я называю статью Толстого открытием, потому что подлинный, настоящий Шекспир никогда не раскрывался так, во всей своей правде и сути, как на страницах его статьи»[502].

Газета «Полесская правда» публикует его статьи о книге Д.Рида «Десять дней, которые потрясли мир»[503], о творчестве Демьяна Бедного[504], о белорусской литературе[505], статью, посвященную 60-летию со дня рождения и 35-летию литературной и общественной деятельности А.С. Серафимовича[506].

[4,8] Полесская правда. - 1923. - № 1060.
[459] Полесская правда. — 1923. — № 1073.
[500] Полесская правда. — 1923. — № 419.
[501] Полесская правда. — 1922. — № 615.
[5,12] Выготский Л.С. Царь голый // Жизнь искусства. — 1920. — № 613, 614, 615.
[503] Полесская правда. — 1923. — № 1081г.
[504] Полесская правда. — 1923. — № 1063.
[505] Полесская правда. — 1923. — № 1075.
[51,6] Полесская правда. — 1923. —• № 1069.

Я не стану характеризовать эти литературоведческие его статьи (коротко мы сказали об этом в первой части книги). Здесь же мне хотелось лишь добавить такую интересную, на мой взгляд, деталь. В ряде статей, например о белорусской литературе, о творчестве А.С. Серафимовича, Лев Семенович прибегает к литературным сопоставлениям, используя произведения других авторов.

Так, статью «Большой народный писатель» Лев Семенович начитает с анализа рассказа В.Гаршина «Художники». Герои этого рассказа два художника. Один из них пейзажист. Он «пишет, что видит: увидит реку и пишет реку, увидит болото с осокой — пишет болото с осокой. Зачем ему эта река и это болото — он никогда не задумывается». Другой написал «Глухаря». Глухари — это рабочие, которые часто глохнут от своей тяжелой и страшной адской работы: человек садится в котел и держит заклепку изнутри клещами что есть силы, напирая на них грудью, а снаружи мастер колотит по заклепке молотком. Рабочий вгносит год-два, а потом ни на что не годен. «Извольте-ка целый день выносить грудью удары здоровенного молота по груди, да еще в котле, в духоте, согнувшись в три погибели». Первый художник не понимает, как это можно выбрать, такой сюжет... Но сам автор знает, что его картина действует». Смотришь и не можешь оторваться, чувствуешь за эту измученную фигуру... Вот два разных искусства. Одно украшает стены богатых гостиных, создает уют и смягчает душу... А другое звучит, как удары молота, лишает сна, заставляет чувствовать за глухаря».

Все это описание понадобилось Льву Семеновичу для того, чтобы сказать, что А.С. Серафимович, юбилею которого и посвящена эта статья, принадлежит к художникам второго рода. Он считает, что юбиляр заслуживает имя народного писателя, что он «плоть от плоти трудового народа, он и в жизни, и в писаниях все время был органически связан, слит с его думами, печалями и радостями»[507].

Статью о белорусской литературе Лев Семенович начинает с описания одного из эпизодов «Слепого музыканта» В.Г.Короленко. Он вспоминает о «необычайном состязании прекрасного венского пианино и простой деревянной украинской дудки. Задумчиво-грустные напевы чудесной дудки поразили душу слепого мальчика. Мать его, ревнуя душу сына к мужику-дударю, выписала пианино. Но венскому инструменту оказалось не по силам бороться с куском украинской вербы. Правда, у венского пианино были

Выготский Л.С. Большой народный писатель. // Полесская правда. — 1923. — № 1069.

могучие средства: дорогое дерево, превосходные струны, отличная работа венского мастера, богатство обширного регистра. Зато и у украинской дудки нашлись свои союзники, так как она была у себя дома, среди родственной украинской природы... Ее ласкало украинское солнце, которое согревало и ее хозяина, тот же обдавал ее украинский ветер. Его учила несложным напевам эта природа, шум ее леса, тихий шепот степной травы, задумчивая, родная, старинная песня, которую он слышал еще над своей детской колыбелью. И милостивая панна, хотя ее тонкие пальцы были быстрее и гибче, мелодия, которую она играла, была сложнее и богаче, должна была признать, что ее победил простой конюх с его глупой свистелкой. Она убедилась скоро, что в дудке есть настоящая поэзия.

... Эта история приходит мне на ум всякий раз, когда я думаю о белорусской литературе и лучше и иначе я не умею объяснить ее значение и смысл, как напомнивши про эту дудку и именно этими словами: тут есть какое-то чувство... чарующая поэзия, которую не выучишь по нотам»[508].

Недавно нами было найдено много театральных рецензий, написанных Львом Семеновичем в 1922—1923 гг. И в них, помимо критического разбора и оценки того или иного спектакля, мы встречаем цитаты из различных авторов, ссылки на них, на отдельные произведения, упоминаются различные литературные герои.

Так, в рецензии, озаглавленной «Благодать»[509], Лев Семенович приводит стихи В.Маяковского; в рецензии на спектакль «Стакан воды» Скриба[510] пишет, что в постановке он усматривает «смесь французского с нижегородским»; в рецензии на спектакль по пьесе Луначарского «Слесарь и канцлер»[5"] говорит о смешении стилей в постановке: «то флейта слышится, то будто фортепиано». В рецензии на спектакль «Ведьма»[512] упоминает он сборник «Цветы зла», в рецензии на спектакль «Ревизор»[513] — «немытую Россию», в рецензии по поводу «Комедии двора»[514] пишет: «Все это было бы смешно, когда бы не было так глупо» (перефраз).

В игре отдельных актеров он видит то «андреевских старух из «Жизни человека», то «мефистофельские ухватки», то «гамсуновский импрессионизм».

Выготский Л.С. О белоруской литературе. // Полесская правда. — 1923. — № 1075.
5119 Полесская правда. - 1923. - № 1057
51(1 Полесская правда. - 1923. - № 1053
511 Полесская правда. - 1923. - № 1036
512 Полесская правда. - 1923. - № 1008
ш Полесская правда. - 1923. - № 1011
514 Полесская правда. - 1923. - № 1029

В рецензиях находим мы много цитат из Пушкина. «Это Пушкин думал, что «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань» (в рецензии на гастроли Утесова); «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Говоря о гастролях 2 студии МХТ, пишет, что она «самая скромная и негромкая» из всех — «она в семье своей родной казалось девочкой чужой».

Рецензируя «Мещан» Горького, пишет о чеховских законах драматургии, анализирует в связи с этим сцены из «Вишневого сада»; в рецензии на «Врагов» цитирует Чехова («все говорят не просто, а нарочно»), Толстого («все выдумано»), в других — ссылается на Куприна, Бунина.

Интересны его замечания и об отдельных героях. Говоря о профессоре Шейне («Дети солнца»), он пишет: «А ведь потомок этого профессора попал в «12» Блока: «... длинные волосы и говорит вполголоса: «Предатели, пропала Россия»; об одном из героев этой же пьесы: «Что-то было в нем и от певчего в «Мещанах».

В рецензиях вспоминает Лев Семенович и литературных героев — Макбета, Годунова, Овода, Орленка, Фауста, чеховского чиновника.

Превосходное знание литературы позволило ему широко использовать в своих лекциях, научных трудах и даже письмах цитаты и примеры из отдельных произведений, те или иные литературные образы, приводить отрывки отдельных произведений, подвергать психологическому анализу ситуации, описанные в литературных произведениях. Вероятно, все помнят его психологическое объяснение ситуации, когда Китти и Левин в «Анне Карениной» Толстого понимают друг друга без слов, только по начальным буквам, написанным на ломберном столике. Хорошо известны его ссылки на Пушкина и Толстого в связи с рассмотрением вопроса о создании литературного образа. Даже в такой методологической работе, как «Исторический смысл психологического кризиса», мы тоже находим упоминания литературных героев — Леди Макбет, Раскольникова. Все это теперь доступно читателю, поэтому нет смысла увеличивать число примеров.

Поэзию Лев Семенович любил особенно, я бы даже сказала — любил преданно и нежно. Он был буквально «начинен» стихами, они из него так и лились. По каждому поводу, к каждому случаю он находил подходящие и с удовольствием читал их целиком или довольствовался лишь отрывком. Это могли быть и лирические стихи, и сатирические, и просто шуточные в зависимости от настроения или повода, по которому они читались. Он прекрасно знал не только классическую поэзию, но и со-

временную. Из современных поэтов он особенно любил и хорошо знал творчество Б.Л.Пастернака, оно было ему, по-видимому, близко.

С интересом Л.С. Выготский относился к Маяковскому. Мария Семеновна, сестра Льва Семеновича, вспоминала, как он был рад, когда достал «Флейту-позвоночник» и с каким удовольствием читал ее вслух домашним.

Стихотворными цитатами изобилуют, скажем, отдельные главы «Мышления и речи», встречаются они, конечно, и в других его работах. Это и Пушкин, и Тютчев, и Фет, и Мандельштам. При сравнении этих цитат с текстами иногда было обнаружено несколько мелких неточностей — нарушен порядок слов, слово заменено очень близким по значению. Причина в том, что писал он их по памяти, не сверяя с оригиналом, а так, как запомнилось — ему важен был смысл. Но все это, при желании, читатель без труда отыщет в опубликованных работах Льва Семеновича.

А вот письма его пока еще недоступны для чтения, поэтому позволю себе привести некоторые выдержки из них, чтобы познакомить с ними читателя.

Так, в одном из писем к А.Р. Лурия (5/III 1926 г.), написанном во время обострения болезни из больницы, Лев Семенович пишет: «Я чувствую себя вне жизни, вернее между жизнью и смертью; я еще не пришел в отчаяние, но я уже оставил надежду» (это перефраз слов Данте — «Оставь надежду, всяк сюда входящий»). В письме к своим ученикам (15/IV 1929 г.) — «Пятиликому Кузьме Пруткову» он упоминает «Макбет». В письме к Н.Г. Морозовой (7/IV 1930 г.) приводит строки из стихотворения Тютчева «Весна»; в другом письме к ней же (29/VII 1930 г.) он пишет, что понимает ее состояние и далее: «Я в жизни обмирал, и чувство это знаю, — как у Фета говорится про другой психологический вариант этого состояния». Еще в одном письме тому же адресату (19/VIII 1930 г.) Лев Семенович убеждает Н.Г. Морозову преодолеть настроение. Он пишет: «Отбросьте уныние, прочитайте медленно и много раз очищающее и просветляющее пушкинское «безумных дней угасшее веселье...».

В письме к Р.Е. Левиной (16/IV 1931 г.) Лев Семенович ссылается на Гоголя, Достоевского, советует ей перечесть «Три года» Чехова: «Вот — жизнь. Она глубже, шире своего внешнего выражения. Все в ней меняется...» Говоря об одном человеке в письме А.Р. Лурия (12/VI 1931 г.) упоминает о его «санчовской нерешительности и трусости».

На этом, пожалуй, прерву цитирование, так как и приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться в том, что даже в переписке Лев Се-

менович прибегал к использованию художественной литературы — то в виде цитат, то в виде ссылок, то в виде литературных аналогий.

Хорошо зная законы развития детской психики, понимая детей, их нужды, их потребности, ясно представляя условия, необходимые для их оптимального развития, Лев Семенович уделял внимание и детской литературе. В одной из своих статей Лев Семенович пишет, что очень сомневается «в том, чтоб слащавая сказочность и крокодиловая чепушистость были единственным материалом детского театра и литературы. Есть целые страны серьезной детскости и глубокой шутки...» Но вместе с тем он считает, что «надо сеять не только «разумное, доброе, вечное», но как-нибудь позаботиться и о забавном, недельном, увлекательном»[515].

Полагаю, он хорошо разбирался в вопросах детской литературы, поскольку многие детские писатели приходили к нему за советами. Лучше других помню Софью Федорченко — она приносила мне в подарок свои книги, и у меня их скопилось великое множество.

В архиве Наркомпроса хранится протокол № 8 заседания Президиума ГУСа от 22/2 1928 г.

«Слушали: О работе комиссии по детской литературе.

Постановили: Поручить председателю комиссии установить окончательно состав комиссии, пополнив ее детскими писателями, педологами и работниками по детскому чтению»[516].

Следующий документ гласит:

«Во исполнение постановления Президиума ГУСа от ... утвердить дополнительно членами комиссии по детской литературе при Научно-педагогической секции ГУСа следующих товарищей:

Серафимович А.,
Выготский Л.С,
Маршак С.Я.,
Пастернак Б.Л.,
Асеев Н.,
Безымянский А.,
Покровская А.

Не возражаю.
М.Н.Покровский»[517]. 3/5.

[515] Выготский Л.С. О детском театре // Наш понедельник. № 35 от 7 мая 1923 г.
[516] ЦГА РСФСР. - Ф. 298. - Оп. 1. - Ед. хр. 6. - С. 34.
[517] ЦГА РСФСР. - Ф. 298. - Оп. 1. - Ед. хр. 6. - С. 35.

Среди бумаг Льва Семеновича сохранилась повестка:

«В. срочно.

16/ 5 1928 г. № 90021

Тов. Выготскому Л.С.

Б.Серпуховская 17 кв. 1

Государственный Ученый совет просит Вас принять участие в работе Комиссии по художественной детской литературе.

Очередное заседание Комиссии состоится 21 мая в 6 час. вечера Чистые пруды, д. №6, 3-й этаж. Кабинет Крупской.

Председатель Комиссии
по детской художественной литературе ГУСа
Л.Менжинская»[518].

Если профессионалы нуждались в его советах, если им были интересны и важны его суждения, надо полагать, речь идет о профессиональном знании литературы и понимании ее значения и задач.

Одно из главных увлечений Льва Семеновича, которое, пожалуй, можно назвать страстью, был театр. Интерес к театру и любовь к нему он пронес через всю жизнь.

По словам его сестер, началось это еще в детские годы. Уже тогда он с удовольствием часто читал вслух сестрам драматические произведения, стараясь по-разному читать за разных действующих лиц, как бы играя за них. В гимназические годы он ставил «Женитьбу» Гоголя, «был чем-то вроде режиссера — проходил с участниками все роли — и мужские, и женские. Он увлекался игрой приезжавших в Гомель на гастроли столичных актеров»[5"]. А «маленькая гомельская сцена знала свои звездные часы... Дореволюционные гомельские театралы видели лучшие силы русской сцены — В.Долматова, В.Комиссаржевскую, Н.Ходотова, братьев Адельгейм, М.Петипа, П.Орленева, М.Дальского, Л.Карамазова, слушали на вокальных вечерах Плевицкую и Вяльцеву, А.Пасхалову и М.Каринскую, солистов-виртуозов и целые симфонические оркестры. Первые театральные впечатления Л.С. Выготского связаны с гомельской сценой...»[520] Он не пропускал ни одного спектакля не только гастролеров, но и поставленного местными силами.

[5|в] Семейный архив Л.С.Выготского.

[5|,)] Добкин С.Ф. Века и дни. Цит. по: Lcvitin K. One is not born a personality. — Moscow: Progress Publishers, 1982. — P. 32.

[5211] Мальцев В.В. Выготский — театральный критик («В 16 свечах провинциальной сцены»). Рукопись (в печати).

В годы студенчества в Москве этот интерес к театру развился и окреп. Да это и немудрено: спектакли Художественного театра в те годы были событием не только театральной, но и культурной жизни города. Репертуар, игра таких блистательных актеров, как М.И.Москвин, М.Ф.Андреева, О.Л.Книппер-Чехова, В.И. Качалов, Михаил Чехов делали эти спектакли незабываемыми. Театр был общедоступным, и студенты, в *том числе и Лев* Семенович с сестрой (она тоже училась в Москве и они жили вместе, снимая комнату на Пречистенке), знали весь его репертуар. Покупая самые дешевые входные билеты, они не пропускали ни одного спектакля.

Несколько позже внимание Льва Семеновича привлек к себе открывшийся в 1914 г. Камерный театр, созданный и возглавляемый А.Я. Таировым. Приковав к себе интерес Льва Семеновича, этот театр прочно вошел в его жизнь. Лев Семенович полюбил этот театр и остался верен этой любви на всю жизнь.

Вернувшись из Москвы в Гомель после завершения образования, он становится сначала заведующим театральным подотделом Гомельского отдела народного образования (1919—1921 гг.), а позднее — заведующим художественным отделом Губполитпросвета. Теперь уже театр попал в сферу его деятельности не только по интересу, любви, но и по должности. Он с увлечением отдался делу. Он ездил в другие города, смотрел спектакли, отбирал самые значительные, приглашал не только отдельных гастролеров, но организовывал гастроли целой труппы. Благодаря этому, как вспоминают гомельчане, тогда в городе были такие значительные и интересные спектакли, которые и сейчас бы смотрелись с удовольствием.

В Петроградской газете «Жизнь искусства» была помещена небольшая заметка П. Айдарова «Письма с пути». Автор пишет, что «въезжая в Гомель, вы уже сразу чувствуете разницу между Минском и Гомелем и, конечно, не в пользу первого». Автор заметки рассказывает, что в Гомеле с 3 сентября проходят гастроли киевских артистов, что только что окончились гастроли оперы из Москвы, во время которых зрители познакомились с такими спектаклями, как «Фауст», «Севильский цирюльник», «Евгений Онегин». Он отмечает, что Губполитпросвет и заведующий художественным отделом серьезно готовятся к сезону — выезжают за артистами и заключением договоров, строго следят за театральным и концертным репертуаром, не допуская случайных гастролеров и что «ведется строгая фильтрация и нелегко получить разрешение на концерт»[521].

Айдаров П. Письма с пути. // Жизнь искусства. — 1922. — № 37 (260) — С. 6.

Но сам Лев Семенович не вполне удовлетворен достигнутыми результатами и очень критически относится к тому, что происходит в театре. В одной из газетных заметок он пишет: «Наш репертуар был все время доброкачественен, приемлем, хотя включал в себя много и глухо провинциального и безнадежно обветшалого, пропыленного и идейно пошлого и художественно малоценного. Но Гоголь и Грибоедов, Шиллер и Шекспир, Островский и Горький в мало-мальски сносной передаче уже события в нашей культуре и в нашем быту»[522].

В газетах появляются его театральные рецензии, в которых он откликается почти на каждую из многочисленных постановок. Эти рецензии печатаются как в ежедневной газете «Полесская правда» (или «Полесская жизнь»), так и в еженедельной «Наш Понедельник», иногда из номера в номер, где специально появляется раздел «Не совсем рецензия». Вот как сам Лев Семенович пишет о своих рецензиях в заметке «Об авторе «Не совсем рецензий»: «... я так много объяснял актеров, что должен объяснить и себя.

Перебрасывать «воздушные мосты критики» между зрителем и сценой, потому что «подлинно не то, что напечатано, но то, что по напечатанному прочтено», — мне хотелось всегда в летучих и беглых строках. Не ставить отметку: хорошо и плохо, не выдавать дипломы в талантливости и бездарности, но помочь критически зрителю построить свой спектакль в своем восприятии. В оценках могли быть ошибки, в суждениях — легкомыслие.

Но основная мысль моя кажется мне верной, и я хочу здесь формулировать ее и замкнуть последней точкой: «как электричество не только там, где молния», но и там где 25 свечевая лампочка, так и поэзия и искусство не только там, где великие создания, но и в 16 свечах провинциальной сцены. Малой поэзии, малому искусству нашей сцены, эфемерному, милому, забвенному были отданы мои забвенные слова»[523].

Рецензии Льва Семеновича привлекали к себе внимание читателей и положительно ими оценивались. Так, в одном из номеров «Нашего понедельника» была помещена заметка «Рецензия на рецензента. Читайте Выготского». Приводим ее: «Это я сообщаю к сведению тех, кто ищет в нашей газете настоящую театральную рецензию.

[522] Выготский Л.С. К закрытию сезона: В бабушкиной библиотеке. // Наш Понедельник. - 1923. - № 28.

[523] Выготский Л.С. К закрытию сезона: Об авторе «Не совсем рецензий». // Наш Понедельник. — 1923. — № 28.

Тов. Выготский строгий, но справедливый экзаменатор. Он каждой пьесе, каждой постановке и каждому артисту выводит точный балл. Ищите Выготского. Он безошибочен»[524].

В.В. Мальцев, театровед, исследующий становление театра в Белоруссии, считает, что «по мастерству изложения, сжатости заразительной мысли и самобытности жизненных и эстетических взглядов его имя может быть поставлено в один ряд с ведущими критиками того времени — А. Луначарским, П.Марковым, А.Гвоздевым и др.». Он пишет: «... отдав себя оперативной журналистской работе и, несмотря на молодость, став признанным среди гомельчан авторитетом, Л.С. Выготский самой своей деятельностью определил пусть короткий, но весьма продуктивный период расцвета в истории гомельской театральной критики. На такой высокий профессиональный уровень она никогда больше на поднималась»[525].

Лев Семенович выступает с лекциями по вопросам театра. Так надолго гомельчане запомнили его лекцию «Качалов — Гамлет».

В газетах мы нашли объявления о его лекциях, которые он читал в Центральном Рабочем клубе для участников драмкружка. По-видимому, это был целый цикл лекций, две из которых были обозначены как «Сценическая грамота»[526].

В чудом сохранившемся единственном номере журнала театра, литературы, искусства «Вереск» на странице 11 в рубрике «Местная хроника» помещены 4 небольшие заметки. В первой из них — «Новые постановки» — сообщается о готовящихся к постановке пьесах Гауптмана и Уайльда, о том, что «на этой неделе труппа показывает две интересных новых постановки: «Обрыв», инсценированный по роману Гончарова, с Азагаровой в роли бабушки и Драга Верой, и «Самое главное», комедию известного театрального режиссера-новатора Евреинова, прошедшую с шумным успехом в Петербурге и Москве».

Вторая заметка называется «Драматическая студия». Приводим ее полностью: «Нам сообщают, что в самом непродолжительном времени в Гомеле предполагается открытие драматической студии под общим руко-

[524] Рецензия на рецензента. Читайте Выготского. // Наш Понедельник. № 38 от 29 мая 1923 г. (Заметка подписана буквой «М»).

[525] Мальцев ВВ. Л.С.Выготский — театральный критик («В 16 свечах провинциальной сцены»). Рукопись (в печати).

[526] Полесская правда. - 1922. - № 747; № 783, 784, 785;
Полесская правда. - 1923. - № 790; № 811; № 819; № 821; № 825; № 827.

водством А.Я. Азагаровой и Л.С. Выготского. Преподавателями приглашаются лучшие местные артистические силы» (далее перечислены фамилии тех, кого предполагали использовать в качестве преподавателей)[527].

Лев Семенович очень любил чтение вслух и очень хорошо читал и прозу, и стихи. По всей видимости, в этом сказались и семейные традиции совместного чтения по вечерам, когда вся семья собиралась вместе, и с делами и уроками было покончено.

«Однажды я мыла полы в доме, — рассказывает его сестра Мария Семеновна[528], — (это было в 1919г.), когда пришел Лев Семенович. Он был радостен и возбужден. «Скорей кончай мытье полов и приходи. Я принес очень интересные стихи Маяковского и буду их читать. Кончив с уборкой, я поспешила к нему. Все уже собрались, и он начал читать (кажется, «Флейту-позвоночник»). Мне тогда трудно было понимать Маяковского при самостоятельном чтении, но Лев Семенович так прекрасно читал, что я все сразу поняла, и без отрыва слушала его. Он читал очень просто, но так выделял смысл, что было очень интересно и все понятно».

Мне рассказывали гомельчане, что Лев Семенович устраивал в городе публичные чтения отдельных произведений. Большое впечатление на аудиторию произвело и надолго запомнилось чтение им рассказа Чехова «Черный монах»[529].

И во второй московский период жизни (1924—1934) Лев Семенович не утратил интереса к вопросам искусства. И в эти годы он старался посещать самые интересные спектакли — это было для него и данью давней любви, и формой отдыха и просто проявлением интереса. Хорошо помню разговоры о спектаклях камерного театра с Алисой Георгиевной Коонен, о новых ролях Михоэлса, постановках Мейерхольда, спектаклях приехавшего на гастроли театра Кабуки.

Приведу несколько фактов, свидетельствующих о том, что и в эти годы вопросы искусства, как и прежде, входили в орбиту его интересов.

Президиум Государственного Ученого совета Наркомпроса ставит на апрель 1927 г. доклад Л.С. Выготского «Педология кино»[530].

Постановлением Заседания Директората Государственной Академии

[47] Вереск. - 1922. - № 1. - С. П.

[528] Ей было в ту пору 12 лет.

[529] Рассказывали об этом А.Л. Дружинина, Э.Л.Гейликман, мама, сестра Льва Семеновича — Зинаида Семеновна.

[53,1] ЦГА РСФСР. - Ф. 298. - Оп. 1. - Ед. хр. 5. - Л. 98.

искусствознания (ГАИС) от 15/3 1931 г. Л.С. Выготский зачислен «сверхштатным действительным членом по Лаборатории Экспериментального Искусствознания с 1/4 с.г.»[531].

В 1932 г. Лев Семенович пишет статью «К вопросу о психологии творчества актера»[532].

В последние годы жизни Лев Семенович в течение нескольких лет читал в Камерном театре для актеров и режиссеров курс психологии творчества (так продолжились его отношения с этим театром, который он полюбил еще в годы студенчества)[533].

Я уже рассказывала о том, что А.Р. Лурия познакомил Льва Семеновича с Сергеем Михайловичем Эйзенштейном. Они подружились. Их объединяла не просто личная симпатия, но и общие интересы. Они систематически встречались, чтобы обсуждать проблемы зарождающегося киноязыка. С.М.Эйзенштейн, рассказывая о Льве Семеновиче, писал: «Эти глаза светились грустью, когда Выготский старался разубедить меня в моих злых намерениях, сопровождающихся самыми унизительными эпитетами по адресу священного искусства»[534].

В этой же рукописи Сергей Михайлович писал: «Был момент, когда проблемы зарождающегося киноязыка (особенно по картине «Октябрь») мы должны были систематически анализировать в «неплохом составе»: Александр Романович Лурия, Выготский... Марр, да — сам Николай Яковлевич Марр и я»[535].

Кроме того, Сергея Михайловича интересовало, как зрители воспринимают созданные им фильмы. Так ли понимает аудитория образы в его фильмах, как он этого хотел бы, как он задумал. И в этой работе принял участие Лев Семенович.

[511] Выписка из протокола № 6 заседания Директората ГАИС от 25 марта 1931 г. Выписка подписана секретарем Эсауловым. // Семейный архив Л.С.Выготского.

["2] Выготский Л.С. К вопросу о психологии творчества актера. // Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. — М: Педагогика, 1984. — Т. 6. (Впервые опубликована в кн.: Якобсон П.М. Психология сценических чувств актера. — М., 1936).

[5"] Р.В.Узина, дочь папиного друга, недавно поведала мне одну деталь, один штрих, по которому можно судить о том, какие близкие и неформальные отношения связывали Льва Семеновича с актерами этого театра. Когда в 1930 (или 1931) г. она окончила школу, то, как и многие ее ровесницы, мечтала стать актрисой. И тогда Лев Семенович повел ей с собой в Камерный театр и попросил кого-то из актеров или режиссеров прослушать девушку и сказать о ее данных, ее профпригодности.

Хорошо зная безупречную деликатность Льва Семеновича, можно с уверенностью сказать, что с такой личной просьбой он мог обратиться лишь в случае очень близких дружеских отношений.

[534] Эйзенштейн СМ. Из рукописи // ЦГАЛИ. - Ф. 1923 - Оп. 2. - Ед. хр. 247.

[535] Эйзенштейн СМ. Из рукописи // ЦГАЛИ. - Ф. 1923 - Оп. 2. - Ед. хр. 247.

Судя по записям С.М.Эйзенштейна, его не только интересовала точка зрения Льва Семеновича, но он очень дорожил его мнением.

В 1981 г., совсем незадолго до своей смерти, Александр Владимирович Запорожец написал статью, посвященную памяти своего учителя по искусству — замечательного украинского режиссера Леся Степановича Курбаса. В юности А.В. Запорожец был актером театра «Березиль», который возглавлялся Лесем Курбасом. Давайте послушаем, что рассказывает Александр Владимирович Запорожец.

«... сам Курбас идеей строительства философского театра, утверждением того, что творчество актера и режиссера должно строиться не на голой интуиции, а на сознательном отношении к изображаемым событиям, на глубоком понимании их внутреннего смысла, пробудил во мне, может быть, сам того и не подозревая, интерес к психологии, к научному познанию внутреннего мира человека, к исследованию законов возникновения его мыслей и эмоциональных переживаний, процесса становления его личностных качеств.

Все это побудило меня в конце концов уйти из театра, поступить в Московский университет и заняться изучением психологии. Я стал учеником знаменитого советского психолога Л.С. Выготского... Мне думалось, что существует известное сходство взглядов Л.С. Курбаса на синтез чувственного и рационального в творчестве актера и идей, развиваемых Л.С. Выготским относительно единства аффекта и интеллекта. Теперь, уже зная «Психологию искусства» Л.С. Выготского, которая в те годы еще не была опубликована, можно сказать о близости взглядов на искусство, развивавшихся этими выдающимися людьми. Талантливого режиссера и крупного ученого познакомил в Москве нарком просвещения Украины В.П. Затонский. Затем они встретились в Харькове. Совсем недавно Лесь Танюк познакомил меня с воспоминаниями одного из учеников Курбаса, мастера художественного слова В.Мовсесяна, который рассказывал:

«Мы приглашали Леся Степановича на занятия нашей Армянской студии. Кажется, весной тридцать второго или тридцать третьего года, дату установить несложно, он тогда долго болел. Курбас пришел к нам после болезни... Мы показали ему какие-то этюды из так называемой «детской» серии. И он так интересно говорил тогда о детстве, которое само по себе — игра, «театр для себя», преображение личности. Курбас считал, что воспитывать актера надо с детства, с младенчества: не случайно актерами становились раньше выпускники балетных школ, куда поступали семи лет. Надо воспитывать

детей свободными и раскованными, они должны быть импровизаторами, сочинителями, авторами, только из такого ребенка может выйти настоящий актер! На этой встрече Курбас заговорил о новом подходе к актерскому проживанию роли, помню его термин «психологическая арлекинада». Я записал тогда, может, не дословно, но все-таки довольно точно. «Посмотрите, — сказал тогда Курбас, — какие идеи развивают наши соседи — Выготский и его группа! Я проговорил с Львом Семеновичем часов пять — и поражен его размахом! Какой масштаб личности! И знаете, что поразительно? Он говорил о том, что важно в первую очередь нам, деятелям театра! Да-да! Это очень близко к тому, чем мы пытались заниматься — конечно, любительски, не зная азов, интуитивно... Это вам не рефлексология...»[536].

Вот так интерес и любовь к театру, возникшие еще в детские годы, не оставляли Льва Семеновича всю жизнь.

Я полагаю, можно утверждать, что уровень понимания искусства, его законов Львом Семеновичем было достаточно высок, если его мысли по поводу искусства, его суждения стали не только интересны, но и важны таким профессиональным художникам, какими были А.Я. Таиров, С.М.Эйзенштейн, Л.С. Курбас.

Шахматами Лев Семенович интересовался еще с гимназических лет. Один из его приятелей того времени вспоминает: «Нас сближали в те годы и шахматы. Лев Семенович хорошо играл. Тогда теории в Гомеле еще не знали, но он любил нестандартные начала»[5"].

Любовь к шахматам сохранилась у него на всю жизнь, и в часы редкого своего досуга он уделял им время. «Я живу в Перловке хорошо: читаю, дышу, играю в шахматы. Мучает туберкулез и ожидание операции... видимо, неизбежной осенью», — писал он в письме Александру Романовичу Лурия[538]. Конечно, это игра носила любительский характер и являлась для Льва Семеновича формой отдыха.

Были у него и более или менее постоянные партнеры по шахматам. Так, если к нам в дом приходил один из его приятелей юности Э.Б.Фейгенберг, они непременно садились за шахматы. Этого момента я обычно

[536] Запорожец А.В. Мастер // Лесь Курбас: Статьи и воспоминания о Л.Курбасе. Литературное наследство. — М.: Искусство, 1988.

[537] Добкин С.Ф. Века и дни. // Levitin K. One is not born a personality. — Moscow: Progress Publishers, 1982. - P. 27.

[53*] Из письма Л.С.Выготского А.Р. Лурия от 26/VlI 1927 г. // Семейный архив А.Р.Лурия.

ждала с нетерпением. Они садились на углу большого обеденного стола, один с одной стороны, а другой — с другой и оба выставляли для меня согнутые в коленях ноги. Я садилась им на колени (на одну ногу отца, и на другую ногу его приятеля) и наблюдала их неторопливую игру. Сбитые фигуры отдавались мне, и я с ними возилась тут же, возле шахматной доски. Когда мне хотелось привлечь их внимание к своей игре с шахматными фигурами, я тормошила их обоих, просила посмотреть, что у меня получилось, требовала их оценки, сочувствия. Надо сказать, что ни отца, ни его друга (который очень меня любил) моя возня рядом, мои приставания, отвлекавшие их от игры, ничуть не сердили, не раздражали. Они уделяли мне пару минут, включаясь в мою игру, говорили мне что-нибудь ласковое и снова продолжали партию. Во время игры они переговаривались, шутили, обсуждали какие-то интересные им обоим вопросы. Лев Семенович никогда не огорчался результатам игры, всегда оставался в хорошем настроении, был приветлив.

Другим постоянным его партнером по шахматам был профессор Б.Г. Столпнер. Тут обстановка бывала совсем иной. Садились они за шахматы после продолжительных, иногда многочасовых бесед. Играли молча, сосредоточенно, и только результат партии вызывал их реплики. Казалось, что и играя, они продолжают раздумывать по поводу состоявшейся беседы, решать какие-то возникшие в ее ходе и еще нерешенные вопросы. В этих случаях я наблюдала их игру молча, стоя рядом с отцом.

Бывало, что играл Лев Семенович и с другими людьми, с сестрами. Но все же шахматы были для него увлечением, отдыхом.

Но, оказывается, и к этому увлечению он относился с большой долей серьезности. Недавно мне удалось обнаружить любопытный документ. Это пожелтевшая от времени повестка с напечатанным на машинке текстом. Верхняя строка не пропечатана — видимо, сдвинулась копирка. Привожу эту повестку полностью, так, как она напечатана.

«...в... аудитории Моск. Дома Ученых (ул. Кропоткина, 16, подъезд № 2 с Мертвого пер.) состоится доклад-лекция на тему: «Что могут дать шахматы психологии и психология шахматам».

Докладчики — проф. Л.С. Выготский и мастер В.Ю.Блюменфельд.

Тезисы (мастер Блюменфельд) — Провалы в мышлении сильнейших шахматистов. В чем причина. Два элемента в процессе шахмышления. Отличительные их признаки. Иллюстрация на примерах преобладания интуиции в шахмышлении и связь с провалами. Ши-

рокие горизонты при научном исследовании вопроса. Конечная задача исследования и т. д.

Доклад иллюстрируется примерами шахпартий на демонстрационных досках.

Тезисы (проф. Выготский) — История и источники шахигры. Восприятия шахдоски. Закон фигуры и фона. Психология шахматного хода. Буриданова ситуация в шахматной игре. Понимание плана противника. Законы мышления и т. д.

Вход по повесткам.

Шахбюро МДУ»[539]

Как видим, и это свое увлечение Лев Семенович сумел заставить служить науке, использовать в серьезных целях.

К сожалению, болезнь наложила свое «вето» на одно увлечение юности — плавание, сделав его недоступным Льву Семеновичу. Я никогда, ни разу в жизни не видела его купающимся в реке или пруду.

Но остались пешие прогулки, которые он очень любил. Во время его отпуска летом мы совершали с ним такие походы по окрестностям. Он любил при этом опираться на палку, которую находил тут же в лесу и с которой не расставался в продолжение всей прогулки. Иногда мы ходили по несколько часов. Сохранилась одна фотография, сделанная во время такого похода (Ярцево, вето 1931 г.), где мы втроем — папа, мама и я отдыхаем после пройденного нами значительного расстояния.

Очень любил Лев Семенович катание на лодках. Выросший на реке, он хорошо греб и с удовольствием катал нас.

Летом 1930 г. мы снимали дачу в Измайлово (теперь это Москва). Возле дачи был большущий (или мне таким он тогда казался?) пруд с лодочной станцией. Лето стояло очень теплое, и мы много времени проводили на воде — папа всех нас катал на лодке. Его сестры были тогда очень молоды, к ним все время приезжали подруги, и Лев Семенович катал и сестер, и их подруг, и даже бабушку, и, конечно, всегда меня в придачу. Грести долго подряд ему было из-за болезни трудно (да, вероятно, и нельзя), но недолгие прогулки неизменно доставляли ему удовольствие. Он всегда был в добром настроении, подшучивал над своими спутницами, рассказывал что-нибудь забавное, читал стихи. И если мы бывали с ним на лодке вдвоем, то, читая стихи, он неизменно говорил

Эта повестка хранится в семейном архиве Л.С.Выготского.

мне: «Ты только послушай, как прекрасно сказано» или: «Прислушайся, какие замечательные стихи!»

Очень любил Лев Семенович езду на велосипеде.

Своего велосипеда у него не было, но хорошо помню, что два лета подряд мы снимали дачу, у хозяев которой было два велосипеда, и они разрешали ими пользоваться.

Иногда, в хорошую ясную погоду, Лев Семенович садился на велосипед и ехал прогуляться, отдохнуть от работы. Обычно он ездил с одной из своих сестер. В этих случаях им поручалось сделать некоторые покупки. Ясно вижу, как они выезжают с участка — папа сидит в седле, немного наклонившись вперед, а его сестра — необыкновенно прямо. Они переговариваются, шутят, смеются. Однажды, помню, их застал ливень, и все на даче очень беспокоились, а они вернулись, вымокшие до нитки, но очень веселые. Мама помогала папе вытираться, волновалась, чтобы он не простудился, заставила переодеваться во все сухое. А он был такой веселый и выглядел совсем юным.

Иногда, когда я очень просила, меня брали с собой — папа сажал меня на раму. Но долго выдержать я не могла — сидеть на раме было неудобно и больно. Так повелось, что я ехала с ними до тех пор, пока видна была дача. Потом папа спускал меня на землю и ждал, глядя мне вслед, пока я не добегала до дома, а потом они ехали дальше. Я же на крылечке ждала их возвращения.

Очень многие, вспоминая Льва Семеновича, рассказывали о его манере говорить, о его речи. Послушаем их.

«Голос у Льва Семеновича был очень музыкальный. Говорил он негромко, выразительно, при этом без всякой аффектации»[540].

«...Умением ясно и убедительно излагать свои мысли он владел с детства. О чем бы он ни рассказывал, все казалось интересным и увлекательным»[541].

«У него был прирожденный дар убедительной речи... Вы невольно попадали под его власть, когда он начинал говорить»[542].

Первое публичное выступление Льва Семеновича на 2 психоневрологическом съезде в Петрограде (январь 1924 г.) Александр Романович Лу-

[540] Гейликман Э.Л. Воспоминания о Л.С.Выготском. Рукопись//Семейный архив Л.С.Выготского.

[541] Добкин С.Ф. Века и дни // Levitin K. One is not born a personality. — Moscow: Progress Publishers. 1982. - P. 30.

[542] Добкин С.Ф. Выступление на факультете психологии МГУ 27/11 1984 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

рия вспоминал неоднократно. Попробую соединить воедино то, что он говорил об этом в разное время.

«...И полилась кристально ясная, четкая, логически безукоризненно стройная речь... У него не было ни печатного текста, ни конспекта. Однако он говорил плавно, без остановок, легко переходя от одной мысли к следующей. Уже сама манера изложения показалась мне исключительной благодаря убедительности стиля... Внутренний склад его мысли был совершенно плавным, удивительно четким — ни одного срыва, ни одного «спотыкания». Это был плавный ход мыслей, облеченных в красивую словесную форму». Александр Романович рассказывал, что в руках у Льва Семеновича была бумажка, по которой (как казалось окружающим) он докладывал, однако, когда А.Р. Лурия взглянул на эту бумажку после доклада, то обнаружил, «что в ней ничего не написано»[543].

«Его ораторские способности, сдержанная, но полная творческих мыслей и логической отшлифованности речь способны были на многие часы приковывать все внимание слушателей»[544].

«Мне случалось в студенческие годы слушать его лекции, присутствовать на обсуждениях (разборах) детей. Обаяние, эрудиция сочетались в его речи с простотой и доступностью изложения»[545].

«Без всякой внешней аффектации, почти лишенная внешних жестов, но вместе с тем эмоционально очень выразительная и чрезвычайно в смысловом отношении насыщенная, четкая, плавная речь его с первой до последней минуты держала всю аудиторию в плену»[546].

Все, кто общался со Львом Семеновичем, убеждался в силе и глубине его ума. Я полагаю, здесь не нужно приводить никаких специальных доказательств. Достаточно открыть любой из томов его сочинений, чтобы убедиться и в широте, и в самостоятельности, и в критичности его ума.

Лев Семенович очень ценил юмор. Сам был очень остроумным чело-

[541] Лурия А.Р. Вдохновенный героический труд ученого. // Учительская газета. 8/IX 1977 г.; Лурия А.Р. Этапы пройденного пути: Научная автобиография. — М.: Изд-во МГУ, 1982; Лурия А.Р. Лекция, прочитанная на факультете психологии 18/XI 1976 г., посвященная Л.С.Выготскому // Семейный архив Л.С.Выготского.

[544] Власова ТА. Из выступления на заседании, посвященном 70-летию со дня рождения Л.С.Выготского 27/ХМ 1966 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[545] Из воспоминаний Рубинштейн С.Я. Роль Б.В.Зейгарник в развитии патопсихологии. // М.:ВИНИТИ АН СССР (УДК 159:9:616.89), 1988. - С. 15.

[546] Эльконин Д Б. Из выступлению! на расширенном заседании Ученого совета НИИ ОПП 14/ХП 1966 г. Архив НИИ ОПП. - Ф. 82. - Оп. 1. - Ед. хр. 397. - С. 214.

веком. Всю жизнь любил шутки, живо на них реагировал, сам любил шутить. Об этом вспоминали многие.

«Лев Семенович бывал весел, блестяще остроумен, жизнерадостен в компании друзей»[547], — вспоминала Т.А.Власова.

А.В. Запорожец рассказывал мне о шутливом высказывании Льва Семеновича в адрес одного психолога (не хочу говорить, кого именно). Он сказал: «Это счастливый человек — он влюблен в себя, пользуется взаимностью и не имеет соперников!»

Почти традиционным было подшучивание над Александром Романовичем Лурия. Дело в том, что Александр Романович не употреблял напитков, превосходящих по крепости молоко, что очень веселило его молодых друзей и служило поводом для бесчисленных шуток.

«Он любил шутить... Мы часто собирались, он всегда шутил, много смеялся. Всегда подшучивал над Александром Романовичем Лурия: «ему надо молока приготовить»[548].

Готовя письмо Александру Романовичу, Лев Семенович делает приписку для его жены:

«Милая Вера Николаевна, спасибо за привет. Я пишу от имени всего семейства: мать в Москве, а дочь кричит благим матом. Завидую Вам самой черной завистью; особенно за вино. Если сделаете из Александра Романовича пьяницу, я привяжусь к нему вдвое сильнее, и тогда мы уже никогда не расстанемся. Пейте и отдыхайте. Привет! Ваш ЛВ»[549].

Его шутки, юмор, можно обнаружить и в других его письмах.

Так, в одном из писем к А.Р. Лурия Лев Семенович пишет, что у него есть ряд статей для публикации. Он называет 6 из них, а далее добавляет: «etc, etc, etc, ohne Zahl (без числа), как говорит наша больная в ответ на вопрос, сколько у нее пальцев на руках»[550].

И в его работах, если внимательно их читать, легко обнаружить и юмор, и иронию, и остроумие.

В письме к А.Р. Лурия Дж.Брунер пишет, что находится под впечатлением от книги «Мышление и речь», которая в то время готовилась к

[547] Власова Т.А. Из выступления на заседании, посвященном 70-летию со дня рождения Л.С.Выготского, 27/ХП 1966 г.// Семейный архив Л.С.Выготского.

[5Ы] Из беседы с Н.Г. Морозовой 11/ХП 1988 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[S4"] Из письма Л.С.Выготского А.Р.Лурия и его жене от 26/VII 1927 г. // Семейный архив А.Р.Лурия.

[5511] Из письма Л.С.Выготского А.Р.Лурия от 2/XI 1933 г. // Семейный архив А.Р.Лурия.

выходу в США. Брунер хвалит английский перевод и пишет, что «читая английское издание, чувствуешь Выготского не только как прекрасного мыслителя, но и как человека большого юмора, мудрости и литературной одаренности»[551].

Его юмор, остроумие проявляются в его работах и в подборе приводимых цитат, и в аргументации, и в собственных высказываниях.

Давайте откроем теоретическое его произведение, методологическую работу «Исторический смысл психологического кризиса», опубликованную в 1-м томе шеститомного собрания сочинений. Вот как, например, пишет он о попытках соединить разнородные и разноприродные по научному происхождению системы.

«Во всех этих попытках берется хвост от одной системы и приставляется к голове другой, в промежуток вдвигается туловище от третьей. Не то чтобы они были неверны, эти чудовищные комбинации, они верны до последнего десятичного знака, но вопрос, на который хотят ответить, поставлен ложно. Можно количество жителей Парагвая умножить на число верст от Земли до Солнца и полученное произведение разделить на среднюю продолжительность жизни слона и безупречно провести всю операцию, без ошибки в одной цифре, и все же полученное число может ввести в заблуждение того, кто захочет узнать, каков национальный доход этой страны»[552].

Можно, не ограничиваясь этим примером, привести еще многие (даже из того же самого произведения), но не стоит, пожалуй, этого делать, так как каждый желающий сам сможет отыскать их в опубликованных работах Льва Семеновича.

Лев Семенович был очень находчив, умел на шутку отозваться шуткой, был способен на экспромт.

В связи с этим хочется рассказать о том, что узнала от Наталии Григорьевны Морозовой.

Это было в 1928 г., когда Наталия Григорьевна и ее друзья были еще студентами. Однажды на семинар, который вел Лев Семенович, пришла доцент этого же университета Виленкина. Ее приход, с точки зрения студентов, нарушил всем привычный ход семинара. Признанный в их среде поэт, Наталия Григорьевна, высказала в гекзаметре их общее настроение и послала этот гекзаметр Льву Семеновичу. Он прочел и... ответил тоже

[551] Из письма Дж.Брунсра А.Р.Лурия от 14/П 1960 г. // Семейный архив А.Р.Лурия.

*[52] Выготский Л.С. Исторический смысл психологичского кризиса. // Собр. соч.: В 6. — М.: Педагогика, 1982. — Т. 1. - С. 326.

гекзаметром с извинением. Тогда Наталия Григорьевна послала еще один гекзаметр Льву Семеновичу и снова получила ответный. Тогда она написала ему танку, и в ответ получила... тоже танку.

Приводим текст этой переписки ученицы с учителем[553].

«Из переписки с Л.С. Выготским на семинаре по поводу неожиданного прихода доц. Виленкиной, помешавшей нам работать.

Н.Г. Морозова: Неудавшийся гекзаметр.
Мы ль виноваты в таком неразумном приходе, который
Вас потревожить посмел, оторвав от серьезного дела,
Слушать, как пляшет волна, видеть как плавает челн,
Что же, за дерзкий приход мы извиниться готовы.
Ответ Л.С. Выготского:
Значит, это не вы должны предо мной
Извиняться, а я перед Вами.
Н.Г. Морозова:
Мы ль виноваты в таком неразумном приходе, который
Вас потревожить посмел, оторвав от серьезного дела,
Вам извиняться пришлось перед нами сегодня,
Что же и мы принесем Вам извинения наши.
Ответ Л.С. Выготского:
Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи,
Точно в гимназии слышу, как греку ответ
Скромный школяр подает, с задних скамеек восстав,
Но на Виленкину я перед людьми и богами
Стану ль негодовать, лучше приму этот дар от судьбы
Как указанье богов, что всему есть конец... через 30 минут!
Н.Г. Морозова: Погибшему гекзаметру и японской танке
(Посвящается Л. С. Выготскому)
Танка-японка,
Брата спасай своего!
Гибнет гекзаметр!
Правильным ритмом своим
Заглуши перебои его
Ответ Л. С. Выготского на танку:
Танка лучше, проще, чем
Длинный шестистопный стих,
Мудрый выловит Рыбак[554]
Длинной речи[555] краткий смысл».

[3] Из беседы с Н.Г. Морозовой 11/XI 1988 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.
[4] Фамилия последующего докладчика на семинаре.
[5] Предшествующего докладчика (комментарии Н.Г. Морозовой).

Мне хотелось написать о своем отце правдиво, объективно. А это предполагает, что надо рассказать не только о положительных сторонах его личности, но также и о том, что может характеризовать его с негативной стороны.

Но сколько я ни силилась, я не могла воскресить в памяти ничего, что говорило бы о нем отрицательно — ни одного такого его поступка, который ронял бы его в моих глазах. Ничего.

И его друзья, вспоминая о нем, говорили только о хорошем, о его достоинствах. Никто из них никогда не рассказал ничего такого, что могло бы характеризовать Льва Семеновича не с положительной стороны.

Тогда, из любопытства, я стала спрашивать их, а что им не нравилось у Льва Семеновича, какие у него были недостатки, что они считали у него плохим. Я тогда ни от кого из них не получила ответа на этот вопрос. Некоторые промолчали, как бы отмахнувшись от вопроса, как нелепого. Дании Борисович Эльконин, подняв брови, так долго, упорно и недоуменно смотрел на меня, как будто видел меня впервые. Александр Владимирович Запорожец, засмеявшись, перевел все в шутку (что-то в роде «молода еще отца судить»). Р.М.Боскис пожала плечами, как бы спрашивая, кому пришел в голову этот вопрос. Так никто мне и не ответил на него.

Не добившись ни от кого ответа, я решила спросить об этом у человека, с которым Лев Семенович был очень близок, — у его сестры. Зинаида Семеновна была всего на полтора года моложе брата, и всю жизнь их связывали общие интересы, дружба. В студенческие годы они вместе жили в Москве, вместе ходили на одни и те же лекции, вместе работали в семинаре, вместе посещали театры, библиотеки. Она очень хорошо знала Льва Семеновича, и я адресовала свой вопрос ей. Она долго молчала, укоризненно глядя на меня, а потом очень медленно, как будто я плохо понимала по-русски, сказала: «Он был очень хороший человек, а это, ты должна понимать, предполагает, что он не только никогда не поступал дурно, но все, что он делал, было высоконравственно».

Совсем недавно, когда эта книга уже была задумана, и я готовилась приступить к работе над ней, я беседовала с Наталией Григорьевной Морозовой. Среди вопросов, которые мы с ней обсуждали, я снова спросила ее: «Наталия Григорьевна, но ведь было же что-то, что вам не нравилось у Льва Семеновича? ... Какие-нибудь его недостатки?...»

Наталия Григорьевна, стараясь не смотреть на меня, молчала.

Тогда я спросила: «Ну, может быть, вспомнится хоть что-нибудь смешное, связанное с ним?»

И она, как бы не слышав моего первого вопроса, ответила мне сразу на последний: «Если и было смешное, то мы никогда не воспринимали это как смешное, так как ничего с ним связанное не могло быть смешным. Мы всегда относились к нему не с какими-то человеческими мерками. Он был для нас подлинным духовным отцом. Мы верили ему во всем безгранично. Мы относились к нему как ученики к Христу»[556].

Так повелось, что Льва Семеновича обычно изображают фигурой трагической[557]. Верно, конечно, что в те недолгие годы, что были ему отпущены для жизни, ему случилось пережить много тяжелого. И потери близких, и отнимавшую физические и моральные силы изнурительную болезнь, и непонимание, и даже травлю. Все это было, никуда от этого не деться. Жизнь его была драматичной.

И все же ... Было и другое.

Была ни с чем не сравнимая радость творчества. Была интересная, увлекательная, приносившая вовсе не только утомление, но и удовлетворение и счастливые минуты, работа. Была большая любовь, которой он очень дорожил. Были прекрасные друзья, которых он любил. Были дети, приносившие не только заботы, но и радость.

Были любимые ученики. Были книги. Была поэзия. Был театр...

Все же это было!

Разве этого мало? Не думаю...

И еще была всеобщая любовь к нему всех, кто его знал, всех, с кем он общался. Все очень любили его — и в семье, и друзья, и ученики. И он не мог, конечно, не чувствовать этой любви окружающих. Это, несомненно, радовало и согревало его.

Я полагаю, я почти уверена, что сам Лев Семенович вовсе не считал себя несчастливым человеком, он не ощущал себя несчастным.

Когда-то мне очень понравилось то определение счастья, которое дал в каком-то интервью Густав Эрнесакс. Он сказал, что счастье — это когда ты, работая, делаешь то, что с удовольствием делаешь во время своего досуга.

[556] Из беседы с Н.Г. Морозовой 1 1/XI 1988 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[557] В одной из статей так прямо и написано: «Печать трагизма лежит на личности и творчестве Выготского». (Далее автор довольно произвольно судит о судьбе творческого наследия Л.С.Выготского): Ярошевский М.Г. Л.С.Выготский: поиск принципов построения общей психологии // Вопросов психологии. — 1986. — № 6.

Если принять эту точку зрения, то Лев Семенович, при всей драматичности своей судьбы, был все же счастливым человеком. Ведь он посвятил свою жизнь тому, что было ему интересно, что он считал важным, что приносило ему минуты счастья.

Так каким же он был?

Для себя я отвечаю на этот вопрос словами из любимого им произведения: он — «лучший из людей,
с которыми случалось мне сходиться»[558].

Шекспир В. Гамлет.

9 Зак. 1029

ГЛАЗАМИ ДОЧЕРИ.

Вся суть в одном единственном завете:
То, что скажу, до времени тая,
Я это знаю лучше всех на свете —
Живых и мертвых — знаю только я.

А. Твардовский.

Я говорю сейчас словами теми,
Что только раз рождаются в душе.

А. Ахматова.

Мне остается рассказать самое трудное — о своих отношениях со Львом Семеновичем, о том, каким он был отцом, каким был в семье, обыденной жизни.

Поначалу мне казалось, что эти воспоминания и переживания такие личные, что их нельзя, просто неприлично выносить «на публику». Кроме того, рассказывая об отношениях со Львом Семеновичем, я невольно должна говорить и о себе, а это мне казалось нескромным. Но, с другой стороны, отношения подразумевают, по крайней мере, двоих людей, так что, говоря об одном из них, невозможно не сказать и о другом. Если же опустить эту часть воспоминаний, это может обеднить образ Льва Семеновича, исказить его. Мне же больше всего хочется, чтобы люди могли правильно его себе представить и понять, каким он был человеком. «Из песни слово выкинуть, так песня вся нарушится...». Я постараюсь рассказать о нем, но так, чтобы было понятно, что в этих воспоминаниях главное действующее лицо — Лев Семенович. Надо все время иметь в виду, что главное в этом повествовании — его реакции, его поступки, его действия, его переживания, его высказывания. Но мне придется рассказывать о себе, так как лишь в этом контексте может быть понятным, чем были вызваны эти его реакции, поступки, переживания, высказывания. И даже там, где я буду писать о себе, так это только с той целью, чтобы описать ситуацию, сделать понятной обстановку.

Рассказывая, буду опираться не только на свои воспоминания, но и на рассказы мамы, бабушки и других близких.

Начну...

Лев Семенович переехал в Москву в самом начале 1924 г. Вместе с ним приехала и моя мать, и в Москве в 1924 г. они поженились. Посели-

лись они в маленькой комнате подвального этажа Института психологии и прожили там до мая 1925 г.

В первых числах мая, когда мне надлежало появиться на свет, Лев Семенович отвез маму в Гомель, в свою семью. Ему было спокойнее, чтобы его первенец появился на свет в семье, где рядом был добрый, надежный и опытный человек, каким он не без основания считал свою мать. Там, в Гомеле, в доме, где с 1897 г. жила семья, я и увидела свет. Мне рассказывали, что Лев Семенович очень волновался, и, когда все кончилось благополучно, был счастлив. Через несколько дней после моего рождения Лев Семенович был вынужден вернуться в Москву, оставив нас с мамой в Гомеле. Но первые месяцы своей жизни я орала и день и ночь. Бабушка носила меня на руках ночи напролет, но и это не могло меня угомонить. Это очень беспокоило Льва Семеновича, и он чуть не каждый день связывался с семьей, чтобы узнать, что происходит дома, что говорит врач. Его преследовали страхи: то ему казалось, что у ребенка что-то со зрением, то что имеются нарушения слуха. Его тревога была так велика, что потом, в течение ряда лет, домочадцы подтрунивали над ним, вспоминая его страхи и опасения.

Кроме волнения за нас, ему было тоскливо и одиноко одному в Москве, и он уговорил своего отца переехать в Москву всей семьей. Семья переехала летом 1925 г. и, помыкавшись по родственникам и знакомым, наконец, осенью обосновалась в квартире по Большой Серпуховской улице, в доме 17[559]. Дом, в котором поселилась семья, был небольшой, трехэтажный, всего на 17 или 18 квартир. Он стоял на перекрестке Большой Серпуховской улицы и Стремянного переулка: его фасад выходил на довольно оживленную, шумную улицу с большим количеством транспорта, а боковая сторона — в переулок. Квартира, расположенная на первом этаже, была угловая и состояла из четырех комнат. В одной из комнат поселились родители Льва Семеновича и там же семья собиралась для еды и просто вечерами. Другую комнату занимали сестры Льва Семеновича (сначала — четверо, потом — трое). В третьей комнате жила старшая сестра с мужем и сыном (они только что вернулись из Китая), и, наконец, в четвертой комнате поселились мои родители со мной. Окна нашей комнаты выходили в переулок. Переулок был узкий, мощеный булыжником; поэтому всякий раз, когда по переулку проезжала машина или телега, в окнах

[559] В 1981 г. дом был сломан. На его месте сейчас находится вход на станцию метро «Серпуховская».

дребезжали стекла. Из-за того, что переулок был узким, дом на противоположной стороне загораживал свет и, к сожалению, комната не была светлой. А солнца в ней никогда не бывало.

Семья была большой и очень дружной, в ней царила атмосфера любви. Все были внимательны друг к другу, любили друг друга и с уважением относились к интересам и желаниям каждого. Вечерами семья собиралась вместе не только для обязательного чая, но и для общения, бесед, совместного чтения.

Помню, когда сестры Льва Семеновича возвращались под вечер домой, все собирались в коридоре у печки. В квартире было всегда прохладно, бабушка вечно мерзла, и топка печки была отнюдь не ритуалом, а необходимостью. Мои тетки весело топили печку, которая обогревала три комнаты, а одна из них непременно читала вслух. Тут же на маленькой скамеечке обязательно сидела и я. Здесь, у печки, я впервые познакомилась с русской классической поэзией.

Помимо членов семьи вечерами в доме, как правило, всегда присутствовали два-три посторонних человека — кто-то из подруг моих теток, друзья и ученики Льва Семеновича — и всех встречали радушно, всем находилось место.

Иногда привычный распорядок жизни нарушался приездами из Ленинграда Давида Выгодского и папиного друга.

Давид был племянником дедушки, т.е. двоюродным братом папы и его сестер. Все детство и юность они провели вместе в Гомеле, были очень дружны и привязаны друг к другу. Давида все в семье любили, и поэтому каждый раз радовались, как только он переступал порог нашего дома. Он это знал и поэтому чувствовал себя у нас как в родном доме.

Большой любитель шуток и мистификаций, он постоянно кого-то поддразнивал, над кем-то подшучивал, кого-то разыгрывал, всем давал шутливые прозвища. Так, помню, моих теток Машу, Эсю и Клаву он называл не иначе, как Машинка, Эссенция и Клавиатура. С нами, детьми, он, конечно, находил общий язык. Говорил он тихо, и, как только начинал говорить, все смолкали, чтобы не пропустить его очередной шутки или розыгрыша. Папа бывал в это время особенно оживлен, весь светился от радости общения с Давидом. Поздним вечером, когда все разбредались по своим «углам», у папы и Давида начинались «настоящие», серьезные разговоры. Они обычно сидели близко друг к другу и часами беседовали тихим голосом, чтобы не тревожить тех, кто уже лег спать. О чем они говорили? Может быть, о литературе, которая всерьез обоих интересова-

ла?... Виделись они регулярно, так как Давид частенько бывал в Москве по своим литературным делам. Папа же, систематически бывая в Ленинграде (так как преподавал там в институте им. Герцена), всегда останавливался только у Давида, на Моховой.

Другим нашим гостем, довольно регулярно приезжавшим к нам из Ленинграда, был друг еще гимназических лет Льва Семеновича. (Я не знаю его полного имени, и сегодня мне уже не у кого его узнать, а называть его уменьшительным, так, как его звали все в семье, поскольку знали его еще с детства, считаю для себя неудобным. Поэтому, рассказывая о нем, буду называть его «папин друг».)

Крупный, с громким голосом, неистощимым юмором, необыкновенно жизнелюбивый, он буквально врывался в нашу жизнь. Он всех тормошил, сыпал шутками, громко смеялся и был полон ко всем доброжелательства. Ему тоже радовались и принимали в доме как близкого родного человека.

Он работал в очень далекой от интересов Льва Семеновича области (насколько помню, он служил в каком-то железнодорожном ведомстве), но был живой человек и его интересы вовсе не исчерпывались его служебными делами. Контакт с папой у него был полный — их связывали не только общие воспоминания, но и общие интересы, и общие друзья. Папа, конечно, тоже радовался его приездам, и их беседы, как помнится, касались не только их прошлого. И в настоящем они находили много того, что им интересно было обсудить друг с другом.

Чтобы стало ясно, насколько это был неординарный, сильный, волевой человек, я расскажу о том, что с ним случилось во время одного из его приездов в Москву, когда он, как всегда, остановился у нас. Однажды вечером он не пришел в обычное время, и мы, все собравшись, ждали его к столу. Но он задерживался. Наконец, в дверь позвонили, и сразу несколько человек бросились открывать. На пороге стояла незнакомая женщина. Ее пригласили войти. Она вошла в комнату, села и молча оглядела всех присутствовавших. Все затихли, ожидая объяснений ее визита. Наконец, она собралась с духом и сказала: «С вашим другом произошло несчастье... Он против вашего дома попал под трамвай и ему отрезало ногу». Она была свидетельницей происшедшего и рассказала, что милиционер остановил попутную машину, не дожидаясь приезда «скорой помощи», и они вдвоем отвезли его в больницу. Больше всего ее потрясло поведение пострадавшего. Она боялась, что от пережитого и кровопотери он потеряет сознание и старалась с ним все время разговаривать. «Представ-

ляете, он не только не стонал, не жаловался, а даже нашел в себе силы шутить со мной. Да-да, — быстро сказала она, видимо, опасаясь, что ей не поверят. — Он сказал мне: меняю одну ногу 36 лет на две по 18». Все стояли, оглушенные этой новостью, а папа быстро оделся и поспешил в больницу, куда был доставлен его друг. Потом, когда тот поправился, папа же и забрал его из больницы, и привез, конечно, к нам. Позже, помню, он приезжал из Ленинграда уже с высоким протезом.

И этого человека, и Давида роднит в моих воспоминаниях не только то, что обоих любили в семье, не только то, что приезжали они из одного и того же города, но и их общая судьба — они оба исчезли в 1937—1938 г. И, если о дальнейшем крестном пути Давида нам, хоть и немногое, но известно, то папин друг исчез для нас навсегда и бесследно. И справиться было не у кого — его жена умерла несколькими годами раньше. Так он ушел, как я полагаю, не только из нашей жизни... Остался лишь у всех нас в памяти. И в душе...

И в Москве сохранилась сложившаяся еще в гомельские годы жизни семьи традиция — вечером все непременно собирались вместе за столом в бабушкиной комнате. Шел живой обмен мнениями, обсуждались новости — житейские, литературные, театральные. Семья всегда была и навсегда осталась кругом действительно близких, любящих друг друга людей. Поэтому, когда собирались все вместе, можно было не только поделиться своими новостями и обсудить их, можно было заручиться поддержкой, получить искренний совет, помощь, порадоваться за другого, ободрить того, кто в этом нуждался, если нужно — утешить. В беседе принимали участие все собравшиеся, мнение каждого было интересно и со вниманием выслушивалось. Эта традиция сложилась еще в те годы, когда дети были маленькими, она оберегалась и сохранялась все эти годы. Ею очень дорожили и старались не нарушать ее.

После чая все размещались тут же, в бабушкиной комнате, у вытопленной печки. Большая кафельная печь занимала изрядный участок стены от пола до потолка. Сбоку, вплотную к ней, примыкала кушетка (на ней обычно располагались на ночлег приезжавшие к нам гости). Вот на этой кушетке и на стульях, придвинутых к печке, удобно усаживались домочадцы. Как сейчас, вижу сидящих на стульях у печки и прижавшихся спинами к ее зеркалу бабушку, папу, его сестру. И начиналось чтение вслух, или на память стихов, велись интересные всем разговоры. Было принято и беззлобно подшучивать друг над другом, поддразнивать, но это всегда носило характер шутки и не обижало.

Так, в совместном общении проходили в семье вечера. Это ежедневное вечернее общение очень всех сближало и им очень дорожили. Если у Льва Семеновича был кто-то из товарищей по работе или учеников, они после чая уходили в нашу комнату, где работали до поздней ночи. Я при свете, под их разговоры и засыпала.

Притом, что, повторяю, в семье все очень любовно относились к каждому, пожалуй, любимцем семьи был Лев Семенович. И дело было не только в том, что он, кроме дедушки, был единственным мужчиной в семье (его братья умерли еще в Гомеле). Просто всей своей личностью он вызывал всеобщую любовь к себе. Не знаю, чувствовал ли он это свое особое положение в семье, скажу только наверняка — он это никогда не использовал в своих целях. Он с огромной любовью и уважением относился к родителям, был очень внимателен и добр ко всем.

Свое нежное отношение к матери он пронес через всю жизнь. Я не помню случая, чтобы он назвал ее иначе, чем «мамочка». Он старался угадать каждое ее желание. Ему всегда хотелось сделать ей что-нибудь приятное. Когда в Гомеле она за короткое время потеряла двух сыновей (один умер от туберкулеза, другой — от тифа), Лев Семенович не отходил от нее, старался отвлечь от мрачных мыслей, чем-то порадовать. В эти дни он подарил ей книгу Бориса Зайцева с такой надписью: «Мамочке. Дни идут за днями от одной туманной бездны к другой. Отошедшие с нами».[560]

Когда она болела, он очень огорчался, сам делал ей при необходимости инъекции, заботился об ее удобствах. Он был очень хороший, внимательный и заботливый сын. Летом 1917 г. у матери Льва Семеновича началось тяжелое обострение туберкулеза. К концу осени она справилась с болезнью, но была еще очень слаба. По-видимому, заразившись от нее, тяжело заболел младший брат Льва Семеновича, которому шел тринадцатый год.. Мать не могла за ним ухаживать, так как еще не вполне оправилась от летней вспышки. Вернувшийся (в конце декабря 1917 г.[561]) из Москвы Лев Семенович взял весь уход за больным ребенком целиком на себя. Мальчик болел тяжело, был очень слаб, и Льву Семеновичу приходилось даже переносить его на руках. Врачи считали положение ребенка очень серьезным и полагали, что единственное, что может спасти жизнь ребенка — это Крым. Ехать в Крым надо было через Киев. Лев Семено-

[5611] М.С. Выгодская. Воспоминания. Эта книга хранилась в семье и пропала в дни войны, когда дом пострадал от бомбежки.

[561] Отпускной билет Л.С. Выготского. // Семейный архив Л.С.Выготского.

вич не мог отпустить только что оправившуюся от болезни мать с больным мальчиком, и они поехали втроем. Когда добрались до Киева, мальчику стало так плохо, что ни о какой дальнейшей дороге не могло быть и речи. Мальчика пришлось поместить в клинику. Для матери и себя Лев Семенович нашел комнату поблизости. Целые дни он неотлучно находился возле больного брата, всем, чем только мог, стараясь облегчить его состояние, а вечера проводил с матерью, пытаясь всячески ее ободрить, поддержать, вселить надежду. Когда через пару месяцев появился просвет, и мальчику стало чуть-чуть легче, врачи посоветовали забрать его домой. И Лев Семенович повез домой в Гомель полубольную мать и измученного болезнью брата. В Гомеле он не отходил от его постели, был и сиделкой, и нянькой, и другом до самого последнего дня. Мальчик болел около года (у него была скоротечная форма туберкулеза) и умер на четырнадцатом году жизни.

Ухаживая за ним, заразился Лев Семенович, и через пару лет после смерти брата его тоже свалила первая вспышка туберкулеза.

Такие же добрые чувства характеризовали и его отношение к сестрам. Он всегда был внимателен, заботлив, делал все, чтобы они могли учиться. Он всегда очень радовался, если ему удавалось что-нибудь для них сделать. «Он всегда старался чем-нибудь нас порадовать. Водил в театр, что-нибудь привозил нам, когда приезжал домой на каникулы, — вспоминает его самая младшая сестра М.С.Выготская. — Помню, как, зная Клавину любовь к поэзии, он привез ей ко дню рождения томик Тютчева. Как-то он спросил меня, что мне привезти, чего мне хочется. Я не знала, что ему ответить, тогда одна из старших сестер сказала: «А Маше привези что-нибудь «поподарочнее». Когда через несколько месяцев он приехал домой, он привез мне в подарок шелковые чулки, первые в моей жизни. Не было для него большей радости, чем сделать что-нибудь приятное для других. Помню, это было в 1920 или в 1921 г., он работал тогда в школе. Однажды он пришел домой такой счастливый и говорит: «Сегодня в школу привезли мясные обеды, так мне удалось Наташу и ее брата (соседские дети, которые росли без матери) накормить досыта! Представляешь? До-сы-та! Я и вам, младшим, купил и принес еды». Он был совершенно счастлив. Он покупал и приносил домой целые ленты театральных билетов и вечерами водил всех нас в театр. Если спектакль нам нравился, он очень радовался. Обсуждая с нами увиденное, он очень ненавязчиво объяснял нам, на что именно, по его мнению, следовало обратить внимание, говорил о подтексте».

Вот таким был Лев Семенович в семье.

Есть люди, события, которые не забываются, которые память хранит всю жизнь. Очень живо помню я Льва Семеновича, помню все, не только его облик, но и его слова, его поступки, все события, связанные с ним. И если ряд моментов жизни, событий, постепенно тускнеет в памяти, то все, что связано с отцом, остается таким ярким и четким, что порой кажется, что это было только вчера.

Конечно, я была тогда ребенком, причем самым заурядным ребенком, поэтому я не могла понять и оценить, что это был за ученый. Моя память сохранила его как доброго, любящего отца, каким он был до последних дней своей жизни. Я помню отца с тех пор, как помню себя. Но это, по большей части, отрывочные, фрагментарные воспоминания, иногда такие яркие, что напоминают отдельные переводные картинки.

Мои последовательные воспоминания, пожалуй, можно отнести к весне 1929 г. Очень хорошо помню, как мы ехали провожать моих родителей, уезжавших в Ташкент, дорогу домой и пустоту вокруг, которую я ощутила, войдя в квартиру. Все были ко мне внимательны, добры, но мне было пусто. Пожалуй, то, что я испытывала, можно назвать дискомфортом. Вот тогда впервые, я не поняла, конечно, еще, но почувствовала, что такое для меня отец и какое место в моей жизни он занимает. Это было очень странно, ведь росла я в большой семье, да и отец не мог уделять мне много времени. Но, видимо, то, что он давал мне в то время, что мог уделять мне, было для меня очень важно, было просто жизненно необходимо.

Лев Семенович много работал дома — подготовка к лекциям, написание работ, обдумывание исследований, работа с учениками, аспирантами — все это забирало все его домашнее время. Он всегда был занят, я никогда не видела его праздным. Изредка он устраивал себе праздник, приглашая своих друзей — В.М. Василенко, В.С.Узина и других. Он очень готовился к их приходу, заранее договаривался со мной, что я буду лежать спокойно (надо отдать мне должное, я всегда выполняла его просьбу и никогда не портила ему эти вечера). Обычно во время этих встреч шли разговоры о литературе, искусстве, читались стихи, много шутили, спорили. Отец и В.С.Узин, как бы соревнуясь, читали нараспев длинные латинские стихи. Как правило, в это время меня и смаривал сон. Отец во время этих встреч всегда был очень оживлен, много смеялся.

Обычно же вечера были рабочим временем Льва Семеновича. Он редко приходил домой один, чаще — с кем-то из коллег или учеников, и после

совместного чая они уходили работать в нашу комнату. Либо он сидел за большим письменным столом, стоявшим вдоль окон, либо сидел на диване со своими коллегами и учениками, и они вели долгие разговоры, которые казались мне скучными и неинтересными, но под которые мне так хорошо спалось.

Хорошо помню и визиты «пятерки» [562]. В комнате было тесно и они все вместе пытались уместиться на нашем небольшом диване, а отец расхаживал по малому свободному пространству комнаты, развивая какие-то идеи. Помню, что Н.Г. Морозова всегда устраивалась на валике дивана, опираясь спиной о книжный шкаф и возвышаясь над и без того маленькой Л.С. Славиной. Вот как об этом вспоминает Н.Г. Морозова: «Нередко научные беседы длились часами. Часто эти встречи бывали у него дома. Он ходил по.комнате и высказывал свое мнение и о работе, и о многих теоретических вопросах, лежавших в плане исследований. Мы слушали его, затаив дыхание, и порой забывали записывать за ним, увлеченные ходом его мысли и открывающейся перед нами перспективой развития психологических идей Льва Семеновича» [563]

Естественно, что в летние месяцы, во время отпуска, отец больше бывал дома и у него оставалось для меня больше времени. Очевидно, поэтому летние месяцы последних лет жизни Льва Семеновича мне особенно хорошо запомнились.

Лето 1930 г. семья жила на даче в Измайлове. Лето было хорошим, теплым, ясным. Мы много гуляли, катались на лодке по пруду перед домом. Из Москвы приезжали к отцу друзья, к его сестрам и маме — подруги. Лев Семенович, конечно, работал, но все же мы его видели, он уделял нам весь свой досуг.

Дача была очень большая, двухэтажная. Кроме нас, на даче жили еще какие-то люди, так что внизу и на участке всегда было многолюдно. Мы с мамой и папой жили в маленькой комнате с малюсеньким балкончиком наверху. Чтобы попасть к нам в комнату, надо было преодолеть очень крутую лестницу. Такая лестница бабушке была не под силу, поэтому она и другие жили внизу, занимая комнату и большую террасу, на которой семья собиралась за самоваром.

[562] «Пятерку» составляли его ученики: А.В.Запорожец, Н.Г. Морозова, Л.И. Божович, Р.Е. Левина, Л.С. Славина.

[563] Из беседы с Н.Г. Морозовой 11/XI 1988 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

Это лето для меня было омрачено двумя разными по масштабу, но одинаково огорчительными событиями. Помню, все были потрясены нелепой трагической смертью профессора М.Басова и, по-видимому, поэтому в доме много говорили о смерти. В результате всех этих разговоров я поняла неизбежность смерти, и это меня потрясло. Я была напугана, очень угнетена, все казалось мне непрочным, зыбким. Отец заметил мое состояние и однажды, дождавшись, когда мама уйдет вниз к бабушке, взял меня за руку и привел к нам наверх, на балкончик. Там он посадил меня к себе на колени так, чтобы видеть мое лицо, обнял и спросил: «Скажи, что случилось?» — «Это правда, что все люди умирают?», — спросила я и с надеждой посмотрела на него. Мне так хотелось, чтобы он развеял мой страх и сказал, что это не так. Отец выдержал мой взгляд, погладил по голове и спокойно сказал мне: «Правда. Но только умирают люди очень старые и очень больные. Так что тебе нечего тревожиться. Это все будет очень-очень нескоро, через много-много лет». Говоря это, он сделал неопределенный жест рукой в воздухе, как бы показывая отдаленность этого момента. Становилось спокойнее, но надо было все уточнить: «А ты? А мама?» Он улыбнулся: «Мы тоже нескоро будем старыми, и, видишь, мы здоровы. Так что ты не тревожься, иди спокойно играть». Спустив меня с колен и поцеловав, он мягко подтолкнул к двери: «Иди к детям играть». На душе снова стало спокойно. Помню, меня распирало от любви к отцу и благодарности. Поверьте, я это так помню, как будто это произошло только что.

Вторым событием этого лета было то, что отец первый и единственный раз в жизни наказал меня и притом несправедливо, так как никакой вины за мной не было. У Льва Семеновича было двое детей — я и моя сестра, пятью годами меня моложе. Но с нами в семье рос и воспитывался племянник Льва Семеновича, сын его старшей сестры, наш двоюродный брат. Леонид был старше меня двумя годами, и все детство наше мы были с ним неразлучными добрыми товарищами и ни разу в жизни не поссорились. Так вот, все произошло из-за Леонида. Он почему-то поссорился с хозяйскими и соседскими ребятами. Хорошо помню, что это произошло из-за каких-то пробок, которые они собирали и не поделили. Когда Леонид выяснял с ребятами свои отношения, я, конечно, стояла рядом, хотя никакого участия ни в сборе пробок, ни в их дележке, ни в конфликте не принимала. Лев Семенович, проходя мимо, услышал злые голоса ребят, обратил внимание на насупленные лица и, подойдя к нам, твердо взял меня за руку, сказав довольно жестко: «Идем!» Не поняв, что плохого я сделала, я не двинулась с места и попыталась вырвать руку из руки отца, но он

держал меня крепко. Почувствовав мое сопротивление, он поднял меня на руки и насильно понес в дом. Такая несправедливость, да еще со стороны отца, потрясла меня. Я ревела, пыталась вырваться, но он, стиснув зубы, молча внес меня в нашу комнату и уложил, орущую, в кровать. Мне стало страшно — никогда раньше не видела его в таком гневе. Я долго плакала, не могла ни успокоиться, ни, из-за слез, объяснить, что я ни при чем. Отец сам был подавлен своим поступком, чувствуя всю несправедливость, но не отступил. Тем временем мама, выяснив внизу у Леонида обстоятельства дела, вызвала папу на балкон и доказывала ему мою непричастность к ссоре. Очень хорошо помню, что, когда мои рыдания прекратились, я через всхлипывания услышала твердый ответ отца: «Она даже присутствовать при ссоре не должна!» Помирились мы утром, никто не просил ни у кого прощения, просто отец был со мной таким же как всегда, и я душой простила его гнев. Правда, помню, он долго чувствовал себя передо мной виноватым. Это был наш единственный конфликт. Сестру же мою он наказывал неоднократно. Но об этом немного позже.

Осенью 1930 г. мама должна была родить второго ребенка, но я даже не подозревала об этом. 2 октября утром у мамы начались роды. Чтобы не испугать, меня выпроводили из дому, а бабушка и тетка повезли маму в больницу (папа был на работе). Днем он позвонил домой, сказал, что родилась девочка, но просил бабушку не говорить мне ничего до его прихода. Он хотел сам известить меня об этом событии, ему хотелось самому обрадовать меня. Поднимая меня после дневного сна, бабушка была очень веселая и спросила, кого бы я больше хотела — брата или сестру?

Тут я вынуждена сделать отступление. Весной, в мае, ко дню моего рождения папа сделал мне подарок, который меня очень обрадовал — он принес мне двух морских свинок. Поселились они в клетке, стоящей на очень широком и большом кухонном подоконнике. Мне вменялось в обязанность обеспечивать их травой и питьем и следить за чистотой в клетке. Все было хорошо до переезда на дачу. Летом возникла проблема, что с ними делать? Везти их на дачу было нельзя и в городе оставлять не с кем. Тогда папа предложил мне отнести их в виварий ВИЭМа, а осенью, когда мы вернемся в город с дачи, он снова мне их принесет. После переезда в город я начала тормошить отца, напоминая ему о его обещании принести свинок домой, но это все почему-то откладывалось. И, наконец, 1 октября он твердо мне обещал, что назавтра, т.е. 2-го, он даст мне окончательный ответ. По этой причине я с особым нетерпением ждала в этот день прихода папы домой.

После дневного сна меня выпустили гулять во двор. Уходя, я взяла обещание с домашних, что как только папа появится, меня тотчас же позовут домой. Наконец, он пришел, и меня позвали. Ворвавшись в квартиру, я увидела, что папа в очень хорошем настроении, весел. Взяв меня за руку, он торжественно повел меня в нашу комнату, сказав, что ему нужно поговорить со мной. Я охотно шла, будучи уверена, что это будет разговор о судьбе морских свинок. Но папа не торопился с разговором, а я сгорала от нетерпения. Он сел, поставил меня возле себя, между колен, взял за руки и очень раздельно и торжественно сказал: «У тебя родилась сестренка!» Он смотрел на меня, желая понять, какое это на меня произвело впечатление. Я же, не столько ошарашенная этой новостью, сколько разочарованная тем, что разговор опять не о морских свинках, молчала. Папа неправильно истолковал мое замешательство, подумав обо мне лучше, чем я того заслуживала, — он решил, что я волнуюсь за маму! Чтобы успокоить, он меня обнял и сказал: «Ты только не волнуйся, мама и сестренка здоровы, чувствуют себя хорошо, все благополучно! Скоро мы с тобой за ними поедем!» Это уже было выше моих сил. Я вынула руку из его руки, положила на плечо и, глядя в глаза, произнесла знаменитую фразу: «Ну ладно, про маму и сестренку я уже слышала. А как свинки?» Боюсь, что своей реакцией я очень разочаровала отца! А эту злополучную фразу мне, шутя, припоминали и много лет спустя.

Помню, как через несколько дней мы с папой на извозчике ехали через весь город — с Серпуховки до Покровских ворот — за мамой в больницу. Первой вышла мама, а за ней медицинская сестра несла ребенка. Увидев маму, отец вскочил и кинулся к ней, но сестра, обращаясь к нему, сказала: «Возьмите ребенка». Он был смущен, растерян, и все примеривался — не знал на какую руку его взять. Взяв на руки ребенка, он очень неумело, но крайне бережно держал маленький сверток в моем старом желтом одеяле и осторожно нес его к извозчику. Всю дорогу домой я беспрестанно вскакивала со своего места, стараясь разглядеть свою сестру. Папу это беспокоило, так как он боялся, что я на ходу могу свалиться с коляски, а держать меня он не мог — руки были заняты. Он просил меня сидеть спокойно, пообещав, что по приезде домой мне покажут сестру, и я смогу на нее глядеть сколько мне захочется. Приехав домой, ребенка положили на родительскую кровать, развернули, и все собрались посмотреть на нового члена семьи. Помню, как вечером папа читал маме святцы, выбирая имя дочери, как весело смеялся, встречая старые, никогда прежде не слышанные имена.

По правде говоря, отец мечтал о сыне. Он говорил всем: «Дочь у меня есть, теперь бы сына!» Но когда у него родилась вторая девочка, он не был нисколько разочарован (во всяком случае, никак этого не обнаруживал), очень радовался и выглядел счастливым. Девочку назвали Асей, но папа тут же, шутя, переименовал ее и говорил всем: «У меня родилась дочь Васька». Так Васькой он ее часто и называл. С легкой руки отца так ее называли и другие домочадцы. Одна из сестер называла ее «Василий» даже тогда, когда Ася уже была взрослой.

Хорошо помню, как купали Асю в первый год ее жизни. Жили мы на первом этаже, квартира была холодной, и купание малышки в таких условиях (а надо иметь в виду, что Ася родилась в холодное время года — осенью) превращалось в целое событие. Надо было предварительно вытопить печь, принести в комнату табуретки, ванночку, согретую воду и т. д.

Если папа бывал в это время дома, он всегда старался принять активное участие в купании дочери. Он прерывал работу, чтобы принести в комнату все необходимое, во время купания поливал ребенка теплой водой, чтобы он не остыл, помогал вынуть ее из ванночки, уносил из комнаты на кухню все после купания. И делал он это с удовольствием, всегда с улыбкой. Он не только не сетовал, что это отрывает его от работы, а радовался этой возможности. Конечно, никакой нужды в его помощи не было и мама с няней отлично могли бы сами управиться, как это обычно и делали в его отсутствие, но он всегда настаивал на своем участии. Ему доставлял удовольствие не только вид купающегося ребенка, хотя это, само по себе, замечательное зрелище. Он искренне верил, что своим участием облегчает работу мамы или няни, купающих Асю, и его радовала возможность помочь им.

В первые годы своей жизни Ася росла нелегким ребенком, она была, как принято говорить, с характером. Это проявлялось в бурных скандалах, которые она периодически устраивала. Мама работала и нас воспитывала няня, которая очень любила Асю, страшно ее баловала, во всем потакала ей, что, безусловно, не способствовало улучшению ее характера. Увидев однажды один из Асиных фокусов, Лев Семенович сказал, что сам ею займется, и просил никого не вмешиваться. Ася очень любила гулять, очень хорошо играла во время прогулки, но возвращение домой вызывало ее бурный протест. Как только она видела, что мы приближаемся к дому, она ложилась на тротуар, начинала бить ногами, не подпуская к себе, и истошно орала. Вот такую картинку и увидел однажды отец. На следующий день, когда все повторилось как по нотам, он вышел на улицу, велел мне, Лео-

ниду и няне идти домой, а сам взял отчаянно брыкавшуюся и орущую девочку на руки, внес ее в подъезд, положил на пол, а сам вошел в квартиру и закрыл дверь. Сначала из подъезда неслись отчаянные вопли, но постепенно они стали стихать — ведь зрителей не было! — и, наконец, совсем прекратились. Когда наступила тишина, отец вышел в подъезд, спокойно помог дочери подняться с пола и, молча, привел ее домой. Он не сказал ей ни единого слова. Умыв, он отпустил ее к няне, которая собиралась ее кормить. Это повторялось несколько дней кряду, с той только разницей, что пару раз Асю забирала из подъезда соседка из квартиры напротив и приносила ее нам через черный ход, со двора. Отец неотступно следовал своей методе, и был вполне вознагражден — постепенно все прекратилось, и возвращение с прогулки стало проходить спокойно. Если же Ася устраивала скандал дома, падала на пол, била ногами по полу, кричала, папа требовал, чтобы все вышли из комнаты, а сам, оставшись с ней, не обращал на нее никакого внимания, делая вид, что чем-то очень занят, поглощен. Когда она успокаивалась, он, опять-таки молча, помогал ей подняться с пола и вел умываться. Он никогда ей при этом ничего не говорил, по-видимому, считая, что она в таком возбуждении, что все равно не в состоянии услышать и осознать сказанное. Как бы то ни было, но выбранный им метод целиком оправдал себя — истерики и скандалы постепенно прекратились. Хорошо помню один из последних скандалов. Я уже училась в первом классе. Школа была на значительном расстоянии от дома и, главное, надо было переходить в нескольких местах Серпуховскую площадь, где было очень оживленное по тем временам движение. Обычно няня переводила меня через площадь, а дальше я шла одна. Ася очень ревниво относилась к няне, и, когда она видела, что няня собирается меня провожать, она протестовала, плакала, била меня. Не желая лишний раз огорчать свою любимицу, няня часто уходила из дома раздетой, и одевалась только в подъезде дома. На этот раз Ася, увидев, что мы собираемся уходить, начала плакать, больно ударила меня ногой, а потом в бессильной злобе схватила с кровати мое полотенце, окунула его в таз с водой и начала мокрым полотенцем тереть пол. На полотенце от мастики тотчас же образовалось большое рыжее пятно. Мы молча наблюдали за маленькой дикаркой. Отец подошел к ней, взял из ее рук полотенце и медленно, очень раздельно и внушительно сказал: «Отныне это полотенце будет твоим». И, действительно, каждый раз, меняя белье (даже тогда, когда отца уже не было в живых), полотенце с рыжим пятном давалось в пользование Асе. Так в семье свято выполнялись требования отца.

Мне хочется здесь сказать несколько слов о своей сестре. Я считаю необходимым это сделать, так как, к великому сожалению, ее уже нет (она умерла весной 1985 г.). Несомненно, активное участие отца в ее воспитании способствовало выравниванию ее характера, его коррекции. Постепенно все ее срывы прекратились, и к школе она была вполне контактной девочкой, хорошо общалась со взрослыми и сверстниками, среди которых всегда, на протяжении всей своей жизни, имела много настоящих друзей. Я бы сказала даже, что она обладала ценнейшим даром — умением дружить. Она всегда была добра и внимательна к своим друзьям, и они платили ей тем же. Она выросла глубоко порядочным человеком и всегда, в любой ситуации, вела себя очень достойно, никогда и ничем не запятнав ни своего имени, ни имени своего отца.

Но вернемся в 1930 г. Конец этого года был ознаменован для меня еще одним событием, которое само по себе было неприятным, но имело и приятную для меня сторону. Когда Асе было всего пару месяцев, я заболела скарлатиной. Маму с малышом быстро отселили от нас, и я осталась в комнате вдвоем с папой. Ко мне заходили только бабушка с дедушкой и няня. Остальным, из боязни заразиться, вход в мою комнату был запрещен. Папа целыми днями был на работе, так что я весь день до вечера лежала одна. Днем, правда, ко мне приходила ненадолго бабушка, чтобы почитать мне. Именно во время скарлатины она читала мне сказки Пушкина, и я выучила все их наизусть. Под вечер возвращался с работы дедушка и тоже заходил ко мне, чтобы передать неизменный маленький пакетик мандарин. (Это было для нас роскошью, но из-за того, что я была больна, и врач велел давать фрукты, дедушка покупал мандарины для меня одной.) Кроме этого пакетика он почти ежедневно вручал мне купленную им для меня маленькую игрушку, с которой можно было играть, лежа в постели. Отдавая ее мне, он часто при этом говорил мне: «А это лекарство от скуки».[564] Я терпеливо сносила свое затворничество, была спокойной, с радостью ожидая каждого посетителя — сначала бабушку, потом дедушку, потом ежедневно врача (так как он считал, что болезнь протекает нелегко) и, наконец, папу. Вечера он проводил со мной в комнате, и это вполне компенсировало мне мое дневное одиночество. Целыми днями я ждала наступления вечера, когда он возвращался домой. В са-

[564] Надо сказать, что дедушка относился ко мне с большой любовью, проявляя нежность и безграничное терпение. Всем домашним вдруг открылись те его качества, которые он никогда не проявлял по отношению к собственным детям. Папу и бабушку это очень радовало — они как бы заново узнавали его.

мый разгар моей болезни (а скарлатину тогда лечили 6 недель) мне отчаянно повезло — свалился с тяжелой ангиной папа. Теперь я была не одна, со мной в комнате лежал больной папа. С ним мне было всегда хорошо. Я никогда не раздражала его, даже если приставала к нему или тормошила его во время работы. Он никогда не сердился на меня, мог без конца отвечать на мои вопросы, рассказывать что-нибудь интересное. Правда, он часто подшучивал надо мной, поддразнивал, но это никогда не носило обидного характера, а вызывало лишь веселье. Приходящий ко мне врач смотрел и папу. Хорошо помню, как я торжествовала, чувствуя свое превосходство над ним, когда выяснилось, что он не умеет показывать горло без ложки, а я умела. Это стало поводом для бесконечных шуток. Выздоравливали почти одновременно, папа немногим раньше меня поднялся с постели. Эта болезнь еще больше нас сблизила, и я всегда вспоминаю об этом времени с добрым чувством и нежностью.

То ли моя длительная болезнь, то ли частое общение с доктором и его доброе ко мне отношение, а скорее всего, все это вместе взятое привело меня к тому, что я просто «заболела» игрой в доктора. Мы с Леонидом играли в эту игру изо дня в день и не могли пресытиться. С игрушками тогда было плохо, и наш игровой аксессуар состоял из каких-то коробочек, баночек, бутылочек, палочек и одного, как мы тогда считали, «настоящего» предмета. Им был металлический остов от разбитого шприца. Вот всем этим «инструментарием» мы и пользовались для исцеления наших пациентов. Увидев, что наша игра носит стойкий характер, отец очень сочувственно отнесся к ней и подарил мне свой настоящий стетоскоп. Это, конечно, очень нас обрадовало и оживило нашу игру. Но по прошествии некоторого времени я решила, что шприц нам нужен тоже совсем настоящий и действующий. И я обратилась с просьбой к отцу отдать мне для игры его шприц. Он спокойно и убедительно объяснил мне, что сделать этого не может, так как шприц необходим ему самому, чтобы лечить бабушку (он сам делал ей в случае необходимости инъекции). «Но я понимаю, — добавил он, — что шприц тебе действительно нужен и я обещаю постараться достать его для тебя». Прошло, вероятно, пару месяцев, а может быть и больше. Однажды вечером я была в гостях у кого-то из ребят. Мне позвонили из дому и сказали, чтобы я собиралась домой, так как сейчас за мной придут. Я начала просить отсрочки, но тут трубку взял папа и сказал мне: «Приходи скорее, у меня что-то для тебя есть». Дважды повторять мне не пришлось — папа дома, да еще что-то принес мне! Я мгновенно собралась и всю дорогу торопила

своего провожатого: «Скорее! Скорее!» В дом я ворвалась пулей и, не раздевшись, кинулась к отцу. Он ласково со мной поздоровался, а потом отослал раздеться. Когда я, раздетая, вернулась к нему, он не торопился меня обрадовать. Казалось, он предвкушал мою радость и растягивал удовольствие. Он сел, посадил меня на колени так, чтобы хорошо видеть выражение моего лица, и, взяв что-то со стола, подал мне. Это была маленькая черная коробочка. Я сидела не шевелясь. «Что это?» — спросила я. В ответ на мой вопрос папа открыл коробочку, и я онемела от восторга — на пурпурном бархате лежал прекрасный шприц, гораздо лучше папиного, а рядом с ним — игла. Изнутри крышка коробочки была из красного атласа, она откидывалась, и между ней и крышкой лежала проволочка для чистки иглы. Я боялась вздохнуть, мне казалось, что это сон. Видя, что я буквально онемела и ошеломлена, папа сказал мне: «Это тебе. Помнишь, я же обещал тебе шприц. Теперь ты можешь играть в больницу». Я не в силах была сказать ни слова. «Ты довольна?» — спросил меня папа. Я глубоко вздохнула и кивнула головой. Говорить я все еще не могла. Я крепко обняла отца, прижалась к нему и поцеловала его. Он улыбнулся. Сняв меня с колен, он сказал: «Сегодня уже поздно. Ты положи его на место, а завтра будешь играть с ним. Хорошо?» С этого момента все наши с Леонидом пациенты стали получать ежедневные инъекции. А к этому времени папа привез мне из Ленинграда в подарок очень большую матерчатую, набитую опилками, с головой из папье-маше куклу. Вот эта кукла и была главным объектом нашего лечения. Взрослые только удивлялись, почему кукла течет.

А много лет спустя, в 1956 г., я узнала историю этого шприца. Меня как-то попросила прийти к ней одна из давних сотрудниц и друзей отца — Л.С. Гешелина, чтобы передать мне ряд книг. Я зашла, завязался разговор об отце, и вдруг она мне сказала: «Если б ты только знала, как Лев Семенович любил тебя! Знаешь, однажды я даже отдала ему для тебя шприц, так он тебя любил. А ведь не хотела сначала отдавать!» Я попросила ее рассказать, как это было, и она рассказала мне следующее. «Как-то однажды, кажется, в 1931г., Лев Семенович спросил при мне: «Товарищи, нет ли у кого-нибудь из вас лишнего шприца? Мне очень нужен». А мне как раз только что привезли из Германии прекрасный шприц, поэтому я сказала ему: «У меня есть, и я его отдам вам с удовольствием». Он немного смутился и сказал: «Это, собственно, не для меня, а для Гиты». Я была поражена и сказала довольно запальчиво: «Ну уж ей, конечно, и не подумаю его отдать!» Лев Семенович молчал, а я добавила: «Нельзя пота-

кать каждой прихоти ребенка! А потом она у вас еще что-нибудь попросит?!» И тут он очень тихо сказал мне: «Если у ребенка интерес к медицине, то шприц для игры — совсем не прихоть, не блажь. Ведь игра в детстве так важна, так значима, она имеет такое кардинальное, незаменимое значение для детского развития... И потом, кто знает, — добавил он, — может быть никогда после я не смогу доставить ей такую радость!» Это все так убедительно прозвучало для меня, что я сказала ему: «Бог Вам судья. Наверное, вы правы. Вот Вам шприц». Этот шприц цел у меня до сих пор.

Лето 1931 г. семья провела в городе Ярцево Смоленской области.[565] Это был маленький городок, окруженный прекрасным лесом. Мы не могли найти большого помещения для всей семьи, поэтому сняли по комнате в двух соседних домах: в одном жили мы вчетвером — папа, мама, Ася и я, а в другом — все остальные. Лето было спокойное, без всяких происшествий. Мы с папой много бродили по лесу. Когда он работал, я играла с детьми. Много времени отец уделял своим родителям, тогда мы собирались всей семьей. Сохранилась пара фотографий того лета, которые запечатлели нас: бабушку с дедушкой, папу, его сестру Зинаиду Семеновну и, конечно, меня. Эту фотографию сделал муж Зинаиды Семеновны. Вторую фотографию сделал папа, поэтому на ней все те же люди, но вместо него — муж его сестры.

Осень 1931 г. принесла папе большое горе — в октябре умер его отец. Папа тяжело переживал эту утрату. Дедушка болел очень тяжело, мучился от болей, и наблюдать это, не имея возможности реально помочь ему, было для папы настоящим страданием. Когда дедушка скончался (или незадолго до этого), меня, по требованию папы, увезли из дому на пару дней к маминой сестре, и я эти дни не виделась с отцом. Когда меня привезли домой, он встретил меня у дверей, подождал, пока я разденусь, и увел за руку в нашу комнату. Там, сев и поставив меня возле себя, он взял меня за обе руки и рассказал о случившемся. Он был очень грустный, даже, пожалуй, печальный. Он просил меня не шуметь возле комнаты бабушки, постараться не огорчать ее. «У нас всех большое горе, — сказал он, — но бабушке сейчас тяжелее всех. Старайся ее радовать, если

[565] Вот что писал о Ярцеве Лев Семенович в письмах: «17 июля неожиданно для меня самого выяснилась возможность бегства моего из Москвы... и в тот же день я бежал - и ныне обретаюсь под Смоленском в полугороде-полуполустанке» (Из письма А.Н Леонтьеву 01.08.1931г.); «Пишу открытое, потому что здесь достать конверт или гуммиарабик, чтобы сделать его, невозможно» (Из письма к А.Р.Лурия от 01.08.1931г.)

Рис. 48. Ярцево, 1931 г. В лесу на отдыхе.

можешь. Предложи ей почитать вслух, ей это всегда нравилось... Сама подумай, что можно сделать ей приятное. Я уверен, ты сумеешь». Сам он был предельно внимателен к матери, следил за выполнением предписаний врача (бабушка после смерти мужа, конечно, свалилась больная), делал ей инъекции. Он старался проводить у ее постели все свободное время. А когда он посчитал, что не стоит оставлять ее одну, то и работать стал возле нее, примостившись на краешке стола. Он говорил: «Смерть отца вызвала у меня чувство горя, скорби, но оно было чистым, светлым, возвышенным, благоговейным..»[566]. После смерти своего отца всю ответственность за благополучие нашей большой семьи он принял на себя.

Это был период, когда отец очень увлекался опытами Кёлера. Ему хотелось повторить на детях кое-что из того, что Кёлер делал на обезьянах. Испытуемыми были мы с Леонидом (Ася была еще мала). Отец на

Р.Е.Левина, Н.Г. Морозова. Воспоминания о Л.С.Выготском. //Дефектология. — 1984. — №5.

Рис. 49. Ярцево, 1931 г. Лев Семенович с родителями, сестрой (Зинаидой Семеновной) и дочерью.

небольшом свободном пространстве комнаты на полу выкладывал из различных предметов лабиринт. Хорошо помню, что, в частности, для этого использовались длинные низкие ящики с библиографическими карточками. В центр этого лабиринта папа клал мандарин, так что стимул был для нас весьма существенный. Неподалеку от лабиринта лежала палка, которую нам надлежало использовать как орудие. Если нам удавалось «провести» мандарин по лабиринту, мы его с удовольствием съедали. Папа все это делал очень весело, и нам нравились эти, как мы тогда думали, игры. Мы, конечно, очень радовались, если нам удавалось достать мандарин, так как это было для нас лакомством, которое мы получали лишь изредка.. Но могу с уверенностью сказать, что папа радовался ничуть не меньше, а быть может, и больше нас. Нам было так хорошо, что мы сохранили память об этих днях на всю жизнь. Через много лет, в своих письмах ко мне с фронта Леонид вспоминал об этих часах, как о самых счастливых в его жизни.

Однажды, помню, это было осенью после сильного дождя, во время

вечерней прогулки, мы шли мимо реки. Почему-то именно в этот вечер меня вдруг поразил мост. Он показался мне чем-то незыблемым, вечным, а река под ним маленькой и беспомощной. Мне не терпелось поделиться своими впечатлениями с папой. Вернувшись домой, я кинулась к нему. Он пил чай в бабушкиной комнате. Очень возбужденная, я слишком громко выпалили: «Пап, я знаю, откуда реки берутся! Их роют возле мостов!» Папа весело, но совсем не обидно, смеялся. Уже будучи взрослой, в одной из работ отца я нашла эти свои слова, которые вводились в текст фразой: «Одна знакомая девочка сказала..». Я-то хорошо знала, что это была за девочка!

Вообще, отец не только проведенные специально с нами эксперименты, но и очень многие наблюдения за нами, наши высказывания делал предметом научного анализа, использовал в своей работе. Заметки с отдельными записями такого рода содержатся в его записных книжках. Как-то, шутя, А.В. Запорожец сказал мне: «Знаешь, половина отечественной детской психологии построена на тебе. Так что наука тебе очень обязана!»

Мне кажется, что наукой отец занимался всегда, каждую минуту своей жизни, что бы он ни делал, а не только тогда, когда сидел за письменным столом. Условия для работы у него были очень трудные, а точнее — никаких условий для работы не было. Судите сами. Жили мы вчетвером в одной комнате. В комнате было тесно: по стенам стояли книжные шкафы и стеллажи с книгами с пола до потолка, вдоль окон — большой письменный стол отца, кровать родителей, мой диванчик и Асина кровать. Свободным оставалось лишь небольшое пространство в центре комнаты. Вот его-то мы и использовали для игр. При этом, играя, мы располагали наши игрушки так, что некоторые из них были вплотную придвинуты к письменному столу, за которым работал папа. И все же он умудрялся ежедневно по много часов проводить за столом, и не просто проводить, а напряженно работая. Казалось, ничто не мешало ему работать — ни разговоры рядом, ни наши игры и возня на полу. Он никогда не требовал тишины, не делал замечаний. Мне думается, работа целиком поглощала его, настолько увлекала, что порой он и не замечал того, что происходит вокруг. Вероятно, из-за этого он мог иногда и невпопад ответить. Так мама рассказывала, что однажды оставила меня, еще маленькую, с ним. Он работал, а я играла рядом. Потом мне зачем-то понадобилась бумага, и я обратилась к нему: «Папа, мне нужна бумага». «В каком смысле?» — спросил он, не в силах оторваться от работы. «В белом», — ответила я. Мой ответ сразу вернул его на землю, он очень смеялся. Кажется, он это

тоже использовал в одной из своих работ. Он был очень непритязателен, скромен и никогда не требовал для себя особых условий, никогда никого не стеснял, не ущемлял. Ребята со двора очень любили приходить к нам играть. Частенько они говорили мне: «Пойди, спроси, можно к вам?» Очень ярко помню, как вхожу в комнату, вижу склоненную над столом фигуру отца и, стараясь не шуметь, спрашиваю у мамы: «Мама, ребята спрашивают...». Дальше говорить мне не удается, так как быстро, резко повернувшись ко мне, папа отвечает: «Можно! Конечно, можно!» Смотрю на маму, она с сомнением качает головой. Не знаю, как быть, но на помощь мне снова приходит папа: «Можно! Чего же ты ждешь?! Ведь ко мне приходят товарищи. Было бы ужасно, было бы несправедливо, если бы к тебе не могли прийти. Иди за ребятами». Так быстро решается этот вопрос. Это повторялось многократно. И потом, когда мы уже играем тут же, рядом с ним, он время от времени оборачивается к нам, смотрит, улыбаясь, на нас и снова погружается в работу. Приходится лишь удивляться, как, работая в таких условиях, он успел столько написать.

Он никогда не вмешивался в мои отношения с детьми и при всей любви ко мне никогда за меня не заступался, даже если меня обижали. Если я прибегала с жалобой, что меня обижают, неизменным ответом было: «Договорись сама. А если не можешь — отойди». Он совершенно нетерпимо относился к ссорам, считая, что я даже присутствовать при ссоре не должна. Но об этом я уже рассказывала.

По правде говоря, папина манера держаться с людьми, его чрезмерная скромность огорчали меня в то время. Он никогда не «выпячивался», всегда старался быть «в тени». Мне казалось, что при этом никто не мог даже догадаться, какой он хороший. Так, или примерно так, думала я в те годы. Идем мы с ним по улице — никто не обращает на него никакого внимания, никто его не замечает, никто не понимает, с каким замечательным папой я иду за руку. А мне так хотелось, чтобы все его видели, чтобы он был в центре всеобщего внимания! Вот, если бы...

На перекрестке, возле нашего дома, был милицейский пост. Там, на возвышении, целый день стоял постовой. В этом, конечно, была необходимость, так как улица наша была оживленной — было много транспорта, пешеходов. Да еще машины и телеги выезжали из переулка. Необходимо было всем этим управлять, и постовой успешно это делал. Я могла часами наблюдать из окна или стоя на улице у подъезда, как одному движению его руки повинуются и громоздкие трамваи, и машины, и из-

возчики, и пешеходы. Мне он казался таким могущественным! И он всегда был в центре внимания — все на него смотрели, все видели, какую важную работу он выполняет.

Вот, если бы папа был милиционером! Стоял бы он на посту, все бы на него смотрели! А я бы гордилась им... Я бы даже могла к нему подойти и постоять рядом с ним на посту... И все ребята видели бы...

Однажды я даже познакомилась с одним из постовых, когда он сдал свой пост другому и направлялся, вероятно, домой. Мы с ним дружески поговорили, он спросил меня о том, где работает мой папа, а мне, увы, похвастаться было нечем: я честно призналась ему, что папа работает за столом, он пишет. Милиционер покачал головой — то ли одобрительно, то ли сочувственно. С той поры мы всегда с ним здоровались.

И вот как-то, после того, как я очередной раз наблюдала из окна за его триумфом, когда вся улица жила по движению его руки, я не выдержала и пошла к папе. Он работал. Я не окликнула его, а остановилась у стола и стала ждать, когда он меня заметит. Обычно папа чувствовал, что ли, мое присутствие и оборачивался ко мне. Так было и в этот раз. Дождавшись, когда он заметит меня, я подошла к нему вплотную. Он понял, что мне надо поговорить с ним, и положил ручку, которой писал. Тогда я сказала ему, что мне не нравится его работа: «все время пишешь, да пишешь. Что это за работа? Вот если бы ты был милиционер, — мечтательно сказала я, — ты бы стоял на посту, и все бы вокруг видели, какую важную работу ты делаешь!» Мама рассмеялась и сказала что-то, из чего я могла заключить, что такая радужная перспектива ее не увлекает. Папа же был абсолютно серьезен. Он наклонился ко мне, взял за плечи и, немного склонив голову набок, сказал: «Конечно, милиционер выполняет очень важную и ответственную работу. Трудно даже представить, что было бы на улице без него... Но ведь, понимаешь ли, бывает и другая важная работа — и водить трамваи, и лечить людей, и учить детей — тоже очень важно и необходимо. Это тоже должен кто-то делать... Всякая работа, которая нужна людям, важна». «И твоя работа — тоже важная?» — с недоверием спросила я. Папа немного помедлил и уверенно ответил: «Мне представляется, очень... Да, то, что я делаю, тоже важно людям».

Помню, помимо всего, меня удивило в этом разговоре и то, что папа, как мне показалось, нисколько не завидует ни милиционеру, ни его могуществу, ни его популярности. Мне это было просто непонятно. Я вздохнула и отошла от него. Приходилось примириться с тем, что папа никогда не будет милиционером.

Не могу точно сказать, в каком году это было. Не помню... Приближался день папиного рождения, мне об этом сказала мама. Я забеспокоилась, что мы ему подарим? Мама успокоила меня, сказав, что купила подарки и от себя, и от меня. Я успокоилась. В день своего рождения папа ушел очень рано, и решено было, что поздравлять его мы будем вечером, когда он вернется домой. Когда мы услышали, что он вернулся и раздевается в передней, мама достала спрятанные подарки и приготовила их для вручения — от нее книгу, а мне дала тонкий бумажный рулон в оберточной бумаге. Как только папа вошел в комнату, мы поздравили его, и мама сразу же отдала ему свой подарок. Папа был в прекрасном настроении, он очень обрадовался книге. Но я даже не дала ему насладиться ею, не дала ему рассмотреть ее как следует — я тормошила его и требовала, чтобы он посмотрел и мой подарок. Откровенно говоря, мне и самой было чрезвычайно любопытно посмотреть, что скрывается по оберточной бумагой. Папа взял мой подарок, поблагодарил меня и медленно, осторожно начал его разворачивать. Оказалось, что это была свернутая в рулон какая-то большая бумага. Когда папа разложил ее на столе, мы все увидели, что это большой плакат. Увидев его, папа начал хохотать, к нему присоединилась и мама. Они весело смеялись, а я разглядывала изображенное на плакате. Я и сейчас как будто вижу его перед собой... На ярко синем фоне был изображен угол стола, на котором стояла начатая бутылка водки. С одной стороны сидел мрачный пьяный человек. Одной рукой он подпирал голову, а в другой руке держал стакан с водкой, как бы намереваясь поднести его ко рту. С другой стороны стола, почти спиной к зрителям, была изображена фигурка ребенка (нельзя было понять — мальчика или девочки), который пытался помешать отцу поднести стакан к губам. Все это венчала пронзительная надпись большими белыми буквами: «Папа, не пей!» Родители продолжали заразительно смеяться, а я стояла растерянная и разочарованная — мне хотелось бы подарить папе что-нибудь получше. Увидев, что я невеселая, папа обнял меня, еще раз поблагодарил, сказал, что подарок очень ему понравился, а обращаясь к маме, добавил: «Главное, это очень актуально!» И они оба засмеялись. Я совсем расстроилась: что можно делать с таким подарком? Книга, пока папа ее прочтет, будет лежать у него на столе, а потом она займет свое место на полке. Папа всегда будет видеть ее и радоваться. А мой подарок? Что можно сделать с ним? Я спросила у папы, указывая на плакат, что мы будем с ним делать? Казалось, папа понял причину моего огорчения, потому что он быстро ответил: «А мы его сейчас повесим на стену,

и все смогут им любоваться». Он приколол плакат к обоям в простенке между стеллажом и книжным шкафом, на противоположной от двери стене. Первое, что бросалось в глаза каждому, входящему в комнату, это яркое большое пятно на стене — плакат.

Вошла бабушка звать нас к столу, на наше новшество она не прореагировала, хотя не видеть его не могла.

После чая я просила всех пойти и посмотреть, что я подарила папе. Кто-то посмеялся, увидев плакат, кто-то промолчал. Я была озадачена — явно было, что мой подарок не очень понравился семье.

А плакат продолжал висеть, соседствуя с маленьким, очень скромным, портретом Спинозы, висевшим многие годы у нас в комнате. Всем, кто приходил к папе, он объяснял происхождение плаката, говоря, что это мой подарок. Хорошо помню, как вошли в комнату Леонид Владимирович Занков и Иван Михайлович Соловьев и остановились, увидев плакат. Когда папа сделал необходимое пояснение, они оба посмеялись и сели работать, больше не обращая на него никакого внимания. Мы все привыкли к плакату и перестали на него реагировать. Но однажды вечером, когда я уже ложилась спать, к папе пришли его ученики, так называемая «пятерка». Войдя в комнату, они буквально остолбенели (как я сейчас понимаю, это показалось им чуть ли не кощунством!). Папины пояснения, видимо, не показались им убедительными. Они были в каком-то напряжении, которое не могло от меня скрыться. Я легла и под их разговоры с папой начала думать об их реакции. Память услужливо подсказала мне, что и бабушке, и другим домашним, судя по всему, этот плакат тоже не понравился... Но почему? Это же шутка! Я напряженно думала, стараясь разобраться в этом. И вдруг, как озарение — он обидный, обидный для папы. Надо немедленно, сейчас же снять его! Как же я раньше не догадалась, что он обидный? Но сейчас, когда папа работал не один, отвлекать его было нельзя, и я решила, что завтра же попрошу папу снять его со стены. Придя к этому решению, я успокоилась и заснула.

Я не слышала, как папа ушел на работу, и потому, проснувшись, начала просить маму убрать со стены плакат. Мама отказалась, сославшись на то, что это теперь папина вещь и только он волен ею распоряжаться. Целый день я была в диком напряжении и думала только о том, чтобы скорее сняли этот плакат. Я еле дождалась папиного возвращения. Как только он вошел в комнату, я, не дав ему передохнуть ни минуты, начала тут же уже даже не просить, а почти требовать, чтобы он снял плакат и убрал его так, чтобы никто-никто не мог его видеть. Папа был очень удивлен.

Он сказал мне, что плакат ему очень нравится, потому что это мой подарок и что поэтому он дорожит им и не хочет снимать его со стены. Потом, увидев мое состояние, он спросил меня, почему вдруг я прошу об этом? У меня не хватило выдержки, чтобы спокойно ему ответить. Почти сутки прошли с момента моего «прозрения», почти сутки я ждала реализации того, что считала справедливым и необходимым. Я начала плакать и, сквозь бурные слезы, только повторяла бессвязно: «Он же плохой, обидный! Ты же сам ... сам знаешь! Просто ты нарочно ... из-за меня... Нарочно!» Я ревела вовсю и не могла успокоиться. Папа быстро снял со стены злополучный плакат, свернул его, положил на шкаф и, обняв меня, начал успокаивать. Мы долго сидели с ним в обнимку, не зажигая света, и тихо и серьезно разговаривали, пока я совсем не успокоилась и не пришла в себя. На следующее утро я попросила няню убрать плакат так, чтобы его никто и никогда не видел. Она спрятала его в шкаф. Там, на нижней полке, где хранились папины рукописи, он и пролежал долгое время.

В детстве я очень плохо переносила поездки в транспорте — мне становилось плохо, меня неизменно укачивало, из-за чего случались неприятности и приходилось посреди дороги покидать трамвай (в те годы основной вид транспорта). Поэтому, если случалось меня куда-нибудь везти, приходилось ехать на извозчике. Хорошо помню эти поездки!

Стоянка извозчиков была недалеко, минутах в 7—8 ходьбы от дома. Обычно там стояло несколько пролеток. Лошади пританцовывали, а рядом, ожидая седоков, толпились извозчики. Они, чтобы не замерзнуть, похлопывали рукой об руку и притопывали ногами. Папа откровенно любовался лошадьми (он с самого детства очень их любил) и пытался привлечь к ним мое внимание. Но я была далека от этого. Поскольку право выбора пролетки папа всегда предоставлял мне, то все мое внимание приковывали к себе вовсе не лошади, а извозчики. Одетые в одинаковые поддевки, они, как мне тогда казалось, отличались друг от друга лишь цветом канта, которым была оторочена поддевка. Каждый извозчик бвл подпоясан поясом в цвет канта. А иногда такого же цвета тонкие полоски имелись и на самой пролетке. Вот это-то и казалось мне тогда самым существенным при выборе пролетки. Один раз мне хотелось ехать с кучером, у которого были синие канты и синий пояс, а другой раз с тем, у кого малиновый...

Мы садились в пролетку, лошадь неспешно шла, и мы долго ехали к нашей цели — через Крымский мост на Арбат. Почему-то больше запомнились зимние поездки. Мы сидим с папой, плотно прижавшись друг к

другу, верх у пролетки поднят, так что идущий снег нас не мочит. Лошадь мерно идет, покачивая головой; снег хлопьями падает на землю, так что окружающее видно, как сквозь кружево; папа негромко разговаривает со мной. Как хорошо! Ощущения, испытанные тогда, сохранились на всю жизнь.

Иногда мы едем вместе с мамой. Папа тогда выглядит совсем счастливым. Он попеременно говорит то с мамой, то со мной, то затевает общий разговор, чтобы я не чувствовала себя лишней. Он все время дает мне почувствовать, что его радует мое присутствие рядом. (Оно никогда не тяготило его.) Даже тогда, когда он говорит с мамой — в этот момент он или плотнее обнимает меня, или крепко берет за руку и время от времени пожимает ее. Да, я все время чувствую, что папа ни на минуту не забывает обо мне, что я нужна ему. Все это дает непередаваемое чувство защищенности, близости, уверенности в том, что ты нужна. Как все это в детстве необходимо!

Почему я пишу об этом? Почему так подробно рассказываю, казалось бы, о таком незначительном? Может быть, даже кому-то покажется, что о мелочи?

Почему память сохранила не толь эти поездки, но и то, что я тогда испытывала? А может, это не такая уж мелочь?..

Уже взрослой, я много думала об этом и часто воскрешала в памяти те минуты, вероятно, по контрасту с наблюдаемым в обыденной жизни.

Вот в вагон метро или в троллейбус входит малыш с кем-то из родителей. Пристроив ребенка, усадив его, взрослый тут же достает книгу или газету и начинает ее читать, не обращая никакого внимания на ребенка. Иногда, правда, не отрывая взора от книги, малышу дается директива: «Не вертись!» или «Сиди спокойно!» Мне в таких случаях всегда бывает так обидно за ребенка — он в это время предоставлен сам себе и не ожидает от родителей ничего, кроме, разве, замечания. А может быть, ему хочется поделиться впечатлениями о том, что он увидел в окно? Или попросить разъяснения? Или просто поговорить? Ведь ему скучны, утомительны и неинтересны такие поездки. Что он вспомнит, когда вырастет? Не здесь ли лежит одна из причин постепенного отчуждения детей?..

К счастью, меня своим вниманием отец не обделил. Я получила его сполна. И всю свою жизнь благодарна ему за это.

Как-то однажды к папе пришла детская писательница (кажется, В.Смирнова). Она приходила и прежде, так что ничего необычного в ее приходе не было. Но это ее посещение мне особенно запомнилось.

Это было в выходной день, когда все были дома и каждый занимался своим делом. Мы с папой были в своей комнате, когда раздался звонок в дверь. Папа сказал, что, наверное, это к нему, и я побежала открывать дверь, а вслед за мной в коридор из комнаты вышел и папа.

Я открыла дверь, и гостья вошла. Я протянула руку, чтобы закрыть входную дверь, но гостья, не оборачиваясь и не видя моей руки, сама попыталась закрыть дверь, очень больно прищемив и ударив мне руку. Я скорчилась от боли и изо всех сил закусила губы, чтобы не расплакаться при ней. Папа пригласил гостью пройти в комнату и, когда она отошла от порога, он увидел мою согнутую фигуру с перекошенным от боли лицом. Забыв про все приличия, папа бросился ко мне. Увидев его рядом, склонившегося ко мне, я не могла больше сдерживаться и завыла в голос. Папа, не отходя от меня, извинился перед гостьей, попросил обождать его в комнате, а сам кинулся спасать меня от невыносимой боли. Входная дверь была очень тяжелой, и просто чудо, что я отделалась только болью, могли оказаться сломанными все пальцы правой руки. Папа держал мою руку в холодной воде, ласково успокаивал меня. А лицо его выражало такое страдание! Я тогда была абсолютно уверена, что он испытывает такую же боль, как и я.

Несколько дней, пока у меня болела рука, папа мучился, считая себя причиной моей неприятности, говорил, что все произошло по его вине, что он должен был предусмотреть такую возможность и не посылать меня открывать дверь. Он так огорчался из-за меня, что мы с ним поменялись ролями — теперь я стала его успокаивать.

Вспоминается и такое. Дом, в котором мы жили, был небольшой — в нем было всего 17 квартир. Расположен он был таким образом, что имел замкнутый со всех сторон двор, хорошо обозримый из широкого окна нашей кухни. Вообще-то, двор выглядел довольно безрадостно — пыльный, нигде ни одного дерева, ни одной травинки. Поэтому нас обычно водили гулять в другой, очень зеленый двор с садом, расположенный неподалеку от дома через переулок. Но случалось и так, что некому было с нами идти на прогулку, и тогда меня стали выпускать в наш двор одну. Это было абсолютно безопасно, так как ворота дворник отпирал лишь тогда, когда кому-нибудь из жильцов дома на лошади привозили дрова. Все остальное время ворота были заперты. Подходя время от времени к окну, можно было наблюдать, как я гуляю и все ли со мной в порядке.

Кроме нашей семьи других еврейских семей в доме не было. Когда я

впервые одна вышла во двор, случилось следующее: старшие мальчики (они были старше меня лет на 6—7) начали кричать мне: «Жид! Жид!» Сначала я не понимала не только того, что это значит, но и того, что это относится ко мне, и поэтому не реагировала. Это очень злило мальчишек, и они, приблизившись, стали прыгать вокруг меня, выкрикивая это слово и сопровождая все это отвратительными гримасами, а потом даже плевками. Не понимая значения их слов, я, тем не менее, отлично поняла, что это что-то очень нехорошее, очень обидное. Это повторялось каждый раз, стоило мне только выйти во двор. Жаловаться было бесполезно, так как папа считал, что я должна сама строить отношения с ребятами. Однажды их плевки попали в меня, а один из них, самый старший, — Валя — подозвал меня к себе. Я доверчиво подошла к нему, и тогда он плюнул мне в лицо. Этого я уже стерпеть не смогла и пошла домой с жалобой.

Услышав в чем дело, мама почему-то сначала рассмеялась. Мамина реакция удивила и обидела меня. (Это так запало в душу, что, уже взрослой, я спросила ее, почему она тогда так реагировала. Она ответила, что ей показалось очень смешным, что ребята говорили обо мне в мужском роде. «Да и уж очень не вязалось это слово с твоей совсем славянской внешностью».) Умыв меня и очистив мое пальто от плевков, мама посоветовала не выходить во двор, когда там гуляют эти мальчишки. Она ничего мне не объяснила и даже не утешила меня. Совсем растерянная, я стояла посреди кухни и не знала, что мне делать. Папа же отнесся к этому совсем по-другому. Услышав из комнаты мой голос, он поспешил в кухню, обнял меня и увел в комнату. Он был спокоен, но очень серьезен. Выслушав меня, он сказал, что мальчики поступают очень плохо, пытаясь оскорбить меня. Он сказал мне, что люди бывают разных национальностей, но все люди на свете равны, независимо от того, какой они национальности, что принадлежность к любой национальности не является позорной, поэтому мне обижаться не надо. Он пояснил мне, что он, например, еврей, и что он никогда этого не стеснялся, и что мне тоже этого стесняться не следует. Папа добавил, что только очень плохие люди могут по-разному относиться к людям в зависимости от их национальной принадлежности. Он сказал еще, что он хочет, чтобы я всегда относилась к людям одинаково, какой бы национальности они ни были, что порядочные люди именно так и поступают, а у него нет никаких сомнений в том, что я буду порядочным человеком.

Мне тогда показалось, что эта история очень огорчила его, что ему было грустно.

Когда я в следующий раз вышла во двор, мальчики еще издали стали кричать мне это же слово. Я не обращала внимания. Это задело их, и они подбежали ко мне и снова начали прыгать и кричать. Как сейчас помню, что, дождавшись паузы, я очень спокойно повторила им все то, что объяснил мне папа, все то, что узнала от него. Они с удивлением выслушали меня, а затем попытались повторить свой «спектакль», правда, уже без плевков. Но я чувствовала себя настолько защищенной словами отца, что не обращала внимания на их кривляние и выкрики. Их сердила моя неуязвимость, и они, в конце концов, оставили меня в покое.

С тех пор ни во дворе, ни в доме это больше никогда не повторялось. Но запомнилось мне это на всю жизнь.

А слова отца для меня стали путеводными — они навсегда определили мое отношение к этому вопросу. Для меня ни в юности, ни в молодости, ни в зрелые годы, никогда не имела никакого значения национальность человека. Я просто никогда не замечала и не думала о том, кто по национальности те люди, что со мной рядом живут и работают, с кем я дружу и постоянно общаюсь, с кем встречаюсь по делу или просто случайно (на улице, в транспорте). Это никогда не привлекало моего внимания и было мне просто безразлично.

Отец был человеком очень терпимым к чужой точке зрения, к другому образу мыслей, очень широким, способным понять и того, кто стоял на другой позиции, даже если сам он не разделял ее. Он никогда не оказывал на меня никакого давления в том, чтобы внушить мне свое понимание того, о чем я его спрашивала, никогда не пытался навязывать мне свое мнение. В ответ на мой вопрос, или если я нуждалась в его совете, он либо знакомил меня с разными точками зрения, разными возможностями, считая, что я сама должна выбрать то или иное решение, либо просто говорил, что мне лучше разобраться в этом самой. Если при этом у меня возникали сомнения или затруднения в выборе правильного ответа или нужного решения, он, разумеется, никогда не отказывал мне в помощи. На мой прямой вопрос, как бы поступил он или что он считает верным, он, конечно, отвечал, но не категорически, а как бы раздумывая: «Мне кажется, правильно было бы...» или «Я думаю, лучше...» Но неизменно добавлял при этом, что его мнение в этом случае, как, например, лучше сделать, вовсе не обязательно, а носит лишь характер совета.

Конечно, это бывало лишь тогда, когда обсуждаемый вопрос или ре-

шение не касались нравственного аспекта. В этих же случаях ответ отца был всегда однозначен.

Воспитывавшая нас няня не была глубоко верующим человеком. Она посещала церковь главным образом в дни больших религиозных праздников или накануне. Систематически же она в церковь не ходила и дома не молилась. Как-то однажды, то ли ей не с кем было меня оставить, то ли по какой-то другой, неизвестной мне причине, но она решила взять меня с собой. Она сказала мне, что мы с ней вдвоем пойдем в церковь, но что это будет наш с ней секрет от всех, и поэтому не следует об этом никому говорить. Она надела свой праздничный платок, повязала мне свой полушалок, и мы отправились в церковь. По дороге она сказала мне, что пока она будет молиться, я должна спокойно стоять и ждать ее. Никаких других пояснений она мне не дала, и я поняла лишь, что должна вести себя тихо и хорошо.

Церковь, в которую мы пришли, была очень большой. Когда няня, упав на колени, целовала Распятие, мне, по правде говоря, было немного не по себе. Но потом, когда мы вошли внутрь, я была потрясена — красота, торжественность, углубленные в себя лица, звучание хора — все это, вместе взятое, так подействовало на меня, что я застыла на месте и онемела от восторга. Даже если бы няня не предупредила меня о том, как я должна себя вести, я бы все равно вела себя так же. Я была так наполнена новыми, доселе неизвестными мне впечатлениями, что всю дорогу домой молчала, не в силах вымолвить ни слова.

Разрядка, реакция наступила дома, когда, войдя в квартиру я неожиданно для себя увидела почему-то рано вернувшегося домой папу. Тут из меня буквально «хлынули» впечатления, и я забыла (первый и, по-моему, единственный раз в жизни) об уговоре молчать, о няниной просьбе никому об этом не рассказывать. Я быстро, очень быстро и громко рассказывала папе об увиденном и пережитом. Он очень внимательно и спокойно слушал меня. Когда я уже почти «выговорилась», то вдруг заметила няню и увидела, что она напряженно наблюдает за нашим с папой разговором (она же водила меня в церковь не посоветовавшись с родителями и теперь была обеспокоена последствиями). Я сразу же вспомнила о ее просьбе, «споткнулась» и, смутившись, замолчала. Заметив мое смущение, папа спросил меня, почему я замолчала и не хочу ли еще что-нибудь рассказать. Но я, чувствуя свою вину перед няней, молчала и не знала, что мне делать. Вероятно, папа все понял. Он спросил меня, понравилось ли мне в церкви и, услышав мой утвердительный ответ, ска-

зал: «Ну что ж, если Елена Ивановна захочет опять взять тебя с собой, ты можешь пойти, если ты ей не мешаешь там». Помню, как благодарно улыбнулась папе няня.

Она брала меня с собой еще несколько раз. Как-то, вскоре после этого разговора, няня сказала мне, что каждая девочка должна знать молитву, и что она научит меня ей. Я не понимала ни слов молитвы, ни ее содержания, а няня ни на один мой вопрос не смогла ответить, ссылаясь на свою неграмотность. За разъяснениями я обратилась, конечно, к папе. Его нисколько не рассердило и не смутило то, что няня учит меня молитве. Он спокойно разъяснил мне слова молитвы, объяснил в понятной мне форме то, что, еще не понимая, я уже знала наизусть.

Как-то Леонид то ли не послушался няню, то ли сделал что-то вопреки ее совету, и она, никогда на нас не сердившаяся, только сказала ему: «Никогда больше не делай так, Бог этого не простит». Ответ не заставил себя ждать: «А Бога нет», — категорично заявил Леонид. Я была поражена, услышав две разные точки зрения. Раньше я об этом никогда не думала. Я спросила у няни, правду ли говорит Леонид, и она сказала, что он не прав, а Леонид продолжал настаивать на том, что именно его утверждение правильно. Сбитая с толку, я спросила у папы, есть ли Бог. Он был удивлен моим вопросом и попросил сказать ему, почему я вдруг об этом подумала. Услышав от меня о «дискуссии» Леонида и няни, он сказал мне: «Есть люди верующие, вот как няня, а есть неверующие. Каждый человек должен сам найти ответ на этот вопрос. Вот ты вырастешь и сама в этом разберешься». Его тон был таким спокойным и убедительным, что его ответ меня успокоил, и я перестала об этом думать.

О религиозных взглядах отца я не могу судить категорически, со всей определенностью. Но все же рискну поделиться своими соображениями по этому поводу.

Он с глубоким уважением относился к верующим людям, но сам, судя по всему, не был религиозен. Не была религиозной и семья, в которой он рос. Единственное, что противоречит этому утверждению, было то, что его родители ежегодно отмечали праздник Пасхи. Хорошо помню, что когда я с детской категоричностью упрекала бабушку в непоследовательности («Сама говоришь, что не веруешь в Бога, а Пасху справляешь»), она ответила мне тогда, что это просто дань прошлому, традиция, очень для нее приятная и дорогая, так как напоминает ей ее детство и юность, и что отказаться от нее она не может и не считает нужным. Других доводов она не приводила. У меня нет никаких оснований сомневаться в

10 Зак. 1029

ее искренности. К верующим они оба — и она, и дедушка, — относились очень сочувственно (так, бабушка всегда пекла куличи и делала сырную пасху для няни), но сами никаких религиозных обрядов не отправляли, и религия в их жизни не играла никакой роли. В атмосфере семьи она абсолютно не ощущалась.

Что касается Льва Семеновича, то вопросы религии, по-видимому, интересовали и занимали его. Так, он с юности знал Библию, интересовался историей религии. И, тем не менее, есть все основания считать, что он не был религиозен. Этого же мнения придерживались и сестры отца, и мама, с которыми я не однажды говорила на эту тему.

В начале 1932 г. судьба подарила мне счастливейшие дни: отец ехал очередной раз в Ленинград и взял с собой меня и маму.

Чудеса начались прямо на вокзале — мы ехали в двухместном купе международного вагона. Мне все было интересно, все восхищало, и папу это радовало. Ему очень нравилось открывать мне новое, и теперь он радовался и этой возможности, и моей непосредственной реакции на все чудеса. Помню, особенно меня поразил откидывающийся умывальник в купе, и я каждую минуту искала повода помыть руки, только чтобы папа снова и снова открывал его для меня.

Вся поездка в Ленинград, начиная с дороги, была сплошным праздником. Жили мы там у двоюродного брата Льва Семеновича — Давида, которого я хорошо знала, так как он часто бывал у нас. Его жену я тоже знала, хотя и меньше, по Москве. А вот их сына, который, как и Леонид, был старше меня двумя годами, я видела впервые. Он отнесся ко мне вполне дружелюбно, видя, с какой любовью встретил меня его отец. Из нашей московской тесноты я попала в старую петербургскую квартиру. И Давид, и его жена оба были литераторы. Книги буквально заполонили всю их квартиру — они были повсюду: и на полках, и на столах, и на диване, и на подоконнике, но это почему-то создавало непередаваемую атмосферу какого-то особого уюта. В Ленинграде мне жилось очень хорошо — все были добры ко мне, баловали меня, а вечерами возвращался папа, и становилось совсем хорошо. Папа водил меня гулять по городу, мы ездили с ним в гости к его ленинградскому другу Д.В.Фельдбергу, которого я тоже хорошо знала по Москве (он у нас часто бывал). Папа был все время весел, оживлен, чувствовалось, что ему хорошо. С Давидом они без конца шутили, что-то подолгу вспоминали и очень заразительно при этом смеялись. Через неделю папа уехал в Москву, а мы с мамой остались еще погостить.

После отъезда папы Ленинград утратил для меня всю притягательность — и гулять стало неинтересно, и дома стало скучно, несмотря на все ухищрения Давида, изо всех сил старавшегося сделать мое пребывание у них приятным. Давид совершенно замечательно общался со своим сыном, и оба они, конечно, этим общением дорожили. Они вместе сочиняли шуточные стихи, придумывали всем окружающим шутливые прозвища, беря за основу имя (так, Веру они звали Веревкой, а Мару — Морковкой), изобрели свой язык: все слова произносили наоборот — справа налево (Например, Давида надо было звать Дивад, меня — Атиг, мою маму — Азор и т. д.). Они умудрялись очень бойко, в быстром темпе говорить на своем языке, а окружающие их не понимали, что их очень веселило. Они пытались и меня приобщить к этому, но у меня получалось плохо и потому не доставляло удовольствия. Тогда Давид стал вовлекать меня в совместное с ним сочинение стихов, содержанием которых должно было стать что-нибудь из того, о чем я рассказывала ему, или что со мной случалось. Так, до сих пор помню первые шесть строк из такого нашего совместного сочинения. Получилось глуповато, но Давид почему-то радовался.

Но вот пришел конец нашему пребыванию в гостях.

Дорога в Москву совсем не запомнилась, зато хорошо помню радость, даже ликование, когда из окна вагона увидела на перроне встречавшего нас папу.

Я уже, кажется, говорила, что шутки отца не обижали меня. Но среди них была одна, которая просто выводила меня из себя. Так, он говорил: «У одного человека была собака. Ее звали Джек. Когда хозяин собирался куда-нибудь уходить, он всегда говорил собаке: «Джек, ты идешь или остаешься?» И собака всегда или шла, или оставалась!» Ему была интересна моя реакция, и она тут же следовала: «Так она и должна была или идти, или остаться!» — «Она ведь так и делала», — спокойно возражал папа. Я кипятилась, теряла терпение, горячо говорила отцу: «Ей же ничего не оставалось — или идти, или остаться!» Отец снова спокойно говорил мне: «Но она же именно так и делала!» Я начинала злиться, выходила из себя, не умея объяснить, сформулировать «tertium non datur» («третьего не дано»), сколько бы мне это отец ни повторял. Он же только добродушно посмеивался. Зато хорошо помню, как он был вознагражден, когда рассказал это все Асе. Ей было года три, и она свято верила в собачий интеллект. Помню, как положив голову на руки, выслушав папу, глубоко вздохнула и задумчиво произнесла: «Наверное, эта

собака была дрессированная». Папа ужасно хохотал тогда. Вообще, Ася не так, как я, относилась к отцу. Если я рада была любому контакту с ним и готова была без конца отвечать на его вопросы, то она к этим вопросам относилась весьма критически. Однажды она сказала (это со слов мамы): «Вот мама никогда не задает таких глупых вопросов. Она сама все знает». Отца это высказывание очень позабавило.

Папа очень любил со мной гулять, и летом во время его отпуска обычно мы с ним много ходили. В Москве же у него для таких прогулок, к сожалению, времени не было. Но он иногда брал меня с собой, если шел куда-нибудь по делу на короткое время. Во время таких прогулок он всегда рассказывал мне что-нибудь интересное, расспрашивал меня, и наш душевный контакт всегда был полным. Очень ярко помнится наша прогулка на Якиманку (позднее ул. Георгия Димитрова), где тогда располагался Институт мозга (сейчас в этом здании посольство Франции), куда папе нужно было зайти. Показав мне в здании института все, что мне могло в то время быть интересным, он вывел меня во двор института и просил погулять там, пока он не освободится. Впоследствии мне не однажды доводилось сопровождать папу, когда он шел в этот институт. Стоит ли говорить, что я очень любила такие наши прогулки и готова была безропотно ждать его, пока он был занят.

Лето 1932 г. мы снова провели в Ярцеве, но уже в узком составе — только родители и мы с Асей. Это было особенно счастливое лето, так как, во-первых, мы были одни и папа никому, кроме нас, не должен был уделять внимание, а, во-вторых, мы были на значительном расстоянии от Москвы, а значит, никто из папиных друзей не мог приехать к нему и посягать на его время. Таким образом, он целиком принадлежал нам.

Собственно, поехали мы в Ярцево без него, а когда у него должен 'был начаться отпуск, мы с мамой, оставив Асю с няней в Ярцеве, поехали в Москву, с тем чтобы забрать с собой папу. По-видимому, так было условлено заранее. Совсем не помню дороги в Москву, но очень живо, ясно помню совместную дорогу назад, в Ярцево. Началось все с того, что папа оставил в трамвае, которым мы ехали на вокзал, корзинку с вещами. Он ее задвинул под сиденье, а потом забыл про нее. Всю дорогу в поезде он сокрушался по этому поводу. У него сохранились трамвайные билеты, и, помню, он посылал их в трамвайное депо, наивно полагая, что нашу пропажу вернут. Сказать по правде, и мне эта потеря была небезразлична, так как именно в эту корзину были положены Ленинград-

ское печенье и еще кое-какие сладости, которые Д.В.Фельдберг привез специально для меня. Но это, не считая моей болезни, было единственной неприятностью того лета.

Жили мы у очень хороших людей, с которыми на долгие годы сохранили самые дружеские отношения. Этим летом мы особенно много бродили и облазили буквально все окрестности. Во время одной из наших прогулок мы набрели на забытую богом и людьми маленькую библиотеку. Помню, как обрадовался нам с папой старый библиотекарь, так как посетители не слишком часто баловали его. Ушли мы оттуда в отличном расположении духа и с большим томом Некрасова. Так Некрасов в то лето стал нашим постоянным спутником. Стихи Пушкина, Лермонтова я много слышала не только от папы, но и от других домашних — они постоянно звучали в семье. А вот Некрасова мне открыл отец. Он замечательно читал его, мне все казалось понятным, и я многое запомнила на память.

Отец еще с 20-х гг. был поклонником поэзии Б.Л.Пастернака, хорошо знал его стихи и многие читал наизусть. В комнате у нас всегда висел его портрет.[567] В то лето он очень часто обращался к этим стихам. Мне, конечно, они были непонятны, но я с интересом наблюдала, как он, прикрыв глаза, подолгу, немного нараспев читал их. Я многие запомнила с его голоса и, не понимая подлинного смысла, читала их, подражая интонациям отца. Уже взрослой услышала я об этом от нашей знакомой, жившей тогда рядом с нами в Ярцеве: «Очень смешно было слушать, как ты читала Пастернака. Ты закатывала глаза и, стараясь подражать отцу, нараспев произносила длинные стихи. Особенно удавался тебе «Марбург», наверное, ты чаще других слышала именно это стихотворение».[568] Это действительно было одно из особенно любимых отцом стихотворений Пастернака.

Чтобы купить продукты, надо было ездить на базары, которые бывали в городе дважды в неделю. Купить продукты впрок было нельзя, так как негде их было хранить, так что маме приходилось каждый базарный день, оставив Асю на наше с папой попечение, отправляться на базар. Это занимало всю первую половину дня, и нам надо было все это время заботиться о девочке. Учитывая Асин характер, это было не простым делом. Но папа нашел прекрасный выход из положения. У Аси уже в этом

[567] Младшая сестра Льва Семеновича, М.С.Выгодская, рассказывала мне, что у него была книга Б.Пастернака «Сестра моя — жизнь», подаренная ему автором с теплой дружеской надписью. По словам Марии Семеновны, Лев Семенович очень дорожил ею.

[568] Воспоминания С.Б.Рамсиной.

возрасте был ярко выраженный и очень стойкий интерес (этот интерес сохранился на всю жизнь) ко всему, что прыгало, ползало, передвигалось — ко всему живому. Вот папа и решил воспользоваться этим, чтобы, с одной стороны, ее занять и чтобы ей было хорошо и интересно; с другой же стороны, это облегчало нам задачу присмотра за ней. Как только мама уезжала, отец посылал меня принести несколько жуков (а их была уйма и назывались он почему-то майскими!), давал Асе их и какую-нибудь коробочку (чаще всего из-под папирос), и девочки несколько часов не было слышно. Мы же могли в это время заниматься своими делами — читать, играть, разговаривать. Ася совершенно не была этому помехой.

Это лето запомнилось мне и моей болезнью, вернее, двумя моментами в ходе болезни. Воспитывая нас, мама в двух вопросах была очень педантичной: во-первых, она требовала строгого выполнения режима, не допуская никаких отклонений, и, во-вторых, в случае болезни — точного выполнения предписаний врача. Врач, Николай Иванович Цанговой, лечивший нас все детство, внушил маме необходимость четырехразового измерения температуры в день. Это обычно воспринималось нами как пытка — судите сами, 4 раза в день по 10 минут лежать неподвижно! Вот и в Ярцеве, во время болезни, эта процедура казалась мне особенно невыносимой. Но папа и тут придумал, как эту неприятную обязанность превратить в удовольствие. Кто-то, не помню кто, подарил мне «Конька-Горбунка». Вот папа и предложил читать мне эту книжку только во время измерения температуры, чтобы растянуть удовольствие. Читал он превосходно и, надо ли добавить, что времени измерения температуры я ждала с нетерпением.

Второй запомнившийся мне момент болезни был связан с курением отца. За несколько лет до конца своей жизни он начал курить. Никто с этим не боролся, так как курил он немного, почти не затягиваясь. Нам с мамой очень нравилось наблюдать за тем, как он курит. Всем своим видом он обычно изображал удовольствие, которое испытывает при курении, и было приятно видеть его довольным. Мне казалось, да и сейчас кажется, что курил он очень красиво. Мне нравился запах его папирос, и обычно я с удовольствием вдыхала его. В Ярцеве папа познакомился с одним человеком,[569] и этот его знакомый стал часто приходить к нам. Обычно во время своей беседы они курили. Поскольку нам с мамой нравился запах

[569] Много лет спустя мама, когда я как-то говорила с ней об этом, сказала мне, что этот человек был ссыльным.

курева, курили они в доме, не выходя на улицу. Так было и в один из дней моей болезни. Папа со своим знакомым, сидя за столом, тихо разговаривали и курили. Кажется, у меня была высокая температура, и мне вдруг стало плохо от запаха табака. Но сказать об этом я стеснялась, так как папа был не один. Я лежала и тихо плакала, боясь, что меня вырвет. Подошедшей маме я призналась в причине слез, и она попросила мужчин больше не курить в комнате. Боже, что было с папой! Каким виноватым он себя чувствовал! Он начал проветривать комнату, поминутно подбегал ко мне, спрашивая, не лучше ли мне. Он выглядел таким несчастным, что я очень жалела, что призналась маме. Он очень волновался, что был причиной моего плохого самочувствия, и несколько дней буквально не отходил от меня.

Ко всему сказанному об отце следует добавить еще один штрих к его портрету — его отношение к молодежи. Считаю уместным сказать об этом именно здесь, так как в этот период он наглядно, своими действиями проиллюстрировал это отношение. Оба года — и в 1931 г., и в 1932 г. — мы уезжали из Ярцева не одни, с нами уезжали будущие студенты. В первый год мы увезли с собой сына хозяйки Тимошу (не помню фамилии). Пока он не поступил в институт и не устроился в общежитии, он жил у нас на Серпуховке как член семьи. Потом, когда Тимоша переселился от нас, отец требовал, чтобы он систематически, не реже раза в неделю, приходил к нам обедать. Он учился в каком-то техническом ВУЗе, но отец следил за его успехами, всегда находил время, чтобы расспросить его, побеседовать с ним. Благодаря этому парень не чувствовал себя одиноким в чужом огромном городе. На следующий год (1932) все повторилось снова. На этот раз папа уговорил ехать учиться дочь наших хозяев Галю Ковальчук, и она поехала в Москву вместе с нами. До поступления она тоже, конечно, жила у нас дома, а потом, став студенткой текстильного института, систематически, довольно часто, бывала у нас в семье вплоть до самой смерти отца. И ее жизнь в Москве, и ее учение тоже были в поле зрения папы. Помимо всего прочего, он периодически еще находил время для писем родителям Гали, чтобы они не тревожились за нее.

Так отец не декларировал, а на деле проявлял свое подлинно заинтересованное отношение к молодежи.

Помню, я опять заболела. Вообще-то я не так уж много болела в детстве, как это может показаться. Просто болезнь больше запоминается. Ведь когда ребенок здоров, он все время что-то делает, чем-то занят и в

меньшей степени замечает то, что происходит вокруг. А болезнь вынуждает к безделью, которое порождает большую наблюдательность. Отсутствие внешней активности как бы компенсируется внутренней — невольно больше начинаешь замечать то, что происходит вокруг, появляется пища для размышлений, сравнений. Вероятно, этим болезнь и запоминается. Эта моя болезнь совпала с периодом работы над его последней большой рукописью «Мышление и речь». Как сейчас вижу — в комнате перестановка: книжный шкаф стоит теперь торцом к стене, отгораживая небольшой угол. Прямо за шкафом, вплотную к его стенке, придвинута моя кровать. Я лежу в той же комнате, где работает отец, и могу целыми днями наблюдать за ним. У меня в кровати игрушки и книги, чтобы было, чем заняться, и я, молча, чтобы не мешать папе, играю лежа. За большим папиным столом сидит стенографистка,[570] которая приходит каждое утро. Папа меряет шагами комнату, заложив руки за спину, и диктует. Диктует он, не останавливаясь, не запинаясь, все время в одинаковом ровном темпе. Диктуя, он слово «человек» произносит как «чек», что мне кажется ужасно забавным. Когда мне надоедает играть, я начинаю считать, сколько раз он произнесет это слово. Примерно каждые час-полтора стенографистка делает на несколько минут перерыв, чтобы передохнуть, выпить чашку чая. Во время таких перерывов папа обязательно подходит ко мне, спрашивает, что мне подать, а что забрать от меня. В это время я и сообщаю ему результаты своего подсчета, и мы оба весело смеемся над этим. Так он работает до вечера. Уходом стенографистки домой его рабочий день не кончается — он сидит за письменным столом до глубокой ночи. А утром все начинается сначала. Откуда он только черпал силы!

Это время было периодом особенно интенсивной работы отца. Он очень много работал за столом, засиживаясь до поздней ночи, очень много работал с людьми. Редкий вечер к нему не приходили его ученики или коллеги, с которыми он работал весь вечер, а по их уходе снова садился писать. Чаще других бывали А.Р. Лурия, всегда неразлучные Л.В. Занков с И.М.Соловьевым, «пятерка». Очень часто бывал и А.Н. Леонтьев. Хорошо помню в связи с этим, как однажды я своей непосредственностью довела отца до состояния, когда он от смущения готов был провалиться сквозь землю. Алексей Николаевич чихнул, и я от души пожелала ему, как обычно желали мне: «Будьте здоровы! Растите большой и умный!» Алексей Никола-

[570] С.Д.Еремина. Умерла несколько лет назад. Поддерживала близкие дружеские отношения с нами до конца своих дней.

евич вежливо засмеялся, а бедный папа не знал, куда деваться. Наблюдая со стороны беседы отца с учениками, никому бы и в голову не пришло, что это беседа учителя с учениками, ученого со студентами. Он всегда был с ними на равных, обращался подчеркнуто уважительно, с вниманием выслушивал их соображения, аргументы, спокойно обсуждал результаты работ.

Так случилось, что с детства я знала многих из тех, чьи имена сейчас уже прочно вошли в историю науки. Тогда же я, конечно, не понимала, что они за ученые, как не понимала и того, о чем они говорили, засыпала под их споры, беседы. Для меня это были люди с разным стилем поведения, различными привычками, разной манерой себя держать, по-разному относившиеся ко мне. С одними у меня установились дружеские отношения, других я стеснялась, к некоторым была индифферентна, а некоторых даже любила. А о том, что это были за ученые, я узнала много позже из их работ.

В 1932 г. отца пригласили в США, чтобы прочесть там курс лекций. Сначала он отклонил это предложение, но оно настойчиво повторялось и, в конце концов, он дал согласие. Ему надлежало прочесть двухгодичный курс психологии в одном из крупных университетов США (не помню, в каком именно). Эта предстоящая поездка взбудоражила всю семью, так как ехать он должен был не один, а с нами. Сроки приближались, уже готовы были паспорта родителей (помню большие, в красной с золотом обложке), говорили о билетах. Встревоженный Леонид сказал мне: «Когда вы будете плыть, вы можете встретить в океане кита, и я боюсь, что Ася его очень испугается». Его опасения передались мне, и мы стали готовить девочку к этой предстоящей встрече, делясь с ней своими не слишком богатыми познаниями о китах и их жизни. Но этого мне показалось мало, тем более, что боялась я не только за Асю, и я поделилась своими страхами с папой. Он очень внимательно выслушал меня и, очевидно, понял, и не без основания, что я не только за Асю тревожусь, но и сама побаиваюсь. Поэтому он, как мог, успокоил меня, сказав, что и встреча эта маловероятна, и что корабль, на котором нам предстояло плыть, достаточно большой и надежный. Но увидев, что моя тревога не прошла, спросил меня, что, с моей точки зрения, надо сделать, чтобы быть уверенным в безопасности. Тогда я спросила его: «Как ты думаешь, если мы будем с двух сторон держать ее за руки — с одной стороны ты, а с другой — я, ей, наверное, не будет так страшно?» Он сказал, что наверняка это успокоит Асю и что это отличный выход из положения. Таким образом,

я заручилась согласием отца быть рядом в случае опасности и окончательно успокоилась — он казался мне таким могущественным!

Не помню (а, может быть, и не знала этого), почему наша поездка в последнюю минуту сорвалась, и мы остались в Москве.

Но говорят: «Если гора не идет к Магомету, то...». И Магомет явился к нам в виде одной богатой американки, которая приехала, по ее утверждению, чтобы «Утшится у Выготского для славы». Это было уже в 1933 г., когда я только что пошла в школу. Звали эту даму мисс Лайлин (так, по крайней мере, называли ее мои родители и А.Р. Лурия, очень часто бывавший у нас в тот период), а нам, детям, было велено называть ее тетей Лялей. Как это ни покажется диким, но поселили ее у нас в семье. К этому времени (в начале 1933 г.) у нас появилась вторая комната, в которой поселились Ася с няней и я. Американка стала жить в комнате с моими родителями. Но так как наша вторая комната была очень маленькой — всего 9 кв.м., а стояло в ней много вещей (соответственно 3 кровати, стол, шкаф, еще что-то), то местом моих занятий и игр по-прежнему оставалась комната родителей, в которой я и проводила, как и прежде, почти все время. Именно поэтому я хорошо помню пребывание у нас этой дамы. Для отца это было мучительное время: при его застенчивости и деликатности он должен был жить в одной комнате с совершенно чужим человеком! Он всячески старался создать ей удобные условия существования, учитывал ее вкусы и привычки, но это было поистине нелегким делом. Все время пребывания у нас мисс Лайлин, а это длилось несколько месяцев, он чувствовал себя очень неловко и выглядел все время смущенным. Первые дни он даже стеснялся своего английского произношения, но потом (разговор был при мне) было принято решение, чтобы совершенствовать язык, папа будет говорить только по-английски, а гостья — только по-русски. Из-за ее русского с ней случались всевозможные нелепые истории, которые приводили отца в состояние крайнего смущения. Так, помню, однажды в магазине (а она требовала, чтобы в отсутствие родителей я ее сопровождала), когда ее обсчитали, она начала громко возмущаться: «О! Он меня обнимал! Нехорошо! Он меня обнимал!» (Имелось ввиду — «она меня обманула»). Ее возгласы и экстравагантный вид собрали вокруг нас толпу. Нас с любопытством разглядывали, удивляясь, по-видимому, кому могло прийти в голову обнимать эту нарядную иностранку. Я была очень испугана, дергала ее за рукав и умоляла: «Пойдемте домой! Пойдемте!» Но ее невозможно было увести, и она долго продолжала возмущаться. Вечером дома она сама с моей помощью, смеясь, рас-

сказала об инциденте. Мама, представив себе это воочию, откровенно хохотала, а папа чувствовал себя очень неловко из-за того (как он после объяснил маме), что не мог оградить гостью от неприятных переживаний.

Мисс Лайлин, хоть и уверяла всех, что приехала, чтобы учиться у Выготского, к своему учению не проявляла особого рвения. Когда отец приглашал ее с собой на лекции, заседания, конференции она (это со слов мамы, сопровождавшей ее в этих случаях) во время докладов откровенно зевала и с любопытством рассматривала более чем скромные туалеты присутствовавших и участвовавших в обсуждении женщин. Вообще, она предпочитала оставаться дома. В отсутствие родителей мне вменялось в обязанность сопровождать ее в пределах нашего района, чтобы она не заблудилась. Она требовала, чтобы я исправляла ее русский, что я довольно бесцеремонно и делала. Это ее нисколько не обижало, она всем говорила обо мне: «Это мой утшитель».

Через пару месяцев ей нашли жилье, и она переселилась от нас, но вечерами, когда родители возвращались домой, непременно приезжала к нам всегда в сопровождении высокого, смуглого, похожего на военного человека. Она представляла его как своего поклонника. Она пробыла в Москве около полугода, не меньше. (Второй раз она приехала осенью 1934 г., когда отца уже не было в живых.) Единственно, в чем она преуспела за это время, так это в языке. Наука же вообще и психология в частности, как я думаю, ей была ни к чему. Для папы же ее пребывание у нас не осталось бесследным: он все время испытывал неловкость от этого, считая, что гостье неудобно, что он недостаточно много времени уделяет ее психологическому образованию. Кроме всего прочего, это лишало его возможности работать так, как он привык, отвлекало от работы. А он так торопился многое сделать!

Хорошо помню приезд к нам настоящего ученого — Курта Левина. Он бывал у нас дома во время своего пребывания в Москве по крайней мере несколько раз. Каждый раз они очень оживленно разговаривали, горячо спорили о чем-то. Отец сидел у стола, немного боком, а Левин все время вскакивал, и начинал быстро ходить по небольшому свободному пространству комнаты, снова садился, был экспансивен, жестикулировал, в чем-то, как мне тогда казалось, не соглашался с отцом. Говорили они только по-немецки. Отец говорил абсолютно свободно, так же как по-английски с американкой. Он владел тремя европейскими языками, что давало ему возможность не только знакомиться с иностранной литературой задолго до ее перевода на русский язык, но и свободно общаться с коллегами. Во

время его поездки в 1925 г. в Англию, Германию, Голландию и Францию он посещал в этих странах психологические лаборатории и различные дефектологические учреждения и общался там, не прибегая к помощи переводчика.

Заполняя личное дело в Наркомпросе, на вопрос о владении иностранными языками Лев Семенович указал, что владеет английским, французским, немецким и еврейским.[571]

Выступая на заседании, посвященном Л.С. Выготскому, А.А. Смирнов вспоминал: «Нужно сказать, что Лев Семенович был... мастером переводов. Я помню, как в этой аудитории он поразил всех тогда, когда, если память мне не изменяет, Коффка делал доклад, а Лев Семенович литературным языком абсолютно точно перевел все то, что говорил Коффка».[572]

Нет, не подвела память Анатолия Александровича Смирнова. Когда все это уже было написано, я неожиданно получила письмо от Рене ван дер Веера (из Лейдена), которое восприняла буквально как подарок. Рене ван дер Веер писал мне, что в книге о Курте Коффке он нашел письмо Коффки, касающееся Льва Семеновича. Он прислал мне ксерокопию страницы из этой книги,[573] на которой приводится письмо Коффки, написанное им из Москвы, в котором он рассказывает о своем докладе. Приводим этот отрывок.

> «Два первых вечера я провел в театрах, первый — в Большой опере, второй в Московском Художественном Театре. Оба спектакля были превосходны, оба театра заполнены. Вчера вечером было самое длинное из всех представлений — моя лекция в Государственном Институте Психологии.[574] Она была назначена на 7 часов вечера, но началась в 7 часов 30 минут. В зале собралось более 300 человек, заполнивших всю аудиторию. Большинство из присутствующих понимало по-немецки, но поскольку некоторые не понимали, профессор Выготский (русский психолог, создатель теории формирования понятий), необыкновенно обаятельный человек, выступил в качестве переводчика. Я говорил в течение приблизительно 5 или 10 минут, а затем он очень легко и свободно, как только можно себе представить, делал

[571] Личное дело № 507. // ЦГА РСФСР. - ф. 482. - Оп. 1. - Ед. хр. 644. - Л. 7.

[572] Выступление А.А. Смирнова на расширенном заседании Ученого совета НИИ ОПП АПН СССР 14 ноября 1966 г. // Архив НИИ ОПП. - Ф. 82. - Оп. 1. - Ед. хр. 397. - С 177.

[573] M. Harrower. Kurt Koffka. An unwitting self-portrait. — Gaineswill: University Presses of Florida, 1983.

[5IA] Доклад К. Коффки 29 мая 1932 г. «Die Uberwindung des Mechanizismus in der modernen Psychologie».

перевод сказанного. Он говорил гораздо более свободно, чем я, и мне казалось, что гораздо дольше. Около 9 часов был сделан перерыв, и затем я пошел в кабинет директора и обнаружил там стол с бутербродами и различными пирожными. Я выпил стакан чая, по вкусу похожий на подсахаренную воду, и поговорил с бесчисленным количеством людей».[575]

А вот в чем совершенно не разбирался отец, чего он совершенно не знал, так это музыка. Эта область была для него terra incognita. Может быть, это произошло потому, что в детские годы в семье не уделялось внимания приобщению детей к музыке. Так или иначе, у него был плохой музыкальный слух. Не знаю, мог ли он различать по звучанию различные музыкальные произведения, но передать правильно ни одной мелодии не мог. Ему нравилось, когда мама, что-либо делая, напевала вполголоса. Он щурился при этом от удовольствия. Он хотел, чтобы я училась играть на рояле, и была даже предпринята такая попытка, которая закончилась пару месяцев спустя. (Льщу себя надеждой, что так случилось из-за неблагоприятных условий, а не из-за моей музыкальной тупости). Дело в том, что у нас дома инструмента не было, поэтому для того, чтобы приготовить задание учительницы, меня отводили в семью живших неподалеку наших знакомых. Там же никаких условий не было. Инструмент стоял в общей комнате — тут же бегали маленькие дети, тут же пили чай взрослые, тут же в полный голос велись разговоры. Никто из хозяев серьезно к моим урокам не относился, меня отвлекали, втягивали в разговоры, расспрашивали и т. п. В конце концов, я отказалась ходить туда для приготовления уроков, а другой возможности не было. Но важно не это, важно отношение отца к моим занятиям. Когда мне было задано учить ноты, различные музыкальные паузы, папа старался помочь мне сделать это. Он что-то чертил, придумывал какие-то приемы, чтобы облегчить мне запоминание материала и сделать эти занятия интересными для меня. С ним я занималась этим скучным делом с удовольствием. Для того, чтобы объяснить мне материал, он должен был сначала разобраться в нем сам, так как не владел даже элементарной музыкальной грамотой. И он находил для этого и время, и терпение, и всячески способствовал моему обучению. Когда через несколько месяцев мои занятия прекратились, он огорчился. Спросив у меня, хочу ли я учиться музыке, и получив мой утвердительный ответ, он обещал купить для этого пианино. Это свое обещание ему не суждено было выполнить — он не успел.

[575] Семейный архив Л.С.Выготского.

По-видимому, ему нравилось напевать, но он не делал этого ни при ком, так как стеснялся, зная свои более чем скромные музыкальные данные. Позволял он себе это только, если мы бывали вдвоем. Хорошо помню, что это бывало, например, при моих болезнях и, как правило, во время дальних прогулок летом. В это время он был совершенно раскован, раскрепощен, свободно чувствовал себя и радовался, доставляя мне удовольствие. Я старалась ему подпевать, и, боюсь, наше пение звучало ужасно. Но нам нравился сам процесс, и мы мало смущались результатом. Надо сказать, что «репертуар» отца был довольно странный. Так, он пел мне «По долинам, да по взгорьям» и «У церкви стояла карета», «Калистрата» и «Белый день занялся над столицей» Некрасова, «Казачью колыбельную» и «Воздушный корабль» Лермонтова. Да, собственно, различить исполняемое можно было, главным образом, по словам, так как мелодия во всех случаях мало менялась. Я и сейчас помню эти простенькие мелодии, которые напевал мне папа.

Удивительный человек, ему все всегда было интересно. Не знаю, почему, может быть, в связи с исследованием феномена памяти С.В.Шерешевского, но он решил научиться запоминать длинный ряд слов. Он составил себе список из ста слов и заучил его вместе с цифрой, обозначавшей место этого слова в списке. Он мог воспроизводить этот список в любом порядке и просто по цифре называл слово, стоявшее на этом месте. Когда он прочно запомнил это, то стал нам, домашним, демонстрировать возможности запоминания большого материала. Выученные им слова были как бы опорными. Мы составляли список тоже из ста слов, папа, шагая по комнате, медленно прочитывал его и затем, передав нам этот список, предлагал экзаменовать его. Оказывалось, что он легко воспроизводил наш список в любом порядке и, кроме того, выборочно мог назвать любое слово из нашего списка по его номеру. Так, скажем, его просили назвать 7-е, 41-е, 67-е и т. д. слово, и он безошибочно делал это. Хорошо помню, как одна из его сестер, удивленная результатом, спросила его, как ему это удается. Он ответил ей, что как бы «привязывает» каждое слово из предлагаемого списка к соответствующему ему по номеру своему «опорному» слову, образует между ними ассоциацию. И когда ему требуется воспроизвести весь список или выборочно какое-то из слов, он идет от своего «опорного» слова и вспоминает связь между ним и предложенным для запоминания. Нам это очень нравилось, и мы изощрялись в придумывании слов, но результат всегда был одним и тем же — ответ папы был

правильным. Видя, что это доставляет нам удовольствие, что мы радуемся, он радовался вместе с нами.

Д.Б. Эльконин рассказывал своим ученикам, что всегда присутствовал на лекциях Льва Семеновича, которые он читал в Ленинграде в педагогическом институте им. Герцена. На лекции, посвященной проблемам памяти, Лев Семенович рассказывал о разных приемах запоминания, о необходимости тренировать память и демонстрировал возможности запоминания, по словам Д.Б. Эльконина, четырехсот слов. Эти слова тут же, на лекции, предлагали и записывали на доске студенты, а Лев Семенович запоминал их и безошибочно воспроизводил в любом порядке (об этом мы уже упоминали). Он рассказал студентам о приеме, которым пользуется в этих целях. У него был составлен систематизированный в хронологическом порядке список писателей и. крупных мыслителей с древности до современников. Этот список включал четыреста фамилий, который он и использовал в качестве «опорных» слов. С каждым предложенным ему для запоминания словом он образовывал связь либо с фамилией автора, занимавшего соответствующий номер в списке, либо с каким-нибудь из его произведений. Скажем, 187-м в списке для запоминания было предложено слово «собака», а в списке Льва Семеновича за № 187 стоял, допустим, Гоголь. Тут же рождалась ассоциация — «по Миргороду бродит собака». Когда нужно было воспроизвести данное для запоминания слово, вспоминалась вся фраза, и уже не составляло особого труда выделить в ней то слово, которое требовалось воспроизвести.

Он советовал студентам для тренировки памяти начинать с небольшого количества слов и говорил, что, например, в качестве опорных слов они могут использовать названия трамвайных остановок от их дома (или общежития) до института, поскольку по крайней мере дважды в день проделывают этот маршрут. Лекция была такой живой, яркой, эмоциональной, что ее запомнили не только студенты — ведь Даниил Борисович тоже помнил ее всю свою жизнь!

Отец был близорук, но не носил очков — их попросту у него не было. При той колоссальной нагрузке, которая у него была, глаза его к вечеру чрезвычайно уставали, и он мечтал об очках. Не знаю, почему нельзя было претворить эту мечту в действительность: то ли стекол в Москве не было, то ли недосуг было ему этим заняться, но до 1933 г. он работал без очков.

Как-то, приехав из Харькова, А.Р. Лурия привез себе очки, что стало чуть ли не предметом зависти для отца. Александр Романович рассказал,

что нашел в Харькове окулиста, который не только подбирает очки, но и каким-то образом способствует их приобретению. Он обещал отвести отца к этому врачу при первом же его приезде в Харьков. О том, как это происходило, рассказываю со слов Александра Романовича. Отец очень молодо выглядел и был более чем скромно одет (на нем был его единственный костюм). Вероятно из-за этого он не произвел на врача никакого впечатления. Тому и в голову не пришло, что перед ним уже известный ученый. Осмотрев папу, врач сказал: «Ваше счастье, молодой человек, что Вам по роду Вашей деятельности никогда не приходится книгу в руки брать. Иначе Вы бы уже давно ко мне пришли!» Александр Романович рассказывал мне, что еле сдержался, чтобы после этой тирады не расхохотаться вслух, а папа деликатно заметил врачу: «Да-да. Вы совершенно правы». Вернулся он из Харькова счастливым обладателем двух пар очков, которые лежали в каких-то немыслимых металлических футлярах с хлопающими крышками. Один из этих футляров он тут же отдал нам для игры, и первые дни в доме без конца слышались хлопки, заставлявшие вздрагивать всех домашних.

То же было и со свистком. Когда отец стал депутатом Фрунзенского райисполкома, ему в качестве символа власти вручили милицейский свисток. Конечно, выяснив у нас, что нам этот свисток просто необходим для игры, он тут же отдал его нам. И поначалу домашним пришлось мириться с оглушительным свистом, приводившим их в ужас. Но постепенно все привыкли к милицейскому свистку в доме и перестали его пугаться, а потом и нам надоело свистеть просто так и мы стали использовать свисток только тогда, когда этого требовал сюжет нашей игры. Вообще, отец очень поддерживал все наши игры и снабжал нас для игры всем, чем только мог.

Я уже, кажется, говорила, что в последние годы жизни отец начал курить. Вспоминается один забавный случай, связанный с этим. Однажды Леонид признался мне, что пробовал потихоньку курить, но у него ничего не вышло. Он предложил мне попробовать еще раз, но вместе, он даже место для этого облюбовал — в коридоре за шкафом. Я не умела ничего делать потихоньку и поэтому попросила его подождать до вечера, до прихода домой папы. Он согласился. Когда папа пришел, я еле дождалась, пока он разденется. Затем, не дав ему даже поесть, я заявила, что у нас дома нет справедливости. «Вот ты всегда говорил, что у нас дома все равны, а сам куришь, а нам с Леонидом не даешь,» — выпалила я. Отец задумался, а потом спросил меня, пробовала ли я уже курить. Я честно призна-

лась, что я - нет, а Леня пробовал. Тогда папа сказал: «**Знаевдцты,** наверное, права. Сделаем вот как — будем курить вместе. Хорошо? **Вот** только подождите, пока я поем». Он пошел ужинать, а я с ошеломляющей новостью кинулась за Леонидом. Сообщив ему папино решение, мы с ним вернулись в комнату бабушки, где ужинал папа. Мы чинно сели и стали ждать, когда папа кончит есть. Поужинав, папа достал коробку с папиросами, вынул три штуки, оставил одну себе, остальные дал нам. «А теперь смотрите и учитесь, — сказал он, — курить надо правильно». Он показал нам, как размять в папиросе табак, как правильно держать ее, а затем зажег все три папиросы. Все домашние молчали, не зная, что он задумал, и наблюдали за нами. Мы с Леонидом были очень довольны — справедливость торжествовала! Затем папа показал нам, как надо затянуться... Нам обоим стало нехорошо. Помню, я закашлялась, меня стало подташнивать. Думаю, что и Леонид пережил нечто аналогичное. Стоит ли добавить, что с тех пор я никогда не пробовала курить, а Леонид закурил только накануне своего 18-летия.

Очень нравилось нам, детям, когда к отцу приходил Б.Г.Столпнер. Был он очень близорук и, несмотря на толстенные стекла очков, видел очень скверно. Был ли он к тому же рассеян, судить не берусь. Но по той или другой причине (а может быть, и из-за обеих причин вместе) с ним случались в доме смешные, с нашей точки зрения, истории. Так, помню, собираясь домой, он тщетно старался напялить на свои огромные растоптанные ботинки маленькие женские галоши на высоком каблуке, да еще стоящие задом наперед. Мы с Леонидом получили массу удовольствия и еле сдерживались, что бы не захохотать в голос. Папа страдальчески (да, да, именно так) посмотрел на нас, и мы присмирели. Потом, с обычной своей деликатностью, он сказал: «Борис Григорьевич! Мне кажется, это не Ваши галоши», на что Столпнер ответил: «Нет, Лев Семенович, я хорошо знаю свои галоши». Отец пытался очень тактично добавить, что ему кажется, что это женские галоши, но Столпнер продолжать терзать их, пока не убедился окончательно в негодности попытки надеть их. В другой раз он спутал дверь в туалет и ломился в запертый бельевой шкаф. Стоявший рядом отец робко говорил ему: «Мне кажется, Борис Григорьевич, Вы не ту дверь открываете», на что Столпнер ответил: «Нет, Лев Семенович, я отлично знаю Вашу дверь». Папа предусмотрительно посмотрел на нас и мы сдержались. После ухода Столпнера папа позвал нас. Он был очень огорчен. Он сказал нам, как это неблагородно и жестоко смеяться над чужими недостатками. Он сказал, что надо всегда быть добрым к людям и стараться помочь им,

а не выискивать их недостатки. Он добавил, что ему очень грустно от того, что мы сами этого не понимаем. Он не требовал ни наших объяснений, ни извинений, ни обещаний на будущее. Просто он встал и вышел из комнаты. До сих пор помню, как мне было стыдно. Весь день я ничем не могла заняться и только и думала об этом разговоре и мечтала, чтобы что-нибудь случилось такое, чтобы я могла показать папе, что я не такая уж злая. Этот разговор запомнился мне на всю жизнь.

В мае 1933 г. в Москву из Донецка приехала мамина давнишняя подруга с мужем, оба врачи. Папа быстро сошелся с ними и их московскими знакомыми, и мы много времени проводили вместе. Они бывали у нас на Серпуховке вместе, большой компанией, мы ходили в парк культуры, катались на пароходике. Все те дни папа был разговорчивым, веселым, оживленным. Может быть, и не стоило останавливаться на этом, если б не одна деталь: осталось материальное воспоминание об этих днях в виде фотографий. Дело в том, что муж маминой подруги увлекался фотографией и делал хорошие снимки. Именно ему мы обязаны двумя фотографиями отца.. Обе они сделаны в один и тот же день (в конце мая 1993 г.) в нашей квартире, но не в нашей комнате, а в комнате папиных сестер, так как она была самой светлой. Папа очень не любил фотографироваться и делал это только под нажимом кого-то из близких Так было и в тот день. Вероятно, поэтому на обоих снимках он выглядит таким напряженным и даже, пожалуй, мрачным. Мы все вместе уговаривали его сняться

Рис. 50. Москва, май 1933 г. Лев Семенович с женой и детьми. (Снимок ЯД. Дмитрука).

Рис. 51. Москва, май 1933 г. Лев Семенович со старшей дочерью (Снимок Я.Д. Дмитрука).

с мамой и нами, детьми, и он сдался. Его портрет, сделанный с этого снимка, один из самых распространенных и в его книгах обошел весь мир. Когда снимок был сделан, мама попросила, чтобы отца сфотографировали одного, но он порывался встать. Тогда, чтобы он не поднялся с места, неожиданно для всех, я плюхнулась ему на колени и обняла его. Щелкнул затвор, снимок был сделан. Так на этом снимке мы навсегда остались с ним вместе.

Память обладает замечательной особенностью фиксировать не только тот или иной факт, тот или иной случай, но запечатлевать при этом и те переживания, те чувства, которые в это время испытывались. И, воспроизводя в памяти событие, припоминая случившееся, невольно вновь переживаешь и связанные с этим эмоции.

Очень запомнилось лето 1933 г., последнее лето с отцом. В это лето мы жили неподалеку от Москвы, на станции Тайнинская (Ярославской ж/д). Дача, которую снимала семья, стояла в глубине большого участка. Лето казалось особенно долгим, вероятно из-за того, что все три месяца папа

был с нами (до начала своего отпуска он ежедневно ездил в город на работу, а потом возвращался на дачу). Поблизости от нас поселились Б.В.Зейгарник с Г.В.Бирнбаум, которые очень часто к нам приходили. Почти ежедневно приезжал А.Р. Лурия, без него не садились к столу. Туда же, в Тайнинку, привез он к нам знакомиться и свою будущую жену — Л.П.Липчину. К Александру Романовичу все в доме в тот период относились как к своему, считая его чуть ли не членом семьи. Даже Ася, которая в то время дичилась многих, для Александра Романовича делала исключение. А уж когда он привез ей в подарок двух живых кроликов, то совсем покорил ее сердце, и вечером она заявила папе, что теперь знает, кем будет, когда вырастет. На вопрос папы, кем же она решила стать, девочка, не задумываясь, ответила: «Лурьём!» Помню, как хохотали папа и Александр Романович, когда он это ему рассказал. Сохранилось несколько фотографий, сделанных Александром Романовичем летом того года в Тайнинке: мы с Асей на крыльце дачи, мы на коленях у отца (эта фотография до самой смерти Александра Романовича висела у него дома, в его кабинете. Папа на ней, как обычно летом, с бритой головой.)

Довольно часто приезжал из Москвы Столпнер. В то лето его обычно сопровождала Г.Л. Розенгард-Пупко. Когда они вечером уезжали, папа шел их провожать. Но так как дорога освещалась плохо, а Столпнер в темноте почти не видел, все это происходило следующим образом. Бориса Григорьевича ставили около какого-нибудь забора или дерева, а папа с Гитой Львовной шли разведывать кусок пути. Затем они возвращались за Борисом Григорьевичем, вели его по уже обследованному отрезку пути, снова оставляли и снова шли вперед, изучая все ямы и бугры, а затем снова возвращались за поджидавшим их Столпнером. Все это длилось чрезвычайно долго, и у меня не хватало терпения дождаться, когда же, наконец, придем на станцию. Я несколько раз участвовала в этих проводах, главным образом для того, чтобы обратно, от станции, идти вдвоем с отцом. Но потом папа перестал меня брать, вероятно, понимая, какое это для меня испытание.

В то лето у папы появился новый повод поддразнивать меня. Розенгард-Пупко звали так же, как и меня — Гита Львовна. Вот папа и начал этим пользоваться для своих шуток. Он говорил: «Ты — Гита, и Гита Львовна, когда была маленькая, тоже была Гита. Ты Гита Выготская, а она была Гита Розенгард. Когда она выросла, и ее стали звать Гита Львовна, она стала уже не просто Розенгард, а еще и Пупко. Значит, когда ты выраc-

Рис. 52.Станция Тайнинская, июль 1933 г. Лев Семенович с дочерьми. (Снимок Александра Романовича Лурии).

тешь, и тебя будут звать Гита Львовна, ты уже будешь не просто Выготская, а станешь еще тоже Пупко? Она Розенгард-Пупко, а ты будешь Выготская-Пупко?!» Из его слов получалось, что фамилия Пупко неизбежна для тех, кого зовут, как меня. Я пыталась объяснить отцу, что мне хватит одной фамилии, а он говорил, что Гите Львовне тоже, когда она была девочкой, хватало одной фамилии, и только когда она выросла, она получила вторую. А раз уж я, как она, Гита Львовна, то когда я вырасту, не избежать мне быть тоже Пупко. Я злилась, а он посмеивался. Наконец, я нашла, как мне тогда казалось, неоспоримый аргумент: не у всех же взрослых две фамилии! Но папа возразил мне — не всех же так зовут, как меня. Эта его шутка начинала сердить меня и, увидев, что я всерьез огорчаюсь тем, что не могу ее парировать, папа больше ее не повторял.

Там же, в Тайнинке, впервые в нашем доме появилась Ж.И. Шиф. Она приехала из Ленинграда договариваться с отцом о переезде в Москву для дальнейшей совместной работы. Этот день был ознаменован для нас, детей, еще одним событием — в сваренном киселе была обнаружена Асина свистулька. Это совпадение я хорошо помню, так как потом, уже в Москве, когда Ася дичилась Ж.И. Шиф, мы ей говорили: «Это же та тетя, которая приез-

жала, когда свистулька в киселе сварилась!» С Асей вообще приходилось искать способа наладить контакт. Так, Н.Г. Морозова, чтобы «приручить» ее, чтобы наладить с ней контакт, доставала из своего непомерно большого портфеля какой-то особенный складной стаканчик и показывала его Асе.

В это лето мы меньше, чем обычно, гуляли по окрестностям, так как реже бывали одни. Да и бабушку после смерти дедушки отец старался лишний раз не оставлять одну. Итак, на прогулку мы могли идти, если не было в доме посторонних и бабушка была не одна (с ней был кто-то из дочерей). Сравнительно недалеко от дачи было огромное прекрасное поле, сплошь усеянное цветами. Путь наш во время прогулки неизменно лежал через это поле к лесу. Но лес почему-то не запомнился, а поле и сейчас перед глазами. Как всегда, у папы в руках палка, которую к концу прогулки он чаще всего выкидывал. Следующая прогулка обычно начиналась с поисков подходящей палки. Помню, что до поля нас несколько раз провожали Б.В.Зейгарник с неразлучной Г.В.Бирнбаум, но, дойдя до поля, они неизменно возвращались, а мы шли дальше, через поле к лесу.

В ту осень мне предстояло идти в школу. Не знаю, как это получилось, но, как я сейчас понимаю, папу это событие волновало гораздо больше, чем меня.

Папе нравилось, когда мы встречали его у станции, и всю дорогу до дачи он был весел и что-нибудь рассказывал, держа меня за руку. В этом, собственно, никакой необходимости не было, так как дорога была вполне безопасной, но этот физический контакт был нам обоим приятен и радовал нас. Однажды мы дольше обычного ждали его на станции. Но вот, наконец, он вышел из электрички, близоруко сощурившись, огляделся вокруг, ища нас. Я, не выдержав, побежала ему навстречу, и он, наклонившись ко мне, сказал, что у него для меня очень хорошие новости, и что дома он меня ими порадует. Всю дорогу домой я бежала вприпрыжку, торопя родителей — мне не терпелось узнать, какие новости привез папа. Но он не торопился сообщить их мне. Дождавшись, когда вся семья соберется вместе за ужином, папа, наконец, начал. Вид у него был очень торжественный, и говорил он медленно и как-то значительно: «Теперь наша Гитушка школьница, я записал ее в школу». Выждав, пока все меня поздравили, он, обращаясь ко мне, добавил: «Ты будешь учиться в школе № 7». Видимо он считал, что это тоже должно меня обрадовать. Однако эта часть сообщения не произвела на меня никакого впечатления. И тогда папа сказал то, что приберег на самый конец, считая, что

уж это-то должно меня поразить: «И, представляешь, ты будешь учиться в 1 классе «В»! Видишь, как хорошо получилось — фамилия на В и класс тоже «В»!» Папа выглядел просто счастливым, его радость передалась мне и я, наконец, осознала все случившееся. Увидев меня веселой, папа еще больше развеселился, шутил, смеялся, что-то рассказывал забавное и весь вечер провел с нами, даже не работая.

В последующие дни он неоднократно напоминал мне об этом событии. Казалось особенно его радует совпадение буквы, обозначавшей класс, и первой буквы фамилии. Как потом я узнала, это, в сущности, не могло быть поводом для особой радости. Дело в том, что классы формировались в те годы по такому принципу — в класс «А» попадали самые сильные ученики, в класс «Б» — послабее, и т. д. Поскольку я не посещала «нулевки», меня сочли достойной лишь класса «В». Я-то не знала этого, но папа-то знал и, тем не менее, это его нисколько не смущало. Несмотря на мою грамотность, он не претендовал на более престижный класс для меня. Он был совсем не тщеславен.

Однажды, уже в августе, когда вечера были ранние и темные, мы были на террасе с папой одни. Он лежал, а я сидела рядом. После пасмурного, дождливого дня вечер был особенно темным. Тишина нарушалась лишь лаем собак, доносившимся издали. Было как-то грустно, тоскливо. Папа вновь заговорил о школе. Он говорил, как мне будет интересно учиться в школе, как я буду переходить из класса в класс, как буду расти. Потом вдруг, без всякого перехода, он сказал: «А потом ты в пионеры вступишь, а папа в это время будет уже старый». Дальше я не выдержала, убежала к себе, зарылась в подушку и горько плакала от жалости к папе, ведь говорил же он мне когда-то, что старые умирают. Я никак не могла успокоиться, и встревоженный моим внезапным исчезновением папа пошел искать меня. Найдя меня в слезах, он стал тихо (рядом спали Ася и няня) успокаивать меня. Теперь мы поменялись с ним ролями — я лежала, а он сидел рядом. Мы долго с ним шептались, я требовала от него все новых уверений, что он еще не скоро станет старым и будет жить долго-долго. Разумеется, он мне это обещал, и я, наконец, успокоилась.

Первый день в школе запомнился не только потому, что был первым, а главным образом потому, что был наполнен событиями, связанными с папой. Учебный год тогда начинался не 1 сентября, как сейчас, а 31 августа. Машину же для переезда с дачи в город удалось заказать лишь на 1 сентября, так что первый раз в школу мне предстояло ехать с дачи и днем возвращаться назад. Ехать мы должны были с папой.

Утром я встала ни свет ни заря и никак не могла дождаться, когда соберется папа, поминутно дергала его, торопила. Но вот, наконец, он готов, и мы двинулись с ним на станцию. К школе мне решили отпустить волосы, они немного отросли, но заплести их умела только мама. В это утро она туго заплела мне косички и надела берет с плотно облегавшей голову обшивкой. В электричке было много народу, и нам пришлось стоять. Косички мои расплелись, ленточки из них выскользнули, упали, и в толпе найти их было невозможно. Да и что толку, если бы мы и нашли их — все равно мы без мамы заплести волосы не могли. Папа, казалось, нашел выход из положения: он спрятал мои волосы, засунув их под тугую обшивку берета, осмотрел меня критически и, видимо, нашел, что я выгляжу аккуратно. Вот в таком виде мы и прибыли к школе.

Большой школьный двор был весь заполнен ребятами, я такого количества прежде никогда не видела и оробела. Я крепче уцепилась за папину руку, он сжал ее, и мне стало спокойнее. Оглядевшись, мы увидели в центре двора толпу. Подойдя, мы увидели в центре завуча школы, Ивана Ивановича, который собирался зачитывать списки классов. И хотя он начал, конечно с первого класса «А» (а я была записана в класс «В»), папа напряженно слушал, крепко держа меня за руку. И вдруг, совершенно неожиданно для нас, мои имя и фамилия прозвучали в списке 1 класса «А»! Папа заволновался, наклонился ко мне, говоря: «Это недоразумение. Мы сейчас все выясним, не беспокойся». Мы с ним дождались, пока все разошлись, подошли к завучу и папа сказал ему, что произошла ошибка, вследствие которой я попала в чужой список. Выслушав папу, Иван Иванович улыбнулся и сказал: «Просто мы думаем, что Ваша дочь сможет учиться в классе «А». До сих пор помню, как смутился при этих словах папа.

Мы пошли с ним искать табличку с надписью «1 А», возле которой строился мой класс. Подойдя к учительнице, папа поздоровался с ней и сказал, что я ее новая ученица. Учительница, Александра Ивановна Минина, критически осмотрела меня и велела становиться в строй. Папа еще не ушел. Выяснив, в котором часу кончатся наши занятия, он сказал мне, что когда уроки кончатся, я должна буду полчаса подождать его тут, во дворе, и он за мной приедет.

Он еще не успел уйти, как начались мои неприятности. Оглядев наш строй, учительница подошла ко мне и спокойно сказала: «Девочка, когда приходишь в школу, надо шапочку снимать». Говоря это, она сняла с моей головы берет и, о ужас, увидела, что волосы мои встали дыбом! Они были

очень густые и, засунутые под плотно облегавший голову берет, приняли неимоверный вид. Я стояла растрепанная при всех детях, и, в довершение всего, учительница назидательным тоном, очень громко, так, чтобы все дети слышали, сказала: «Девочка, когда идешь в школу, надо причесываться». Я стояла ни жива ни мертва и не могла слова вымолвить в свое оправдание. Я уже готова была расплакаться, но, как всегда в трудную минуту, выручил папа. Он подошел к учительнице, извинился за мой вид и объяснил ей, что по дороге с дачи с нами случилось. Он заверил ее, что впредь я буду являться в школу в аккуратном виде. Как я была ему благодарна! А он, чтобы окончательно успокоить меня, еще раз напомнил, чтобы по окончании занятий я подождала его во дворе школы. Папа ушел, а нас повели в класс. Так, с двух замечаний началась моя школьная жизнь.

Но этим мои неприятности в тот день не кончились. Когда нас отпустили после занятий, дети стали расходиться по домам. Уходили они нехотя, группками, оживленно рассказывая друг другу о летних событиях. Они уже учились в течение года вместе в «нулевке» и, соскучившись за лето, рады были встрече. На меня никто не обращал никакого внимания, и я стояла одна, ожидая папу. Наконец, все разошлись, и двор опустел. Мне стало совсем неуютно. Папы не было. Начали приходить ребята, учившиеся во вторую смену, и двор снова ожил. Но вот прозвенел звонок, ребята вошли в школу, и я снова осталась во дворе одна. Я терпеливо ждала, а папы все не было. Я подошла к воротам и стала смотреть на улицу (она была видна в конце переулка, в котором находилась школа), откуда по моим расчетам должен был появиться папа, но он все не шел. Мне стало тоскливо, а потом страшно: вдруг что-то случилось с папой, и он за мной не придет! Я стояла у ворот не в силах двинуться с места. Прошло еще какое-то время, но папы не было. И я заплакала. Сначала тихо, всхлипывая, потом сильнее. Положение казалось мне безнадежным — папа никогда не придет, потому что с ним наверняка что-то случилось, и я не знала, что мне делать.

Мой несчастный вид у ворот привлек к себе внимание одной доброй женщины. Оказывается, она долго наблюдала за мной, а когда я заревела, она подошла ко мне и спросила, почему я не иду домой и почему плачу. Я, как могла, сквозь всхлипывания, объяснила ей ситуацию. Оказалось, что я ждала папу уже около трех часов! Это вместо обещанного получаса! Мне стало ужасно жаль себя, а участие взрослого человека только усугубило это чувство. Эта славная женщина предложила мне проводить

меня домой, и я, захлебываясь от слез, объяснила ей, что дом заперт, и там никого сегодня не будет. Тогда она пригласила меня пойти к ней домой. «Ты поешь, отдохнешь, а потом что-нибудь придумаем», — сказала она. Но я отказалась двинуться с места — я все же надеялась еще в глубине души на чудо: а вдруг папа все же придет?! Нас окружили родители учащихся школы и со всех сторон послышалось: «Как не стыдно такой большой девочке не знать дороги домой!», «Как не стыдно не знать своего адреса!» и т. д. Сквозь рыдания я пыталась объяснить, что знаю и адрес и дорогу, но некуда идти. Вокруг послышались неодобрительные замечания о некоторых родителях, которые не заботятся или плохо заботятся о своем ребенке. Это уж было слишком! Чаша переполнилась и я заревела навзрыд. Толпа не расходилась. Вдруг женщина, подошедшая ко мне первой, дотронулась до моего плеча: «Посмотри-ка, не твой ли папа идет?» Я посмотрела сквозь толпу и увидела, что по переулку со стороны улицы почти бежит папа! Я кинулась ему навстречу, даже не поблагодарив добрую женщину за участие. Я очень торопилась, так как боялась, чтобы эти люди не наговорили папе каких-нибудь неприятностей. Мне хотелось скорее его отсюда увести. «Где ты был? Почему так долго?», — задавала я вопросы, вовсе не ожидая на них ответа. Важно было не то, что он скажет, а то, что он здесь, рядом, крепко держит меня за руку, ласково успокаивает, и мы вместе идем, чтобы ехать на дачу. Папа выглядел очень виноватым, но я не упрекнула его ни единым словом — ведь он же пришел! Всю дорогу в электричке он расспрашивал меня о школе и рассказывал что-то забавное, чтобы отвлечь меня и успокоить.

И дома, на даче, я ничего не рассказала о том, как долго ждала папу, он рассказал об этом сам. Он сказал маме, что его задержали и он потерял счет времени (такое с ним случалось не раз[576]). А когда он подходил к переулку, то встретил идущего из школы завуча, который сказал ему: «Не Ваша ли дочь плачет у школы?» Сообразив, что он опоздал на не-

[576] Если ему задавали после лекции вопросы, или шел научный спор, или кто-то обращался за разъяснением, за советом либо за помощью, он терял представление о времени и, случалось, из-за этого опаздывал. Так, его ближайшие ученики из «пятерки» вспоминают: «Несмотря на его исключительную занятость... он, тем не менее, всегда находил время для каждого, кто к нему обращался, и стремился помочь ему в работе, в жизни, порой даже утешить, найти вместе с ним выход из трудного положения. И к нему шли... с личными вопросами, и с мыслями, и с задуманными планами... К нему шли и дипломированные ученые и начинающие психологи. Они иногда задерживали его, он не мог отказать им в беседе. В результате Лев Семенович запаздывал порой на внутренние наши конференции в клинике, расстраивался по этому поводу». (Левина Р.Е., Морозова Н.Г. Воспоминания о Л.С.Выготском. // Дефектология. — 1984. — № 5).

сколько часов, он побежал к школе. Папа рассказывал всем дома, какая хорошая у меня учительница, а я, по правде говоря, не очень разделяла его восторг.

Наутро мы снова отправились с папой в город. Косы мои были заплетены особенно тщательно. В этот день семья переезжала с дачи, так что папа должен был привести меня из школы домой, на Серпуховскую. Этот день прошел для меня спокойно и, наверное, поэтому учительница теперь мне тоже понравилась, а ее слова показались значительными. Вечером, когда все собрались за столом вместе, я сообщила: «А учительница сказала, что, оказывается, перед едой надо мыть руки!» Все смеялись, а я никак не могла понять причины всеобщего веселья. Папа, конечно, тоже смеялся, а когда успокоился, спросил меня: «А разве ты до сих пор не мыла перед едой руки?» Я была совершенно растеряна — конечно, мыла, но как-то не помнила об этом.

Папа очень серьезно и с огромным уважением относился к моим школьным обязанностям. Так, для моих занятий он отвел мне место за своим столом. Он специально освободил для меня половину своего письменного стола, чтобы я могла спокойно, без помех заниматься. Я была чрезвычайно горда тем обстоятельством, что мы с папой работали за одним столом и иногда даже одновременно.

В тот год я особенно пристрастилась к чтению и стала меньше играть. Это папу огорчало. Он не раз сетовал по этому поводу, спрашивал, почему так редко ко мне приходят играть ребята, почему мало играю сама. Его душевная тонкость проявлялась и в том, как он относился к моей реакции на читаемое. Помню, застав меня в слезах над «Маленьким оборвышем» Гринвуда, он не стал говорить мне, что это выдумка, что на самом деле этого не было, а потому не стоит плакать. Присев ко мне и обняв меня, он просто вместе со мной посочувствовал герою. Когда я читала о приключениях Тома Сойера и Гекльберри Финна, порой мне было страшно, и папа всегда находил какие-то слова, которые успокаивали меня, но тем не менее не разрушали создаваемые воображением картины.

Под влиянием школы и чтения у меня родились новые планы на будущее. И, конечно, я пошла поделиться ими с отцом. «Я хочу быть учительницей, писателем и художником. Как мне быть?» Папа серьезно отнесся к моей новой мечте и посоветовал и рисовать, и писать, и заниматься с Асей как с ученицей. А потом посмотреть, к чему душа больше лежит, что лучше будет получаться. Некоторое время спустя, начитавшись

Сетон-Томпсона, я снова вернулась в разговоре-с папой к своему будущему. «Знаешь, я решила, что буду одновременно и учить детей, и писать книги, и делать к ним рисунки. Ведь Сетон-Томпсон не только писал, но и сам делал рисунки к своим книгам. Я буду учительницей, буду писать книги о ребятах и сама буду рисовать для них». Папа даже не улыбнулся, выслушав мою грандиозную жизненную программу. Он только сказал мне, что все в жизни нужно стараться делать очень хорошо. А делать очень хорошо сразу несколько таких ответственных дел, по его мнению, очень трудно. Для каждого из них нужно долго и упорно учиться. Но если у меня получится то, что я задумала, то он, конечно, будет рад и готов мне помочь, если мне понадобится его помощь. Он не позволил себе ни малейшей иронии, не лишил мечты, не убил ее.

Папа никогда не морализировал, не поучал, но пользовался каждым случаем, поводом, чтобы преподать урок нравственности и доброты. Однажды, помню, я вернулась из школы гордая и счастливая — за какую-то очень важную контрольную работу я получила самую высшую оценку. Рассказывая об этом, я не без удовольствия сказала, что моя соседка по парте получила отметку ниже, чем я, так как не успела у меня что-то списать. И вдруг вместо ожидаемой радости отца я увидела, что он очень огорчен и не пытается скрыть это. Я не могла понять причины его огорчения. Он сказал, что это, конечно, хорошо, что я справилась с трудной работой. Но он не понимает, как можно радоваться чужой неудаче? Надо быть добрым к людям и всегда стараться им помочь. Мне стало стыдно перед ним за ту радость, которую я испытала от того, что превзошла одноклассницу. Но, осудив мой поступок, папа показал мне путь к исправлению. Он сказал, что советует мне спросить у моей соседки по парте, что ей непонятно, и предложить ей помочь, объяснить непонятное. «Конечно, если ты действительно хочешь ей помочь, то предложить помощь нужно от души, чтобы она поверила, что ты желаешь ей добра». И потом добавил: «Я прошу тебя, пожалуйста, всегда относись к людям по-доброму, всегда старайся помочь. И никогда не радуйся чьей-либо неудаче». Мне было стыдно, и от моей радости ничего не осталось. Но отец, чтобы научить добру, не побоялся омрачить мою радость, даже разрушить ее. Этот урок запомнился мне на всю жизнь.

По-моему, это было где-то в самом конце 1933 г. (или в самом начале 1934 г.), у отца произошел разрыв отношений с А.Н. Леонтьевым. Я тогда просто обратила внимание на то, что он перестал у нас бывать. Я, конечно, не знала причины того, что случилось. И лишь став взрослой, от мамы узнала, в чем было дело. А.Н. Леонтьев написал (кажется, из

Харькова) А.Р. Лурия письмо, в котором было что-то вроде того, что Выготский — это пройденный этап, вчерашний день психологии и предлагал Александру Романовичу сотрудничать без Выготского. Александр Романович сначала согласился, но потом, видимо, передумал, пришел к отцу (он в это время был нездоров) и показал ему это письмо. Отец написал Леонтьеву резкое письмо. Он очень тяжело переживал случившееся, рассматривая это не только, а быть может и не столько как личное предательство, сколько как измену общему делу.

По-видимому, это случилось не вдруг. У них появились какие-то недомолвки, неясность в отношениях раньше. Об этом можно судить по сохранившемуся письму отца А.Н. Леонтьеву, написанному еще летом.[577] Позволю себе привести отрывки из этого письма. «...Я чувствую уже не в первый раз, что мы как будто стоим перед каким-то очень важным разговором, к которому еще, видимо, оба не готовы и потому плохо представляем себе, в чем он должен состоять. Но зарницы уже были много раз. И в последнем письме твоем — тоже. Поэтому не могу не откликнуться на него такой же зарницей, чем-то вроде предчувствий (смутных) будущего разговора. Твоя внешняя судьба решается, видимо, осенью — на ряд лет. Вместе с тем — и наша (моя) судьба отчасти: судьба нашего дела... Внутренняя не может не решаться в связи с внешней, но — конечно — не определяется ею всецело. Поэтому она мне не ясна, в тумане, смутно видится мне — и тревожит самой большой тревогой, какую я переживал за последние годы. Но раз твоя внутренняя позиция, как ты пишешь, в лично-научном плане откристаллизовалась, значит и внешнее решение до известной степени предопределено. Ты прав, что от необходимости вести себя двойственно надо избавляться раньше всего. ... Желаю тебе от души, как пожелал бы счастья в решительную минуту самому близкому человеку, — сил, мужества и ясности духа перед решением твоей жизненной линии. Главное: решай — *свободно*. Твое письмо оборвано на этом, оборву на этом и я свое ... Крепко-крепко жму твою руку. Всей душой твой Л.С. Выготский.

Не знаю, приеду ли в Тарусу. Сделаю это только в том случае, если наш разговор назреет, и решусь дать ему исход. Иначе — зачем ездить?»

Отец, который превыше всего ценил чистоту человеческих отношений («никаких затаенных обид, неудовлетворенности, обходов»[578]), тяжело переживал этот разрыв. Мне думается, что это переживание усугубля-

[577] Письмо Л.С.Выготского от 2/VIII 1933 г. // Семейный архив А.Н.Леонтьева.
[578] Письмо Л.С.Выготского А.Н.Леонтьеву от 11/VII 1929 г. // Семейный архив А.Н.Леонтьева.

лось тем, что это было сделано не с открытым забралом, а за его спиной. Это глубоко ранило его. Но он все же пережил это, как он говорил в своем письме, правда, по другому поводу: «по-спинозовски — с горем, но как необходимое».[579] Не знаю, виделись ли отец и А.Н. Леонтьев после этого, но знаю, что отношения у них не восстановились. Из песни слова не выкинешь. Это было. Меньше всего мне хотелось бы быть судьей — их обоих уже нет в живых, они не могут ни ответить, ни разъяснить что-либо. Я просто говорю об этом как о случившемся факте, а не для того, чтобы порочить чью-либо память.

Той зимой и особенно весной (1934 г.) отец был особенно оживлен, был все время в приподнятом настроении, строил планы. Много говорил о новой работе (как я потом узнала, речь шла о ВИЭМе, где ему предложили создать и возглавить целый отдел). Видимо, это очень занимало его. Помню, как он рассказывал маме о сотрудниках, которых собирался пригласить туда работать. Недавно я обнаружила написанную его рукой записку, в которой перечислялись неотложные дела и фамилии будущих сотрудников отдела. Сохранился документ, свидетельствующий о том, что работа отца в ВИЭМе не только намечалась на будущее, но к этому времени уже реально началась. Приведу этот документ.

Вверху, в правом углу чернилами написано: «Проф. Выготскому». Далее идет машинописный текст:

ПРИКАЗ № 7
по Московскому Филиалу ВИЭМ
г. Москва 14 января 1934 г.

1. Для проработки плановых и методологических вопросов организовать при дирекции Постоянное Научное Планово-Методологическое Бюро под председательством Зам. директора тов. Н.И. Пропера в составе:

акад. Кроля М.Б., проф. Левита В.С., проф. Мартынова А.В., проф. Кончаловского М.П., проф. Абрикосова А.И., проф. Шатерникова М.Н., проф. Кекчеева К.Х., доц. Маршака М.Е. и проф. Выготского Л.С.

2. Научно Планово-Методологическому Бюро приступить к проработке планов Московского Филиала ВИЭМа на 1934 г. и закончить эту работу к 15 февраля 1934 г.

Директор Моск. Филиала ВИЭМ: /Проф. РАЗЕНКОВ/
Внизу чернилами: Копия верна. /Подпись/[580]

Письмо Л.С.Выготского А.Н.Леонтьеву от 2/VIII 1933 г. // Семейный архив А.Н.Леонтьева.
Семейный архив Л.С.Выготского.

Итак, это было не только перспективой, но уже и реальностью. А реальность эта сулила заманчивую перспективу научных поисков и свершений. Это в значительной мере поглощало не только время, это занимало ум и воображение, воодушевляло, рисуя открывающиеся невиданные прежде возможности работы, новых научных исканий. Именно это время и имел в виду А.Р. Лурия, когда говорил: «... перед ним впервые открылась возможность воплотить все свои планы в действительность и создать организованный коллектив исследователей, о котором он мечтал всю жизнь, и который мог бы взять на себя осуществление всего того, что таилось в его гениальном мозге».[581]

Правда, временами ему нездоровилось, он даже иногда позволял себе прилечь, чего раньше с ним никогда не бывало. Помню один разговор родителей, свидетелем которого я оказалась. Мама говорила, что необходимо передохнуть, подлечиться, что на этом настаивают и врачи. Что лучше даже, как советует лечащий врач, лечь для этого в больницу. Твердый ответ отца: «Я сейчас не могу это сделать. Я не вправе срывать учебный год студентам. Вот кончится учебный год, тогда и буду лечиться». Сказано это было так, что обсуждать этот вопрос стало бессмысленно. А ему не было суждено закончить этот учебный год...

Но даже плохое самочувствие в то время не омрачало его радости. Он готовился к новому делу — и это создавало хорошее настроение, рождало силы.

Уезжая весной (кажется, в апреле) для чтения лекций в Ленинград, он неожиданно спросил меня, что мне привезти в подарок, чего мне хочется. Раньше этого никогда не случалось. Вернувшись из Ленинграда в Москву (все-таки это было именно в апреле, незадолго до моего дня рождения), папа привез Асе мяч, а мне альбом для марок. За день до моего дня рождения он снова спросил меня о том, что я хочу получить в подарок. На мой ответ, что ничего не нужно и что подарок от него я уже получила, он сказал: «Но мне доставляет такое удовольствие делать тебе подарки. Не лишай меня, пожалуйста, этой радости». Не помню, на чем мы с ним договорились.

Дальше я помню все по дням, помню очень отчетливо. Помню не только события, не только то, что тогда происходило, но с такой же яркостью я чрезвычайно точно помню и свои ощущения, свои переживания.

[581] Из речи А.Р.Лурия, произнесенной 6/1 1935 г. в Московском Доме Ученых. // Семейный архив Л.С.Выготского.

В день моего рождения, 9 мая, утром папа поздравил меня и ушел на работу, пообещав, что постарается прийти пораньше. К моему приходу из школы меня ждал испеченный бабушкой крендель. Днем, ближе к вечеру, ко мне пришли в гости ребята, и, отдав должное кренделю, мы начали играть. Все празднование происходило в комнате родителей, так как она была значительно больше нашей детской. Но когда стали играть в шарады по командам, то сговариваться уходили в детскую. В самый разгар игры раздался резкий звонок в дверь, и мама поспешила в коридор, чтобы открыть дверь. В пылу игры я не обратила внимания на слишком долгое ее отсутствие. Оказывается, привезли папу. У него случилось горловое кровотечение (это было в ВИЭМе), и товарищи привезли его домой. Мама помогла ему раздеться и лечь. Все это я узнала, когда с несколькими ребятами вбежала в детскую, чтобы договориться о слове, которое мы собирались загадать. Вбежав в комнату, я остолбенела: на моей кровати лежал с закрытыми глазами папа, он был очень бледен. Услышав, что кто-то вошел, он открыл глаза. Я стояла не двигаясь, ребята тоже притихли. Увидев меня, папа слабо улыбнулся и поманил меня к себе. Когда я подошла к нему, он от слабости не мог говорить и только ласково погладил меня по голове. Я продолжала стоять около кровати, не в силах двинуться с места. Тогда он, вероятно из последних сил, снова улыбнулся мне и тихо сказал: «Видишь, я приехал не поздно, как обещал тебе». Снова погладив меня по голове, он подтолкнул меня к детям. Я стояла растерянная и не знала, что делать — играть расхотелось, но надо было что-то делать с ребятами. Вошедшая мама сказала, чтобы мы играли в большой комнате, а сюда не заходили, чтобы не беспокоить папу. Но он открыл глаза и сказал очень тихим голосом, но так, чтобы его все, в том числе и я, слышали: «Нет, нет. Они меня не беспокоят. Наоборот, мне легче, когда я вижу, как они играют. Мне приятно на них смотреть». Мама с сомнением покачала головой и подошла к кровати. Мы игру не возобновили — мне больше не хотелось ни во что играть.

Ночь прошла спокойно. Папу, чтобы не беспокоить, оставили на моем месте в детской, а я легла на диване в комнате родителей.

На следующий день, 10 мая, вернувшись из школы, я обнаружила, что папа лежит в своей комнате, но почему-то не на кровати, а на диване. Он был очень осунувшийся и бледный, очень ослабел и говорил очень тихо. Он попросил меня присесть к нему и рассказать, что нового и интересного было у меня в школе. Когда я готовила уроки, сидя за его столом, то несколько раз ловила на себе его внимательный взгляд. Как толь-

ко я оглядывалась, он улыбался мне и показывал рукой, что ему ничего не нужно. Кончив уроки, я тут же, в его комнате, примостилась с книгой. Помню, что мне было очень спокойно: уроки сделаны, в руках интересная книга, а рядом папа! Некоторое время спустя он подозвал меня к себе и попросил присесть рядом с ним, на край дивана. Я села. Спросив у меня, что я читаю, он помолчал, а потом сказал: «Ты все с книгами. Поиграла бы хоть немного... Мне так нравится, когда ты играешь». И вдруг после паузы добавил: «А то папа умрет и так и не увидит, как ты играешь». (Он именно так и сказал о себе — в третьем лице). Я вскочила с дивана и не успела выбежать из комнаты, как хлынули слезы. Забившись в коридоре между шкафами в темный угол, я долго плакала. Когда через пару часов я отважилась войти к нему в комнату, он приветливо мне улыбнулся, был спокоен и держался со мной так, как будто ничего не случилось, как будто не было того страшного для меня разговора.

Каждый день приходил врач. С замиранием сердца я ждала его ухода в коридоре, чтобы услышать, что он скажет перед уходом маме. Часто он ничего не говорил, пожимал плечами и уже, выходя из двери, ронял: «Завтра приду». Между тем казалось, что папе лучше — он уже не был так бледен, легче разговаривал и казалось, что, правда, очень медленно, но силы приходят к нему.

Но вот однажды ночью (это было 25 мая) я проснулась от того, что мама вбежала в комнату и, разбудив няню, просила ее сбегать в аптеку за льдом — папе плохо. Я тут же вскочила, но мне было приказано оставаться на месте и не входить к папе, так как он этого не хочет. Я сидела в кровати, обхватив колени руками, мучительно вслушиваясь в то, что происходило за стенкой, и ждала. Вернулась няня, но не вошла к нам, а сразу пошла в комнату к папе. Оттуда слышалось звяканье посуды, громыхание таза и тихие голоса мамы и няни. Сколько это продолжалось, понятия не имею, тогда мне казалось, что очень долго. Наконец, няня вернулась и, увидев, что я не сплю, сказала, что папе лучше. Я отказалась лечь, пока мне не дадут в этом убедиться, и мне разрешили войти к папе. Он лежал с закрытыми глазами, совсем белый. Услышав, что я в комнате, он приоткрыл глаза, пошевелили губами и, с трудом подняв руку, помахал мне. У него снова шла горлом кровь. К счастью, маме с няниной помощью удалось на этот раз остановить кровотечение. Меня увели и заставили лечь.

Наутро, перед школой, я заглянула к папе, но он спал (или, по крайней мере, мне так показалось). Когда я вернулась из школы, в доме ви-

11 Зак. 1029

тало страшное слово «больница». Приходивший утром врач сказал, что это неизбежно. Услышав эту новость, помню, как у меня сжалось сердце от жалости к папе. Мне, никогда не лежавшей в больнице, она представлялась чем-то ужасным, каким-то кошмаром. Из разговоров взрослых я поняла, что папа не хочет ложиться в больницу, отказывается от госпитализации, и была всем сердцем на его стороне. Но навестивший его вечером врач сказал категорически (разговор был при мне), что если папа останется дома, то он снимает с себя всякую ответственность. «Погода стоит жаркая, и любое повторное кровотечение может кончиться трагически», — добавил он. И тогда мама сказала твердо: «Да».

Все это, очевидно очень угнетало папу, потому что, хорошо помню, пару дней спустя, когда мама сидела у него на краю кровати, а я рядом на маленькой скамеечке, он вдруг сказал: «Если б мне только разрешили остаться дома! Какие подарки я бы всем сделал!» Казалось, он все время об этом думает, и сказанное им вслух является как бы продолжением того, о чем он давно размышляет. Мама прервала его, сказав, что уже все решено и нечего больше к этому возвращаться. Папа, огорченный, замолчал. Я, не зная, чем его утешить, сказала, что мы будем приходить к нему в больницу каждый день. Он благодарно улыбнулся мне и сжал руку.

Чтобы отвлечь его, мама все эти дни много читала ему вслух, сидя на краю его постели. Очень часто я тоже слушала это чтение, примостившись тут же, рядом с кроватью, на маленькой скамеечке. Мама тогда по его просьбе читала ему Чехова. Особенно запомнилось чтение «Душечки». (Я тогда, конечно, слышала ее впервые). Папа слушал с удовольствием, улыбался, что-то говорил маме по поводу прочитанного. Что именно он говорил, я, разумеется, не понимала и потому не помню.

Все эти дни мама не отходила от него ни на шаг, разве только проводить в коридор приходившего ежедневно врача. Приговор был прежний: больница. В один из вечеров врач сказал, чтобы папа готовился — он уже окреп настолько, что его можно перевезти в больницу, и что завтра за ним приедут. Его должны были поместить в больницу, расположенную в Серебряном Бору, и мама решила не ехать на дачу со всей семьей, как бывало обычно, а найти для нас комнату поблизости от больницы. После ухода врача мама сказала об этом решении папе, добавив, что с бабушкой она уже обо всем договорилась. Мама сказала ему, что, живя рядом, мы будем проводить с ним целые дни, так как его, вероятно, будут выносить из помещения в парк. Казалось, это примирило отца с неизбежностью, и он даже выглядел спокойным.

Следующий день, 2 июня, был пасмурный. Все разбрелись по делам — кто на работу, кто учиться, и дома, кроме родителей, были только мы с бабушкой. Днем начал накрапывать мелкий дождь. Приехала машина, и мама стала помогать папе собраться. Было прохладно, и папа надел пальто. Он хотел выйти сам, но приехавшие за ним не разрешили, и его положили на носилки. Попрощавшись с ним, мы с бабушкой пошли в ее комнату, окна которой выходили на улицу. Устроившись на широком подоконнике, мы хорошо видели стоявшую прямо против окна машину. Возле подъезда собрались любопытные, и санитарам, выносившим носилки, пришлось идти между ними, как по коридору. Прижавшись друг к другу, мы с бабушкой наблюдали, как вдвинули носилки, как захлопнулась дверца, и машина поехала. Бабушка тихо плакала, даже не вытирая глаз.

В квартире было очень тихо и пусто. Я не могла найти себе места, не могла ничем заняться, и весь день до возвращения мамы без всякой цели слонялась по дому. Вернувшаяся мама немного нас успокоила: дорогу отец перенес хорошо, в палате их двое — он и второй больной, уже ходячий, выздоравливающий. Папин сосед по палате маме понравился. Он сказал, что в больнице условия хорошие, что он целые дни проводит в парке, куда выносят и лежачих. Все это немного улучшило нам настроение.

Следующие дни были похожи один на другой — мама с утра уезжала в больницу и возвращалась лишь вечером. Бабушку увезли на дачу к знакомым, а мы ждали, когда нам найдут комнату возле больницы, чтобы перебраться туда. Мама этими поисками заниматься не могла, так как неотлучно находилась при папе. За это взялись друзья отца, и они искали для нас жилье в непосредственной близости от больницы.

Вечером 9 июня, вернувшись из больницы домой, мама сказала мне, что завтра не поедет к папе, так как врач велел сделать срочно Асе и мне рентген, поскольку мы были в контакте с больным отцом. А так как на рентген он нас записал на 10 июня, то завтра мы поедем в поликлинику на снимки.

На следующий день, 10 июня, была ужасная погода: лил проливной дождь, небо было даже не серым, а почти черным. Трудно было даже представить себе, что тучи когда-нибудь разойдутся и небо очистится, что когда-нибудь выглянет солнце. На улице был форменный потоп. Мы под проливным дождем еле добрались до поликлиники, изрядно вымокнув. (Поликлиника была где-то в районе Красной площади.) Почему-то долго ждали, а когда освободились, ливень усилился. Мы шли по залитым улицам, по сплошной воде. Добравшись, наконец, домой, с трудом стаски-

вали с себя насквозь вымокшую одежду, грелись, переодетые во все сухое. Раздался телефонный звонок, мама поговорила с кем-то по телефону и вошла в комнату веселая. Она сказала, что звонила Роза Евгеньевна Левина, и что она нашла для нас комнату и договорилась с хозяевами. Завтра мама должна отвезти им задаток за комнату и мы через день-два переберемся туда, к папе. Я легла спать счастливая.

Утро (11 июня) было ясное, ярко сияло солнце, ничто не напоминало вчерашний потоп. Небо было таким ослепительно синим, как на полотнах у Сарьяна, без единого облачка. Мы с мамой поднялись веселые. Она торопилась, так как хотела успеть до больницы завезти деньги хозяевам. Она надела самое свое красивое платье — белое с вышивкой и выглядела нарядной. Она разрешила мне проводить ее до Серпуховской площади. Там мы купили цветы, попрощались с ней, и она поехала в Серебряный Бор, а я вернулась домой.

Вскоре с дачи приехала одна из папиных сестер — Клава — и села работать. Часов в 12 зазвонил телефон. Поговорив с кем-то, Клава схватилась за сердце, и я решила, что ей плохо. Она действительно приняла лекарство, о чем-то шепталась с няней, обе вытирали глаза, и это все меня встревожило, показалось подозрительным. На мой вопрос, кто звонил и что случилось, Клава ответила, что звонил ее знакомый и ничего не случилось, просто ей нужно уехать. Она позвонила мужу старшей сестры на работу, тихо с ним поговорила и, приняв еще раз лекарство, стала собираться на дачу. Вскоре она уехала, и мы остались с няней одни, не считая Аси.

Покормив нас и уложив Асю спать, няня сказала мне: «Ты большая девочка, и я хочу поговорить с тобой как со взрослой. Если что случится с папой, ты при маме не плачь, ей это будет очень тяжело». Я вскочила с места: «Что с папой? Что-нибудь случилось?» И не дождавшись ответа на свои вопросы, начала плакать. Мне стало очень страшно. Няня, видимо, не рада была, что затеяла этот разговор. Она утешала меня, говорила, что папе было плохо, но сейчас лучше, что ее предупреждение относится к будущему — ведь может же с ним когда-нибудь что-то случиться. И именно на этот случай относится ее предупреждение. Но ее слова слабо действовали на меня, и я продолжала горько плакать как от какого-то предчувствия беды. Наплакавшись вволю, я заставила няню повторить, что папе действительно лучше и что ему ничего не угрожает. Разумеется, она это подтвердила. (Бедная няня, ей самой было очень тяжело — она очень любила папу, а теперь ей приходилось притворяться и даже погоревать так, как ей хотелось бы, она не могла! Много лет спустя, когда у нее родится первый

внук, она потребует, чтобы его назвали в память о папе Львом. Ее родные выполнили эту просьбу.) Немного успокоившись, я занялась своими делами — до самого вечера что-то читала и что-то рисовала.

К вечеру вдруг приехала Роза Евгеньевна Левина. Она была чем-то очень расстроена. Не входя ни в одну из комнат, она ждала в коридоре, пока няня не вынесла ей какой-то сверток. Получив его и тихо поговорив с няней, она ушла. (Как я потом узнала, она приезжала за папиными вещами).

Вечером, неожиданно для меня, приехали с дачи сестры отца, мои тетки и привезли в город бабушку. Бабушка была заплакана, ее напоили чем-то и тут же уложили в постель. Никто на меня не обращал внимания, всем было не до меня. Я не понимала, что происходит, и мне стало тревожно. Мама все не возвращалась. Няня велела мне ложиться. Я легла и вдруг ощутила необычайную тоску, сердце почему-то защемило, как от дурного предчувствия. Я начала плакать и не могла остановиться, плакала долго и безутешно, вся содрогаясь от рыданий. Няня не могла меня успокоить и позвала одну из теток. Та не стала ничего мне говорить, она просто легла рядом со мной и обняла меня. Так, в слезах, я и заснула. Я не слышала, как вернулась мама.

А проснувшись утром, я увидела, что мама, свернувшись калачиком, лежит в Асиной детской кровати. Няни и Аси в комнате уже не было. Голова после вечерних слез была тяжелой. Я хотела выяснить, что происходит, и, быстро одевшись, попыталась потихоньку, чтобы не разбудить маму, выйти из комнаты. В этот момент мама меня окликнула. Подвинувшись на кровати, она попросила меня присесть с краю. Я села, все еще не понимая, что случилось. Стараясь казаться спокойной, мама ровным голосом сказала мне: «Папы больше нет... Он умер». Я сидела, оцепенев, не в силах шевельнуться, а в голове звучали нянины слова: «Если что случится с папой, ты при маме не плачь, ей это будет очень тяжело». Я вцепилась пальцами в края кровати, больно закусила губу, закрыла глаза. Я сидела, не двигаясь, как бы окаменев. Мама поняла мое состояние и сказала мне тихо: «Ты поплачь, тебе станет легче». Эти ее слова как бы сняли нянин запрет и, не в силах больше сдерживаться, я разрыдалась. Мама не успокаивала меня, не утешала, она просто дала мне выплакаться. Когда я смогла говорить, я только спросила ее: «Когда?» Мама медленно ответила: «Ночью. После ливня. Помнишь?»

Как оказалось (об этом мне позже рассказала мама со слов врача), ночью папе стало плохо, снова хлынула горлом кровь. И несмотря на то, что рядом находилась врач и сестра, им не удалось ничего сделать. Они

Рис. 53. Последний снимок. 13 июня 1934 г.

не смогли ему помочь. Как рассказывал маме врач, находившийся с папой до его последней минуты, он перед смертью вытянулся и тихо произнес: «Я готов».

Приехавшая утром 11 июня с цветами нарядная мама застала палату пустой. Ее пригласили к врачу и рассказали, как все это было. Оказывается, это она позвонила по телефону домой тете Клаве, чтобы та успела подготовить к этому страшному известию бабушку. Бедная бабушка, ей суждено было пережить всех трех своих сыновей!

Хоронить папу должны были назавтра, 13 июня. А в этот день то и дело хлопала входная дверь, постоянно, как в калейдоскопе менялись люди — кто-то приходил, кто-то уходил. Никто не готовил еду, никого не угощали, не кормили. Просто на столе стоял самовар, и кто хотел, наливал себе чай. Что-то говорили вокруг. Подробностей никаких, кроме, пожалую, одной, не помню. Приехала мамина самая любимая сестра Леля с мужем, и мама с Лелей стали меня уговаривать не ходить на похороны, а вот сразу, сейчас уехать к ним на дачу, где меня ждет их сын, мой большой друг. Я очень любила у них бывать и никогда прежде от такой возможности не отказалась бы. Мама это знала и, по-видимому очень рассчитывала на успех (ей очень не хотелось брать меня на похороны). Но, сверх их ожиданий, я им ответила отказом, мотивируя это словами (точно помню свои слова!): «Гошу я еще увижу, а папу больше никогда».

Рис. 54. Могила Льва Семеновича на Новодевичьем кладбище.

Я целый день ходила по квартире как неприкаянная, никто не обращал на меня внимания, всем было не до меня. А я ничего не ощущала, кроме пустоты внутри. Слез больше не было. Я будто окаменела. Вдруг меня пронзила мысль: «Как же так?! Папы нет, а все вокруг двигаются, говорят, пьют чай, как прежде, как при нем?!» Все это не укладывалось в голове, а поговорить мне теперь было не с кем — маме было не до меня. Да и характер у нее был иной, чем у папы — я и прежде никогда не делилась с ней ни мыслями, ни мечтами, ни планами, ни сомнениями, никогда не обращалась за разъяснением непонятных или тревожащих вопросов. Я тогда впервые почувствовала одиночество, хотя, конечно, не могла сформулировать это.

На следующий день, 13 июня, должны были хоронить папу. Погода после того ливня стояла ясная, теплая, и мне было жарко в темном костюме, который мне велели надеть. Хоронили его из ЭДИ (так тогда назывался институт дефектологии). На Погодинку нас кто-то (не помню, кто именно) привез на машине. Все утро дома и всю дорогу я испытывала двойной страх — мне невыносимо страшно было увидеть мертвым папу, и мне страшно было, что вокруг будут чужие люди, и они в это время будут на меня смотреть. На Погодинке, во дворе, слева у ворот, было здание школы глухих, где в зале стоял гроб. Все крыльцо здания было усыпано цветами. У входа меня встретила Ж.И.Шиф. За время, прошедшее со дня нашего знакомства (почти год), мы успели с ней подружиться, и теперь я была рада, что возле меня именно она, а не совсем чужие

мне люди. Она ввела меня в зал немного позже мамы и бабушки. Когда мы с ней вошли, мама и бабушка сидели у гроба, вдоль стен была масса людей. Сначала из-за обилия цветов я не могла разглядеть папу и, только подойдя совсем к гробу, наконец увидела его. Лицо было абсолютно спокойное и, как я бы сказала теперь, просветленное. На нем не было видно никаких следов мучений.[582]

Людей, пришедших проститься с отцом, было очень много. В зале уже негде было поместиться, и тогда тех, кто хотел проститься, стали пропускать так, чтобы они, входя в одну дверь зала, проходили возле гроба и, не останавливаясь, выходили в другую дверь. Люди все шли и шли. Помню, мимо гроба шли студенты, шли учащиеся существовавшей тогда при институте школы-коммуны, шли те, кто хотел в последний раз взглянуть на него.

Всех собравшихся зал вместить не мог, и тогда решили траурный митинг проводить во дворе института. Туда вынесли гроб, весь усыпанный цветами, и поставили его под склоненными знаменами. За гробом поставили стул для желающих выступить. Мама и бабушка сидели у гроба, а я с Ж.И.Шиф стояла среди сотен людей, окруживших гроб со всех сторон. На всю жизнь сохранила я признательность Ж.И.Шиф за то, что в те трудные горестные минуты она была рядом со мной, старалась быть мне опорой. Помню, что среди стоявших вблизи от меня я увидела А.Н. Леонтьева. Я обратила на это внимание, так как давно не видела его у нас в доме. Люди становились у гроба в почетный караул сами (никто их не разводил, как это принято ныне). Как сейчас вижу, из толпы, стоявшей вокруг гроба, вышел А.Р. Лурия, немного наклонив голову и сжав руки, он решительно подошел к гробу и встал в караул. Но очень быстро кто-то (кажется, Л.В. Занков) его оттеснил и встал вместо него, и Александр Романович вернулся на прежнее свое место (товарищи не могли простить ему его минутной слабости).

Совсем не помню всех, кто выступал и, конечно, того, что они говорили. Запомнилось лишь, как выступали Л.С. Гешелина и М.А. Левина. Высокая и очень прямая, невозмутимая до такой степени, что порой казалось, что ей вообще незнакомо волнение, Л.С. Гешелина говорила с трудом,

[582] Сохранился посмертный снимок Льва Семеновича в гробу. Увидев этот снимок в 1981г., П.Я. Гальперин сказал, что это самый лучший, самый верный снимок отца, и просил меня подарить ему копию. Существовала и посмертная гипсовая маска, снятая Д.С.Меркуровым. Во время войны она немного пострадала, а потом при переездах института из здания в здание была утеряна.

с огромными паузами, во много раз медленнее, чем обычно, а по лицу ее текли слезы, которые она даже не вытирала. Потом она замолчала, видимо, не в силах продолжать, махнула безнадежно рукой и закрыла лицо руками. Слезть со стула ей помогли, сама она не могла это сделать. М.А. Левина (ее, в отличие от Р.Е. Левиной, называли Ленинградской Левиной. А мы, дети, за тонкий голос и маленький рост звали ее «мышка Левина») просто не могла говорить от рыданий. Она, захлебываясь слезами произносила какие-то фразы, но понять их из-за всхлипываний было невозможно. Ее попросту пришлось снять со стула, на котором она стояла, пытаясь произнести прощальные слова.

Похоронная процессия выстроилась очень длинная. Гроб буквально тонул в цветах. Медленно шли по улицам Москвы. Помню, в районе Зубовской площади на тротуаре прыгали через скакалку две девочки, примерно моего возраста. Количество людей и цветов привлекло их внимание и, видимо, поразило их. Они прекратили прыгать, и одна их них бежала по тротуару за катафалком, пытаясь прочесть надписи на венках. Наконец, ей это удалось, она прочла и закричала подруге: «Какого-то профессора Выготского хоронят!» А меня снова поразила мысль: «Вот они прыгают. Люди кругом идут. А его уже нет. И никому из них нет до него дела». От этого мне было мучительно больно.

Мама категорически запретила брать меня в крематорий, поэтому я проводила гроб до Калужской площади (ныне Октябрьской), а оттуда наша знакомая увела меня домой.

Когда все вернулись из крематория домой, помню, мама подарила папиным друзьям его вещи — зажигалку, маленький металлический красный с синим портсигар, запонки и еще что-то.

Чем больше я думаю о смерти отца, тем больше склоняюсь к мысли, что эта смерть была неожиданностью не только для нас. Врачи, как мне кажется, сами не понимали, как далеко зашла болезнь и надеялись на благополучный исход. Иначе зачем было так категорически настаивать на госпитализации?

В январе 1935 г. в Московском Доме Ученых состоялось траурное заседание, посвященное памяти отца. Из всех тогда выступавших хорошо запомнила только М.Я.Серейского и А.Р. Лурия. Конечно, я тогда мало понимала то, что они говорили, но сейчас я располагаю текстом речи А.Р. Лурия и мне кажется уместным привести из нее отрывки. Я возьму на себя смелость процитировать его.

«Сегодня мы собрались, чтобы почтить память не только друга, учителя, человека огромного обаяния, но и мощного ученого, вдохновлявшего десятки работников, ученого, который своей энергией и огромным интеллектом сумел создать целую новую область знаний, который всю свою жизнь отдал на то, чтоб заново построить новую науку о человеке.

Л.С. Выготский умер молодым, его жизнь оборвалась на тридцать восьмом году, в тот момент, когда его творчество достигло максимального развития, его деятельность — максимальной напряженности, его ум — максимального блеска и глубины, когда вокруг него собрались десятки учеников, чутко прислушивавшихся к каждому его слову, объединенные его огромным обаянием, увлеченные изумительным размахом его мысли и готовые, игнорируя все трудности разработки новой области, отдать все свои силы на то, чтобы продвигать и осуществлять его идеи. Эта смерть была тем трагичнее, что Лев Семенович умер, не оставив завершенной, до конца разработанной, и застывшей системы исследования ... но то, что он оставил всем нам — является колоссальным трудом, необычайно ярким сгустком мысли, системой замечательных идей, которые он сумел воплотить в каждой написанной им строчке, в каждом сказанном им слове, в каждой поставленной им работе учеников; он надолго определил пути развития нашей науки; он создал десятки людей, овладевших техникой этой труднейшей области знания, и сейчас нет лаборатории, психологической клиники, дефектологического учреждения, которые в какой-то мере не работали бы по его путям и не осуществляли бы частиц его планов...».

Кончил свою речь Александр Романович словами: «Мы должны быть счастливы, что нам пришлось жить и работать с таким человеком, и мы — его друзья и ученики — должны отдать все силы на продолжение дела, которому он отдал жизнь».[583]

Хорошо помню, что в конце этого вечера квартет исполнил какую-то чудесную мелодию. Спустя годы, уже подростком, я узнала эту мелодию, услышав ее по радио. Я тогда сказала маме, что, по-моему, именно это играл квартет в то вечер, и она, удивленная тем, что я узнала мелодию через несколько лет, подтвердила это. Это было Andante Cantabile из первого струнного квартета Чайковского. Помню, что музыка потрясла меня так, что даже сердце защемило, и я не могла понять, почему сидевший рядом

[5*3] Из речи А.Р.Лурия, произнесенной 6/1 1935 г. в Московском Доме Ученых. // Семейный архив Л.С.Выготского.

с мамой М.Я. Серейский сказал ей: «Музыка настолько гениальна, что даже они все вчетвером не в состоянии ее испортить». Эти слова поразили меня, и, вероятно, поэтому я их запомнила.

Через год после смерти отца, 11 июня 1935 г., урну с его прахом захоронили на Новодевичьем кладбище.

К годовщине со дня смерти его товарищи по работе в ЭДИ написали свои воспоминания о нем, собрали отклики зарубежных ученых на его смерть и сделали такую траурную папку с подборкой этого материала. Эта папка, как дань памяти об отце, была подарена нам. Сама папка — серая, картонная, на которой черной тушью было написано «Год без Льва Семеновича», — за прошедшие годы пришла в негодность (во время войны она почему-то подмокла, оборвались ее края, она поломалась). Но ее содержание цело. Заново перепечатанное, оно хранится у меня.

Отклики ряда иностранных ученых были взяты из их писем к А.Р. Лурия. Вот они:

Проф. Ж.Пиаже: «Позвольте сказать Вам, как глубоко я был опечален смертью Выготского, о котором Вы мне столько рассказывали и который — я знаю, какое место занимал в психологии.

Само собой разумеется, я с особенной готовностью хотел бы принять участие в томе, посвященном его памяти».

Проф. Лешли: «Смерть Выготского, о которой я не знал раньше, глубоко опечалила меня. Он казался мне одним из самых обаятельных и блестящих людей, которых я когда-либо встречал, и его смерть является серьезнейшей потерей для науки. Я почту за честь, если мне позволят принять участие в посвященном его памяти сборнике».

Проф. Курт Левин: «... получил Ваше письмо, о смерти Выготского только несколько дней тому назад в Лондоне. Я глубоко потрясен этим. Хотя я лично общался с Выготским лишь в течение двух недель, он оставил во мне неизгладимые следы. Я получил впечатление о нем, как о совершенно необыкновенном человеке, преисполненном внутренней мягкости и вместе с тем ... как об ученом исключительного ранга. У меня такое чувство, что за четырнадцать дней мы сделались друзьями. Во всяком случае — так я чувствую глубоко ... Совершенно бесспорно, что он являлся творцом большого и, как мне кажется, очень продуктивного психологического направления. Его смерть тяжело поразила нас всех».

Проф. Коффка: «Я очень близко и тяжело воспринял смерть Выготского. Как ни мало я знал его лично, я все же успел получить представление о нем, как о редком человеке: умный, оригинальный, и, прежде всего, необычайно человечный. Мне очень жаль сейчас, что когда я был в Москве, мне не удалось поработать с ним вместе.

Что он означает для всех вас, я прекрасно себе представляю. Как велика эта потеря для психологии, это вряд ли кто может оценить лучше, чем вы, которые знали его планы.

Я не знал до сих пор, что он написал предисловие к русскому переводу моей книги. Меня радует, однако, что хотя бы в одном месте мое имя связано с его именем...».

Проф. Адольф Мейер: «Какая печаль и какая потеря! Я вспоминаю мою встречу с профессором Выготским и то, что Вы рассказывали мне о его теоретических взглядах. И я также вспоминаю с чувством глубокой обиды, что моя внезапная болезнь так несчастливо оборвала мои надежды и планы и не дала мне возможности еще более близко познакомиться с этим исключительно симпатичным мне направлением работы.

В свое время мне переслали работу проф. Выготского о шизофрении, и я тотчас же рекомендовал ее к напечатанию в американском психиатрическом журнале. И я тут же выразил сожаление, что эта работа не могла сопровождаться конкретным и специфическим материалом, который помог бы американскому работнику ближе ознакомиться с материалами путями этой новой школы. Поэтому было бы большой компенсацией этой трагической потере, если Вы дадите возможность соединить объединенных с ним ученых для того, чтобы дать возможность выразить направление мысли и идей его школы».

Мне хочется привести выдержки из воспоминаний тех, кто годами работал вместе со Львом Семеновичем, постоянно с ним общался, хорошо его знал и любил, испытывал на себе его обаяние. Первая статья в папке была как бы передовицей, она выражала мысли и чувства всего коллектива института и называлась так же, как вся папка — «Год без Льва Семеновича». Приведу ее с незначительными сокращениями.

«Прошедший год после смерти бесконечно дорогого нашему коллективу Льва Семеновича то и дело возвращал нас к образу ушедшего и убеждал в правильности пути, по которому мы шли, имея Льва Семеновича в первом ряду. И каждый раз мы вновь и вновь утверж-

даемся в понимании исключительности покойного, как и в том, что от нас ушел человек, не только созвучный современности, но и обладавший качествами человека грядущего. Если, например, подойти к Льву Семеновичу с меркой требований внимательного отношения к человеку, то кто из нас не вспомнит, как обаятелен бывал Лев Семенович в обращении с людьми, как глубоко человечны были его отношения ко всем тем, которые со своими горестями и нуждами приходили к нему... Кто не вспомнит терпения, настойчивости и внимания Льва Семеновича к воспитанию новых кадров, действительно культурных и владеющих не только практикой, но и теорией. Кто как не Лев Семенович последовательно проводил в жизнь лозунг о неразрывности теории и практики, уча нас поднимать на теоретическую высоту всю нашу практическую работу. И разве не его умению зажечь у своих сотрудников интерес исследователей и воспитать готовность отдавать себя целиком науке мы обязаны тем, что коллектив, с которым он работал и который он выращивал, действительно, как заботливый садовник выращивает дерево, остался монолитным...

Но Лев Семенович был не только ученым — он был и общественником. Будучи членом Районного Совета в течение ряда лет и до самой смерти, он активно участвовал в наведении порядка в наших школах, уделяя особое внимание работе с трудными детьми.

Наш коллектив, которому посчастливилось работать со Львом Семеновичем и под его руководством ряд лет, имеет все возможности и потому обязан продолжать работу покойного и тем увековечить его память...».

Из воспоминаний *Т.А.Власовой.* «Товарищам, близко соприкасавшимся со Львом Семеновичем в работе, в быту, трудно писать воспоминания потому, что обаяние его личности, его внутренняя культура так велики, что пишущему эти строки боязнь оказаться банальным вполне естественна. Кажется, не было ни одного дня в течение всего года, чтобы не думали о Льве Семеновиче, до сих пор сохраняется чувство, что вот придет Лев Семенович, что это временное отсутствие. Имя Льва Семеновича для нас звучит как что-то близкое родное ... Скромность ... прекрасное качество, которым обладал Лев Семенович, иногда казалась нам неуместной ... Хочется отметить, что Лев Семенович был подлинным ученым-общественником ... Я не буду говорить о том, что Лев Семенович всегда с неиссякаемой энергией шел навстречу тому, кто хотел его помощи в работе. Ни позднее время, ни болезнь не были тому препятствием».

Л. В. Занков вспоминает о начале научного пути Льва Семеновича, о его первом экспериментальном исследовании, выполненном в

Москве. Он пишет: «... Теперь, когда мы знаем капитальные, стоящие на высшем уровне современной науки работы Льва Семеновича, мы ясно видим, что исследование доминантных реакций — это только первые робкие шаги. И все же уже в них обнаружилось блестящее дарование Льва Семеновича, характерные для него богатство идей и широта теоретической перспективы ... Основная линия его научных исследований была в корне враждебна элементарному, упрощенческому решению научных проблем. Взять проблему во всей ее сложности, проникнуть в самую ее глубину и познать сложные, многообразные отношения, связи и опосредования — вот та задача, которую всегда ставил перед собой Лев Семенович и которую он неоднократно блестяще разрешал...».

Из воспоминаний других товарищей:

«... Лучшим памятником творцу и создателю теории будет лучшая практика, построенная на новых основаниях, памятником тому, кто отдал делу изучения развития личности свою короткую, сверкающую творчеством во всех областях, с которыми соприкасался, — жизнь».

«Прошел год, пройдут года, а образ Льва Семеновича останется для нас всегда живым и близким, словно вчера мы видели его. Вспоминаются его лекции, беседы, конференции... Как много, как щедро давал нам Лев Семенович из сокровищницы своей мысли ... Какие бы трудности ни стояли на нашем пути, мы должны приложить все силы к тому, чтобы двигаться дальше и дальше по пути, указанному Львом Семеновичем... Пусть мысли Льва Семеновича, его теория освещают нам этот трудный путь, а его дорогой образ всегда сопутствует нам, как живой, в нашей работе. Год работы без Льва Семеновича показал нам одновременно и то огромное и неповторимое, что нами так безвозвратно потеряно, и то бесконечное богатство, которое нами от него получено. На каждом шагу нашей работы мы с болезненной остротой чувствовали, что его нет; и в то же время на каждом шагу мы жили его мыслями. Что сказал бы Лев Семенович в этом случае — на этот вопрос мы постоянно пытались ответить в своей работе, воспроизводя в памяти его высказывания на конференциях, его отдельные замечания в личных беседах, роясь в записках, перечитывая оставшиеся материалы. Лев Семенович, даже уйдя от нас, продолжает реально руководить нами...».

«...Чтобы достойно увековечить его память, необходимо поднять современную науку до уровня его идей. Эта очень трудная и ответственная работа лежит на обязанности его учеников и последователей».

> «Прошел год с тех пор, как умолк голос и закрылись глаза Льва Семеновича, с тех пор, как оборвалась нить его гениальных обобщений. ... Нет Льва Семеновича — и скорбь о потере безгранична, — но есть его книги и мысли. В сказанных им словах заложена сила движения. Они остры и смелы — они будят, требуют работы, фактов, подтверждений — новых обобщений. ... Мы не сумели сберечь нашей стране и науке Льва Семеновича — бесконечно дорогого каждому из нас, но каждый шаг нашей работы связан с именем человека, который, сгорая сам, светил другим...».

Вот эти материалы и были подготовлены товарищами Льва Семеновича и переданы нам ко дню первой годовщины со дня его смерти.

А еще через год, тоже 11 июня, когда мы с мамой были на кладбище, приехали Л.В. Занков, И.М.Соловьев и еще кто-то и привезли мраморную доску, которую установили на могиле. На доске было высечено: «Профессор Л.С. Выготский (1896-1934)». Эта доска простояла много лет. Она стояла до тех пор, пока рядом с отцом не нашла приют и мама. Тогда, после смерти мамы, мы с Асей поставили на их могиле новую доску, на которой обозначены фамилии и даты жизни родителей. И ничего больше.

И еще несколько слов. О любви. Отец очень любил маму, гордился ею, посвящал ей стихи, очень дорожил ее отношением. Сохранилась его маленькая записная книжка с очень личными записями. В ней имеется много свидетельств его большого чувства. Свою любовь он сохранил до последнего дня жизни. Уже совсем взрослая, я узнала от мамы следующую историю. У нее было серебряное колечко, которое само по себе никакой цены не имело, но было ей очень дорого тем, что получила она его когда-то от своей матери. Когда папа уезжал куда-нибудь из дому, он брал его с собой, сначала просто как материальное напоминание о маме, но постепенно это кольцо стало носить роль талисмана. Однажды на даче кольцо потерялось, и мама была очень этим огорчена, а папа из-за этого нервничал и перерыл все вокруг, пока оно, ко всеобщей радости, не отыскалось. Всегда, расставаясь с мамой, он брал это кольцо с собой. И в день его похорон, в крематории, мама сняла с руки кольцо и надела его на палец папе.

Мне осталось добавить к сказанному еще немного. После смерти папы в семье установилась традиция — обязательно приходить к нему на могилу в день его рождения и в день смерти. Это свято выполняется до сих пор. Каждый год, что бы ни случилось, какая бы ни была погода, но в

эти дни мы всегда идем к отцу. Мы, конечно, приходим к нему и в другие дни, но в эти — обязательно.

Как-то однажды, в день его памяти 11 июня, мы с мамой были на кладбище вдвоем. Мы сидели возле папиной могилы и долго говорили о нем. Вокруг никого не было, было тихо. Мы замолчали и некоторое время сидели молча, предаваясь каждая своим воспоминаниям. И вдруг мне неудержимо захотелось поделиться с мамой своими воспоминаниями, проверить их, что-то уточнить и обсудить их с ней. И я воспроизвела в хронологической последовательности все то, что сохранила в памяти, то, что попыталась рассказать здесь. Она, как мне показалось, была удивлена полнотой и точностью моих воспоминаний, тем, что так долго жило у меня в душе. И все сказанное мною нашло ее полное подтверждение.

Нас осталось после отца двое — моя сестра и я. Что мы взяли у него?

Моя сестра унаследовала от отца его прекрасные способности. Все, чем бы она ни занималась, давалось ей легко. К сожалению, она прожила очень нелегкую жизнь, и так сложилось, что она не смогла реализовать все свои возможности. Однако в избранной ею отрасли — биологии — и в своей более узкой специальности она достигла известного успеха. Она была очень ярким и интересным человеком и всегда притягивала к себе самых различных людей.

Говорят, я очень похожа на отца внешне, хотя цвет глаз и волос у меня другой. Дважды меня даже узнавали по сходству с отцом в других городах люди, меня не знавшие. А его близкая сотрудница — М.Б.Эйдинова — говорила обо мне: «Лев Семенович в юбке». Я взяла от отца немногое: плохую ориентировку в пространстве, любовь к поэзии, да, пожалуй, любовь к маленьким листкам бумаги. Все, кто знал его, всегда вспоминают, что он неизменно писал на маленьких листках, в маленьких записных книжках или блокнотах. Я узнала об этом, только уже став взрослой. Но столько, сколько себя помню, я всегда писала только на маленьких листках бумаги, я не могу, не умею писать на большом листе — меня пугает его пространство. Вот и сейчас пишу на листках маленького формата, на четвертушках обычного листа. Я никогда не пыталась это изменить. Поверьте, мне дорого все, что меня роднит с отцом, связывает с ним, даже, если это были его странности или недостатки.

Я написала слова,
Что долго сказать не смела...
(А.Ахматова)

А жизнь идет...

У меня есть дочь, внучка Льва Семеновича. Когда ей надо было выбирать свой путь, она выбрала психологию. Она училась у Александра Владимировича Запорожца и Даниила Борисовича Эльконина, учеников Льва Семеновича, и стала детским психологом. Как мне кажется, она не жалеет об этом. Хочется надеяться, что я в этом не ошибаюсь. Во всяком случае, она с удовольствием, азартно и увлеченно работает в избранной ею области.

У нее растут три сына, правнуки Льва Семеновича. Старшего зовут Лев. Пока здесь о них сказать нечего.

Нельзя, просто нелепо ждать, чтобы человек повторил чей-то путь, жил по чьему-либо образцу, чьей-либо подсказке. Каждый неповторим. Каждому отпущены свои способности, у каждого свои вкусы, свои интересы, свои склонности. Не знаю, кем они станут, наши мальчишки, когда вырастут, какой выберут себе путь. Да, говоря откровенно, это не так уж и важно. А что мне действительно важно, так это то, какими они вырастут, какими станут людьми. Мне так хочется, чтобы в этом, в человеческом плане, они старались походить на своего прадеда. Я мечтаю, чтобы они выросли глубоко порядочными людьми, способными на благородные поступки, честными и искренними, добрыми и отзывчивыми, деликатными и скромными, верными в дружбе и любви, каким был он.

В глубине души я надеюсь, что, кем бы они ни стали, они тоже когда-нибудь прочитают эту книгу. И тогда, быть может, им захочется познакомиться с трудами Льва Семеновича, задуматься над его судьбой...

А там, глядишь (кто знает?), может, захочется им взять себе за образец для подражания хоть некоторые черты его личности?..

Я очень надеюсь...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь...
Б. Пастернак

После смерти ученого начинается его вторая жизнь — он живет в своих творениях, в своих учениках.

Надо сказать, что судьба не была благосклонна к творческому наследию Льва Семеновича.

Осенью 1934 г. вышел из печати один из главных его трудов — книга «Мышление и речь». В предисловии к ней В.Н.Колбановский писал: «Автор этой книги не увидел ее напечатанной. Он скончался в ночь на 11 июня 1934 г.... Выход в свет книги «Мышление и речь», представляющей итог десятилетних экспериментальных работ выдающегося советского психолога, является знаменательным событием для науки. Это первая систематическая экспериментальная разработка проблемы. Насколько нам известно, это — единственный труд на настоящем этапе развития психологии, в котором дается солидная критика ...теорий мышления и речи путем противопоставления им блестящих экспериментальных исследований, проведенных на высоком теоретическом уровне. Это наиболее обстоятельное исследование истории умственного развития ребенка.[584]

В 1935 г. была опубликована книга «Умственное развитие детей в процессе обучения.[585] Сборник статей был подготовлен к печати учениками Льва Семеновича — Л.В. Занковым, Ж.И. Шиф и Д.Б. Элькониным.

А 4 июля 1936 года вышло постановление ЦК партии, в котором осуждалась педология. Оно не могло не коснуться имени Льва Семеновича — он печатался в педологическом журнале, заведовал кафедрой педалогии, был автором ряда работ, в названиях которых выносил слово «педология» — «Педология подростка», «Педология школьного возраста», «Диагностика развития и педологическая клиника трудного детства» и др. Это постановление со всеми вытекающими из него последствиями больно ударило по имени Льва Семеновича — книги его были фактически изъяты, а имя предано забвению.

[584] Предисловие редактора. // Выготский Л.С. Мышление и речь. — М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. - С. 3.

[585] Умственное развитие детей в процессе обучения. — М.; Л.: Учпедгиз, 1935.

Может быть, выводы эти могли бы быть и не столь суровы, поскольку Льва Семеновича уже не было в живых и, стало быть, никакой «злонамеренной» деятельностью он уже не мог заниматься. Может быть, имя его и не подвергалось бы такой проработке, если бы не... Если бы не брошюра Е.И.Рудневой. Тут-то она как раз и подоспела. Называлась она «Педологические извращения Л.С. Выготского».[586] Е.И.Рудневой уже нет в живых. О мертвых принято или говорить хорошо или молчать. Я охотно бы выбрала второе, но все же не сказать о брошюре, которая сыграла, быть может, решающую роль в судьбе творческого наследия Л.С. Выготского, просто не могу.

В брошюре приводились отдельные цитаты из произведений Льва Семеновича. Вырванные из контекста, они были смонтированы таким образом, что у читателя создавалось четкое впечатление, что автор этих высказываний не может быть никем иным, как вредителем. В брошюре Лев Семенович не был прямо назван вредителем или врагом, но читатель подводился к тому, чтобы этот вывод сделать самостоятельно. Теперь уже мало осталось тех, кто читал ее, многие просто слышали о ней или о том, что она была в свое время написана. Но для того, чтобы понять то, что тогда происходило и что за этим последовало, надо хотя бы бегло с ней познакомиться.

Брошюра написана в развязном тоне. Слова — теория, исследование, когда они касаются Выготского, всюду берутся в кавычки. Автор говорит даже о «лжеучении» Выготского об обучении и развитии. Признавая необходимость и своевременность Постановления ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г., автор требует «разоблачения антимарксистских, ложнонаучных концепций». А так как одним из «столпов» педологии, чьи книги принесли большой вред советской школе, был Л.С. Выготский, то автор призывает «разоблачить и выкорчевывать» все подобные теории, «тем более, что часть его последователей до сих пор не разоружилась (Лурия, Леонтьев, Шиф и др.)». (32). Анализ его работ «вскрывает антимарксистский характер его взглядов и органическую связь их с антиленинской «теорией отмирания школы» (3). «Работы его и его учеников, проводившиеся на детях, являлись по сути издевательством над нашей советской детворой и сводились к глупым, абсурдным тестам и анкетам, связываемым с Пиаже, Клапаредом и др».(4). Оказывается, Выготский «отрицает влия-

5K6 Руднева F: И. Педологические извращения Выготского. — М.; Учпедгиз, 1937. При цитировании в скобках указываются страницы этой брошюры.

ние обучения на развитие» (4), считает, что оно «не вносит изменений в развития ребенка», а это является «абсолютно неверным, клеветническим утверждением» (16). «В основных психолого-познавательных вопросах ... он стоит на позициях субъективного идеализма, но как эклектик», сочетая его с «вульгарным материализмом» (6), «игнорирует марксистско-ленинское учение» (7,10). «Антимарксистской, антиленинской является теория происхождения и развития языка» (11), а «толкование устного и письменного слова» — «идеалистическое, формальное, схоластическое» (12). «Особенно резко вредные взгляды Выготского на обучение и развитие сказались в так называемой теории о зоне ближайшего развития... «Теория» зоны ближайшего развития, которую Выготский и его ученики выдают за «открытие», позаимствована им у американской исследовательницы Мак-Карти» (16,17). «С точки зрения этой лжетеории Выготского школа и учитель совершенно беспомощны изменить развитие ребенка» (17). Эта теория является «нелепой, антинаучной «теорией» (18). Теория о кризисах — «вреднейшая теорийка», которая «демобилизует, разоружает учителя» (19). «Глубоко ошибочная «теория» Выготского по вопросам обучения и развития причинила огромный вред школе. Высказывания Выготского по вопросу об обучении отдельным предметам нанесли большой урон нашей школе и должны быть признаны вредительскими» (21). «Вредная система Выготского о развитии и обучении... должна быть разоблачена и отброшена, а не исправлена» (22). Методологической основой его высказываний «является махистское понимание интеллекта, саморазвитие его, независимость от внешнего мира, метафизический отрыв мышления от содержания» (22).

Достаточно? Потерпите, пожалуйста, еще немножко.

В исследовании детей Выготский «переходил от одной буржуазной методики к другой» (23). «...Экспериментальная работа в исследованиях Выготского вообще занимает весьма ограниченное место. Он очень много говорит о результатах «экспериментальных исследований» и чрезвычайно мало о самой методике исследования» (23). «Ему и его ученикам (Лурия, Сахарову, Шиф, Занкову, Леонтьеву) принадлежит видное место в некритическом распространении у нас буржуазной методики, в частности методики Пиаже» (23). Методика Выготского-Сахарова «по сути не отличалась от методики известного немецкого психолога-фашиста Н. Аха... Абсурдность этой «методики» была очевидна для всякого здравомыслящего человека; ничем иным, как подлинным издевательством над нашей детворой нельзя назвать эти глупые «эксперименты» (23). «Выгот-

ский неоднократно ссылается на ... демагогические писания» Беуземанна, а он «один из наиболее ярких мракобесов фашистской Германии» (25). О влиянии на Выготского Енша и Аха «мы уже говорили». О культурно-исторической теории: «У педологов, в том числе и у Выготского, клевета на детей трудящихся смыкается с клеветой империалистов на колониальные народы для оправдания захвата новых территорий во имя «прогресса» и «культуры» (28). Теория культурного развития — «вреднейшая контрреволюционная «теория» (14).

Ну, вероятно, действительно, достаточно.

Трудно, немыслимо трудно все это писать.

Я полагаю, что и читать это будет нелегко.

И все же мне хочется, чтобы те из читателей, которые обладают достаточно хорошим воображением, представили себе, чем могли обернуться все эти обвинения тогда, в 1937 г. Если бы Лев Семенович был жив, одной этой брошюры было бы достаточно, чтобы сломать его жизнь и судьбу. Но его уже не было в живых (чуть не сказала — «к счастью»)[587].

Кстати сказать, Е.И. Рудневу ничуть не смутил тот факт, что человека, которому она приписывает и «слепое» следование буржуазной психологии, «некритическое заимствование» из нее (4) и «вредные высказывания» (5), и то, что он стоял на «антиленинских идеалистических позициях» (5), и методологическую и педагогическую порочность «теории мышления»^), и «архилевацкие выводы, принесшие так много вреда школе» (13), и даже «беззастенчивое протаскивание» на страницы печати такой «галиматьи», как заимствованная у Э.Енша «архиреакционная» «теория», хотя Енш «прямой агент фашизма», о чем Выготский «не мог не знать» (14), т.е. Руднева приписывает Выготскому все то, за что в те времена не только не гладили по головке, но и сурово расправлялись, — что этого человека уже давно нет в живых, а потому он не может ответить на эту лихую критику, увы, не может защититься от нее. Как известно, мертвые сраму не имут. Ему не суждено было очиститься от этого нагромождения немыслимой, чудовищной неправды.

Е.И. Руднева не была одинока, у нее были не только единомышленники, но даже и предшественники. Так, в 1934 г., незадолго до смерти Льва Семеновича, П. Размыслов бдительно предупреждал о «политической вредности» рассуждений Выготского. Он прямо писал: «Лженаучная

[587] А В.П. Зинченко так и пишет: «Л.С. Выготскому "посчастливилось" умереть своей смертью до этого...» // Наука в СССР. — 1989. — № 5. — с. 88.

реакционная, антимарксистская и классово враждебная теория на практике приводит к антисоветскому выводу».[588]

Не прошло и двух лет с того времени, когда тот самый В.Н.Колбановский, который осенью 1934 г. характеризовал книгу «Мышление и речь» как «знаменательное событие для науки», а ее автора называл «выдающимся советским психологом», как он же после Постановления ЦК о педологии изменил свою позицию — стал активно отмежевываться от многих положений, сформулированных Львом Семеновичем, и принимать самое активное участие в критике его идей. Назвав Постановление ЦК «замечательным решением»(3), он, если верить стенограмме[589], сказал что «у Выготского имеется целый ряд ... неверных положений, неверно сформулированных, могущих привести к политически реакционным выводам». Правда, призывая отбросить эти ложные положения, В.Н. Колбановский считал, что «правильные его утверждения надо сохранить» (3). Вот как, например, обходится В.Н. Колбановский с зоной ближайшего развития, которая, по словам Е.И. Рудневой , является «нелепой и антинаучной», «лжетеорией».[590] Колбановский говорит: «естественно, никакой надобности в этой зоне как в каком-то критерии для объяснения умственной зрелости ребенка у нас нет, и она нам абсолютно не нужна и вредна. Это нужно сказать определенно. Но нельзя выбрасывать вместе с мыльной водой и ребенка. Нельзя отрицать следующего. Когда психолог, будь то по тестам или без тестов, путем наблюдения, изучения ребенка, собеседований и т. п., должен будет определить, что из себя представляет ребенок, может ли он при этом ограничиваться только теми явлениями, какие представляет ему личность ребенка в данный момент, беря внешнее выражение умственного развития ребенка, как таковое? Конечно, нет. Задача нашей науки заключается в том, чтобы проникнуть в сущность ребенка, чтобы выявить то глубокое, что внешне само не проявляется, но что у ребенка заложено... Мы не будем называть это зоной ближайшего развития, но мы будем оценивать ребенка, приходящего к нам ... не по тому, что он сразу покажет, но по тому, что он способен делать в ближайшее время. Мы должны глубже проникать в

[588] Размыслов П. О «культурно-исторической теории психологии» Выготского и Лурия. // Книга и пролетарская революция. — 1934. — № 4. — С. 83—84.

[589] Заключительное слово В.Н. Колбановского на совещании в августе 1936 г. // Стенограмма. — С. 3. Эта стенограмма хранилась в личном архиве Н.Г. Морозовой. После ее смерти ее дочь передала несколько папок с ее бумагами, связанными со Львом Семеновичем, в его семейный архив.

[590] Руднева Е.И. Педологические извращения Выготского. — М.: Учпедгиз, 1937. — С. 17—18.

его психологическую природу. — Это отвечает принципу всякого подлинно научного исследования...».[591]

Ну, каково?! И ведь это говорил не кто иной, как человек, бывший тогда идеологом психологии!

Я хочу попросить прощения у читателя за столь пространное цитирование. Но мне хотелось дать ему почувствовать атмосферу тех лет, самому, своими глазами увидеть все то, что проводилось тогда под именем научных дискуссий. Собственно науки во всем этом содержалось крайне мало, свободного обсуждения — и в помине не было. По существу, происходил заранее спланированный и организованный разгром. Автор уже не мог дать на него отпор, достойно ответить.

Что можно здесь добавить?!

Разве только то, что громили, в частности, те идеи Льва Семеновича, которые до сих пор живут и работают, например, идею о соотношении обучения и развития, о зоне ближайшего развития.

В нашем ведущем психологическом журнале недавно опубликована статья, в которой читаем: «В 1934 г., незадолго до смерти выдающийся психолог Л.С. Выготский был подвергнут бичеванию, а сегодня мы со стороны наблюдаем, как ведется психодиагностика по построенным на его идеях программам в США и Голландии».[592]

«Особый интерес у американских психологов вызывает учение Выготского о зоне ближайшего развития... Очевидно, установление потенциала развития представляет большой практический интерес. Кроме того, знание зоны ближайшего развития позволяет выбрать адекватные для того или иного ребенка методы обучения. Среди идей Выготского именно идея зоны ближайшего развития получила непосредственный выход в практику — как в тестировании, так, и в школьном обучении. В 1984 г. под ред. Б. Рогофф и Дж. Верча вышел сборник статей «Обучение детей в зоне ближайшего развития».[593] В семи статьях сборника «обсуждаются теоретические вопросы и описываются экспериментальные исследования последних лет...».[594]

[591] Заключительное слово В.Н. Колбановского на совещании в августе 1936 г. // Стенограмма. — С. 3.

[592] Асмолов А.Г. Непройденный путь от культуры полезности — к культуре достоинства. // Вопросы психологии. — 1990. — № 5. — С. 9.

[593] Children learning in the «zone of proximal development». / Ed. by B.Rogoff, J.V.Wertsch. — San-Francisco, 1984.

[594] Тульвисте П.Э. Обсуждение трудов Л.С. Выготского в США. // Вопросы философии. — 1986. - № 6. - С. 150.

Но это теперь. А тогда, в те годы...

Тогда, как пишет Люсьен Сэв, «было недостаточным, чтобы творчество Выготского было похоронено вместе с его автором. Оно должно было быть дискредитировано»[595]. И началось «избиение» его трудов. Его взгляды были извращены. Мысли опорочены. Книги его изымались. В ряде мест просто уничтожались. Так, рассказывала мне Р.М. Боскис, в ЭДИ (кажется, в бухгалтерии) был сотрудник, который тщательно следил за тем, чтобы все книги Льва Семеновича были уничтожены. Р.М. Боскис вспоминала, как она, засунув за пояс платья несколько книг и одев сверху широкий плащ, вынесла их из института. Так ей удалось спасти и сохранить, кажется, «Педологию подростка». Согласитесь, для этого нужна была известная смелость.

Труды Льва Семеновича попали под запрет — нельзя было их упоминать, на них ссылаться в течение долгих 20 лет. Целые два десятилетия Лев Семенович и его труды подвергались умалчиванию.

Правда, были отважные люди, которые не всегда выполняли это предписание.

Уже уволенный с работы после постановления ЦК о педологии и не пожелавший каяться, Д.Б. Эльконин вместе с другой ученицей Льва Семеновича по Ленинграду — М.А. Левиной пошли на прием к А.А. Жданову. Д.Б. Эльконин пытался объяснить Жданову, что в трудах Льва Семеновича нет ничего порочного, вредного и тем более опасного.[596] А о себе Даниил Борисович сказал, что « ...не привык менять убеждения за 24 часа».[597] «Когда Жданов начал нам что-то возражать, — рассказывала М.А. Левина, — то Даня стал на него кричать!» Вернувшись после этой аудиенции, оба они пришли к выводу, что их визит может иметь самые неприятные последствия. И они стали ждать их. К счастью, все ограничилось тем, что Даниил Борисович довольно долго был без работы, и его никуда не хотели брать. Конечно, это, само по себе, было достаточно неприятно, так как у него уже была семья, были дети, за жизнь и благополучие которых он был ответственен, но ничего более страшного (чего они оба опасались) не последовало. В 1982 г., работая с Д.Б. Элькониным над рукописями отца для собрания его сочинений, я спросила его об этом визите. Он снял очки, высоко поднял брови, удивленно меня разглядывая, а потом спросил: «Откуда Вы об этом знаете?» Я ответила. Он помолчал, а потом сказал: «Но ведь все было напрасно, ничего не изменилось». «Это неважно, — возразила я. — Важно то, что Вы ходили!»

5,5 Seve L. Vygotsky. Pcnsee et Language. — Paris, 1985. — P. 17.
s% Знаю это со слов М.А. Левиной. Она рассказывала это нам с мамой в начале 70 г.
597 См.: Вестник МГУ. - Серия 14. Психология. - 1989. - № 4. - С. 9.

Для этого тогда требовалось изрядное мужество. И они оба — и М.А. Левина, и Д.Б. Эльконин — его проявили. Спасибо им за это.

Портреты Льва Семеновича все годы висели и у А.Р. Лурия, и у А.В. Запорожца — и дома и в лабораториях. (У других — не знаю, а у них видела сама). Еще до реабилитации имени Льва Семеновича и А.Р. Лурия, и А.В. Запорожец ссылались на его работы, рассказывали о них студентам.

А ведь прав был Д.Б. Эльконин — ничего вредного, порочного, ничего такого, за что их следовало изымать, в трудах Льва Семеновича не было.

А что же было? Почему же он пользовался термином «педология», что он имел в виду, говоря о педологии? Под педологией он понимал особую науку о ребенке, такую науку, которая охватывала бы все сведения о ребенке и его развитии: «Работы Л.С. Выготского по детской (возрастной) психологии включали в свое название термин «педология». В его понимании это особая наука о ребенке, частью которой являлась детская психология»[598] Вот как Лев Семенович понимал это, как он сам об этом говорит: «Педология — наука о ребенке..., не вполне установившая свои границы и точное свое содержание. Обычно она понимается как наука о развитии ребенка, охватывающая все стороны этого развития — и телесную, и психическую».[599] И далее: «Среди различных научных дисциплин современная методология выделяет особую группу наук, которую она обозначает как науки о естественных целых. Существенным отличием таких наук является то, что они посвящены изучению какого-либо естественного целого, т.е. особенно важного в каком-нибудь отношении единого объекта, который изучается данными науки со всех сторон, со всех точек зрения, из которых каждая свойственна какой-либо особой, отдельной ...науке. Такова, например, астрономия...; такова геология..., такова... география... География, изучая какую-нибудь страну, интересуется ее растительным и животным миром, ее экономическими и политическими условиями, ее климатом, ее почвой и т. д. (...) К таким наукам о естественных целых относится и педология. Педология есть наука о ребенке. Предметом ее изучения является ребенок, это естественное целое, которое помимо того, что является чрезвычайно важным объектом теоретического знания, как звездный мир и наша планета, является вместе с тем и объектом воздействий на него или воспи-

[598] Эльконин Д.Б. Послесловие. // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1984. - Т.6. - С. 387.

[5,9] Варшава Б.Е., Выготский Л.С. Психологический словарь. — М.: Учпедгиз, 1931.

тания, которое имеет дело именно с ребенком, как целым. Вот почему педология является наукой о ребенке, как едином целом».[600]

«Сам Выготский начинал свою научную жизнь и продолжал ее до самого конца как психолог (...) Его исследования, касавшиеся ребенка ... носили собственно психологический характер, но в период его научного творчества проблемы психологии развития ребенка относили к педологии».[601]

«В то время в советской психологии детская психология как самостоятельная ветвь психологических знаний еще не выделилась, ее основы только закладывались, в том числе и трудами Выготского. Его работы по детской (возрастной) психологии печатались под именем педологии как особой науки о ребенке, частью которой считалась детская психология».[602] «Но лишь внешне, по названию, разрабатываемые им основы такой науки совпадают с понятием «педология»[603]. Во многих своих работах он критикует различные педологические теории и педологическую практику того времени. В работе «Диагностика развития и педологическая клиника трудного детства», «написанной за несколько лет до смерти... Лев Семенович создал реквием состоянию современной ему педологии, показав её псевдонаучный характер»[604]. «Не было ни одного другого психолога, который бы в самом начале 30-х гг. показал с такой убедительностью кризис, ненаучность и вредность существовавшей тогда практики чисто количественных измерений интеллекта»[605]. Он «критически относился к педологическим методам исследования детей и к истолкованию получаемых этими методами результатов»[606]. Он «оценивал интеллектуальные психометрические тесты... как научно несостоятельные... Он пишет, что традиционные методы исследования основываются на чисто количественной концепции развития и негативной характеристике ребенка»[607] в то время, как сам он

""Выготский Л.С. Педология подростка. — М.; Издание Бюро заочного обучения при педфаке 2-го МГУ, 1929. - С. 17.

""Эльконин Д.Б. Послесловие // Выготский Л.С. Собр.соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1984. - Т. 6. - С. 387.

6112 Бейн Э.С., Власова Т.А., Левина Р.Е., Морозова Н.Г., Шиф Ж.И. Послесловие // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 339.

6113 Бейн Э.С, Власова ТА., Левина Р.Е., Морозова Н.Г., Шиф Ж.И. Комментарии // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 353-354.

61,4 Власова Т.А. Вступительное слово на заседании 27/ХП 1966 г., посвященном 70-летию со дня рождения Л.С.Выготского. — С. 6. // Семейный архив Л.С.Выготского.

М5 Бейн Э.С. Левина РЕ. Морозова Н.Г. Комментарии // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1983. - Т. 5. - С. 354.

606 Бейн Э.С, Власова Т.А., Левина Р.Е., Морозова Н.Г., Шиф Ж.И. Послесловие // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 339.

61,7 Там же. С. 340.

утверждал необходимость в работе с детьми опираться на их положительные, сохранные возможности и качественное своеобразие их развития.

Дадим слово самому Льву Семеновичу и послушаем, как он сам говорит о педологии.

«...Педология пошла по худшему пути: по пути прямого заимствования у других наук... или по пути простой эмпирии»[608].

Он присоединялся к «суровому определению П.П. Блонского», согласно которому педология «до сих пор является винегретом различных сведений и знаний, но недостаточно оформленной наукой в собственном значении этого слова»[609].

«Мы уже указывали на тот механический, арифметический суммарный характер, с помощью которого современная психометрия часто получает свои симптомы. Мы, конечно, не можем рассматривать коэффициенты умственного развития иначе, как один из симптомов, но самый способ определения такого симптома является в высшей степени характерным для современной педологии... Этот симптом получается на основании автоматического суммирования, простого подсчета ряда совершенно разнородных фактов путем сложения и вычитания килограммов и километров, которые принимаются за равновеликие и эквивалентные единицы. Это относится не только к проблеме измерения в педологической симптомологии, но в равной мере и ко всякому качественному описательному определению того или иного симптома развития»[610].

И последнее цитирование.

«Педология еще не установила точно, что она должна исследовать, как должна это определять, что должна уметь предвидеть, какие советы должна давать. Без выяснения этих общих ...вопросов невозможно выйти за пределы того жалкого и скудного эмпиризма, в котором погрязла сейчас наша практическая методика»[6"].

Критика Львом Семеновичем педологии не осталась незамеченной педологами. Это привело к тому, что отношения его с известными тогда педологами были отнюдь не идиллическими, далеко не безоблачными. Он подвергался нападкам с их стороны, придиркам, критике. Эти споры, дискуссии, по всей видимости, не всегда были выдержаны в академическом духе, и это все стоило Льву Семеновичу нервов, здоровья.

ы'8 Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 260.
6119 Там же.
6111 Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 312.
<•" Там же. - С. 260.

Через пару лет после его смерти буквально рядом с его могилой похоронили А.Б.Залкинда. Помню, на кладбище в день смерти Льва Семеновича, как всегда в те годы, собрались его близкие друзья и ученики. Л.В. Занков посмотрел на могилу Залкинда и сказал маме: «А Залкинд и здесь не хочет оставить в покое Льва Семеновича. Но ничего, Лев Семенович не даст ему жизни и на том свете». Я думаю, Леонид Владимирович имел в виду их разногласия и нападки Залкинда на Льва Семеновича.

Чтобы понять, каковы были взгляды Льва Семеновича на педологию, надо было просто открыть его работы и непредвзято их прочитать.

В.Н.Колбановский в своем докладе, сделанном на Совещании'заведующих кафедрами педагогики и психологии при НКП РСФСР 2 сентября 1936 г., говорил: «Ошибка педологов заключается в том, что они, по выражению Козьмы Пруткова, «пытались объять необъятное». Они хотели и детскую психологию, анатомию, физиологию и педагогику и вопросы медицины — все объять, все включить в данную науку и изучать под этим углом зрения сразу целостного ребенка. Из этого ничего, кроме конфуза, не вышло»[612]. Такова была его точка зрения.

Сколько ни перечитываю это высказывание, не могу понять, что было в этом обвинении педологов криминального? Почему нужно было рассматривать деятельность педологов чуть ли не как то, что граничит с преступлением или уже находится за его границами? А ведь, судя по тому, как разделались не только с наукой, но и с людьми, которые ею занимались, это тогда расценивалось именно так.

Вскоре после войны, году в 1947 (а может быть в 1948) было какое-то совещание. Проходило оно почему-то в здании Педагогического института им. Ленина. Среди выступавших был А.Р. Лурия. Врезались в память его слова: «У Льва Семеновича в трудах ничего нет такого, чтобы их нельзя было публиковать. Их можно печатать хоть сегодня, хоть сейчас, изменив всего лишь одно слово: всюду вместо слова «педология» надо писать «детская психология»». К нему тотчас же присоединился в своем выступлении и присутствовавший тут же К.Н. Корнилов.

Однако прошло еще немало времени до того, как об этом стало возможным думать всерьез.

В конце 1955 г. в высоких инстанциях было принято решение о сня-

[M2] Стенограмма доклада В.Н.Колбановского, сделанного 2/1X 1936 г. на совещании заведующих кафедрами педагогики и психологии при НКП РСФСР. — С. 4. ,. Семейный архив Л.С.Выготского.

тии запрета на работы Льва Семеновича и переводе их со специального хранения на открытое хранение. И вот тут-то оказалось, что переводить на открытое хранение нечего — книги частично были уничтожены, частично пропали. Когда в начале 70-х гг. Т.М. Лифанова работала над составлением библиографии трудов Льва Семеновича, она, естественно, обратилась в главную библиотеку страны — Библиотеку им. Ленина. Выяснилось, что в библиографическом отделе библиотеки значилось лишь несколько работ Л.С. Выготского (в пределах 10), а в наличии из них было всего 3 или 4. Это в Библиотеке им. Ленина! Что же можно сказать об остальных библиотеках? В ряде хранящихся в Библиотеке им. Ленина сборников, в которых в свое время были опубликованы статьи Льва Семеновича, они были вырезаны и стоял штамп: «Изъято на основании постановления ЦК ВКП(б) от 4/07—36 г.» Даже в книге 3. Фрейда была вырезана вступительная статья Л.С. Выготского.

И А.Р. Лурия начал предпринимать решительные усилия для публикации работ Льва Семеновича. Великий оптимист, он говорил нам с мамой: «Сейчас мы быстро издадим «Мышление и речь», а потом начнем издавать все подряд». Действительно, в конце 1956 г. благодаря А.Р. Лурия появилась первая книга Льва Семеновича — «Избранные психологические исследования» (М.: Изд-во АПН РСФСР). В нее вошли «Мышление и речь» и ряд его статей, «представляющих собой экспериментальные и теоретические исследования, написанные им за период 1928—1934 гг».[613] Книга была выпущена тиражом всего 4000 экземпляров и стала, как было сказано в одном из писем в Президиум АПН РСФСР, «библиографической редкостью прежде, чем появилась на прилавках магазинов». (Знаю об этом от Александра Романовича, он показывал мне это письмо.)

При подготовке книги к изданию возникло неожиданное осложнение — требовали (кажется, цензор. — Это я знаю со слов А.Р. Лурия) снятия главы «Генетические корни мышления и речи». Требование аргументировалось тем, что якобы эта глава была в противоречии с учением Сталина о языкознании. Александр Романович так хотел, чтобы книга вышла, что готов был на уступки. Он решил поступиться главой во имя сохранения всей книги. Он говорил мне: «Ну, пусть без этой главы, лишь бы книга вышла!» Но тут воспротивилась я — книга должна быть издана целиком. Сама от себя не ожидала такой твердости, но стояла на своем. «Пожалуйста, — говорила я Александру Романовичу, — напишите в предисловии все, что

[613] Предисловие // В кн.: Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956.

угодно: и что автору не посчастливилось быть знакомым с учением Сталина, и что автор не был последовательным материалистом. Все, что посчитаете нужным. Ну, в конце концов, напишите, что эта глава представляет интерес с точки зрения истории науки!» Я стояла насмерть (сама сейчас удивляюсь своей стойкости!), и Александр Романович сдался. Не знаю, что он говорил цензору, какой у них был разговор, но мне он сказал: «Все пойдет полностью. Главу ты отстояла. Молодец!» Так, после 20-летнего перерыва первой вышла последняя работа Льва Семеновича.

В 1960 г. тоже исключительно благодаря Александру Романовичу вышла вторая книга — «Развитие высших психический функций» (из неопубликованных трудов). Книга вышла под редакцией А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия и Б.М.Теплова тиражом всего 2300 экземпляров. «В центре этой книги стоит разработанная Л.С. Выготским теория развития высших психических функций, которая иногда обозначалась как «теория культурного развития». Это была первая у нас систематическая попытка перестроить психологию на основе исторического подхода к психике человека»[614].

В 1965 г. и 1968 г. В.В. Иванов подготовил к печати и издал со своими комментариями «Психологию искусства», которая 40 лет ждала своего часа!

В аннотации ко второму изданию книги, в частности, говорится: «Психология искусства», написанная еще в 1925 г. и вышедшая первым изданием в 1965 г. в издательстве «Искусство», завоевала всеобщее признание и является одной из фундаментальнейших работ, характеризующих развитие советской теории искусства»[615]. А.Н. Леонтьев пишет: «... труды Выготского до сих пор сохраняют научную актуальность, переиздаются и продолжают привлекать к себе внимание читателей. О многих ли исследованиях из числа тех, на которые в двадцатые годы ссылался Выготский, можно это сказать? Об очень немногих. И это подчеркивает значительность научно-психологических идей Выготского. Мы думаем, что и его «Психология искусства» разделит судьбу других его работ — войдет в фонд советской науки»[616].

И опять наступила длительная пауза.

В 1966 г. в связи с отмечавшимся 70-летием со дня рождения Л.С.

[614] Предисловие. // В кн.: Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960.

[615] Выготский Л.С. Психология искусства. / 2-е изд., испр. и доп. — М.: Искусство, 1968.

[616] Леонтьев А.Н. Вступительная статья к книге «Психология искусства». Опубликована во всех трех изданиях книги.

Выготского Президиум АПН РСФСР принял решение об издании его сочинений. Но от принятия этого решения до выхода в свет 1-го тома прошли долгие 16 лет! За эти годы несколько раз варьировалось количество томов планируемого издания, без конца возникали какие-то препятствия. Могу со всей ответственностью сказать, что если бы не невероятные усилия А.Р. Лурия, то собрание сочинений могло или не появиться вовсе, или выйти еще через неопределенное время.

Сохранились две открытки Александра Романовича к нам с мамой (от 21/ 7 1974 г. и 14/8 1974 г.)[617]. Обе они — о готовящемся издании трудов Льва Семеновича.

В первой из их Александр Романович пишет: «... не беспокойтесь о подготовке издания Л.С. Я говорил с Давыдовым; он уже встречался с Ириной Павловной и гарантировал ей, что все по первым трем томам будет сделано в срок. Гарантия дана и за Пономарева и Матюшкина.

С издательством (Разумным) я тоже говорил два дня назад. Надеюсь — все будет в порядке».

Во второй: «План выпуска трудов Л.С. в издательстве уже составлен, и я рассчитываю, что никаких задержек не будет..».

Итак, это было написано в 1974 г.

А 1-й том, напомню читателю, вышел из печати лишь в 1982 г., а 3-й — в 1983 г., т.е. через девять лет после открыток А.Р. Лурия. К этому времени предполагаемый редактор издания — Ирина Павловна Румянцева — успела уйти на пенсию, а три сменявших друг друга ответственных редактора — А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец — ушли в мир иной.

И ни А.Р. Лурия, ни В.В. Давыдов не были повинны в задержке издания трудов. Постоянно возникали какие-то осложнения, и не успевал Александр Романович преодолеть одно из них, как тут же появлялось новое. То не было бумаги, то что-то с кем-то надо было опять согласовывать, а тот, кто должен был это решить, куда-то уезжал и т. п. Это тянулось несколько лет.

Бедная мама, она так ждала этих книг. Помню, когда в очередной раз все застопорилось, она грустно сказала: «Я уже, видно, не доживу до выхода книг». К сожалению, ее предчувствие оказалось пророческим — она умерла за 3 года до выхода из печати 1-го тома.

Не увидел даже 1-го тома и тот, кому мы, главным образом, обязаны появлением шеститомника (А.Р. Лурия умер в августе 1977 г.).

[617] Семейный архив Л.С.Выготского.

Эстафету подхватил А.В. Запорожец, став ответственным редактором издания. Он прилагал все усилия и делал все возможное, чтобы приблизить сроки издания. Но и ему не суждено было дожить до выхода даже 1-го тома. (Он скончался 7/10 1981 г.)

Во главе издания стал В.В. Давыдов, который является как бы «научным внуком» Льва Семеновича (он был учеником П.Я. Гальперина и Д.Б. Эльконина).

Издание решено было сделать подписным. Подписку объявили лишь по учреждениям, и вокруг нее создался такой ажиотаж, что мне пришлось (теперь уж можно признаться в этом) идти на прием к директору Мособлкниги, чтобы получить у него разрешение подписаться сразу на несколько экземпляров (для себя, сестер Льва Семеновича и других близких, так как на авторские экземпляры я не имела права). Было очень смешно, когда, услышав мою фамилию, хозяин кабинета быстро усадил меня и сказал: «Это хорошо, что Вы пришли. Очень хорошо. Наконец-то мне кто-то объяснит, что происходит. Что это за человек такой Ваш отец? Ко мне идут и идут — и литераторы, и врачи, а тут еще из института языкознания приходили. Ну, им-то я отказал — при чем здесь они? Так кто же он был, Ваш отец, по специальности?» Пришлось объяснить, как могла, и предупредить его, что могут приходить и психологи, и искусствоведы, и педагоги, и дефектологи, и лингвисты. Он слушал меня с явным сомнением, но подписку разрешил.

В.В. Давыдов, спасибо ему, довел издание до конца. Последний 6-й том вышел в 1984 г.

В 1986 г. и 1987 г. в двух издательствах — «Педагогика» и «Искусство» — снова была опубликована «Психология искусства».

В 1991 г. в издательстве «Педагогика» вышла в свет «Педагогическая психология». Это первая книга Льва Семеновича, подготовлена она была им еще в Гомеле, т.е. еще до того, как он получил в Москве официальный статус психолога. Книга вышла из печати в Москве в 1926 г. и с тех пор ни разу не переиздавалась. Вступительную статью к ней написал В. В. Давыдов.

Планируется издать отдельным томом (Издательство «Просвещение») труды Льва Семеновича по дефектологии.

Так обстоят дела с творческим наследием Льва Семеновича у нас, на его родине.

Теперь, наконец, у читателя появилась возможность знакомиться с трудами Льва Семеновича не с чьих-либо, пусть даже благожелательных,

слов, а непосредственно самому. Можно просто взять книгу, открыть ее, читать и самостоятельно, а не по подсказке, судить о взглядах автора, самому что-то принимать, а с чем-то, быть может, и не соглашаться. Но ведь это естественно, ведь прошло столько лет после написания этих работ. Наука все эти годы не стояла на месте. Она развивалась, в том числе и учениками, и учениками учеников Льва Семеновича.

Но и сейчас, спустя почти шестьдесят лет со дня его смерти, «он остается одним из теоретических лидеров крупной школы советских психологов и оказывает большое влияние на всю мировую психологию»[618]. Он — один из наиболее читаемых на Западе психологов. Некоторые из исследователей творчества Л.С. Выготского связывают интерес к Л.С. Выготскому и его работам, возникший на Западе, с появлением перевода его книги «Мышление и речь», вышедшей в США в 1962 г.[619] Предисловие к книге было сделано таким известным ученым, как Джером Брунер. Еще раньше, до выхода книги, в процессе ее подготовки, он писал А.Р. Лурия:

> «... я под большим впечатлением от книги Выготского. Я прочитал с Романом Якобсоном[620] введение к ней и должен сказать, что я думаю, что это одна из трех или четырех наиболее важных книг в области мышления. Евгения Ханфман сделала прекрасный перевод, так что, читая английское издание, чувствуешь Выготского не только как прекрасного мыслителя, но и как человека большого юмора, мудрости и литературной одаренности. Излишне говорить, что я поражался много раз параллелям между его мышлением и некоторой частью работы, которую мы делаем здесь.
>
> *Искренне Джером Брунер»*[621].

После выхода «Мышления и речи» Александр Романович в письме к одной из переводчиц предрекал книге «большой успех и широкий отклик»[622].

Александр Романович не ошибся — книга имела большой успех. Дж.Брунер назвал ее лучшей книгой года, а Дж.А.Миллер писал, что хорошо, что «появилась возможность встретиться с таким человеком хотя бы на страницах его книги»[623].

""Давыдов ВВ., Зинченко В.П. Вклад Л.С. Выготского в развитие психологической науки // Советская педагогика. — 1986. — № 11.

[619] Иванов ВВ. Комментарии. // Выготский Л.С. Психология искусства. / 3-е изд. — М: Искусство, 1986.

[62,1] Якобсон Р. — известный языковед и литературовед, один из основоположников структурализма в языкознании и литературоведении.

[621] Из письма Дж. Брунера А.Р.Лурия от **14/11** 1960 г.// Семейный архив А.Р. Лурия.

[622] Из письма АР. Лурия Е.Ханфман от 18/11 1962 г. // Семейный архив А.Р. Лурия.

[623] Из выступления АР. Лурия // Архив **НИИ ОПП** АПН СССР. — Ф. 82. — Оп. 1. — Ед. хр. 397. - Л. 181.

12 Зак. 1029

Рис. 55. Профессор Дж. Верч (США) в период написания книги о Л.С. Выготском знакомится с матриалами из семейного архива Льва Семеновича.

Эта книга переиздавалась в США несколько раз. В настоящее время имеются еще два перевода этой книги. Так, в 1-м томе начавшегося издаваться в США шеститомного Собрания Сочинений Л.С. Выготского (1987 г.) она помещена в переводе Норрис Миник (Norris Minick). И, наконец, в 1988 г. — переводе Алекса Козулина (Alex Kozulin).

«В последние годы такие американские ученые, как философ С.Тулмин, психологи Дж.Верч, М.Коул, С.Скрибнер, многое сделали для того, чтобы ознакомить американцев с Выготским как психологом и методологом гуманитарных наук. Выходят новые переводы его работ, а также работ его учеников и последователей... Издаются работы о Выготском, о различных аспектах его творчества»[624].

Очень многие работы Л.С. Выготского издаются сейчас не только в США, но и в странах Европы, а также в Японии. Судя по публикуемой библиографии зарубежных изданий, у меня есть лишь малая толика того,

[624] Тульвисте П.Э Обсуждение трудов Л.С.Выготского в США // Вопросы философии. — 1986. - № 6. - С. 150.

Рис. 56. На фотографии, присланной проф. Г. Бланком (Аргентина), симпозиум на Международном Конгрессе психологов. Мексика, Акапулько. 1984 г. Выступает Вера Джон-Стейнер.

что выходит сейчас в других странах. Эти книги разными путями попадают ко мне — кто-то привозит в подарок, кто-то присылает по почте или передает через кого-нибудь. Излишне говорить, как эти книги дороги мне — ведь они свидетельство того, что интерес к его работам за прошедшие годы не угас.

Из книг, посвященных Л.С. Выготскому и вышедших за рубежом в последние годы, назову лишь некоторые, лишь те, которые получила в подарок от авторов. Это книги Дж.Верча «Выготский и социальное формирование психики» (1985 г.); Рене ван дер Веера «Культура и познание. Теория Выготского» (1984 г.); испанский журнал «Детство и обучение», посвященный Л.С. Выготскому (1984 г.); сборник под редакцией Гиллермо Бланка «Память и современность» (1984 г.); книга Игнаси Вила «Выготский: семиотическое опосредование интеллекта» (1987 г.); сборник, составленный Мигуэлем Сигуаном «Актуальность Выготского» (1987 г.); множество статей о нем. На многих из них теплые дружеские подписи приславших их авторов. Так, на книге Игнаси Виллы написано по-русски: «Тебе с любовью в память твоего отца, одного из гениев в истории психологии».

В последние годы мне довелось встречаться с учеными из разных стран — Италии и Испании, Югославии и Венгрии, США и Англии, Аргентины и Голландии. Все они проявляли интерес к Л.С. Выготскому, к его творчеству. Некоторые из них включали эту встречу в программу своего визита в нашу страну, другие — приезжали ради этого специально.

Так, доктор Эндрю Сэттон из Бирмингемского университета, приехав всего на четыре дня, сказал, что у него три цели — побывать в семье ученого, посетить его могилу и встретиться с кем-нибудь из его учеников. Мы, конечно, как могли, приняли его дома. Для встречи с ним я пригласила и учеников Льва Семеновича — Д.Б. Эльконина, Р.Е. Левину и Н.Г. Морозову. Даниил Борисович почему-то не смог прийти, а с Наталией Григорьевной и Розой Евгеньевной Эндрю Сэттон мог общаться несколько часов в непринужденной обстановке. На следующий день мы с сестрой повезли его на могилу Льва Семеновича. Был чудесный августовский день, и мы долго пробыли на кладбище, снова и снова обсуждая все, что его интересовало. Он вместе с моей сестрой возился с цветами на могиле, поливал их, а потом попросил разрешения сфотографировать могилу. Когда через день после этого я его провожала, то на вокзале (он ехал через Венгрию) я спросила, удовлетворен ли он поездкой, все ли он сделал, что наметил, и не жалеет ли о том, что приезжал. Он ответил мне: «Сбылись все три мои мечты». Потом, помолчав, добавил: «Все, о чем мечтал, сбылось. Даже немного страшно».

Вскоре он прислал мне пару снимков, сделанных им в Москве, в том числе — и снимок могилы Льва Семеновича. Его я поместила в этой книге.

Среди иностранных ученых, с которыми в эти годы меня свела судьба, не могу не сказать еще об одном. Это профессор Лейденского университета Рене ван дер Веер. Я говорю о нем особо не только потому, что он всерьез интересуется творчеством Л.С. Выготского и является автором ряда статей о нем и двух книг (вторую он закончил совсем недавно). Мне хочется сказать о нем и потому, что он специально выучил русский язык, чтобы читать произведения Льва Семеновича на том языке, на каком они были написаны, в подлиннике. Со многими из них у меня установились добрые отношения. От некоторых регулярно получаю дружеские письма.

Посылая мне специальный выпуск журнала, посвященный Л.С. Выготскому, Амелия Алварес и Пабло дель Рио (Мадрид) пишут, что соби-

раются распространять труды «человека, которого мы считаем одним из наиболее великих психологов и мыслителей последнего времени»[625].

О влиянии идей Л.С. Выготского на развитие психологии в других странах написано несколько специальных статей[626]. «Ряд западных психологов проводят свои исследования на основе его теоретических представлений»[627].

Нам известно о проведении двух международных конференций, посвященных творчеству Л.С. Выготского (Рим, 1979 г. и Чикаго, 1980 г.) и международного симпозиума (Мексика, 1984).

Все приведенные данные, как нам кажется, свидетельствуют о непроходящем интересе к творчеству ученого.

Что касается учеников Льва Семеновича, то в них он оказался счастлив — никто из них, ни один не отрекся от него даже в трудные годы. Многие из них стали известными учеными, и их имена прочно вошли в науку. Достаточно перечислить лишь некоторые из них, чтобы читатель смог убедиться, что эти имена — теперь уже история науки: А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец, Л.И. Божович, Н.Г. Морозова, Т.А.Власова, Д.Б. Эльконин, Р.Е. Левина, Р.М.Боскис, Л.В. Занков, И.М.Соловьев, М.С.Певзнер, Ж.И.Шиф и многие другие. Всех их, таких разных личностно, и по судьбе, и по сделанному в науке, объединяет одно — все они были его учениками. Всем им Лев Семеновича отдал часть себя, все они помнили его и чтили его память до конца своей жизни.

А.А. Леонтьев вспоминает: «Меня всегда поражало, с каким чувством говорили о Выготском его сотрудники и ученики — мой отец Алексей Николаевич Леонтьев, Александр Романович Лурия, Лидия Ильинична Божович, Александр Владимирович Запорожец, Даниил Борисович Эльконин... Это чувство я назвал бы ощущением сопричастности гению, радости от близости к нему и в то же время чем-то вроде удивления: ведь для них это был живой человек, который снимал такую же квартиру, получал такую же зарплату, который работал, как все, впрочем, пожалуй, несколько больше, которому можно было позвонить или написать, с которым мож-

[625] Из письма Амелии Алварес и Пабло дель Рио от 10/IV 1989 г. из Мадрида // Семейный архив Л.С.Выготского.

[626] Тульвисте П.Э.-Й. Обсуждение трудов Л.С.Выготского в США // Вопросы философии. — 1986. — № 6; Тутунджян О.М. Труды Л.С.Выготского в Северной Америке // Вопросы психологии. — 1983. — № 2; Тутунджян О.М. Психологическое наследие Л.С.Выготского в Западной Европе // Вопросы психологии. — 1984. — № 1; Тутунджян О.М. Труды Л.С. Выготского и современная психология. — М. — 1981. — С. 158.

[627] Давыдов В.В., Зинченко В.П. Вклад Л.С.Выготского в развитие психологической науки. // Советская педагогика. — 1986. — № 11.

13 Зак. 1029

но было спорить и оказаться правым. Живой человек со своими страстями, своими сильными и слабыми сторонами, своими симпатиями и антипатиями, своими взлетами и ошибками.

Кстати, еще одна деталь. Я ни разу не слышал ни от кого из учеников Выготского, чтобы его называли по имени без отчества. Для них и при жизни, и после смерти он всегда был только Львом Семеновичем. Учителем, хотя разница в возрасте между ними была всего шесть-семь лет. Учителем в свои двадцать семь. Учителем в их семьдесят-семьдесят пять»[628].

Дадим им самим слово, послушаем, что они сами говорили о своем учителе.

«Л.С. Выготский был для нас кумиром» (А.Р. Лурия)[629].

«... он был учителем жизни. Его увлеченность психологией, преданность научному исследованию, бескорыстное, самоотверженное искание истины служили нам образцом, эталоном человека и ученого... Мы находились под его постоянным влиянием» (Н.Г. Морозова и Р.Е. Левина)[630].

«Он был для нас подлинным духовным отцом. Мы верили ему во всем безгранично. Мы относились к нему как ученики к Христу» (Н.Г. Морозова)[631].

Александр Романович Лурия считал встречу со Львом Семеновичем событием, «поворотным пунктом в ... жизни так же, как и в жизни многих колег-психологов»[632]. Он рассказывал: «Однажды к нам в страну приехал довольно известный зарубежный ученый. У него, помню, возник спор с Выготским. Лев Семенович буквально несколькими аргументами разрушил все то, что создавалось десятилетиями. Это была трагедия. Прожить всю жизнь и заблуждаться... А теперь представьте себе, что я бы в молодости не встретился с Выготским»[633].

В небольшом очерке, посвященном А.Р. Лурия, В.В. Давыдов пишет: «Всю свою жизнь А.Р. Лурия руководствовался исходными теоретическими положениями своего учителя и друга Л.С. Выготского, конкретизируя и развивая их»[634].

[628] Леонтьев А.А. Л.С.Выготский. — М.: Просвещение, 1990. — С. 3, 5.
[629] Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. — М.: Изд-во МГУ, 1982. — С. 40.
[630] Левина Р.Е., Морозова Н.Г. Воспоминания о Л.С.Выготском //Дефектология. — 1984. - № 5. - С. 84.
[631] Морозова Н.Г. Из записи беседы 11/XI 1988 г.
[632] Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. — М.: Изд-во МГУ, 1982. — С. 24.
[633] Лурия А.Р. // Молодой коммунист. — 1974. — № 12.
[634] Давыдов В.В. Теоретико-методологические идеи в психологическом учении А.Р.Лурия // Проблемы развивающего обучения. — М.: Педагогика, 1986. — С. 225.

Рис. 57. Ученики Льва Семеновича (слепа направо) сидят: А.Р. Лурия, Р.Е. Левина, А II. Леонтьев, Н.Г. Морозова; стоят: Л.И. Божович, Д.Б. Эльконин, Л.С. Славина, А.В. Запорожец. (Снимок сделан после войны).

Чтобы убедиться в справедливости этого утверждения, давайте заглянем в последнюю книгу Александра Романовича — его научную автобиографию[635].

Просматривая ее в который уже раз, я снова обнаружила, что в ней нет ни одной главы, где не было бы ссылок на Льва Семеновича, на его работы, его идеи, на то, как они влияли на исследования автора. А одна из глав книги (3) — целиком посвящена Льву Семеновичу. В книге есть даже такие страницы, на которых после изложения результатов своего исследования Александр Романович добавляет, что будь жив Лев Семенович, он бы это сделал гораздо глубже (с. 128).

А в английском издании этой книги (которое он дорабатывал сам) он добавляет: «Все мои работы — это не более чем разработка психологической теории, которую выстроил он»[636].

Выступая на торжественном заседании в день своего 80-летия, Д.Б.

[635] Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. — М.: Изд-во МГУ, 1982.

[636] Цит. по: Тулмин С. Моцарт в психологии // Вопросы философии. — 1981. — № 10. — С. 129.

Эльконин сказал: «Собственно все, что я сделал, смог сделать, это только потому, что за моей спиной стоял он — не только как ученый, но и как человек, и как научный работник, который воспитал во мне некоторые, как мне кажется, важные качества»[637].

А в 1944 г., во время войны, он писал с фронта А.Н. Леонтьеву: «...неужели прошло уже 10 лет, как нет Л.С. Образ Л.С, дорогой и любимый, уже стал покрываться дымкой времени. Из памяти стали улетучиваться детали. Мне кажется, я стал даже его идеализировать. Порой мне кажется, что он был высокий, мощный. Я ловлю себя на том, что приписываю ему черты, обладателем которых он никогда не был. Взгляды и поступки, которых он никогда не высказывал и не производил. Это все рождается общим отношением и теми общими чертами, которые для меня характеризуют его личность не только и не столько как ученого, сколько как человека. Мне стыдно признаться, я стал забывать дату его смерти. Письмо Марочки[638] перенесло меня в 1934 год, напомнило мне эту дату, вызвало воспоминания, образы, почти видения. Грусть овладела мною. Невозможность провести с вами всеми эти дни — мучительна»[639].

На склоне лет, подытоживая свою жизнь, в своей научной автобиографии А.Р. Лурия писал: «Не будет преувеличением назвать Л.С. Выготского гением. Более чем за пять десятилетий в науке я не встречал человека, который сколько-нибудь приближался бы к нему по ясности ума, способности видеть сущность сложнейших проблем, широте познаний во многих областях науки и умению предвидеть дальнейшие пути развития психологии»[640].

А в одной из последних бесед со мной Н.Г. Морозова сказала: «Это был гений в науке, который встречается раз в тысячу лет. Я считаю, что Лев Семенович в психологии то же, что Пушкин в русской литературе»[641].

Так — с любовью и уважением — до конца своих дней вспоминали Льва Семеновича все те, кто считал себя его учеником.

Всех их учил Лев Семенович бескорыстному служению науке, поиску истины, которой, как он считал, надо посвятить жизнь. Всей своей жиз-

[637] Эльконин Д.Б. Из выступления 6/III 1984г. // Вестник МГУ. — Серия 14. Психология. - 1989. - № 4. - С. 21.

[638] Маргарита Петровна Леонтьева — жена АН. Леонтьева.

[639] Из писма Д.Б.Эльконина А.Н.Леонтьеву от 26/1V 1944 г. // Вестник МГУ. — Серия 14. Психология. — 1989. — № 4. — С. 17.

[640] Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. — М.: Изд-во МГУ, 1982. — С. 25.

[641] Из записи беседы с Н.Г. Морозовой 11/XI 1988 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

нью он учил их, что «цель творчества — самоотдача, а не шумиха, не успех».

Все они старались быть достойны своего учителя. Их всех, кого я упоминала здесь, уже нет в живых. Так вспомним же о них с благодарностью.

Но с уходом из жизни учеников Льва Семеновича его идеи не погибли, они продолжают жить. Ведь они «были рассчитаны на будущее»[642]. В русле этих идей работают ученики его учеников и уже их молодые ученики.

Научные «внуки» Льва Семеновича (ученики его учеников) В.В. Давыдов и В.П. Зинченко пишут: «В годы своей научной деятельности Л.С. Выготский сплотил вокруг себя молодых ученых, которые в последующем составили крупнейшую в советской психологии научную школу... Эти ученые разработали собственные, ныне широко известные психологические теории, которые вместе с тем имеют единое основание, созданное в свое время Л.С. Выготским. Сейчас в психологии работают уже ученики его учеников. Сохраняя наследие школы Выготского, они стремятся углубить в соответствии с современными требованиями главные идеи основоположника своей научной школы»[643].

Итак, традиции культурно-исторического исследования сохранились, живы и передаются и сейчас молодым ученым. И многие совсем молодые люди, только начинающие свой путь в психологии, относят себя к школе Выготского.

Я, к сожалению, ничего не знаю о судьбе молодого психолога из Армении, который несколько лет писал мне. (До трагедии он жил в Ленинакане, а сейчас несколько моих запросов о его судьбе остались без ответа. Жив ли он?). Мне хочется привести отрывок из одного его письма. Он писал:

«Почти с самого начала систематического изучения психологии я ознакомился с некоторыми работами Л.С. Выготского. По мере дальнейших занятий эти работы все более начали меня привлекать... Ни один из живших и живущих психологов к тому возрасту, в котором скончался Л.С. Выготский, не совершил такой грандиозный научный подвиг, не имел таких блестящих научных достижений, которые связаны с именем Л.С. Выготского. Деятельность его оказала фундаментальное влияние на развитие

[642] Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. — М.: Педагогика, 1986. — С. 51.

[643] Давыдов В.В., Зинченко В.П. Вклад Л.С.Выготского в развитие психологической науки // Советская педагогика. — 1986. — № 11.

психологии. Но Выготский — это не только золотое утро советской психологии. Он также в настоящем и будущее своей науки (...).

Я понимал, что он был не только выдающимся ученым, но и, конечно, редчайшей личностью... Я, не знавший Выготского, захотел с ним познакомиться. И знакомство состоялось. Знакомство, которое сейчас я отношу к лучшим удачам моей жизни»[644].

Так тогда думал, так тогда чувствовал Л. Абгарян, молодой психолог из Армении.

Встречаясь со студентами, молодыми психологами и дефектологами, я каждый раз поражалась тому интересу, тому энтузиазму, который проявляли они по отношению к имени Льва Семеновича. И еще, пожалуй, их знанию основных идей и работ Л.С. Выготского.

Я полагаю, есть все основания надеяться, что идеям Л.С. Выготского предстоит еще долгая жизнь.

Итак, книга закончена. Писать ее мне было сложно. Пришлось снова прожить целые «куски» жизни. И если тогда, в те времена, о которых пишу, пережить все, что выпало, было трудно, то теперь, на склоне лет, вновь возвращаться к тем событиям, вновь переживать их, поверьте, совсем не легко.

Так нужно ли было ее писать?

У меня все время была надежда, что эта книга — не только мой долг перед памятью отца, но что она нужна кому-то. Мне казалось, что это нужно не только мне, но и другим, всем тем, кого действительно интересует судьба и личность Льва Семеновича. Поэтому я старалась не только быть правдивой и предельно откровенной, но и излагать факты как можно более объективно.

Польский писатель и литературовед Людвик Флашен писал: «...Я — человек, обреченный выстраивать фразы, объясняя что-то самому себе и другим, тем, кто в этом нуждается»[645]. Мне хочется верить, что в этой книге тоже кто-то нуждается.

Глубоко чтимый моим отцом Борис Леонидович Пастернак писал когда-то: «А недавно думали, что сцены в книге — инсценировки. Это — заблуждение. Зачем они ей? Забыли, что единственное, что в нашей власти,

[644] Из письма Левона Вазгеновича Абгаряна от 14/V 1975 г. // Семейный архив Л.С.Выготского.

[645] Цит. по: Вопросы философии. — 1990. — № 6. — С. 67.

это суметь не исказить голоса жизни, звучащего в нас»[646]. Я всеми силами и старалась его не исказить. Для меня эта книга то, что так замечательно определил Б.Л.Пастернак: «Кусок горячей, дымящейся совести — и больше ничего»[647].

Всем суждено уйти. Это, к сожалению, неизбежно. Как неизбежно, по словам Ф.И. Тютчева, и другое — суд людской. У него есть такие строки:

Две силы есть — две роковые силы,
Всю жизнь у них мы под рукой.
От колыбельных лет и до могилы —
Одна есть Смерть, другая — Суд людской.
И та, и тот равно неотразимы...

Но как хочется, чтобы этот суд был праведным!..

Вокруг имени Льва Семеновича накопилось столько выдумок, что просто необходимо очистить его имя и его деяния от всякого и всяческого вымысла. Так, может быть, эта книга поможет этому?..

Если это случиться, я буду считать свою задачу выполненной.

А о том, какой получилась эта книга, судить, разумеется, не мне.

1991 г.

Пастернак Б.Л. Несколько положений // Воздушные пути. — М., 1982. — С. 110.
Там же.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПЕРЕПИСКИ

Нам обеим — авторам этой книги — предстояло ехать в Ленинград. Стало известно, что там, в Публичной библиотеке, наиболее полно сохранились комплекты гомельских газет 20-х г. со статьями и рецензиями Льва Семеновича. Нам нужно было разыскать их и ознакомиться с ними.

Надо было уточнить сроки нашей поездки, так как из-за ремонта некоторые залы библиотеки длительное время были закрыты. Я попросила своего ленинградского родственника (сына Д.Выгодского, моего троюродного брата) узнать, открылся ли после ремонта газетный зал библиотеки. Он обещал это выяснить.

Позвонил он мне в тот же день: «Я узнал у сотрудника библиотеки — все залы работают. Можешь приезжать, мы ждем тебя». И вдруг, в конце разговора, он сказал, что его знакомый рассказал ему, что лет восемь назад видел в одном из архивов библиотеки 40 писем Льва Семеновича. Невероятно!.. У меня перехватило дыхание... С таким трудом отыскивали по одному и собирали его письма, а тут сразу 40 писем! И никто об этом не знает...Справившись с волнением, я только и смогла спросить брата, сможет ли он познакомить меня с человеком, который видел эти письма. «Конечно, — ответил он, — приезжай скорей». Я положила трубку. В голове стучало: сорок писем! Кому он их писал? Я перебирала мысленно всех ленинградских учеников отца... Нет, никому из них они не могли быть адресованы. Кому же? Кто адресат?

И вдруг из глубины памяти выплыл один очень давний разговор. Наверное, лет 25 назад один психолог, занимавшийся тогда историей науки, спросил меня, что мне известно о переписке Льва Семеновича с профессором Вагнером. Я искренне ответила, что ничего. «И никаких писем Льва Семеновича к Вагнеру или его писем Льву Семеновичу у Вас не сохранилось?» Я ответила, что нет.

Вагнер... Да, мне помниться, он жил в Ленинграде, занимался, кажется, сравнительной психологией или зоопсихологией... Вот, пожалуй, и все, что я знала о нем...

Я взяла психологический словарь, одним из авторов которого был Лев Семенович, и вот, что прочла там: «Вагнер В.А. — профессор общей биологии и сравнительной психологии (в Ленинграде), сторонник генетического и биологического обоснования психологии, один из основоположников сравнительной психологии в России»[648].

Да, письма могли быть адресованы ему. Надо срочно ехать.

Я являюсь обладательницей весьма беспокойного характера, который всегда осложнял и мою собственную жизнь и жизнь моих близких. И в этом случае все было как обычно: я начала волноваться, нервничать, возникли опасения — а вдруг письма за эти годы исчезли? И сможет ли видевший их человек вспомнить, где именно он их видел? Эти и подобные им вопросы тревожили меня вплоть до самой поездки. И в поезде, всю дорогу до Ленинграда, я без конца задавала их моей спутнице. Тамара Михайловна Лифанова, прекрасно знающая архивную работу, много работавшая в различных архивах, всячески успокаивала меня. Она сказала, что непременно где-то должна существовать их опись, и что мы обязательно найдем их.

В день приезда мы отправились в библиотеку, и первый же день нашего пребывания в Ленинграде был ознаменован для нас необыкновенной находкой, о которой мы и мечтать не смели: мы держали в руках экземпляр журнала, в существование которого многие уже и не верили. Это был «Вереск», изданный в 1922 г. в Гомеле.

А вечером мой брат сообщил нам, к кому, куда и когда мы должны обратиться по поводу разыскиваемых нами писем.

Мы догадались обзавестись в Москве нужными направлениями и утром стояли у дверей Отдела редких рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (пришли к самому его открытию!).

К нам вышел очень милый, очень интеллигентный человек. Я так волновалась, что после того, как мы ему представились, я, видимо, подсознательно, стараясь оттянуть хоть на мгновение страшный для меня момент (я очень боялась, что он скажет, что не помнит, где видел эти письма), сказала совсем невпопад: «Знаете, я все думала, кому могли быть адресованы эти письма и подумала, уж не профессору ли Вагнеру?» Спросила и тут же поняла всю нелепость своего вопроса — как он может это помнить?! Но вдруг в ответ прозвучало: «Конечно. Именно в его архиве они и хранятся».

[648] Варшава Б.Е., Выготский Л.С. Психологический словарь. — М.: Учпедгиз, 1931.

А минут через сорок он принес и положил перед нами тонкую папку, на которой было написано: «Л.С. Выготский. Письма (32) Владимиру Александровичу Вагнеру (1928—1934)»[649].

Когда мы раскрыли папку и увидели знакомый мелкий почерк, то, поверьте, не могли пошевелиться. Несколько минут мы сидели, не двигаясь, и молчали.

Тамара Михайловна первая пришла в себя и предложила мне: давайте прежде всего прочитаем все письма и посмотрим, все ли можно разобрать, а потом уже будем их переписывать. Я согласилась, и она прочла мне вслух все эти письма. В них не было ни одного непонятного нам места, не оказалось ни одного неразборчивого слова. Тогда мы разделили их на две стопки, и каждая из нас начала переписывать из своей стопочки.

Когда мы закончили работу, то заказали на следующий день остальные хранящиеся в этом отделе письма.

В архиве еще оказались:

1) Три письма Николая Юрьевича Войтониса профессору Вагнеру. На одном из этих писем есть приписка, сделанная Львом Семеновичем[650].

2) Письмо Л.С. Выготского Марии Аполлоновне Вагнер, вдове проф. В.А.Вагнера.[651].

3) Два письма Р.Н.Выгодской (вдовы Л.С. Выготского) Марии Аполлоновне Вагнер[652].

4) Письмо В.А.Вагнера Льву Семеновичу Выготскому[653].

5) Почему-то тут же хранится раннее письмо Льва Семеновича, написанное им 18/VI 1919 г. из Гомеля А.Г. Горнфельду[654].

Несколько слов об этих письмах.

1) Письма Н.Ю. Войтониса мы, конечно, в нашу книгу не включили. Приписка, сделанная Львом Семеновичем на одном из них 7/Ш 1931 г., вошла в приложение и помещена нами в соответствующее место переписки согласно хронологии.

2) В марте 1934 г. (8/III 1934 г.) скончался В.А.Вагнер. В этом же месяце в семье Льва Семеновича произошло несчастье — был арестован его

Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. — Ф. 122. — Ед. хр. 332.
650 ф 122. - Ед. хр 331.
651 ф 122. - Ед. хр 432.
652 ф 122. - Ед. хр 433.
653 ф 122. - Ед. хр 304.
654 ф 211. - Ед. хр 435.

двоюродный брат (Лев Исаакович Выгодский), с которым была связана вся жизнь. Из-за этого (так во всяком случае можно понять из его письма) Лев Семенович своевременно не выразил своего сочувствия, своего отношения к этому событию вдове покойного. Он делает это в письме, написанном 1 мая 1934 г., т.е. за неделю до своей последней роковой болезни и за 5 недель до собственной смерти. Это, по всей видимости, последнее его письмо (или одно из самых последних).

3) Первое письмо Р.Н.Выгодской вдове В.А.Вагнера (без даты) было написано вскоре после смерти Льва Семеновича в ответ на соболезнующее письмо Марии Аполлоновны.

Второе письмо Р.Н.Выгодской было ответом на просьбу Марии Аполлоновны послать ей фотографию Льва Семеновича.

Поскольку оба эти письма характеризуют в какой-то степени отношения, сложившиеся между Львом Семеновичем и В.А.Вагнером, мы посчитали целесообразным включить их в настоящее приложение.

4) Письмо В.А.Вагнера Льву Семеновичу мы посчитали возможным тоже включить в приложение, так как по нему читатель может непосредственно судить о теплом, доверительном отношении, о дружеском чувстве известного ученого к молодому коллеге.

5) Письмо Л.С. Выготского А.Г. Горнфельду мы, разумеется, не включили в эту книгу.

Мне хотелось бы предложить вниманию читателей несколько замечаний, которые предварят ваше знакомство с письмами.

Первое, на что мне кажется важным обратить внимание, это на возрастную разницу ученых. Переписка началась, когда В.А.Вагнер был накануне своего 80-летия (он родился в марте 1849 г.), а Льву Семеновичу только что (в ноябре) исполнилось 32 года (письмо написано в декабре).

Переписка (с перерывами) продолжалась до самой смерти В.А.Вагнера. Лев Семенович пережил его всего на три месяца.

По письмам вы безошибочно определите, насколько Лев Семенович дорожил этой перепиской, а главное, теми отношениями, которые сложились у него с В.А.Вагнером. «Ваше дружеское расположение ко мне ценю, как одно из самых высоких, хороших и радостных событий всей моей жизни», — писал он Владимиру Александровичу в одном из своих писем.

Но мне хотелось бы обратить ваше внимание и на то, что В.А.Вагнер тоже очень дорожил этими отношениями. В этом убеждает нас не только

публикуемое здесь его письмо ко Льву Семеновичу. Об этом, как нам кажется, свидетельствует и тот факт, что Владимир Александрович бережно хранил письма Льва Семеновича. Ведь в его архиве мы нашли не только те письма, которые были адресованы В.А.Вагнеру в Ленинград, где он жил постоянно, но и письма Льва Семеновича, отправленные ему в Харьков, где он лежал в больнице, и в Чернигов, где он отдыхал. Значит, они были дороги ему, эти письма, если по их прочтении он сохранил их и привез к себе домой в Ленинград.

И, наконец, последнее, о чем мне хотелось сказать, прежде чем вы приступите к чтению писем, — это тон писем, то, как они написаны. Самые первые из них написаны в очень почтительном тоне с соблюдением определенной дистанции — и возрастной, и по положению: В.А.Вагнер — известный ученый (хотя в эти годы уже многими забытый[655]), в то время как у Льва Семеновича прошло всего лишь несколько лет с того времени, как наука стала основным видом его деятельности, основным делом его жизни. Одним словом, это письма молодого начинающего ученого признанному и маститому. Постепенно тон писем меняется: к почтительности и уважению, которые по-прежнему сквозят в письмах, прибавляется человеческая теплота, а позднее — и заботливое, предупредительное отношение, дружеское расположение. Его письма дышат заботой, любовью, желанием помочь. «Горячо любящий», — подписывает он одно из своих писем. В своем последнем письме — к вдове Владимира Александровича он сам признается в безграничной любви к нему. Он бесконечно высоко ценил его и как ученого, и как человека.

В письмах мы не изменили ни слова, сохранены и стиль, и пунктуация автора. Единственное, что мы позволили себе сделать, это сокращенные в некоторых случаях слова — написать полностью. Так, в нескольких местах вместо: «Лнгр» (у автора) мы писали: «Ленинград»; вместо: «ср.-пс.» — сравнительная психология.

В нескольких случаях при публикации мы изменили порядок, в котором хранятся эти письма в архиве. Так, например, приписка к письму Н.Ю.Войтониса помещена нами в соответствии с датой ее написания в

[655] Об этом мы судим и по письмам, и по цитированным во 2 части книги воспоминаниям Д.Б.Эльконина. Напомним, что Даниил Борисович рассказывал о посещении Львом Семеновичем «скромного, всеми тогда забытого» ученого. В.А.Вагнер «тогда не занимал никакого положения. И как только Лев Семенович мог пойти к Владимиру Александровичу утешить его и поговорить с ним, особенно о психологии, он обязательно туда ходил». // Архив НИИ ОПП. - Ф. 82. — Оп. 1. - Ед. хр. 397. - С. 219.

надлежащее место. Одно из писем, в котором не обозначен автором год его написания, по событиям, в нем обсуждаемым, отнесено нами к 1929 г. и помещено в соответствии с этой датой. Так же мы поступили еще с 3 письмами.

Вот, пожалуй, все, чем мне казалось нужным предварить чтение писем Льва Семеновича.

А теперь, пожалуйста, читайте их.

1

Москва 54, Б.Серпуховская 17 кв. 1.

2 дек. 1928 г.

Глубокоуважаемый

Владимир Александрович,

Глубоко тронут и взволнован Вашим приглашением принять участие в работах секции по сравнительной психологии на съезде и Вашим подарком, который передал мне сейчас Николай Иванович. По Вашим книгам я учился психологически мыслить в самой трудной области нашей науки, по ним же я, как и другие психологи моей специальности, вырабатывали биологическое «мировоззрение» в психологии. Наконец, Вы же, в основном, помогли мне разобраться в основных линиях текущего нашего спора с непсихологами. Всем этим я обязан Вам. Вы понимаете после этого, какую искреннюю радость принесло мне Ваше письмо и Ваша книга.

Я мог бы предложить доклад на съезде на следующую тему: *генетические корни мышления и речи по данным сравнительной психологии.* Исследований в этой области я не вел. Этим вопросом я занимаюсь последние годы, как вопросом пограничным с психологией человека. Я мог бы в докладе предложить: изложение и критический анализ новейших экспериментальных работ, постановку вопроса, кое-какие соображения в пользу тех или иных гипотез и по поводу связи этих работ с той же проблемой в психологии человека. Если, по Вашему мнению, это подходит, я с удовольствием выступлю на съезде с этим докладом.

Буду чрезвычайно рад лично встретиться с Вами и потолковать. Бывая в Ленинграде, я имел однажды случай посетить Вас вместе с д-ром Gottschald'oM из Берлина, но боялся помешать Вашей беседе, да и вообще — очень боялся показаться навязчивым и потревожить Вас. Теперь же это случилось бы «естественным путем». Буду рад

первому случаю отблагодарить Вас лично и переслать Вам первую из печатных моих работ.

С искренним уважением.

Л.Выготский.

2.

Москва 54, Б.Серпуховская 17 кв. 1

8/12 1928

Глубокоуважаемый

Владимир Александрович,

я очень рад, что тема моего доклада показалась Вам удачной. Я также думаю, что «узловые темы», т.е. связывающие сравнительную психологию с общей психологией человека при теперешнем состоянии нашей науки очень важны. Буду усиленно готовиться к докладу. О том, что съезд откладывается, я не знал до Вашего письма. Не знал также ничего о заседании, о котором Вы сообщаете. Устроить общий психологический съезд — по-моему, хорошая идея; лучшая чем идея только рефлексологического съезда. Я был бы рад, если бы съезд состоялся в Ленинграде. Лучшая обстановка и условия для научной работы, несомненно, там.

Единственное, что меня огорчает, это то, что возможность свидания с Вами этим самым отодвинется на несколько месяцев. Теперь после двух ваших писем, которые были для меня радостным событием, я жду с особенным нетерпением личной встречи с Вами и возможности лицом к лицу побеседовать с Вами, поставить Вам вопросы, поговорить с тем, над книгами которого я столько думал.

Посылаю Вам оттиски моей книжки, написанной по заказу и наспех, но содержащей кое-что из того, над чем я работаю. Мне хочется закрепить этим личную идейную связь с Вами и послать Вам привет.

Всего хорошего. До свидания!

Искренно уважающий Вас

Л.Выготский.

3.

(Открытка)

15/1 1929

Ленинград, Чернышев пер. 9, кв. 6.

Глубокоуважаемый

Владимир Александрович!

Глубоко тронут Вашим вниманием к моей книжке и замечаниями. Я согласен почти со всем и при первой возможности внесу исправления по Вашим указаниям. Особенно это касается вопроса о прогенетических формах. Вопрос об инстинкте — сложнее. В изве-

стном смысле мне думается прав Koffka и др., которые говорят, что генетически инстинкт первичнее рефлекса (реакции низших организмов уже целостные реакции поведения всего организма, а не реакции органов). Об этом думаю спросить Вас лично при встрече подробно. Надеюсь твердо, что в мае месяце мы увидимся с Вами и сумеем подробно поговорить обо всем интересующем нас. — Простите, пожалуйста, за то что с большим опозданием отзываюсь на Ваше письмо, это вызвано тем, что я прохворал все это время и только сейчас встаю с постели.

Искренно Ваш

Л.Выготский.

4.

4.2.1929

Глубокоуважаемый

Владимир Александрович!

Ваше письмо очень взволновало меня, очень обрадовало и очень огорчило[656] — все разом. Нам необходимо повидаться и лично переговорить хотя бы о важнейшем из того, что нас столкнуло вместе — совсем не случайно.

Неужели Вы не будете участвовать вовсе в съезде? Мне думается, что даже отсутствие секции сравнительной психологии не должно и не может помешать Вам выступить с центральным докладом по сравнительной психологии на пленарном заседании съезда. Я уверен, что и со стороны Комитета, организующего съезд, это будет встречено очень положительно. Мы можем увидеться или в Ленинграде, если Вы будете там во время съезда, или в Москве, если Вы будете здесь проездом в Харьковскую губернию. Я надеюсь быть в Ленинграде в мае или июне, а затем буду в Москве. Итак, стоит только решить, что наше свидание необходимо, и оно на этот раз состоится. Я не зашел ни разу в Ленинграде к Вам только потому, что я и представить себе не мог (говорю вполне искренно и чистосердечно), что и Вы можете быть заинтересованы в этом свидании. Я боялся помешать Вашим мыслям и вкусам. Теперь — после Ваших писем — я готов специально для этого приехать в Ленинград.

Мысль моя та, что Ваше 80-летие надо радостно, торжественно и славно отпраздновать всей стране, а не встречать его мыслями о том, что «пора опустить занавес», как Вы пишете. А второе заключается в том, что в ближайшие годы, действительно, Вы должны еще многое направить, устроить — пусть только пока в умах немногих пси-

Огорчило Ваше настроение, конечно. — и только (сноска Л.Выготского).

хологов. И об этом мы будем говорить. „к>-

Всего хорошего! Желаю Вам бодрости, сил и здоровьяЛ

Сердечно Ваш

Л.Выготский.

5.

19.2.1929

Глубокоуважаемый

Владимир Александрович,

переписка наша дошла до того пункта, где она должна перерасти в личную беседу, очень жду разговора с Вами лицом к лицу. Или я приеду весной в Ленинград, если обстоятельства позволят мне это, или встречу Вас в Москве по пути в Харьков в начале лета. С Вашими соображениями относительно съезда я во всем согласен, за исключением того, что основной доклад может сделать кто-нибудь, кроме Вас. Идея: представить на съезде сравнительную психологию, как школу, как Вы пишете, будет затемнена и искажена, если Вы не выступите. Но обо всем этом мы поговорим еще лично. Так же и вопрос о кафедре по сравнительной психологии и еще более важный — о судьбах сравнительной психологии в нашей стране на ближайший период — мы обсудим при личной встрече. Для меня здесь много неясного и смутного.

Крепко жму Вашу руку и сердечно приветствую Вас.

Искренно уважающий Вас

Л.Выготский.

P.S. Я согласен с Вами, что до времени мы никому не будем сообщать о наших — еще не доведенных до полной ясности — планах и надеждах.

6

(Открытка)

Ленинград, Чернышев пер., 9, кв. 6.

(Написана карандашом.)

3.4.29.

Глубокоуважаемый

Владимир Александрович!

Я неожиданно для себя еду в Ташкент на 1 месяц по приглашению Средне-Азиатского университета. 1-го мая я рассчитываю быть в Москве. В мае-июне хочу непременно повидаться с Вами и заключить личное знакомство и научную дружбу. М.6., в мае я приеду в Ленинград; м.б., Вы проездом в Харьков остановитесь у нас в Москве от поезда до поезда? Я благодарен Вам за Ваше последнее письмо,

оно ми» ое мне выяснило. Подробно напишу о нем отдельно. Искренно iJaui Л.Выготский.

P.S. Сообщаю Вам адрес Деборина Александра Моисеевича. Москва 19. М. Знаменский (ул. Маркса-Энгельса), 5.

Институт Маркса и Энгельса. Л.Выготский.

7.

(На бланке:)

Психологическая Лаборатория

Академии Коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской

Москва, Б.Трубецкой пер., 16.

20.5.1929

Москва 54,

Б.Серпуховская 17, кв. 1.

Глубокоуважаемый Владимир Александрович,

посылаю Вам 3 оттиска: моих 2 статей и 1 рецензии на книгу Кашкарова — на строгий суд. Я сам сознаю все их несовершенства, но исходные положения кажутся мне верными. Очень хочу обсудить с Вами и услышать Ваши, как всегда, глубокие и основательные возражения. Я приехал из Ташкента недавно. Если не поеду на несколько дней в Ленинград, буду непрерывно все время в Москве. Очень хочу встретиться с Вами и жду от Вас сообщения о Ваших планах. Я буду встречать Вас на вокзале, если Ваш поезд не останавливается надолго. Откладываю до личной беседы все большие вопросы, затронутые в Вашем последнем письме. Скажу только, что я не являюсь сторонником ни умаления значения изучения филогенеза, ни «параллелограмма» сил (наследственность и среда).

Жму Вашу руку.

Сердечно приветствую Вас.

Ваш Л.Выготский.

Мой привет передайте, пожалуйста, при случае тов. Н.Касаткину.

8

(Открытка)

Ленинград, Чернышев пер. 9, кв. 6.

(Дата по штемпелю:) 30/5 1929 г.

Глубокоуважаемый Владимир Александрович,

большое спасибо за письмо и оттиск. Я буду писать летом для «Естествознания и марксизма» большой отзыв-статью о всех 10 выпусках Вашей книги и о новой книге о типах.

Наши «теоретические разногласия» (оценка Koeler'а) требуют обстоятельно беседы, мне не все ясно в Вашей аргументации, и я, ка-

жется, не вполне верно понят Вами. Я не gestalt-психолог. Жду встречи хотя бы на вокзале. Всего хорошего.

Ваш Л.Выготский.

9

25.6 1929

Глубокоуважаемый Владимир Александрович,

большое спасибо за письмо и присланные схемы. Я очень хочу, чтоб статья моя была объективна, верна, достойна всей проделанной Вами работы и вместе с тем освещала основную идею Вашу — идею сравнительной психологии и путей ее развития.

Разговор в вагоне дал мне так много для уяснения чего-то основного в Ваших идеях и для устранения двух важнейших соблазнявших меня сомнений, что я непременно постараюсь сделать так, чтоб в будущем году встречи были регулярны и достаточно широки для разговора. Я твердо решил взяться за основательное изучение сравнительной психологии под Вашим руководством, как когда-то подготовлялся к магистерским экзаменам.

К вопросу о совместной работе с Вами я еще вернусь в письмах летом, но сообщу уже сейчас, что лечащий меня врач снова и на этот год отклонил переезд в Ленинград, — а я уже три года думаю об этом.

Крепко жму Вашу руку,

сердечно благодарю за схемы.

Привет Вашей супруге.

Искренно преданный Вам.

Л.Выготский.

P.S. Здесь гостит Yerkes, который осматривал с супругами Коте московские лаборатории. Из-за этого я откладываю свое обращение к проф. Котсу по поводу Вашей книги.

10.

(Без года)[657]

23/7

Глубокоуважаемый Владимир Александрович,

возвращаю вам обе присланные бумаги. Очень рад, что одна из них оказалась просто плодом плохо работающей бюрократической машины. Мне это было ясно еще до Вашего второго письма. Я же знаю мнение тт. Фингерта и Басова, которые очень ценят Ваше сотрудничество, знаю мнение студентов, которое совпадает с этим. Для меня поэтому ясно было сразу, что это — недоразумение.

[657] Судя по обсуждаемым в письме вопросам — конгресс в США и съезд по поведению в Ленинграде — письмо написано в 1929 г.

Разумеется, и недоразумения симптоматичны в смысле общего тона, и этот симптом очень печален. Но я глубоко убежден, что это результат механической игры канцелярских сил.

Очень жалею, что Вы не едете в С.А.С. Ш. на интернациональный конгресс психологов. Не могу допустить мысли, чтобы Вы не приняли участия в съезде по изучению поведения человека зимой в Ленинграде. О себе я много размышлял по поводу нашего последнего разговора. В теории многое мне проясняется, но в практической стороне вопроса — запутывается. Главное и единственное: отсутствие у меня подготовки и исследовательского опыта в области зоопсихологии. Это делает морально невозможным даже при самых сложных обстоятельствах (никого нет другого etc.) для меня согласиться на руководящую роль. Единственное и тоже главное contra-соображение: Ваша готовность поддержать меня в этом деле и, может быть, поручить мне продолжение Вашего дела. Это морально для меня означает очень многое. Но мне по совести думается, что 1) при данных обстоятельствах, когда сравнительной психологии грозит натиск со стороны физиологов и некоторых психологов, 2) при моем исследовательском интересе к проведению сравнительно-психологической точки зрения в психологии ребенка и человека, 3) при Вашей установке в этом вопросе, — работа вместе с Вами, научное общение, Ваша помощь и руководство в моем самообразовании, наконец, сотрудничество (с перенесением сравнительно-психологических исследований в область детской психологии и психологии человека) — это единственное, к чему я внутренне подготовлен и из чего со временем, может быть, разовьются предпосылки для того, о чем Вы говорили в Москве. Впрочем, это просто размышления. Осенью я твердо рассчитываю на встречу в Ленинграде.

С глубоким уважением.
Ваш Л.Выготский.
Привет Вашей супруге.

11
(Без даты)[658]
Глубокоуважаемый Владимир Александрович,

возвращаю Вам письмо М.Я.Басова, из которого я узнал, что мое предположение о чисто канцелярском происхождении возмутившей меня, как и Вас, истории с выдвижением и отклонением Вашей кандидатуры — неверно.

[65s] Мы полагаем, что письмо написано летом 1929 г., вскоре после публикуемого непосредственно перед этим (очевидна их связь).

Глубоко огорчен.

Буду с нетерпением ожидать развязки всего конфликта к началу академического года

Слишком верю я в здоровую основу нашей системы, чтоб допустить возможность того, что вопрос останется непересмотренным и не перерешенным.

Крепко жму Вашу руку и сердечно приветствую Вас.

Ваш Л.Выготский.

Очень рад был бы, если бы удалось увидеться с Вами на обратном пути в Ленинград с юга.

12

15.10 1929

Глубокоуважаемый

Владимир Александрович,

очень сожалею, что железнодорожное расписание помешало нашей встрече. Очень жду Вашего приезда в Москву и возлагаю большие надежды на то, что нам удастся не спеша, глубоко и обстоятельно побеседовать по главнейшим вопросам сравнительной психологии.

Я хотел воспользоваться — с Вашего, конечно, разрешения — Вашим приездом в Москву (прежде думал и проездом через Москву) для того, чтобы представить Вам Н.Ю.Войтониса, Вашего бывшего ученика по Петербургскому университету, а ныне научного сотрудника Психологического института, защитившего этой весной диссертацию по зоопсихологии. Николай Юрьевич Войтонис, может быть, сумел бы оказаться Вам полезным в работе в институте; с его помощью, может быть, вы сумели бы сохранить за собой руководство кафедрой и в будущем, возложив на него ведение большей части учебных занятий, организацию лаборатории, экспериментальную работу etc. Николай Юрьевич очень милый и глубоко благородный человек, хороший исследователь-психолог.

Разумеется, и я, и он сам ставим все это предположение в порядке первоначального обсуждения — вопрос должны обдумать и решить Вы после личных бесед с ним.

Я настолько заинтересован в нашей встрече, что непременно постараюсь устроить поездку в Ленинград, если узнаю, что Ваш приезд откладывается на долгий срок.

Очень рад сведениям из Лозанны и разделяю с Вами чувство глубокого удовлетворения по этому поводу. Нет ли у вас каких-либо сведений о съезде психологов в Америке?

Крепко жму руку. С лучшими пожеланиями.

Ваш Л.Выготский.

P.S. Буду считать огромным и непоправимым упущением и ущербом, если Вы не примете никакого участия в съезде по поведению в Ленинграде. Как Вы определили свое отношение к этому?

13

(Открытка)

Ленинград. Чернышев пер. 9, кв. 6.

проф. В.А.Вагнеру

(Без даты) (на штемпеле видно 29.10.... (1929))[659]

Глубокоуважаемый Владимир Александрович,

Спасибо за письмо. Я слышал, что съезд по поведению будет отложен до весны. Зимой я постараюсь приехать в Ленинград на несколько дней.

Об американском съезде я вполне разделяю Ваше мнение.

Но я глубоко убежден в том, что вы должны принять участие (выступить с докладом) в нашем съезде.

Крепко жму руку.

С искренним приветом

Ваш Л.Выготский.

14

(Открытка)

Ленинград, Чернышев пер. 9, кв. 6.

Проф. В.А.Вагнеру.

(Без даты) (видно на штемпеле: 20.1.. (1930))[660]

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

На днях буду в Ленинграде и надеюсь повидаться с вами и обстоятельно побеседовать о психологии и ее насущных нуждах. Надеюсь, что Вы примете участие в работе съезда.

Жму Вашу руку

Искренне Ваш

Л.Выготский

15

5.4 1930

Дорогой Владимир Александрович!

Наконец, мне удалось в Наркомпросе точно выяснить путь, которым следует идти для повышения пенсии.

Персональную пенсию, о которой хлопотать дольше и труднее, на-

[659] Судя по содержанию письма, год его написания — 1929 (съезд по изучению поведения был в начале 1930 г.).

[6611] По всей видимости, письмо надо датировать 1930 г.: оно написано еще до съезда по изучению поведения человека, который проходил в январе 1930 г. (закрылся 1 февраля).

значают сейчас обычно не выше 200 р. (проф. Рау, проф. Гандер и др.), так что из-за надбавки в 25 р., как Вы пишете, не стоит хлопотать. Но академическая пенсия профессора может быть доведена до 300 рублей — и об этом можно и нужно хлопотать, так как есть большие шансы на успех. Главное, что для этого нужно, — это справка о том, что вы непрерывно в течение 10 лет после революции при советской власти работали в качестве преподавателя или ученого.

Об этой справке комиссия по пенсиям при Наркомпросе запрашивала Институт Герцена, но этой справки не получила.

Поэтому все внимание должно быть направлено на то, чтоб эта справка была выслана в Наркомпрос — в комиссию по назначению пенсий — с Вашим новым ходатайством (не о назначении персональной пенсии, а о повышении пенсии до академической пенсии профессора в 300 р.).

Я убежден, что как только эта справка будет получена — весь вопрос разрешится в благоприятном смысле. Так заверили меня в Наркомпросе. Поэтому посылаю вам присланные бумаги — с тем, чтоб Вы

1) изменили текст заявления,

2) отобрали из них только необходимые бумаги (отзывы можно не посылать, если у Вас нет копий) и направили их в Комиссию по пенсиям в Наркомпрос (Чистые Пруды, 6) вместе со справкой. За ходом бумаг и результатом дела я прослежу.

Сердечно приветствую Вас и желаю Вам поскорее совершенно оправиться от болезни.

Преданный Вам Л.Выготский.

16

Москва

10/4 1930

Дорогой и глубокоуважаемый

Владимир Александрович,

оба Ваши письма получил и деловую их часть принял к сведению и постараюсь в меру моих сил — осуществить; во всяком случае, наведу руководителей общества на эту мысль.

Всякую новость в этом деле немедленно сообщу Вам

По существу нашего расхождения во взглядах я не решаюсь высказаться, раз я не знаю Вашей аргументации. Жду Вашей работы для того, чтобы пересмотреть свое мнение по этому вопросу.

Очень огорчен новым стеснением и ограничением объема сравнительной психологии в институте.

В Киев на съезд я поехал бы с охотой, но боюсь — как человек не имеющий официального биологического образования — высту-

пить на съезде зоологов. Еще если бы Вы возглавляли секцию зоопсихологии, я решился бы на это, а так боюсь и колеблюсь.

Мой сердечный привет Вашей супруге и тт. Хотину и Касаткину. Крепко жму Вашу руку.

Сердечно Ваш Л.Выготский.

17

18/5 1930

(Открытка)

Ленинград, Чернышев пер. 9—6

Проф. В.А.Вагнеру

Глубокоуважаемый и дорогой

Владимир Александрович, как это вышло так, что обращение к съезду в Киеве было послано без Вашей подписи, — не знаю. Очень сожалею об этом, очень огорчен этим.

Когда и куда едете вы на лето, когда будете проездом в Москве?

Сообщите, пожалуйста, открыткой — я встречу Вас. Если билеты позволят, задержитесь у нас на 1—2 дня по дороге на юг!

Сердечный привет Вашей супруге и Вам!

Ваш Л.Выготский.

18

(Открытка)

Ленинград, Чернышев пер. 9—6

Проф. В.А.Вагнеру

Глубокоуважаемый и дорогой

Владимир Александрович! Жалею очень, что с обращением к съезду в Киеве вышла путаница. Но дело, по-моему, поправляется тем, что мы подписали копию (так и было намечено) обращения из Вятки, на которой было написано: подлинное подписали такие-то. Так что и содержание, и имена авторов обращения были доведены до сведения съезда. За сведения о съезде — спасибо!

О смерти Филипченко искренно скорблю.

Жду сведений о Вашем летнем путешествии.

Сердечный привет Вашей супруге и вам.

Жму крепко Вашу руку.

Искренне Ваш Л.Выготский.

19

(Открытка)

Чернигов, ул. Лассаля.

Проф. В.А.Вагнеру.

Дорогой Владимир Александрович,

я с огромной радостью сделаю все, что может помочь выходу в свет Вашей книги. Съезжу к Деборину — я считаю это целесообразным. Если будет нужно, я переговорю еще с кем-либо другим; может быть, посодействует Левин (биолог, работающий в Комм. Академии и в Госиздате). Жду оглавления книги или ее проспекта. Как долго Вы пробудете в Чернигове; как занятия в Институте Герцена по сравнительной психологии? Привет жене Вашей и Вам.

Ваш сердечно Л.Выготский.

20

(Открытка)

10/11 1930 (На штемпеле)

Харьков, Чернышевская ул., д. 11

Больница им. Тринклера,

палата № 7

Проф. В.А.Вагнеру.

Дорогой и многоуважаемый Владимир Александрович!

Бесконечно расстроен и подавлен сообщением о Вашей болезни. Очень прошу тех, кто Вас окружает, сообщить мне, что с Вами и каково Ваше состояние. Надеюсь, что Вы уже начали выздоравливать. С Вами ли жена? Кто еще с Вами? Не надо ли, чтоб я приехал в Харьков — помочь Вам, позаботиться о Вас? Очень прошу Вас вызвать меня, если я могу хоть чем-либо быть полезен Вам. Не надо ли Вам чего? С глубоким нетерпением жду вестей о Вас. Желаю скорейшего выздоровления.

Искренне Ваш Л.Выготский.

Адрес: Москва 54, Б.Серпуховская 17, кв. 1.

21.

(Открытка)

30/12 1930

Ленинград, Чернышев пер. 9, кв. 6.

Проф. В.А.Вагнеру.

Дорогой Владимир Александрович,

я счастлив был узнать из Вашей последней открытки о том, что Вы находитесь на пути к выздоровлению.

Буду бесконечно признателен Вашей жене, если она в кратких словах напишет мне о Вашем состоянии.

Желаю Вам скорого выздоровления.

Горячо жму Вашу руку.

Сердечно Ваш Л.Выготский.

Глубокий привет Вашей жене.

22

27/12 1930

Дорогой и глубокоуважаемый

Владимир Александрович!

Не смогу выразить Вам свою радость, которую я пережил, читая Ваше последнее письмо. То, что Вы беретесь за ведение курса и за организацию музея, служит для меня верным признаком Вашего выздоровления. Бесконечно рад и счастлив был узнать это и окончательно расстался с тревогой, которую внушили мне первые известия из Харькова — главным образом, своей неопределенностью.

Идея музея, который должен представить генезис и эволюцию психических способностей, чрезвычайно заинтересовала меня. Если только это не связано ни с какими затруднениями для Вас, я буду признателен за копию Вашего плана.

Книга (сборник статей) Фингерта и др. вышла; я ее еще не получил и не читал, но слышал о ней плохие отзывы: она была задумана как большой, широкий сборник, который должен был охватить все направления и отрасли современной психологии в популярном изложении. Я написал два очерка — в высшей степени простых и популярных. А весь сборник — говорят — производит какое-то куцее впечатление.

Очень хотел бы повидаться с Вами, потолковать о многих вопросах психологии. Я надеюсь в феврале (в первых числах) быть в Ленинграде на Психотехническом съезде. Воспользуюсь этим непременно для свидания с Вами.

Крепко жму Вам руку и сердечно желаю Вам полного выздоровления.

Ваш Л.Выготский.

23

(Приписка к письму Н.Ю.Войтониса В.А.Вагнеру)

7/3 1931 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович, пересылаю Вам письмо Н.Ю.Войтониса и только что вышедшую книгу Kohlefa в русском переводе.

В Москве вскоре по приезде из Ленинграда взялся я за выяснение вопроса о создании Общества сравнительной психологии. Недавно удалось мне выяснить в окончательном виде, что создание такого общества было бы возможно лишь в виде секции Общества которое сейчас будет иметь свои филиалы во многих городах, в том числе и в Ленинграде. Я считал бы такую форму организации вполне правильной по мотивам, о которых уже говорил Вам, будучи в Ленин-

граде: это единственное общество, ставящее своей целью действительно глубокую научную и философскую разработку проблем психоневрологии.

Сердечный привет Вашей супруге и Вам от меня и моих товарищей, бывших со мной у Вас в Ленинграде.

Жму крепко Вашу руку.

Искренне Ваш Л.Выготский.

Передайте, пожалуйста, при случае мой привет доктору Хотину и т. Касаткину. Чем Вы заняты сейчас?

Как и когда проведете свой летний отпуск? Какие перспективы для сравнительной психологии в связи с реформой высших учебных заведений?

24

1.4 1931

Дорогой Владимир Александрович!

Посылаю Вам мое давнее письмо, которое почта вернула мне, так как я — по забывчивости — не написал номера дома и квартиры. Хочу освежить старое письмо новым приветом и сообщением, что в Наркомпросе пообещали мне выяснить вопрос о пенсии в ближайшие дни. Немедленно перешлю ответ (о том, на какую пенсию можно рассчитывать, и что за бумаги нужно представить) Вам.

С сердечным приветом Л.Выготский.

25

(Открытка)

Ленинград, Чернышев пер., 9,

кв. 6. Проф. В.А.Вагнеру.

20/4 1931

Дорогой Владимир Александрович,

дело с пенсией теперь ясно: надо добиваться увеличения ее в НКП (не в персональном порядке) до 300 р., для чего нужна справка о десятилетней работе при советской власти. Эту справку надо просить выслать с места Вашей службы — в Комиссию по пенсиям НКП (Чистые пруды, 6) с заявлением об увеличении пенсии до 300 р.

Реконструкция музея чрезвычайно интересна, из этого выйдет хорошее и большое дело. Рад за Вас, что Вашу творческую работу не остановило ни лечение глаз, ни хлопоты.

Дело о персональной пенсии может идти своим чередом, но эта пенсия может быть незначительной по ежемесячно выплачиваемой сумме.

Привет Вашей жене!

Сердечный привет и лучшие пожелания!

Ваш Л.Выготский.

26
(Открытка)
15/6 1931
Ленинград, Чернышев пер., 9,
кв. 6.
Проф. В.А.Вагнеру

Дорогой Владимир Александрович!

Очень рад был узнать о повышении пенсии. Когда едете на Украину, когда будете в Москве?

Предупредите меня, если возможно, — я встречу Вас.

Сердечный привет!

Ваш Л.Выготский.

27
(Открытка)
1/12 1931
Ленинград, Чернышев пер., 9,
кв. 6.
Проф. В.А.Вагнеру

Глубокоуважаемый и дорогой
Владимир Александрович!

Как всегда, с большой радостью после перерыва получил и прочитал Ваше письмо. То, что Вы пишете по поводу рассуждений, в сотый раз переливающих из пустого в порожнее пустопорожние фразы, — вполне совпадает и с моим личным мнением; это критическая кулинария по принципу — «за вкус не ручаюсь, а горячо будет».

Я рассчитываю в скором времени быть в Ленинграде и навестить Вас лично. Очень жду встречи и беседы с Вами.

Сердечно приветствую Вас.

Ваш Л.Выготский.

28
(Открытка)
19/3 1932 г.
Ленинград, Чернышев пер., 9, кв. 6.
Проф. В.А.Вагнеру

Дорогой Владимир Александрович!

Очень обрадовался Вашему письму. Предыдущих двух открытых писем, о которых Вы пишете, я не получал. Надеюсь быть в Ленинграде в конце марта и непременно быть у Вас. Я приезжал уже дважды в Ленинград в этом году и твердо рассчитывал быть у Вас, но мои три дня перегружали занятиями — с утра до поздней ночи, чем лишали меня возможности побывать у друзей. На этот раз постараюсь вык-

роить 1—2 часа днем или непоздним вечером и забежать в Чернышев переулок.

Очень жду встречи и беседы с Вами.

Крепко жму руку.

Привет Вам и Вашей жене.

Ваш Л.Выготский.

29

Москва 54, Б.Серпуховская 17 кв. 1

1 января 1933 г.

Глубокоуважаемый и дорогой

Владимир Александрович!

Хочу поздравить Вас с Новым Годом и пожелать Вам счастливого и плодотворного года жизни и работы. Я очень соскучился без встреч с Вами и бесед. Я снова перечитал Ваши работы, кое-что из новых работ иностранных по зоопсихологии и очень хотел бы побеседовать с Вами. Так как наша переписка оборвалась, а во время моих кратковременных приездов в Ленинград я не решался зайти к Вам, потому что освобождался поздним вечером, — я хочу просить Вас этим письмом разрешения навестить Вас во время ближайшего моего приезда, который состоится во второй половине января.

Буду очень признателен и обрадован, если найдете возможным сообщить мне, в какие дни и часы удобнее всего зайти к Вам, чтоб не помешать, и можно ли предупредить Вас открытым письмом о моем визите.

Мне очень хочется услышать Ваше мнение по ряду вопросов принципиального значения. Всем ходом своих исследований и мыслей я приведен к пересмотру своих воззрений на психологию животных и вспоминаю часто беглые беседы с Вами — в частности, в Москве в вагоне, — которые дают мне сейчас путеводную нить в моих новых размышлениях. В беседах с Вами я хотел бы найти указание и помощь для мыслей в новом направлении.

Как Ваше здоровье, работа, самочувствие?

Сердечный привет Вам и Вашей жене.

Ваш Л.Выготский

30

Ст.Тайнинская,

2 авг. 1933

Дорогой и глубокоуважаемый

Владимир Александрович!

По Вашей просьбе я заходил в Наркомпрос и узнал, что журнал «Советский музей» существует. Редакция помещается по указанно-

му Вами адресу. Тот номер этого журнала, который я взял у Вас, все собирался при встрече вернуть, но — к большому сожалению — не смог побывать у Вас весной. Как буду в городе (я живу на даче под Москвой), немедленно вышлю его Вам почтой. Прошу простить меня за то, что задержал его.

О Вашей статье я наводил справки. Журнал «Психология» закрылся после того, как материал — в том числе и Ваша статья — был сдан в типографию. Но сейчас — вместо журнала — будут выходить периодические сборники. Первый сдается на днях. В него вошел весь материал очередного номера «Психологии» — Ваша статья, в частности. Присутствие Боровского в редакционной коллегии не помешало ее принятию к печати. Он — сколько я слышал — пишет ответ и возражения, которые тоже — по-видимому — будут помещены в следующем номере.

Очень обеспокоен сообщением о том, что Вы снова лежали в больнице и еще не оправились после болезни. Очень прошу Вас написать хоть самым кратким образом, что с Вами было и каково сейчас Ваше состояние.

Сердечно желаю Вам полнейшего и скорейшего выздоровления.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Л.Выготский.

31

17/8 1933 г.

Ст.Тайнинская Сев. ж.д.

Ленинград, Чернышев пер. 9, кв. 6

Проф. В.А.Вагнеру

Дорогой и глубокоуважаемый

Владимир Александрович!

Спасибо, сердечное спасибо за Ваше письмо с сообщением о здоровье. Ваше дружеское расположение ко мне ценю, как одно из самых высоких, хороших и радостных событий всей моей жизни. Осенью — если только буду в Ленинграде — буду у Вас.

О гранках Вашей статьи я передал В.Н.Колбановскому, директору Психологического института и редактору сборников. Я не вхожу в редакционный совет, но прослежу за печатанием статьи и за тем, чтобы корректура Вам была послана.

С самым сердечным приветом.

Ваш Л.Выготский.

P.S. Привет Вашей жене.

Рад был узнать, что Вы закончили книгу.

32

11 октября 1933

Дорогой и глубокоуважаемый

Владимир Александрович.

Твердо надеюсь, что операция прошла благополучно, и шлю Вам самые горячие пожелания полностью и скоро восстановить свои силы и окончательно окрепнуть.

Большое спасибо за письмо.

Мое здоровье улучшилось, и я надеюсь, что в ноябре сумею навестить Вас в Ленинграде.

С сердечным приветом.

Ваш Л.Выготский.

33

(Письмо отпечатано на машинке.

Подпись чернилами — Л.Выготский)

Москва, 9 февраля 1934 г.

Глубокоуважаемый и дорогой

Владимир Александрович!

Я получил Вашу открытку, в которой Вы спрашиваете меня, получил ли я Ваше письмо, писанное под диктовку Г.С.Рогинского.

К глубокому сожалению, я не получил этого письма и, вообще, ни одного известия о Вас, после того, как Вы легли в больницу.

Только из открытки я узнал Ваш адрес и получил возможность написать Вам. Два раза писал по домашнему адресу, но письма до Вас, по-видимому, не дошли.

Я очень хочу знать, как Вы поживаете, как Вы перенесли операцию, как Ваше здоровье сейчас, как скоро надеетесь выписаться из больницы.

К тому же меня крайне волнует пропажа письма, которому Вы придаете такое большое значение.

Если у Вас есть возможность продиктовать кому-нибудь несколько строк, — очень прошу Вас повторить содержание прежнего письма и сообщить о своем здоровье.

Желаю Вам скорейшего выздоровления.

Горячо любящий Вас

Ваш Л.Выготский.

Москва, 93

Б.Серпуховская 17, кв. 1

34

(Написано на бланке зелеными чернилами)

Л.С. Выготский

Москва. Б.Серпуховская, 17, 1

тел. Замоскворечье 1—71.

1 мая 1934 г.

Глубокоуважаемая и дорогая Мария Аполлоновна!

Не знаю, захотите и сумеете ли Вы простить меня за то, что отвечаю на Ваше письмо с большим запозданием. Мне самому привелось пережить в эти месяцы большое несчастье, которое душевно парализовало меня и не давало взяться за перо. Письмо Ваше было для меня огромной, хотя и очень печальной радостью. Смерть Владимира Александровича я оплакивал долго, — в буквальном и переносном смысле: живыми слезами и в душе, и в мыслях. Печаль о его смерти до сих пор не потеряла для меня свежести и остроты самого болезненного переживания. Очень хочу узнать о его последних месяцах, днях и часах. Я бесконечно любил его, бесконечно высоко ставил и ценил, он был для меня и остается воплощением всего лучшего и светлого в человеке. Я собираюсь в мае быть 2 или 3 раза (в начале, середине и конце месяца) в Ленинграде — и обязательно быть у Вас.

О книге Владимира Александровича я говорил с директором Психологического института д-ром Колбановским. Он обещал дать отзыв о книге и продвинуть ее в печать. Я убежден и в помощи со стороны Вебера и Института мозга. В Ленинграде я возьму у Вас рукопись и привезу ее в Москву для Колбановского. Но, может быть, стоит сделать и то, о чем Вы пишете: обратиться с письмом от имени его учеников и Вашего к Сталину или Горькому. В Ленинграде обсудим это.

Прошу Вас, дорогая Мария Аполлоновна, помнить, что я буду бесконечно рад быть хоть чем-либо полезным в осуществлении завещания Владимира Александровича и Вам лично. Прошу знать и то, что я всем сердцем, всей душой разделяю Ваше невыносимое горе и переживаю его тоже, как личную бесконечно дорогую потерю.

Душой с вами.

Ваш Л.Выготский.

35

(Р.Н.Выгодская — письмо М.А.Вагнер)

(Напечатано на машинке)

(Без даты)

Глубокоуважаемая Мария Аполлоновна.

Простите, что пишу Вам на машинке, мне так легче, — очень дрожит рука, когда пишу пером.

Очень благодарю Вас за участие. Оно мне особенно дорого теперь, когда Вы так недавно пережили подобное и сблизились с Львом Семеновичем в последнее время.

Он умер неожиданно для всех, — он сгорел.

Сам он, пожалуй, понимал, насколько серьезно зашла его болезнь, но врачи не считали его таким тяжелым больным.

Он очень неохотно уезжал в санаторий, — но это было сделано по категорическим настояниям врачей.

Когда я увижу Вас, я расскажу Вам много о нем, писать так трудно.

Будьте здоровы и бодры.

Еще раз большое спасибо.

С искренним уважением и любовью

Р.Выгодская.

Не откажите в любезности передать ученикам Владимира Александровича от меня самую большую благодарность за участие в горе. Телеграмму от тт. Хотина и Рогинского я получила, — но не могу заставить себя ответить им. Сделайте, пожалуйста, это.

36

(Р.Н.Выгодская — письмо М.А.Вагнер)

3/11 1935 г.

Глубокоуважаемая и дорогая Мария Аполлоновна!

Только сейчас получила Ваше милое письмо и спешу выполнить Вашу просьбу. Посылаю Вам карточку Льва Семеновича — очень охотно. Он так глубоко уважал Владимира Александровича и так тепло отзывался о Вас, что у меня нет оснований отказать Вам.

Я видела Владимира Александровича в 1930 г. на съезде в Ленинграде (по поведению) и слышала его только один раз, но этого совершенно достаточно, чтобы запомнить его на всю жизнь и с безошибочной уверенностью сказать себе, что это великий ученый. Как красиво, величественно, серьезно и гордо он держался, как достойно возражал. Редко выпадают на долю такие прекрасные встречи — они запечатлеваются навсегда!

Спасибо Вам за внимание ко мне. Я работаю в школе, у меня две дочери: одной 10 1/2 лет, другой только что исполнилось 5. Обе очень одаренные, живые, прекрасные девочки.

Младшая похожа очень на Льва Семеновича. Очень любит природу, особенно живую: собирает жучков, бабочек, гусениц, любит кошек, собак, кроликов, и т. д.

Она вспоминает отца каждый день.

Буду очень радоваться вместе с Вами выходу книги Владимира Александровича.

Возможно, что зимой мне придется быть в Ленинграде, разрешите мне зайти к Вам лично поблагодарить за Ваше теплое и внимательное отношение ко мне.

Будьте здоровы. Всего хорошего.

Искренне уважающая Вас

Р.Выгодская

37

(Владимир Александрович Вагнер —
письмо Л.С. Выготскому)

(Машинописная копия)

(Без даты)

Дорогой Лев Семенович!

После Вашей последней открытки со мной произошли события чрезвычайно неприятные. Начались боли в мочевом пузыре, которые возрастали с мучительной быстротой. Доктора уверяли, что я преувеличиваю боль. То же говорили и сведущие люди, но боль росла, и, наконец, открылось кровотечение, продолжавшееся 10 часов без перерыва. Тогда недоуменно меня взяли в больницу, через день положили на операционный стол и вот, в то время, когда производилась операция и велся разговор, все обратили внимание на то, что проф. Гораш (хирург) что-то сосредоточенно делает над мочевым пузырем. Ждать пришлось недолго. За короткий срок он вытащил пригоршню мочевых камней, из которых один достигал половины куриного яйца. Странно, что никто в течение целого ряда лет не обнаружил у меня каменной болезни. Дело осложнилось. К этим специальным болезням присоединилась невралгия, а затем меня простудили и открылся летучий ревматизм.

Вы себе легко представите, дорогой Лев Семенович, чем стало мое бренное тело после перенесенных болезней и мучительных страданий. Повесть на бумаге не может передать даже ничтожнейшей доли моих мучений.

Я пробовал Вам писать чужими руками несколько раз и собрался только теперь...

К этой трагедии приходится присоединить несколько слов мещанской прозы. — Если возможно, похлопочите в редакции Вашего журнала о выдаче аванса за мою статью, принятую к печати.

Сердечно преданный Вам и дружески-искренне расположенный к Вам.

Ваш Вл.Вагнер.

II. БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ ЛЬВА СЕМЕНОВИЧА ВЫГОТСКОГО

Библиографический указатель трудов Л.С.Выготского представлен названиями монографий, статей, рецензий, предисловий, лекций, докладов, выступлений, писем, редакцией ряда изданий.

По архивным источникам были установлены рукописные материалы докладов, выступлений, статей ученого. Нам удалось отыскать ряд литературно-критических статей и театральных рецензий, принадлежащих перу 19-22-летнего Выготского. Некоторые свои статьи и заметки, опубликованные в журналах и газетах «Летопись», «Новый путь», «Новая жизнь», «Наш понедельник», «Полесская правда» в 1916-1923 гг., Выготский иногда подписывал «Л.С.» или «Л.В.». Из найденных работ тех лет, подписанных этими инициалами, в библиографию включены только те из них, авторство которых было нами установлено либо путем сравнения с последующими печатными работами ученого, либо в том случае, когда были найдены упоминания об этих статьях и заметках в семейном архиве Л.С.Выготского.

В последние годы библиография значительно пополнилась чудом сохранившимися ранними произведениями Льва Семеновича, которые были найдены в запасниках Государственной публичной библиотеки в Санкт-Петербурге. В основном это литературные заметки и театральные рецензии, помещенные на страницах гомельских газет (1922—1923 гг.), которые прежде считались безвозвратно утерянными.

Материал в библиографическом указателе расположен в хронологическом порядке, по годам написания автором рукописей, что облегчит читателю возможность проследить эволюцию научных взглядов Л.С.Выготского. В тех случаях, когда дата написания рукописи не установлена, ее название включено в библиографический перечень года ее опубликования. Внутри каждого года работы расположены в алфавитном порядке.

Если книги или статьи издавались несколько раз, то все переиздания приводятся под первой публикацией с указанием характера изменения текста.

Труды с неустановленной датой написания помещены в конце библиографии в рубрике «Работы разных лет».

Библиография трудов Л.С.Выготского, изданных на иностранных языках, представлена в виде перечня произведений по годам их публикации, внутри года названия расположены в порядке латинского алфавита. В тех случаях, когда название книги принадлежит не автору, а издателям, ее содержание расшифровывается.

Настоящая библиография включает 274 названия. В таком полном виде она публикуется впервые.

1915 год

1. Трагедия о Гамлете, принце Датском, У.Шекспира // Семейный архив Л.С. Выготского. Гомель, 5 авг.—12 сент. 1915 г. — Рукопись.

1916 год

2. Литературные заметки. «Петербург». Роман Андрея Белого // Новый путь. — 1916. — № 47. - Стлб. 27-32. — Подпись: Л.С.Выгодский.
3. М.Ю.Лермонтов (к 75-летию со дня смерти) // Новый путь.'— 1916. — №28. — С. 7-П.
4. Мысли и настроения // Новый путь. — 1916. — № 48-49. — С. 49-52.
5. Рец. на кн.: Андрей Белый. Петербург // Летопись. — 1916. — № 12. — Стлб. 327-328. - Подпись: Л.С.
6. Рец. на кн.: Вячеслав Иванов. Борозды и межи. — М.: Мусагет, 1916 // Летопись. - 1916. - № 10. - С. 351-352.
7. Трагедия о Гамлете, принце Датском, У.Шекспира // Семейный архив Л.С. Выготского. — М., 14 - 23 февр. 1916 г. — 12 тетрадей. — Рукопись.
То же // Выготский Л.С. Психология искусства. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Искусство, 1968. - С. 339-496.
То же // 3-е изд. - М.: Искусство, 1986. - С. 336-491.
То же // М.: Педагогика, 1987. - С. 251-291.
8. Траурные строки // Новый путь. — 1916. — № 27. — С. 28-30.

1917 год

9. Аводим хоину // Новый путь. — 1917. — № П-12. — С. 8-Ю.
10. Рец. на кн.: Мережковский Д. Будет радость. — Пг.: Огни, 1916 // Летопись. — 1917. - № 1. - С. 309-310. - Подпись: Л.С.
11. Рец. на предисловие и примечания Н.Л.Бродского к поэме И.С.Тургенева «Поп». - М., 1916 // Летопись. - 1917. - № 5-6. - С. 366-367. - Подпись: Л.С.
12. Театральные заметки (письмо из Москвы) // Семейный архив Л.С.Выготского. — М., 17 февр. 1917 г. — 9 с. — Рукопись.

1920 год

13. Царь голый // Жизнь искусства. — 1920. — № 613-615. — С. 1.

1922 год

14. Гастроли Е.В.Гелыдер // Наш понедельник. — 1922. — № 3. — С. 4.
15. Гастроли оперетты // Наш понедельник. — 1922. — № 7. — С. 3.
16. Гастроли Соловцовской труппы // Наш понедельник. — 1922. — № 3. — С. 4.
17. Декабристы и их поэзия // Наш понедельник. — 1922. — № 7. — С. 3.
18. Дурак. — Хамка // Наш понедельник. — 1922. — № 9. — С. 3.
19. Коварство и любовь. — Соколы и вороны // Наш понедельник. — 1922. — № 11. - С. 3.
20. О методах преподавания художественной литературы в школе II ступени // Семейный архив Л.С.Выготского. Гомель, 1922. — 17 с. — Рукопись. Тезисы докл. на губ. научно-метод. конф. 7 авг. 1922 г.
21. Октябрь в поэзии // Наm понедельник. — 1922. — № 6. — С. 4.
22. Орленок. — Ученик дьявола // Наш понедельник. — 1922. — № 14. — С. 3.
23. Открытие сезона // Наш понедельник. — 1922. — № 7. — С. 3.
24. Преступление и наказание. — Золотая осень. — На дне // Наш понедельник. - 1922. - № 4. - С. 4.
25. Редакционная статья // Вереск. — 1922. — № 1. — С. 7.
26. Ревизор. — Флавия Тесини. — Цена жизни. — Певец своей печали. — Овод // Наш понедельник. — 1922. — № 8. — С. 3.
27. Уриэль Акоста. — Гроза // Наш понедельник. — 1922. — № 12. — С. 3.
28. Хорошо сшитый фрак // Наш понедельник. — 1922. — № 13. — С. 3.
29. Черная пантера. — Волчьи души // Наш понедельник. — 1922. — № 10. — С.З.

1923 год

30. Академические гастроли // Наш понедельник. — 1923. — №№ 44, 45, 46. — С. 3.
31. Без руля и без ветрил // Наш понедельник. — 1923. — № 28. — С. 3.
32. Белорусский театр // Наш понедельник. — 1923. — № 40. — С. 4.
33. Беседа с руководством «Красного Факела» // Наш понедельник. — 1923. — № 39. - С. 3.
34. Благодать // Полесская правда. — 1923. — № 1057. — С. 4.
35. Большой народный писатель. К юбилею Серафимовича // Полесская правда. - 1923. - № 1069. - С. 3. - Подпись: Л.В.
36. В бабушкиной библиотеке // Наш понедельник. — 1923. — № 28. — С. 3.
37. В антракте между гастролями // Наш понедельник. — 1923. — № 49. — С. 3.
38. Ведьма // Полесская правда. - 1923. — № 1008. - С. 3.
39. Вечерняя заря // Полесская правда. — 1923. — № 1014. — С. 3.
40. Власть тьмы // Полесская правда. — 1923. — № 1110. — С. 3.
41. Гастроли Белорусского театра // Наш понедельник. — 1923. — № 42. — С. 3.

42. Гастроли второй студии // Наш понедельник. — 1923. — №№ 51, 52. — С. 3.
43. Гастроли «Красного Факела». Зеленое кольцо. — Младость. — Монна Ванна // Наш понедельник. — 1923. — № 40. — С. 3.
44. Гастроли «Красного Факела». Сверчок на печи. — Собака на сене. — Океан. — Победа смерти // Наш понедельник. — 1923. — № 33. — С. 33. — С. 3.
45. Гастроли «Красного Факела». Шут на троне. — Игра интересов // Наш понедельник. — 1923. — № 41. — С. 3.
46. Гастроли Максимова // Полесская правда. — 1923. — № 1072. — С. 3. — Подпись: Выгодский Л.С.
47. Гастроли труппы Азагаровой // Наш понедельник. — 1923. — №№ 37, 38. — С. 3.
48. Гастроли Утесова и Фореггера // Наш понедельник. — 1923. — №№ 46, 47. — С. 3.
49. Две сиротки // Наш понедельник. — 1923. — № 21. — С. 3.
50. Десять дней, которые потрясли мир // Полесская правда. — 1923. — № 1081. — С. 3.
51. Джентльмен // Полесская правда. — 1923. — № 1009. — С. 3.
52. Дети солнца // Наш понедельник. — 1923. — № 22. — С. 3.
53. Еврейский театр. Бар Кохба. — Дер ешива бохер // Наш понедельник. — 1923. - № 34. - С. 3.
54. Еврейский театр. Бенефис С.И.Эйдельман // Наш понедельник. — 1923. — № 36. - С. 3.
55. Еврейский театр. Колдунья. — Дос ферблонзеле шейфеле // Наш понедельник. — 1923. — № 33. — С. 3. — Подпись: Выгодский Л.С.
56. Еврейский театр. Сильва. — А менш зол мен зайн // Наш понедельник. — 1923. - № 30. - С. 3.
57. Заметки о еврейском театре // Наш понедельник. — 1923. — № 37. — С. 4.
58. Запоздалые отзывы. // Наш понедельник. — 1923. — № 22. — С. 3.
59. Золотая клетка // Полесская правда. — 1923. — № 1018. — С. 4.
60. Изучение искусства за годы революции // Наш понедельник. — 1923. — №37. — С. 4.
61. Какой счастливейший день вашей жизни, или Восклицательный знак! // Наш понедельник. — 1923. — № 28. — С. 3.
62. Когда заговорит сердце // Полесская правда. — 1923. — № 1056. — С. 3.
63. Комедия двора // Полесская правда. — 1923. — № 1029. — С. 3.
64. Королева и женщина // Полесская правда. — 1923. — № 1036. — С. 3.
65. Королевский брадобрей // Полесская правда. — 1923. — № 1025. — С. 3.
66. «Красный Факел» // Наш понедельник. — 1923. — № 38. — С. 3.
67. Маленькие кусочки театра // Наш понедельник. — 1923. — № 28. — С. 3.
68. Мещане // Наш понедельник. — 1923. — № 27. — С. 3.
69. Недомерок // Наш понедельник. — 1923. — № 21. — С. 3.
70. Нечаянная радость // Полесская правда. — 1923. — № 1058. — С. 4.
71. О белорусской литературе // Полесская правда. — 1923. — № 1075. — С. 3. — Подпись: Л.В.
72. О Демьяне Бедном — мужике вредном // Полесская правда. — 1923. — №1063. — С. 3. — Подпись: Л.В.

14 Зак. 1029

73. О музее им. А.В.Луначарского // Наш понедельник. — 1923. — № 50. — С. 3. — Подпись: Выгодский.
74. О детском театре // Наш понедельник. — 1923. — № 35. — С. 3. — Подпись: Л.В.
75. О летних гастролях // Наш понедельник. — 1923. — № 37. — С. 4.
76. Об авторе «не совсем рецензий» // Наш понедельник. — 1923. — № 28. — С.3.
77. Об исследовании процессов понимания языка методом многократного перевода текста с одного языка на другой // Семейный архив Л.С. Выготского. — Гомель, 1923. — 8 с. — Рукопись.
78. «Первая ласточка» и «Дыбук» в постановке Рубина // Наш понедельник. — 1923. - № 32. - С. 4.
79. Петр III и Екатерина II // Полесская правда. — 1923. — № 1006. — С. 3.
80. Последний спектакль // Наш понедельник. — 1923. — № 28. — С. 3.
81. Ревизор // Полесская правда. — 1923. — № 1011. — С. 4.
82. Реформатор русского балета Фокин // Наш понедельник. — 1923. — № 37. — С. 4.
83. Слесарь и канцлер // Полесская правда. — 1923. — № 1038. — С. 4.
84. Стакан воды // Полесская правда. — 1923. — № 1053. — С. 3.
85. Театр и жизнь // Наш понедельник. — 1923. — № 37. — С. 4.
86. Харьковский балет // Наш понедельник. — 1923. — № 48. — С. 3.
87. Царевич Алексей // Наш понедельник. — 1923. — № 23. — С. 3.

1924 год

88. Вопросы воспитания слепых, глухонемых и умственно отсталых детей / Под ред. Л.С.Выготского. — М.: Изд-во СПОН НКП, 1924. - 157 с.
89. Методика рефлексологического и психологического исследования // Проблемы современной психологии. — Л.: ГИЗ, 1926. — Т. 2. — С. 26-46. — Докл. на Всерос. съезде по психоневрологии. 6 янв. 1924 г.
То же // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1982. — Т. 1. — С. 43-62.
90. К психологии и педагогике детской дефективности // Вопросы воспитания слепых, глухонемых и умственно отсталых детей. — М.: Изд-во СПОН НКП, 1924. - С. 5-30.
То же // Дефектология. — 1974. — № 3. — С. 70-76.
То же // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. — М.: Изд-во МГУ, 1980. - С. 24-35. - Фрагмент.
То же // Собр.соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 62-84.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. — С. 19-40.
91. Предисловие // Вопросы воспитания слепых, глухонемых и умственно отсталых детей. — М.: Изд-во СПОН НКП, 1924. — С. 3-4.
92. Предисловие // Лазурский А.Ф. Психология общая и экспериментальная. — Л.: ГИЗ, 1925. - С. 5-23.
То же // Собр.соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1982. - Т. 1. - С. 63-77.
93. Принципы воспитания физически дефективных детей // Народное просвещение. — 1925. — № 1. — С. 112-120. — Докл. на II съезде СПОН. Дек. 1924 г.

То же // 2-е изд., доп. // Пути воспитания физически дефективного ребенка. - М.: Изд-во. СПОН НКП, 1926. - С. 7-22.
То же // Собр.соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 49-62.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. — С. 41-53.

1925 год

94. О вспомогательной школе. — Рец. на кн.: Граборов АН. Вспомогательная школа. — Л.: ГИЗ, 1925 // Народное просвещение. — 1925. — № 9. — С. 170-171.
95. Опытная проверка новых методов обучения глухонемых детей речи // Собр. соч. В 6—ти т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 322-325.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. — С. 54-57.
96. Предисловие // Фрейд 3. По ту сторону принципа удовольствия. — М.: Современные проблемы, 1925. — С. 3-16. — Совместно с А.Р.Лурия.
То же // Фрейд.З. Психология бессознательного. — М.: Просвещение, 1990. — С. 29-36.
97. Принципы социального воспитания глухонемых детей. — Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. - Т. 5. - С. 101-114.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. — С. 58-70.
98. Психология искусства. — М.: Искусство, 1965. — 379 е.
То же // 2-е изд., испр. и доп. — М.:Искусство, 1968. — 576 с.
То же // 3-е изд. — М.: Искусство, 1986. — 572 с.
То же // М.: Педагогика, 1987. — 344 с.
99. Сознание как проблема психологии поведения // Психология и марксизм. — М.; Л.: ГИЗ, 1925. - Т. 1. - С. 175-198.
То же // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1982. — Т. 1. — С.78-98.

1926 год

100. Графика А.Быховского. — М.: Современная Россия, 1926. — 22 с. — Текст: С. 5-8.
101. Методы преподавания психологии. Программа курса. // Государственный архив Московской области. — Ф. 948. — Оп. 1. — Д. 613. — С. 25.
102. О влиянии речевого ритма на дыхание // Проблемы современной психологии. - Л.: ГИЗ, 1926. - Т. 2. - С. 169-173.
103. Педагогическая психология. — М.: Работник просвещения, 1926. — 348 с.
То же // Выготский Л.С. Педагогическая психология. — М.: Педагогика, 1991. - С. 33-372.
То же // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. — М.: Изд-во МГУ, 1980. — С. 49-53. — Фрагмент. Ненормальное поведение // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. — С. 71-81. - Глава XV.

104. По поводу статьи К.Коффки о самонаблюдении // Проблемы современной психологии. — Л.: ГИЗ, 1926. - С. 176-178.
То же // М.: Изд-во МГУ, 1972. - 8 с.
То же // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1982. — Т. 1. — С. 98-102.
105. Предисловие // Торндайк Э. Принципы обучения, основанные на психологии. — М.: Работник просвещения, 1926. — С. 5-23.
То же // 2-е изд., 1929. - С. 5-24.
То же // 3-е изд., 1930. — С. 5-24.
То же // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1982. — Т. 1. - С. 176-195.
106. Предисловие // Шульце Р. Практика экспериментальной психологии, педагогики и психотехники. — М.: Вопросы труда, 1926. — С. 3-5. — Совместно с А.Р.Лурия.
107. Проблема доминантных реакций // Проблемы современной психологии. — Л.: ГИЗ, 1926. - Т.2. - С. 100-123.
108. Рец. на кн.: Отто Рюле. Психика пролетарского ребенка. — М.; Л.: ГИЗ, 1926 // Семейный архив Л.С.Выготского, 1926. — 3 с. — Рукопись.

1927 год

109. Биогенетический закон в психологии и педагогике // БСЭ. — М., 1927. — Т.6. - С. 257-279.
110. Дефект и сверхкомпенсация // Умственная отсталость, слепота и глухонемота. — М.: Долой неграмотность (1927?). — С. 51-76.
То же // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1983. - Т. 5. — С. 34-49. Под назв.: Дефект и компенсация.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 82-97.
111. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1982. - Т. 1. — С. 291-436.
То же // История советской психологии труда. — М.: Изд-во МГУ, 1983. — С. 58-61. — Фрагменты.
112. Практикум по экспериментальной психологии — М.; Л.: ГИЗ, 1927. — 231с. — Совместно с В.А.Артемовым, Н.А.Бернштейном, Н.Ф.Добрыниным, А.Р.Лурия.
113. Психологическая хрестоматия. — М.; Л.: ГИЗ, 1927. — 432 с. — Совместно с В.А.Артемовым, Н.Ф.Добрыниным, А.Р.Лурия.
114. Рец. на кн.: Басов М.Я. Методика психологических наблюдений за детьми. — М.; Л.: ГИЗ, 1926 // Народный учитель. - 1927. - № 1. - С. 152.
115. Современная психология и искусство // Советское искусство. — 1927. — №8. - С. 5-8; 1928. - № 1. - С. 5-7.

1928 год

116. Аномалии культурного развития ребенка // Вопросы дефектологии, 1929 (на обл. 1930). — № 2 (8). — С. 106-107. — Краткое содерж. докл. на засед. Отдела дефектологии Ин-та научн. педагогики при 2-м МГУ, 28 апр. 1928 г.

То же // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 326-327.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 98.

117. Бихевиоризм // БМЭ. - М., 1928. - Т. 3. - Стлб. 483-486.

118. Больные дети // Педагогическая энциклопедия. — М., 1928. — Т. 2. — Стлб. 396-397.
То же // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 185-186.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С.119.

119. Волюнтаризм // БМЭ. - М., 1928. - Т. 5. - Стлб. 588-589.

120. Воля и ее расстройства // БМЭ. — М., 1928. — Т. 5. - Стлб. 590-600.

121. Воспитание слепоглухонемых детей // Педагогическая энциклопедия. — М., 1928. - Т. 2. - Стлб. 395-396.
То же // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 185. - Под назв.: Воспитание слепоглухонемого ребенка.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 118-119.

122. Выступление на конференции по вопросам методики преподавания в педагогическом техникуме. 10 апр. 1928 г. // Государственный архив Московской области. - Ф. 948. - Оп. 1. — Д. 775. - С. 13-15.

123. Генезис культурных форм поведения // Семейный архив Л.С. Выготского, 1928. — 28 с. — Стеногр. лекции 7 дек. 1928 г.

124. Дефект и компенсация // Педагогическая энциклопедия. — М., 1928. — Т. 2. — Стлб. 391-392.
То же // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 181-182.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 115.

125. Инструментальный метод в педологии // Основные проблемы педологии в СССР. - М., 1928. - С. 158-159.

126. Итоги съезда // Народное просвещение. — 1928. — № 2. — С. 56-57.
То же // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 327-328.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 99-100. - Фрагмент.

127. Калеки // Педагогическая энциклопедия. — М., 1928. — Т. 2. — Стлб. 396.
То же // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. - Т. 5. - С. 185.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С.119.

128. К вопросу о динамике детского характера // Педология и воспитание. — М.: Работник просвещения, 1928. — С. 99-119.
То же // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. - С. 153-165.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 101-112.

129. К вопросу о длительности детства умственно отсталого ребенка // Вопросы дефектологии, 1929 (на обл. 1930). — № 2 (8). — С. 111. — Кратк. содерж.

докл. на засед. Отдела дефектологии Ин-та научн. педагогики при 2-м МГУ, 18 дек. 1928 г.
То же // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1983. - Т. 5. — С. 328-329.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 113.

130. К вопросу о многоязычии в детском возрасте // Выготский Л.С. Умственное развитие детей в процессе обучения. — М.; Л.: Учпедгиз, 1935. — С. 53-72.
То же // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. — М.: Изд-во МГУ, 1980. — С. 67-72. — Фрагмент.
То же // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 3. — С. 329-337. — Сокращ.

131. Лекции по психологии развития // Семейный архив Л.С.Выготского. 1928. — 54 с. — Стеногр. лекций в Академии Коммунистического воспитания. Содерж.: Развитие поведения. Структура и функции культурных операций ребенка и др.

132. Методы изучения умственно отсталого ребенка // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 325-326. — Тезисы докл. на 1 Всерос. конф. работников вспомогательных школ.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 114.

133. На перекрестках советской и зарубежной педагогики // Вопросы дефектологии. - 1928. - № 1. - С. 18-26.

134. Памяти В.М.Бехтерева // Народное просвещение. — 1928. — № 2. — С. 68-70.

135. Педология школьного возраста. — М.: Изд-во БЗО при педфаке 2-го МГУ, 1928. — 218 с. — Задания № 1-8.

136. Проблема культурного развития ребенка // Педология. — 1928. — № 1. —- С. 58-77.
То же // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. — 1991. — № 4. — С. 5-19.

137. Психологическая наука в СССР // Общественные науки в СССР (1917-1927 гг.). — М.: Работник просвещения, 1928. — С. 25-46.

138. Психологические основы воспитания и обучения глухонемого ребенка // Педагогическая энциклопедия. — М., 1928. — Т. 2. — Стлб. 395.
То же // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 184-185.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 118.

139. Психологические основы воспитания и обучения слепого ребенка // Педагогическая энциклопедия. — М., 1928. — Т. 2. — Стлб. 394-395.
То же // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1983. - Т. 5. - С. 183-184.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 177-118.

140. Психофизиологическая основа воспитания ребенка с дефектом // Педагогическая энциклопедия. — М., 1928. — Т. 2. — Стлб. 392-393.
То же // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. - С. 182.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 116.

141. Развитие трудного ребенка и его изучение // Основные проблемы педологии в СССР. - М., 1928. - С. 132-136.
То же // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1983. - Т. 5. — С. 175-180.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С.121-125.
142. Ребенок с дефектом и нормальный // Педагогическая энциклопедия. — М., 1928. - Т. 2. - Стлб. 398.
То же // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1983. - Т. 5. - С. 186-187.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С.120.
143. Социально-психологическая основа воспитания ребенка с дефектом // Педагогическая энциклопедия. — М., 1928. — Т. 2. — Стлб. 393-394.
То же // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1983. - Т. 5. - С. 182-183.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 116-117.
144. Три основных типа дефекта // Педагогическая энциклопедия. — М., 1928. — Т. 2. - Стлб. 392.
То же // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 181-182.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 115-116.
145. Трудное детство // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 137-149.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С.126-138.
146. Умственно отсталые дети // Педагогическая энциклопедия. — М., 1928. — Т. 2. - Стлб. 397-398.
То же // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 186.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 119-120.

1929 год

147. Выступления по докладам (об аномальном детстве) // Вопросы дефектологии. - 1929 (на обл. 1930). - № 2 (8). - С. 108-112.
То же // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 331-332. —Сокращ.
148. Генетические корни мышления и речи // Естествознание и марксизм. — 1929. - № 1. - С. 106-133.
149. Гениальность // БМЭ. - М.,1929. - Т. 6. - Стлб. 612-613.
150. К вопросу о плане научно-исследовательской работы по педологии национальных меньшинств // Педология. — 1929. — № 3. — С. 367-377.
151. К вопросу об интеллекте антропоидов в связи с работами В.Келера // Естествознание и марксизм. — 1929. — № 2. — С. 131-153.
152. Конкретная психология человека // Вестник МГУ. — Серия 14. Психология. - 1986. - № 1. - С. 52-63.

153. О некоторых методологических вопросах // Научный архив АПН СССР. — Ф. 4. — Оп. 1. - Ед. хр. 103. — С. 51-52, 73-74. — Тезисы докл. в Ин-те научн. педагогики, при 2 МГУ. 1929 г.

154. Основные положения плана педологической исследовательской работы в области трудного детства // Педология. — 1929. — № 3. — С. 333-342.
То же // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 188-195.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С.139-146.

155. Основные проблемы современной дефектологии // Труды 2-го МГУ. — 1929. — Т. 1. — С. 77-106. — Докл. на дефектол. секции Ин-та научн. педагогики при 2-м МГУ.
То же // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 6-33.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С.147-173.

156. Очерк (история) культурного развития нормального и ненормального ребенка // Семейный архив Л.С.Выготского. 1929-1930 гг. — Рукопись.
Предыстория письменной речи // Выготский Л.С.Умственное развитие детей в процессе обучения. — М.; Л.: Учпедгиз, 1935. — С. 73-95. (VII глава рукописи).
То же // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. — М.: Изд-во МГУ, 1980. - С. 72-81.
Развитие личности и мировоззрения ребенка // Психология личности. Тексты. - М.: Изд-во МГУ, 1982. - С. 161-165. (XVI глава рукописи).

157. Педология подростка. — М.: Изд-во БЗО при педфаке 2-го МГУ, 1929. — 172 с. — Задания 1-4, 5-8. На правах рукописи.
Содерж.: Введение. Половое созревание.

158. Предмет и методы современной психологии / Под ред. Л.С.Выготского. — М.: Изд-во БЗО при педфаке 2 МГУ, 1929. - 191 с.

159. Проблема культурного возраста // Семейный архив Л.С.Выготского. 1929. — 18 с. — Стеногр. лекции 15 февр. 1929 г.

160. Развитие активного внимания в детском возрасте// Вопросы марксистской педагогики. Труды Академии Коммунистического воспитания. — М., 1929. — Вып. 1. - С. 112-142.
То же под загл.: Развитие высших форм внимания в детском возрасте // Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. - С. 389-426.
То же // Хрестоматия по вниманию. — М.: Изд-во МГУ, 1976. — С. 184-219.

161. Рец. на кн.: Дмитриева Н., Ольденбург Н., Перекрестова Л. Школьная драматическая работа на основе исследования детского творчества. — М.; Л.: ГИЗ, 1928. - Искусство в школе, 1929. - № 8. - С. 29-31.

162. Рец. на кн.: Кашкаров Д.Н.Современные успехи зоопсихологии. — М.: ГИЗ, 1928 // Естествознание и марксизм, 1929. — № 3. — С. 185-192.

163. Рец. на кн.: Cl. und W.Stern. Die Kindersprache. — Leipzig, 1928 // Естествознание и марксизм, 1929. — № 3. — С. 185-192.

164. Рец. на кн.: Ривес С.М. О мерах педагогического воздействия. — М.: Работник просвещения, 1929 // Педология. — 1929. — № 4. — С. 645-646.

165. Структура интересов в переходном возрасте и интересы рабочего подростка // Вопросы педологии рабочего подростка. — М.: Изд-во Ин-та повыш. квалиф. педаг., 1929. - Вып. 4. - С. 25-68.

1930 год

166. Бекингем Б.Р. Исследование педагогического процесса для учителей / Под ред. Л.С.Выготского, А.А.Нусенбаума. — М.: Работник просвещения, 1930. — 341 с.

167. Биологическая основа аффекта // Хочу все знать. — 1930. — № 15-16. — С. 480-481.

168. Бюлер К. Очерк духовного развития ребенка / Под ред. Л.С.Выготского. — М.: Работник просвещения, 1930. — 222 с.

169. Введение к материалам, собранным сотрудниками Ин-та научн. педагогики. 13 апр. 1930 г. // Научный архив АПН СССР. - Ф. 4. — Оп. 1. - Ед.хр.ЮЗ. - С. 81-82а.

170. Возможно ли симулировать выдающуюся память? // Хочу все знать. — 1930. — № 24. - С. 700-703.

171. Воображение и творчество в детском возрасте (психологический очерк). — М.; Л.: ГИЗ, 1930. — 80 с. На обл. название: Воображение и творчество в школьном возрасте.
То же // 2-е изд. — М.: Просвещение, 1967. — 93 с.
То же // 3-е изд. — М.: Просвещение, 1991. — 93 с.

172. Вопросы дефектологии / Под ред. Л.С.Выготского, Д.И.Азбукина, Л.В.Занкова. - М., 1930. - № 6. - 157 с.

173. Вступительная статья // Бюлер К. Очерк духовного развития ребенка. — М.: Работник просвещения, 1930. — С. 5-26.
То же // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1982. - Т. 1. - С. 196-209.

174. Выдающаяся память // Хочу все знать. — 1930. — № 19. — С. 552-554.

175. Извращения в рецензии // Семейный архив Л.С.Выготского. — 1930. — 3 с. — Рукопись.

176. Инструментальный метод в психологии // Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. - М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. - С. 224-234.
То же // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1982. - Т. 1. - С. 103-108.

177. К вопросу о речевом развитии и воспитании глухонемого ребенка // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. - С. 329-330. - Тезисы докл. на 2-й Всерос. конф. школьных работников с глухонемыми детьми и подростками, 1930.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С.174-175.

178. Келер В. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян / Под ред. Л.С.Выготского. — М.: Изд-во Академии Коммунистического воспитания, 1930. - XXIX (5-207) с.

179. К проблеме развития интересов в переходном возрасте // Роб1тнича Осв1та. — Харьюв: Держ. вид. Укр. — 1930. — № 7-8. — С. 63-81.

180. Культурное развитие аномального и трудно воспитуемого ребенка // Психоневрологические науки в СССР. — М.; Л.: Медгиз. — 1930. — С. 195-196. — Тезисы докл. на 1 съезде по изучению поведения человека. М., 1 февр. 1930 г.
То же // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. - С. 330-331.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С.175.

181. Новое в области педологических исследований // Детский дом. — 1930. — № 7. — С. 22-27. — Докл. на III Всерос. съезде по охране детства. Май, 1930г.

182. О психологических системах // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1982. — Т. 1. - С. 109-131.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 176-195.

183. Орудие и знак // Семейный архив Л.С.Выготского. (1930?). — Рукопись.
То же // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1984. - Т. 6. — С. 5-90.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. — С. 196-199. — Фрагменты из I и III глав.

184. О связи между трудовой деятельностью и интеллектуальным развитием ребенка // Педология. — 1930. — № 5-6. - С. 588-596.
То же // Дефектология. —1976. — № 6. — С. 3-8.
То же// Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. — М.: Изд-во МГУ, 1980. - С. 114-120.

185. Поведение животных и человека // Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. — С. 397-454.

186. Предисловие // Бекингем Б.Р. Исследование педагогического процесса учителей. — М.: Работник просвещения, 1930. — С. 5-21.

187. Предисловие // Келер В.Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. — М.: Изд-во Академии Коммунистического воспитания, 1930. — С. I-XXIX.
То же // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1982. - Т. 1. - С. 210-237.

188. Проблема высших интеллектуальных функций в системе психотехнического исследования // Психотехника и психофизиология труда. — 1930. — Т. III. - № 5. - С. 374-384.
То же // История советской психологии труда. — М.: Изд-во МГУ, 1983. — С. 50-58.

189. Психика, сознание и бессознательное // Элементы общей психологии. — М.: Изд-во БЗО при педфаке 2-го МГУ, 1930. — Вып. 4. - С. 48-61.
То же // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1982. - Т. 1. — С. 132-148.

190. Психотехника и педология // Архив НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР. — Ф. 82. - Оп. 1. - Ед. хр. 3. - С. 23-57. - Докл. на засед. секции в Академии Коммунистического воспитания 21 ноября 1930 г. Ответы на вопросы по докладу. — С. 59-71.
То же // Психотехника и психофизиология труда. — 1931. — N° 2-3. — С. 173-184. - Сокращ.

191. Развитие высших форм поведения в детском возрасте // Психоневрологические науки в СССР. - М.; Л.: Медгиз, 1930. - С. 138-139.
192. Развитие сознания в детском возрасте // Семейный архив Л.С. Выготского, (1930?). — 23 с. — Стенограмма.
193. Сон и сновидения // Элементы общей психологии. — М.: Изд-во БЗО при педфаке 2-го МГУ, 1930. - С. 62-75.
194. Социалистическая переделка человека // ВАРНИТСО. — 1930. — № 9-10. — С. 36-44.
195. Структурная психология // Выготский Л., Геллерштейн С. и др. Основные течения современной психологии. — М.; Л.: ГИЗ, 1930. — С. 84-125.
То же // 2-е изд. — М.: Изд-во МГУ, 1972. — 47 с.
196. Эйдетика // Выготский Л., Геллерштейн С. и др. Основные течения современной психологии. — М.; Л.: ГИЗ, 1930. — С. 178-205.
То же // Хрестоматия по ощущению и восприятию. — М.: Изд-во МГУ, 1975. - С. 275-281. - Сокращ.
197. Экспериментальное исследование высших процессов поведения // Психоневрологические науки в СССР. — М.; Л.: Медгиз, 1930. — С. 70-71. — Тезисы докл. на 1 съезде по изуч. поведения человека. Янв. 1930 г.
198. Этюды по истории поведения. (Обезьяна. Примитив. Ребенок). — М.; Л.: ГИЗ, 1930. — 232 с. — Совместно с А.Р.Лурия.

1931 год

199. Бюлер Ш. и др. Социально-психологическое изучение ребенка первого года жизни / Под ред. Л.С.Выготского, А.Р.Лурия. — М.; Л.: Медгиз, 1931. — 234 с.
200. Выступление // Архив НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР. — Ф. 82. — Оп. I. — Ед. хр. П. — С. 5-15. — Материалы реактологической дискуссии. 1931 г. Стенограмма. Правки Л.С.Выготского.
201. Диагностика развития и педологическая клиника трудного детства. — М.: Изд-во экспер. дефектол. ин-та, 1936. — 78 с.
То же // Хрестоматия по патопсихологии. — М.: Изд-во МГУ, 1981. — С. 66-80. — Фрагменты.
То же // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. - С. 257-321.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 200-263.
202. История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. — С. 13-223.
То же // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. - Т. 3. - С. 5-328.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. — С. 264-284. — Фрагменты.
203. К вопросу о компенсаторных процессах в развитии умственно отсталого ребенка // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. - С. 115-136. — Стеногр. докл. на конф. работников вспомогательных школ. Л., 23 мая 1931 г.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. — С. 285-305.

204. К вопросу о педологии и смежных с нею науках // Педология. — 1931. — №3. - С. 52-58.
Педология и смежные с нею науки. Педология и психология (окончание) // Педология. - 1931. - № 7-8. - С. 12-22.
Окончание под загл.: К вопросу о психологии и педологии // Психология. — 1931. - Т. 4. - Вып. 1. - С. 78-100.

205. Коллектив как фактор развития аномального ребенка // Вопросы дефектологии. - 1931. - № 1-2. - С. 8-17; № 3. - С. 3-18.
То же // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1983. - Т. 5. - С. 196-218.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 306-327.

206. Мышление // БМЭ. - М., 1931. - Т. 19. - С. 414-426.

207. Педология подростка. — М.; Л.: Изд-во БЗО при педфаке 2-го МГУ, 1931 — 504 с. — На правах рукописи. Задания 9-16. Разделы: Психология подростка. Социальные проблемы педологии переходного возраста. Заключение.
Фрагмент под загл.: Динамика и структура личности // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. — М.: Изд-во МГУ, 1980. — С. 138-142.
Отдельные главы // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1984. — Т. 4. — С. 5-242.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 328-356. - Фрагменты.

208. Практическая деятельность и мышление в развитии ребенка в связи с проблемой политехнизма // Семейный архив Л.С.Выготского. — 4 с. — Рукопись. Тезисы докл. на психотехнич. съезде. Май 1931 г.

209. Предисловие // Леонтьев А.Н. Развитие памяти. — М.; Л.: Учпедгиз, 1931. — С. 6-13.
То же // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1982. - Т. 1. - С. 149-155.

210. Предисловие // Цвейфель Я.К. Очерки особенностей поведения и воспитания глухонемого ребенка. — М.; Л.: Учпедгиз, 1931. — С. 3-5.
То же // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 219-221.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 357-359.

211. Психологический словарь. — М.: Учпедгиз, 1931. — 206 с. Совместно с Б.Е. Варшава.
То же // Леонтьев А.А. Л.С.Выготский. — М.: Просвещение, 1990. — С. 144-152. — Фрагменты.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 360-389. - Фрагменты.

1932 год

212. К вопросу о психологии творчества актера // Якобсон П.М. Психология сценических чувств актера. — М.: ГИЗ, 1936. — С. 197-211.
То же // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1984. — Т. 6. — С. 319-328.

213 .К проблеме психологии шизофрении // Советская невропатология, психиатрия, психогигиена. — 1932. — Т. 1. — Вып. 8. — С. 352-364.

То же, под загл.: Нарушение понятий при шизофрении // Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. - С. 481-496.

214. К проблеме психологии шизофрении // Современные проблемы шизофрении. — М.: Медгиз, 1933. — С. 19-28. — Докл. на конф. по вопросам теории и практики шизофрении. М., июнь 1932 г. Отлична от работы №213.
То же // Хрестоматия по патопсихологии. — М.: Изд-во МГУ, 1981. — С. 60-65.

215. Лекции по психологии // Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. - М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. - С. 235-363.
То же // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1982. — Т. 2. - С. 363-465.
Содерж.:
1. Восприятие и его развитие в детском возрасте.
2. Память и ее развитие в детском возрасте // Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти. — М.: Изд-во МГУ, 1979. — С. 155-162.
3. Мышление и его развитие в детском возрасте.
4. Эмоции и их развитие в детском возрасте // Психология. — 1959. — № 3. — С. 125-134.
5. Воображение и его развитие в детском возрасте // Хрестоматия по психологии. — М.: Просвещение, 1987. — С. 320-324.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. — С. 390-392. - Фрагменты.
6. Воля и ее развитие в детском возрасте.

216. Младенческий возраст // Семейный архив Л.С.Выготского. — 1932. — 78 с. — Рукопись.
То же // Семейный архив Л.С.Выготского. — 19 с. — Стеногр. лекции. 21 ноября 1932.
То же // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1984. - Т. 4. - С. 269-317.

217. Предисловие // Грачева Е.К. Воспитание и обучение глубоко отсталого ребенка. - М.; Л.: Учпедгиз, 1932. - С. 3-10.
То же // Дефектология. - 1969. - № 1. - С. 83-87.
То же // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. - С. 222-230.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 393-401.

218. Предисловие // Леонтьев А.Н. Развитие памяти. — М., 1932. — 11 с. — Совместно с А.Н. Леонтьевым. Отдельный оттиск.

219. Проблема развития ребенка в исследованиях Арнольда Гезелла. Критический очерк // Гезелл А. Педология раннего возраста. — М.; Л.: Учпедгиз, 1932. - С. 3-14.

220. Проблема речи и мышления ребенка в учении Ж.Пиаже. Критическое исследование // Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. — М.; Л.: Учпедгиз, 1932. С. 3-54.

221. Раннее детство // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1984. — Т. 4. — С. 340-367. — Стеногр. лекции. Ленингр. пед. ин-т, 15 дек. 1932 г.

222. Современные течения в психологии // Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. - С. 458-481.

1933 год

223. Вводная лекция по возрастной психологии // Архив Ленингр. пед. ин-та. — 34 с. — Стеногр. Центр, дом худож. воспитания детей. 19 дек. 1933 г.
224. Динамика умственного развития школьника в связи с обучением // Выготский Л.С. Умственное развитие детей в процессе обучения. — М.; Л.: ГИЗ, 1935. — С. 33-52. — Стеногр. докл. на засед. кафедры дефектологии. Пед. ин-т им. Бубнова. Декабрь 1933 г.
То же // Выготский Л.С. Педагогическая психология. — М.: Педагогика, 1991. - С. 391-410.
225. Дошкольный возраст // Семейный архив Л.С.Выготского. — 15 с. — Стеногр. лекции. Ленингр. пед. ин-т 13-14 дек. 1933 г.
226. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Вопросы психологии. — 1966. — № 6. — С. 62-76. — Стеногр. лекции. Ленингр. пед. ин-т. 1933 г.
227. К вопросу о динамике умственного развития нормального и ненормального ребенка // Семейный архив Л.С.Выготского. — Стеногр. лекции. Пед. ин-т им. Бубнова. 23 дек. 1933 г.
228. Кризис первого года жизни // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1984. — Т. 4. — С. 318-339. — Стеногр. лекции Ленингр. пед. ин-т. 21 дек. 1933 г.
229. Кризис трех лет // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1984. — Т. 4. — С. 368-375. — Стеногр. лекции Ленингр. пед. ин-т. Апрель 1933 г.
230. Кризис семи лет // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1984. — Т. 4. — С. 376-385. — Стеногр. лекции Ленингр. пед. ин-т. Апрель 1933 г.
231. Критические возраста // Архив Ленингр. пед. ин-та. Л., 20 апр. 1933 г. — 15 с. — Рукопись.
232. Негативная фаза переходного возраста // Архив Ленингр. пед. ин-та. - 7 с - Стеногр. лекции Ленингр. пед. ин-т. 26 июня 1933 г.
233. Об исследовании учебной работы школьника // Семейный архив Л.С.Выготского. — Стеногр. лекции Ленингр. пед. ин-т. 31 янв. 1933 г.
234. О педологическом анализе педагогического процесса // Выготский Л.С. Умственное развитие детей в процессе обучения. — М.; Л.: Учпедгиз, 1935. — С. 116-134. — Стеногр. докл. в Эксперим. дефектол. ин-те. 17 марта 1933 г.
То же // Выготский Л.С. Педагогическая психология. — М.: Педагогика, 1991. - С. 430-449.
235. О переходном возрасте // Архив Ленингр. пед. ин-та. — 19 с. — Стеногр. лекции Ленингр. пед. ин-т. 25 июня 1933 г.
236. Педология дошкольного возраста // Архив Ленингр. пед. ин-та. — 16 с. — Стеногр. лекции. Ленингр. пед. ин-т. 31 янв. 1933 г. Правки Л.С. Выготского.
237. Предисловие // Занков Л.В., Певзнер М.С., Шмидт В.Ф. Трудные дети в школьной работе. — М.; Л.: Учпедгиз, 1933. — С. 3-4.
238. Проблема возраста. Игра // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1984. — Т.4. — С. 244-268. — Стеногр. заключительного слова на семинаре. Ленингр. пед. ин-т. 23 марта 1933 г.
239. Проблема развития (абсолютная и относительная успешность) // Архив Ле-

нингр. пед. ин-та. — 17 с. — Стеногр. лекции. Ленингр. пед. ин-т. 27 ноября 1933 г.

240. Проблема сознания // Психология грамматики. — М.: Изд-во МГУ, 1968. — С. 178-196. — Выступления Л.С.Выготского по докл. А.Р.Лурия 5 и 9 дек. 1933 г. То же // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1982. — Т. 1. — С. 156-167.

241. Развитие житейских и научных понятий в школьном возрасте // Выготский Л.С. Умственное развитие детей в процессе обучения. — М.; Л.: Учпедгиз, 1935. — С. 96-115. — Стеногр. докл на засед. Научно-метод. Совета Ленингр. пед. ин-та. 20 мая 1933 г.
То же // Выготский Л.С. Педагогическая психология. — М.: Педагогика, 1991. - С. 410-430.

242. Слабоумие при болезни Пика // Семейный архив Л.С. Выготского. — 1933. — 4 с. — Рукопись.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 402-403.

243. Тезисы к лекции (по педологии дошкольного возраста) // Семейный архив Д.Б.Эльконина (1933 г. ?). — 20 с. — Рукопись.

244. Учение об эмоциях. Историко-психологическое исследование // Семейный архив Л.С.Выготского. 1933. — 500 с. — Рукопись. Монография имела также заглавия «Спиноза», «Очерки психологии. Проблема эмоций».
То же // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1984. — Т.6. — С. 91-318.
Учение об эмоциях в свете современной психоневрологии // Вопросы философии. — 1970. — № 6. — С. 119-130. — Глава монографии.
О двух направления в понимании природы эмоций в зарубежной психологии начала XX века // Вопросы психологии. — 1968. — № 2. — С. 149-159. — Фрагмент монографии.

1934 год

245. К вопросу о деменции при болезни Пика // Советская невропатология, психиатрия, психогигиена. — 1934. — Т. 3. — Вып. 6. — С. 97-136. — Совместно с Г.В.Бирнбаум, Н.В.Самухиным.
То же // Хрестоматия по патопсихологии. — М.: Изд-во МГУ, 1981. — С. 114-149. — Сокращ.

246. К вопросу о развитии научных понятий в школьном возрасте // Шиф Ж.И. Развитие научных понятий у школьника. — М.; Л.: Учпедгиз, 1935. — С. 3-17.

247. Младенчество и ранний возраст // Архив Ленингр. пед. ин-та. — 24 с. — Стеногр. лекции. Ленингр. пед. ин-т. 23 февр. 1934 г.

248. Мышление и речь. — М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. — 323 С.
То же // Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. - С. 39-386.
То же // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1982. - Т. 2. - С. 5-361.
Мысль и слово // Наука и техника, 1977. — № 6. — С. 6-9. (На латышском языке. — С. 29-33) — VII глава.
I, II, IV, V, VII главы // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. - М.: Изд-во МГУ, 1981. — С. 153-182, 194-203. — Сокращ.

249. Мышление школьника // Архив Ленингр. пед. ин-та. — 14 с. — Стеногр. лекции Ленингр. пед. ин-т. 3 мая 1934 г.

250. Основы педологии. — М.: Изд-во 2-го Моск. мед. ин-та, 1934. — 211 с. — Стеногр. курса лекций. 2-й Моск. мед. ин-т. 1934 г.
То же // Л.: Изд-во Ленингр. пед. ин-та, 1935. — 133 с.

251. Переходный возраст // Архив Ленингр. пед. ин-та. — 29 с. — Стеногр. лекции. Ленингр. пед. ин-т. 25 марта 1934 г.

252. Проблема возраста // Семейный архив Л.С.Выготского. — 1934. — 95 с. — Рукопись.
Проблема возрастной периодизации детского развития // Вопросы психологии. — 1972. — № 2. — С. 114-123. — Параграф работы № 251.

253. Проблема обучения и умственного развития в школьном возрасте // Выготский Л.С. Умственное развитие детей в процессе обучения. — М.; Л.: Учпедгиз, 1935. - С. 3-19.
То же // Хрестоматия по психологии. — М.: Просвещение, 1987. — С. 377-383. То же // Выготский Л.С. Педагогическая психология. — М.: Педагогика, 1991. — С. 374-390.

254. Проблема развития в структурной психологии // Коффка К. Основы психического развития. — М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. — С. IX — LVI.
То же // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1982. — Т. 1. — С. 238-290.

255. Проблема развития и распада высших психических функций // Выготский Л.С. Развитие высших психический функций. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. — С. 364-383. — Докл. на конф. Ин-та Эксперимент, медицины. 28 апр. 1934 г. — Последний доклад Л.С.Выготского. Сделан за полтора месяца до смерти.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 404-418.

256. Психология и учение о локализации психических функций // Первый Всеукраинский съезд невропатологов и психиатров. Тезисы докладов. Харьков, 1934. — С. 34-41. — Тезисы докл. представлены на 1 Укр. съезде по психоневрологии.
То же // Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. - С. 384-396.
То же // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1982. — Т. 1. — С. 168-174.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 419-425.

257. Фашизм в психоневрологии. — М.; Л.: Биомедгиз, 1934. — 28 с. — Совместно с В.А.Гиляровским и др.

258. Школьный возраст. Глава 1 // Семейный архив Д.Б.Эльконина. 1934. — 42с. — Рукопись.

259. Школьный возраст // Архив Ленингр. пед. ин-та. — 61 с. — Стеногр. лекции. Ленингр. пед. ин-т. 23 февр. 1934 г.
Продолжение лекции // Архив Ленингр. пед. ин-та. — 25 с. — Стеногр. лекции. Ленингр. пед. ин-т. 10 марта 1934 г.
Основные психологические особенности школьного возраста // Архив Ле-

нингр. пед. ин-та. — 43 с. — Рукопись написана Выготским на основе указаных стенограмм.

260. Экспериментальное исследование воспитания новых речевых рефлексов по способу связывания с комплексами // Семейный архив Л.С. Выготского. — Рукопись.

1935 год

261. Обучение и развитие в дошкольном возрасте // Выготский Л.С. Умственное развитие детей в процессе обучения. — М.; Л.: Учпедгиз, 1935. — С. 20-32. — Стеногр. докл. на Всерос. конф. по дошк. воспитанию.
То же // Семья и школа. - 1969. - № 12. — С. 14-16.
То же // История советской дошкольной педагогики: Хрестоматия. — М.: Просвещение, 1980. — С. 241-245. — Сокращ.

262. Проблема умственной отсталости // Умственно отсталый ребенок. — М.: Учпедгиз, 1935. - С. 7-34.
То же // Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. - С. 453-480.
То же // Хрестоматия по патопсихологии. — М.: Изд-во МГУ, 1981. — С. 150-157. - Сокращ.
То же // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1983. - Т. 5. — С. 231-256.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 426-450.

263. Умственно отсталый ребенок / По ред. Л.С.Выготского. — М.: Учпедгиз, 1935. - 176 с.

Работы разных лет

264. Дефектология и учение о развитии и воспитании ненормального ребенка // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1983. - Т. 5. - С. 166-173.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 451-458.

265. Заметки на полях (из записной книжки читателя) // Семейный архив Л.С. Выготского. — 11 разделов. — 9 с. — Рукопись.

266. Из записных книжек Л.С.Выготского. — Вестник МГУ. — Серия 14. Психология. - 1977. - № 2. - С. 89-95.
Содерж.: Инструментальный метод. К проблеме воли. О локализации психических функций в мозге. Психология и физиология и др.

267. Из записных книжек Л.С.Выготского // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. - 1982. - № 1. - С. 60-67.
Содерж.: О письменной речи. Проблема грамматики. Психофизическая проблема. К локализации и др.

268. Moral insanity // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 150-152.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 459-461.

269. Основы работы с умственно отсталыми и физически дефективными детьми // Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1983. - Т. 5. - С. 181-187.
270. Педология юношеского возраста. Особенности поведения подростка. — М.: Изд. БЗО при 2-м МГУ. — 106 с. — Уроки 6-9.
271. Проблема культурного развития ребенка. — Семейный архив Л.С. Выготского. — 81 с. — Рукопись. Отлична от работы № 136.
272. Слепой ребенок // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 5. — С. 86-100.
То же // Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. - С. 462-475.
273. Тезисы // Семейный архив Л.С.Выготского. — 3 с. — Рукопись.
274. Трудное детство. — М.: Изд. БЗО при педфаке 2-го МГУ. — 45 с. — Отлична от работы № 145.

Письма Л.С.Выготского

1. Божович Л.И., Запорожцу А.В., Левиной Р.Е., Морозовой Н.Г., Славиной Л.С. — «Пятиликому Козьме Пруткову», 15.04.1929 // Семейный архив Л.С. Выготского.
То же // Вестник МГУ. — Серия 14. Психология. — 1986. — № 4. — С. 61.
То же // Дефектология. — 1984. — № 5. — С. 85-86.
То же // Левитин К.Е. Личностью не рождаются. — М.: Наука, 1990. — С. 204-205.
2. Вагнер М.А., 1934 г., 1 письмо // Отдел редких рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Публикуется в данной книге.
3 Вагнеру В.А., 1928-1934. гг., 33 письма // Отдел редких рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Публикуются в данной книге.
4. Горнфельду А.Г., 1919 г., 1 письмо // Отдел редких рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина.
5. Левиной Р.Е., 1931 г., 1 письмо // Семейный архив Р.Е.Левиной.
То же // Дефектология. — 1984. — № 5. — С. 84 (Фрагменты).
6. Леонтьеву А.Н., 1929-1933 гг., 7 писем // Семейный архив А.Н. Леонтьева.
7. Лурия А.Р., 1926-1933 гг., 14 писем // Семейный архив А.Р.Лурия.
8. Морозовой Н.Г., 1930 г., 3 письма // Семейный архив Н.Г.Морозовой.
То же // Дефектология, 1984. — № 5. — С. 84-85. (Фрагменты письма от 19.08. 1930 г.).
9. Сахаровой Г.И., 1928 г., 1 письмо // Семейный архив Л.С.Выготского (копия).
10. Сахарову Л.С, 1926 г., 1 письмо // Семейный архив Л.С.Выготского.
11. Щербине А.М., 1924-1934 гг., 9 писем // Дефектология. — 1992. — №1. — С. 6-8.
12. Щербине А.П. — 2 письма // Дефектология. — 1992. — №1. — С.6-8.
13. Эльконину Д.Б., 1932-1933 гг., 5 писем // Семейный архив Д.Б. Эльконина.

Труды на иностранных языках.

1925

1. The principles of social education of deaf and dumb children in Russia // International conference on the education of the deaf. — London, 1925. — P. 227-237.
 Принципы социального обучения глухонемых детей в России.

1929

2. Die genetischen Wurzeln des Denken und der Sprache // Unter den Banner des Marxismus. - 1929. - J.3. - № 3. - S. 450-470.
 Генетические корни мышления и речи.
3. The problem of the cultural development of the child // Genetic psychology. — 1929. - Vol. 36. - № 3. - P. 415-434.
 Проблема культурного развития ребенка.

1930

4. El metodo de investigacion reflexologica y psicologica. — Madrid, 1930.
 Idem // Infancia aprendizaje. — 1984. — № 27-28. - P. 87-105.
 Методика рефлексологического и психологического исследования.
5. With Luria, A. The function and the inte of the egocentric speech. Proceedings of the 9 International conference of psychology // Psychological Review Co, «S.l». - 1930. - P. 464-465.
 Появление и исчезновение эгоцентрической речи.

1934

6. Thought in schizophrenia // Archives of neurology and psychiatry. — 1934. — Vol. 31. - № 5. - P. 1063-1077.
 Мышление при шизофрении.

1939

7. Thought and speech // Psychiatry. — 1939. - Vol. 2. — P. 29-54.
 Idem // A book of readings. - New York, 1961. - P. 509-537.
 Мысль и слово. 7 глава из книги «Мышление и речь».

1962

8. Shiko to gengo. — Tokyo: Meiji tosho shuppan, 1962. — 2 vol.
 Мышление и речь.
9. Thought and language. — New York; London: Wiley, 1962. - XXI, 168 p.
 Idem // 2 print. — Cambridge, Mass: M. I. T. Press, 1964. — XXI, 168 p.
 Idem // 1965. - XXI, 168 p.
 Idem // 1966. - XXI, 168 p.
 Idem // 1967. - XXI, 168 p.
 Idem // 1979. - XXI, 168 p.
 Idem // 1986. - XXI, 168 p.
 Мышление и речь.

1964

10. Denken und Sprechen. — Berlin: Akademie-Verl., 1964. — VIII, 324 S.
Idem // Frankfurt / M.: S.Fischer, 1969. - XXI, 379 S.
Idem // 1971. - 379 S.
Idem // 1972. - 379 S.
Idem // 1974. - 379 S.
Idem // 1977. - 379 S.
Мышление и речь.
11. Seisin hattatsu ron. — Tokyo: Meiji tosho shuppan, 1964. — 78 p.
Проблема обучения и умственного развития в школьном возрасте.

1965

12. Psychology and localization of functions // Neuropsychologia. — Oxford; London; New York; Paris, 1965. - Vol.3. - № 4. - P. 381-386.
Психология и учение о локализации психический функций.

1966

13. Development of the higher mental functions // Psychological research in the USSR. - Moscow: Progress Publishers, 1966. - Vol. 1. - P. 11-46.
Развитие высших психических фуркций (отрывок).
14. Pensiero e linguaggio. — Firenze: Giunti, 1966. — 232 p.
Мышление и речь.

1967

15. Gondolkodas es beszed. — Budapest: Akademiai kiado, 1967. — 406 S.
Idem // Budapest: Akademiai kiado, 1971. — 406 S.
Мышление и речь.
16. Play and its role in the mental development of the child // Soviet Psychology. — New York, 1967. - Vol. 3
Игра и ее роль в психическом развитии ребенка.

1968

17. Muveszet pszichologia. — Bidapest: Kossuth Kiado, 1968. — 470 s.
Психология искусства.

1969

18. Apprendimento e sviluppo intelletuale nell'eta scolastica // Vygotsky, Lurija, L-eontjev. Psicologia e pedagogia. — Roma: Editori Riuniti, 1969. — P. 25-40.
Idem // Lo sviluppo psichico del bambino. — Roma: Editori Riuniti, 1973. — P. 126-146.
Idem // Storia dello sviluppo delle funzioni psichiche superiori. — Firenze: Giunti, 1974. - P. 280-293.
Idem // Roma: Editori Riuniti, 1974. - P. 25-40.
Проблема обучения и умственного развития в школьном возрасте.
19. Hamlet. - Tokyo: Kokubunsha, 1970. - 321 p.
Трагедия о Гамлете.

20. Seishin hattatsu no riron. — Tokyo: Meiji tosho shuppan, 1970. — 243 p.
Развитие высших психических функций.

1971

21. A magasabb pszichikus funkciok fejlodese. — Budapest: Gondolat kiado, 1971. — 447 S.
Развитие высших психических функций.
22. Geijutsu shiurigaku. — Tokyo: Meiji tosho shuppan, 1971. — 392 p.
Психология искусства.
23. Mysleni a rec. - Praha: SPN, 1971. - 295 S.
Idem // Praha: SPN, 1977. - 295 S.
Мышление и речь.
24. Opere psihologice alese(l). — Bucuresti: Editura didaktica si pedagogica, 1971. - 364 S.
Отрывки из книг «Развитие высших психический функций» и «Избранные психологические исследования».
25. Tanking og sprog. — K0benhavn: Hans Reitzel, 1971. — Vol. I. — 208 p.
Idem // Kobenhavn: Hans Reitzel, 1976. — 207 p.
1 и 5 главы из книги «Мышление и речь».
26. The psychology of art. — Cambridge, Mass.; London: M.I.T. Press, 1971. — XI, 305 p.
Психология искусства.
27. Wybrane prace psichologiczne. — Warszawa: Panstwowa wydawnictwo naukowe, 1971. - 549 S.
Избранные психологические исследования.

1972

28. Kodomo no sozoryoku to sozo. — Tokyo: Shin dokushosha, 1972. — 184 p.
Воображение и творчество в детском возрасте.
29. Opere psihologice alese(2). — Bucuresti:. Editura didaktica si pedagogica, 1972. — 313 S.
Мышление и речь.
30. Psicologia del arte. — Barcelona: Barral, 1972. — 526 p.
Психология искусства.
31. Psicologia dell arte. — Roma: Editori Riuniti, 1972. — 387 p.
Психология искусства.
32. Spinoza's theory of emotions in light of contemporary psychoneurology // Soviet studies in philosophy. — New York. - 1972. — Vol. 10. - P. 362-382.
Отрывок из монографии «Учение об эмоциях».

1973

33. Immaginazione e creativita nell'eta infantile. — Roma: Editori Riuniti, 1973. — 140 p.
Воображение и творчество в детском возрасте.

34. La disgregazione dei concetti nella schizofrenia // Lo sviluppo psichico del bambino. — Roma: Editori Riuniti, 1973. - P. 208-232.
Idem // Storia dello sviluppo delle funzioni psichiche superiori. — Firenze: Giunti, 1974. - P. 234-250.
Нарушение понятий при шизофрении.
35. La tragedia di Amleto. — Roma: Editori Riuniti, 1973. — 231 p.
Трагедия о Гамлете.
36. II problema dell'apprendimento e dello sviluppo intellettivo nell'etta scolastica // Lo sviluppo psichico del bambino. — Roma: Editori Riuniti, 1973. — P. 144-164.
Idem // Storia dello sviluppo delle funzioni psichiche superiori. — Firenze: Giunti, 1974. - P. 294-309.
Проблема обучения и умственного развития в школьном возрасте.
37. Lo sviluppo delle forme superiori dell'attenzione nell'eta infantile // Lo sviluppo psichico del bambino. — Roma: Editori Riuniti, 1973. — P. 67-125.
Развитие высших форм внимания в детском возрасте.
38. Lo sviluppo psichico del bambino. — Roma: Paideia, 1973. — 232 p.
Idem // Roma: Paideia, 1975. — 232 p.
Idem // Roma: Editori Riuniti, 1977. — 232 p.
Проблема психического развития ребенка.
39. Psihologia artei. — Bucuresti: Univers, 1973. — 399 s.
Психология искусства.

1974

40. II metodo instrumentale in psicologia // Storia dello sviluppo delle funzioni psichiche superiori. — Firenze: Giunti, 1974. — P.227-233.
Инструментальный метод в психологии.
41. Storia dello sviluppo delle funzioni psichiche superiori. — Firenze: Giunti, 1974. — 335p.
История развития высших психических функций.
42. Tanking og sprog. — K0benhavn: Hans Reitzel, 1974. — Vol. 2. — 244 p.
6 и 7 главы из книги «Мышление и речь».

1975

43. Kodomo no chiteki hattatsu to kyoju. — Tokyo: Meiji toshe shuppan, 1975. — 217 p.
Умственное развитие детей в процессе обучения.

1976

44. Correnti contemporanee della psicologia // La psicologia sovietica 1917 — 1936. — Roma: Editori Riuniti, 1976. — P. 122-142.
Современные течения в психологии.
45. И problema della periodizzazione dello sviluppo infantile // La psicologia sovietica 1917 - 1936. — Roma: Editori Riuniti, 1976. - P. 315-329.
Проблема возрастной периодизации детского развития.

46. II problema dello sviluppo e della disintegrazione delle funzioni psichiche superiori // La psicologia sovietica 1917 — 1936. — Roma: Editori Riuniti, 1976. — P. 330-347.
Проблема развития и распада высших психических функций.
47. II problema dello sviluppo culturale del bambino // La psicologia sovietica 1917 — 1936. — Roma: Editori Riuniti, 1976. — P. 295-314.
Проблема культурного развития в детском возрасте.
48. Jido shinrigaku kogi. — Tokyo: Meiji tosho shuppan, 1976. — 351 p.
Психология искусства.

1977

50. Mislenje i gover. — Beograd: Nolit, 1977. - 398 S.
Мышление и речь.
51. Vyvoj vyssich psychickych funkei. — Praha: SPN, 1977. — 363 S.
Развитие высших психический функций.

1978

52. Mind in society. The development of higher psychological processes. — Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1978. — 159 p.
Idem // Second printing, 1979. — 159 p.
Basic theory and data
1) Tool and symbol in child development
2) The development of perception and attention
3) Mastery of memory and thinking
4) Internalization of higher psychological functions
5) Problems of method
Educational implications
6) Interaction between learning and development
7) The role of play in development
8) The prehistory of written language

1979

53. II giuoco e la sua funzione nello sviluppo psichico del bambino // Riforma Delia scuolla. - 1979. - № 7. - P. 41-50.
Игра и ее роль в психическом развитии ребенка.

1981

54. Psikhologia iskusstva. — Ha Noi: Khoa Hoc Xa Hoi, 1981. — 523 p.
Психология искусства.
55. Psychologie umeni. — Praha: Literarnevedna rada, 1981. — 523 S.
Психология искусства.

1982

56. Ajattelu ja kieli. — Espoo: Weilin-Goos, 1982. — 270 p.
Мышление и речь.

1983

57. Antologia di scritti. — Bologna: II mulino, 1983.
Избранные произведения.
58. Мислене и реч. — София: Наука и изкуство, 1983. — 555 с.
Мышление и речь. Проблемы психического развития детей.
59. Aprendizaje y desarollo intelectual en la edad escolar // Infancia y aprendizaje. — 1984. - № 27-28. - P. 105-117.
Обучение и умственное развитие в школьном возрасте.
60. La tragedia de Hamlet // Vigotski memoria y Vigencia. — Argentina, 1984. — P. 196-294.
Глава из монографии «Трагедия о Гамлете».
61. Problemas de metodo // Vigotski memoria y Vigencia. — Argentina, 1984. — P. 146-157.
Проблема метода. Глава из кн. «Развитие высших психических функций». (Пер. с английского).

1985

62. Ausgewahlte Schriften. — Berlin: Volk und Wissen, 1985. — Band 1-2.
Idem // Kuln, 1985.
Band 1 — Фрагменты из 1 и 6 томов собр. соч.
Band 2 — Фрагменты из 4 тома собр. соч. и избранные произведения.
63. Vygotsky aujourd'hui. — Paris, 1985. — 118 p.
Избранные произведения.
64. Pensee et langage. — Paris: Terrains, 1985. — 419 p.
Мышление и речь.
65. Psikhologia iskusstva. — Shang-hai: Shang-hai wen i chupan she, 1985.
Психология искусства.

1986

66. L'educazione delle forme superiori del comportamento // Studi di psicologia dell'educazione. - 1986. — № 3. - C 48-60.
Развитие высших психических функций.
67. Lo sviluppo del linguaggio e del pensiero // Studi di psicologia dell'educazione. — 1986. - № 3. - C 29-48.
Развитие речи и мышления.
68. Sulla psicologia della creativita dell'attore // Studi di psicologia dell'educazione. — 1986. - № 3. - C 60-72.
Психология творчества актера.
69. Sul problema del plurilinguisimo in eta infantile // Studi di psicologia dell'educazione. - 1986. - № 3. - C 72-81.
К вопросу о многоязычии в детском возрасте.

1987

70. A defektologie alapjai. — Budapest, 1987. — 426 p.

Основы дефектологии. 5 том собр. соч.

71. Historia del desarrollo de las funciones psiquicas superiores. — Habana, 1987. — 240 p.
История развития высших психических функций.

72. Imagination y creation en la edad infantil. — Habana: Editorial Pueblo y Educacion, 1987. — 85 p.
Воображение и творчество в детском возрасте.

73. The collected works of L.S.Vygotsky. Vol. 1. Problems of General Psychology. — New York; London: Plenum Press, 1987. — 396 p.
Проблемы общей психологии. Мышление и речь. Лекции.

74. With A.R.Lurija. La scimmia, L'uomo primitivo, il bambino. — Firenze, 1987, — 256 p.
Этюды по истории поведения.

1988

75. Thought and language (translation newly revised and edited by Alex Kozulin). — Cambridge; Mass: M.I.T. Press, 1988. — 287 p.
Мышление и речь.

1989

76. Acreca de los sistemas psicologicos // El processo de formacion de la psicologia Marxista: L.Vigotski, A.Leontiev, A.Luria. — Moscu: Progreso, 1989. — P. 156-163
О психологических системах.

77. Historia del desarrollo de las funciones psiquicas superiores // El processo de formacion de la psicologia Marxista: L.Vigotski, A.Leontiev, A.Luria. — Moscu: Progreso, 1989. - P. 87-155.
Отрывки из книги: «История развития высших психических функций».

78. El metodo instrumental en psicologia. — El processo de formacion de la psicologia Marxista: L.Vigotski, A.Leontiev, A.Luria. — Moscu: Progreso, 1989. — P. 80-86.
Инструментальный метод в психологии.

79. El problema de la ensenanza y del desarrollo mental en la edad escolar. — El processo de formacion de la psicologia Marxista: L.Vigotski, A.Leontiev, A.Luria. — Moscu: Progreso, 1989. - P. 210-220.
Проблема обучения и умственного развития в дошкольном возрасте.

80. La psicologia y la teoria de la localizacion de las funciones psiquicas. — El processo de formacion de la psicologia Marxista: L.Vigotski, A.Leontiev, A.Luria. — Moscu: Progreso, 1989. - P. 221-228.
Психология и учение о локализации высших психических функций.

81. Pensamiento y palabra (capitulo del libro pensamiento y langvaje). — El processo de formacion de la psicologia Marxista: L.Vigotski, A.Leontiev, A.Luria. — Moscu: Progreso, 1989. - P. 164-209.
Отрывок из главы «Мысль и слово» («Мышление и речь»).

82. Psicologia del arte. — El processo de formacion de la psicologia Marxista: L.Vigotski, A.Leontiev, A.Luria. — Moscu: Progreso, 1989. — P. 45-79.

Психология искусства. Отрывки из 1, 7, 9 глав.

1990

83. Pensiero e linguaggio. — Roma: Editori Laterza, 1990. — 424 p.
Мышление и речь.

1991

84. Obras escojidas I. — Madrid, 1991. — 496 p.
1 т. собр. соч.

Содержание:

Научно-популярное издание

Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М.

Лев Семенович Выготский
Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету

Редактор *В.Г.Иоффе*
Художник *Э.А.Марков*
Верстка *В.А.Солодков*

Лицензия ЛР № 070213 от 31.10.1991 г.
Издательство "Смысл", 103050, Москва-50, а/я 158

Лицензия ЛР № 071190 от 11.07.1995 г.
Издательский центр «Академия», 129336, Москва, ул. Норильская, 36

Подписано в печать 05.08.96. Формат 70x90 /16. Бумага офсетная
Гарнитура Таймс ЕТ. Объем 26,5 п.л. Тираж 2000 экз. Заказ 1029

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии издательства «Дом печати».
432601, Ульяновск, ул. Гончарова, 14.